

АППАРАТ ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

ПРАВИТЕЛЬСТВО САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

САМАРСКАЯ ЕПАРХИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ДУХОВНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ СОБИРАТЕЛЬ НАЦИИ

Сборник трудов межрегиональной научно-практической
конференции, посвященной 200-летию
со дня рождения Н.В. Гоголя

Том 1

Самара, 2010

УДК 1751
ББК 81
Р 89

*По благословению Высокопреосвященнейшего Сергия
Архиепископа Самарского и Сызранского*

Р 89 **Русский язык как духовный и культурный собиратель нации:** Сборник трудов межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В.Гоголя. В 2 т. Т.1 /Под ред. Е.П.Бельчиковой, Илюхиной Н.А., Карпенко Г.Ю. и др. – Самара: ГОУ СИПКРО, 2009. – 464 с.

ISBN

Научные редакторы:

***Бельчикова Е.П.**, кандидат педагогических наук, проректор, ГОУ ДПО «Самарский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования»;*

***Илюхина Н.А.**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, ГОУ ВПО «Самарский государственный университет»;*

***Карпенко Г.Ю.**, доктор филологических наук, профессор, ГОУ ВПО «Самарский государственный университет»;*

***Карпенко Л.Б.**, доктор филологических наук, профессор, ГОУ ВПО «Самарский государственный университет»;*

***Махмадназаров Р.Х.**, кандидат педагогических наук, заведующий лабораторией, ГОУ ДПО «Самарский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования».*

***Игумен Вениамин (Лабутин)**, кандидат богословия, руководитель отдела религиозного образования и катехизации Самарской епархии.*

В данном сборнике опубликованы материалы докладов, выступлений на заседаниях «круглых» столов и секций: государственных и общественных деятелей, священнослужителей, известных ученых, педагогов, работников культуры, здравоохранения, бизнесменов, представителей молодежных и ветеранских организаций.

Рекомендуется представителям государственных и общественных структур, священнослужителям, деятелям образования, науки и культуры, родительской ответственности и преподавателям образовательных учреждений.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Государственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

ISBN

© Правительство Самарской области, 2010

© Самарская Епархия РПЦ, 2010

© Авторы, 2010

ТОРЖЕСТВА НА САМАРСКОЙ ЗЕМЛЕ

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с 11 по 12 октября в городе Самаре прошла Межрегиональная научно-практическая конференция «Русский язык как духовный и культурный собиратель нации», посвященная 200-летию со дня рождения великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. Форум организован Самарской епархией и Министерством образования и науки Самарской области.

В конференции приняли участие иерархи Русской Православной Церкви: митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей, архиепископ Самарский и Сызранский Сергей, архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон и архипастыри Сербской Православной Церкви: епископ Моравичский Антоний и епископ Зворничско-Тузланский Василий, а также депутаты губернской и городской Дум, лидеры общественных движений, ректоры вузов, богословы, историки, философы, филологи, аспиранты, студенты, участники молодежных организаций и учителя Приволжского Федерального округа (ПФО).

Среди приглашенных гостей член Союза писателей России протоиерей Артемий Владимиров, известный православный писатель и публицист Василий Давидович Ирзабеков, заместитель директора Государственного музея им. Пушкина Наталья Ивановна Михайлова.

Открылась конференция в воскресенье 11 октября Божественной литургией в Кирилло-Мефодиевском соборе Самары,

за которым служило 5 архиереев Русской и Сербской Православных Церквей. В течение первого дня в вузах Самары прошла работа секций: «Православное самосознание и его выражение в русской языковой картине мира», «Современные проблемы преподавания русской словесности», «Русский язык и современный социум», «Национальное и мировое значение русского художественного слова», «Словесные культурные традиции и воспитание нравственности».

На следующий день в Самарской государственной филармонии прошло пленарное заседание, в ходе которого состоялась церемония награждения победителей и участников: авторов лучших работ окружного этапа Всероссийского конкурса в области педагогики, воспитания и работы с детьми школьного возраста и молодежью до 20 лет на соискание премии «За нравственный подвиг учителя» (ПФО). Диплом I степени остался в Самаре. Он присужден за разработку программы «*Духовно-нравственное образование школьников средствами курса «Основы православной культуры»*». Авторы работы: игумен Георгий (Шестун) (руководитель проекта), Бельчикова Елена Павловна, Сливкина Тамара Михайловна представляют Самарскую Православную Духовную семинарию и Самарский областной институт повышения квалификации и переподготовки кадров работников образования.

Диплом II степени присужден за разработку программы «*Духовно-нравственное образование школьников средствами курса «Основы православной культуры»*». Автор работы: Лескина Юлия Геннадьевна, заместитель директора православной классической гимназии г. Тольятти.

Среди победителей конкурса педагогические коллективы и педагоги Кировской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Ульяновской областей; республик Башкортостан, Мордовия, Татарстан, Удмуртия.

В этот же день в учреждениях, вузах Самары и в Духовной семинарии прошли круглые столы, посвященные обсуждению таких проблем, как: «Воспитание вдумчивого читателя: опыт работы

библиотек», «Современная речь молодежи: к проблеме языковой преемственности», «Русский язык в пространстве СМИ, рекламы, Интернета: свобода или дегуманизация?», «Слово в музыке», «Слово в работе православного психолога».

В ходе конференции также состоялись открытые уроки, были проведены мастер-классы, на которых лучшие педагоги щедро делились своим опытом преподавания.

Кроме того, в рамках форума произошел еще ряд знаменательных событий. 10 октября в торжественной обстановке в церковно-историческом музее в стенах Духовной семинарии состоялось открытие новой выставки народного художника СССР Николая Николаевича Жукова «Родом из детства». На выставке представлены акварельные и графические работы художника, созданные в 50-60-е годы прошлого века и объединенные темой детства. Первую экскурсию по экспозиции провела дочь Н. Н. Жукова искусствовед Арина Николаевна Полянская.

А в ночь с 10 на 11 октября по благословению митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия в Самару был доставлен из кафедрального Покровского собора г. Воронежа ковчег с мощами святителя Митрофана Воронежского. Святитель Митрофан жил в трудное время петровских реформ. Он понимал, что России нужны сильная армия, собственный флот, и поддерживал те преобразования Петра I, которые способствовали укреплению государства. Но был непримирим в вопросах чистоты веры, сохранения традиции и устоев русского быта, не терпел подражания западной моде и обычаям. Нужно было иметь великую силу духа, чтобы спорить с Петром. Для самарцев пребывание мощей в кафедральном Покровском соборе дорого еще и по той причине, что правый придел собора освящен в честь этого святого. И потому многие самарцы особо почитают свт. Митрофана Воронежского.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

ГУБЕРНАТОР САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ АРТЯКОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Уважаемые организаторы и лауреаты конкурса!

Всероссийский конкурс на соискание премии «За нравственный подвиг учителя» в Приволжском Федеральном округе – значимое событие для педагогической общественности нашей страны. И то, что итоги этого конкурса подводятся именно в Самарской области, не случайно. У нас уже много лет успешно реализуется приоритетный национальный проект «Образование», повышается престиж профессии учителя.

Трудно переоценить значение конкурса для решения такой социально значимой задачи, как духовно-нравственное воспитание юных граждан. Он стимулирует творчество учителей, вдохновляет их на внедрение в процесс обучения и воспитания инновационных разработок, которые развивают в подрастающем поколении самые лучшие качества – духовность, патриотизм, активную гражданскую позицию и ответственность перед обществом.

Награды, которые вручаются учителям, заслужены многолетним упорным трудом. Ведь подлинное призвание педагога – отдавать все свои силы, время и любовь ученикам.

Хочу пожелать вам здоровья, благополучия, творческих успехов и дальнейшей продуктивной работы на благо нашего Отечества!

**ГЛАВНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР
ПО САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
СЫЧЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Одной из основных задач современного российского общества, разобщенного явлениями экономического кризиса в мировом пространстве, является объединение усилий представителей духовной и светской интеллигенции в целях сохранения исконных духовных и нравственных ценностей русского государства и его народа.

Сейчас, когда перед институтами государственной власти и гражданского общества поставлена задача возрождения России, возникает вопрос: что нужно изменить? Бесспорно, одно из ведущих мест в этом процессе отводится системе образования, оказывающей прямое влияние своим качеством и содержанием на то, какая личность будет жить и созидать в великом Отечестве.

Следует признать, что впервые за многие годы новые поправки в Закон Российской Федерации «Об образовании» определили не только содержание, но и цели образования, которые должны обеспечить «духовно-нравственное развитие, воспитание и качество подготовки обучающихся».¹ Содержание образования должно обеспечить формирование у обучающегося адекватной современному уровню знаний картины мира; интеграцию личности в национальную и мировую культуру; формирование человека и гражданина, нацеленного на совершенствование общества.¹ Эти небольшие, но принципиально важные поправки ориентируют на возвращение в школу духовно-нравственного образования и воспитания.

В стратегической перспективе развития национальной системы образования именно светские православные школы уже в течение 15 лет являются площадкой, где развивается модель традиционной школы – воспитывающей среды, которая дает иное отношение к мировоззрению в целом и образовательному процессу в частности.

Современное общеобразовательное учреждение должно стать элементом стратегического пути развития России, обеспе-

¹ Закон Российской Федерации «Об образовании». Ст. 9, п. 6.

чивающим ее единство. Православная школа не должна рассматриваться как образовательное учреждение для православных, она должна обеспечить укоренение новой мировоззренческой основы – цивилизационной традиции. Цивилизация должна стоять выше этноса: в традиционной школе воспитывается гражданин России на основе истории, культуры, традиции России. Этнический компонент вторичен: например, в советской школе воспитывали «советского человека», а традиции этноса – конкретной национальности – отдавались на откуп семье, дополнительному образованию, культуре быта.

В социальном плане это объединяет, сплачивает народ, создает основу для развития полноценной духовно-нравственной личности, способной гибко ориентироваться в обществе и успешно строить социальные отношения. В том случае, когда традиции воспитания ребенка в семье, школе и социуме совпадают в одной цивилизационной основе – личность вырастает полноценной. Такой тип образования дает надежду на восстановление цивилизационного подхода к личности: например, возвращение таких категорий, как «русский из грузин» (как писал о себе герой Отечественной войны 1812 года генерал Багратион), личностей, которые в собственной системе ценностей ставят выше принадлежность к народу, а не к этносу.

Основная задача современной школы – воспитание человека, чувствующего себя сопричастным и ответственным за то, что происходит в его стране. Модель православно ориентированного общеобразовательного учреждения предусматривает выполнение следующих задач:

- формирование целостного мировоззрения на основе культурно-исторических традиций Отечества, воспитание активного и ответственного гражданина – носителя цивилизационной культуры России;
- обеспечение неразрывности воспитания и образования, создающее целостную картину мира;
- обеспечение высокого уровня базового универсального обра-

зования, предоставляющего свободу профессионального выбора в различных сферах деятельности;

- формирование благоприятной социальной среды за счет высокой социальной активности образовательного учреждения, ключевое изменение местного сообщества (семьи, безопасности жизнедеятельности, гражданской и социальной активности);

- обеспечение сохранения и развития культурно-исторической традиции.

Современное общеобразовательное учреждение нуждается в законодательном признании права на включение в единое образовательное пространство независимо от юридического статуса – с единством прав и обязанностей перед государством и обществом, с включением в реестр образовательных учреждений и статистическую отчетность.

Выполняя формируемый государством заказ, школа должна иметь равные возможности на получение государственной поддержки независимо от ее организационно-правовой формы. Приоритетный национальный проект «Образование» позволил встать школе на более высокий материальный уровень, и теперь она готова выполнять стратегические сверхзадачи: создание базовых фундаментальных основ для реализации остальных национальных проектов и программ. Необходимо сделать следующий шаг: рассмотреть возможность выделения дополнительной поддержки не только на материально-техническое обеспечение и поощрение творческой деятельности, но и на разработку и внедрение инновационных образовательных моделей, предметных областей, подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров (через развитие направлений приоритетного национального проекта «Образование», грантовой поддержки образовательных учреждений).

Современный процесс отождествления патриотизма с ксенофобией происходит от пробелов в знании истории российской общественной мысли, русской культуры в целом. События последнего времени убедительно доказывают: россиянам нужно

единение на основе цивилизационного подхода, когда представители всех этносов ощущают гордость за принадлежность к единому народу.

Только пробудив к жизни российский патриотизм, национальную гордость россиян – всех народов, исторически связанных с судьбой России, – возможно совершение прорыва в лидеры мирового сообщества, и было бы безумием лишать русских самоощущения духовной, исторической преемственности с прошлым, российского самосознания.

Желаю всем участникам конференции творческого поиска, достойных целей и достижимых результатов.

МИТРОПОЛИТ ВОРОНЕЖСКИЙ И БОРИСОГЛЕБСКИЙ СЕРГИЙ

Отрадно быть участником этих торжеств в замечательном городе Самара. Эти события красноречиво говорят о том, что наша Россия становится на ноги, что мы начинаем мыслить и думать в совершенно других категориях. Начинаем осознавать себя гражданами и хозяевами своей страны, которые могут вносить существенный вклад в развитие народной жизни государства. Важным событием является конференция, посвященная проблемам русского языка. Потому что русский язык – это одна из тех составляющих, которые держат нацию, государственность и дают самосознание человеку, живущему на нашей прекрасной земле, и помогают ему чувствовать себя патриотом. Наш язык является сонаследником и сопричастником великой славной истории России. И каким бы модным не было стремление его изменить, сделать более доступным и простым, мы должны помнить, что без нашего прошлого невозможно построить будущее. Вспомните, Никита Сергеевич Хрущев предлагал такую же реформу, что нам предлагается сейчас: как слышим, так и пишем. Избави Бог от таких псевдоревнителей русской словесности. Нам есть у кого

учиться, на кого равняться. Это язык Пушкина, Гоголя, Лескова, Куприна. Мы не можем предать наше прошлое и просим современных писателей, чтобы они писали на высоком русском языке, чтобы они хранили этот язык, были создателями нашего национального самосознания. Дай Бог, чтобы мы боролись за единство своего государства. Позвольте выразить благодарность педагогам, которые в наше свободное, но нелегкое время несут огромный труд, огромный подвиг, а по-церковному – большой крест – по сохранению нравственных основ нашего общества. Школа, как и ранее, остается одной из самых важнейших структур государства, которая воспитывает и формирует человека. И мы должны делать все для того, чтобы из школы выходили люди нравственные, подготовленные к жизни, умеющие разбираться, что такое хорошо, а что такое плохо.

Русская Православная Церковь всегда была и будет помощницей в сохранении языка, единства нашего народа, сохранения традиций, в поддержке тех подвижников в науке, которые сохраняют нравственные основы общества.

АРХИЕПИСКОП САМАРСКИЙ И СЫЗРАНСКИЙ СЕРГИЙ

Досточтимые собратья архипастыри, всечестные отцы, братья и сестры! Уважаемые участники, дорогие гости!

Сердечно приветствую вас, собравшихся в Самаре для того, чтобы обсудить некоторые наиболее важные проблемы современного русского языка. Место русского языка в жизни народов, проживающих в странах его традиционного распространения, весьма значительно и по-своему уникально. Поистине русский язык – это средство не только общения, но и сохранения духовной близости, приумножения вековых связей в области культуры, экономики, политики. Это одна из нерушимых опор всех человеческих контактов, сотрудничества, дружбы и, глав-

ное, истинной христианской любви между братьями по крови и единоверцами.

Весьма важно подчеркнуть также, что русский язык как ничто другое способствует бережному отношению к памяти ушедших поколений. Действительно, через русский язык мы приобретаем к наследию предков – тех людей, которые говорили, думали и творили на нем. Богатейший пласт общемировой культуры становится недоступен тем, кто теряет возможность понимать и говорить по-русски. Об этом со скорбью свидетельствовали эмигранты «первой волны», ураганом исторических потрясений заброшенные далеко от Родины и ее традиционных ценностей. Тяжело и больно было им видеть, как многие неокрепшие молодые люди русской формации теряли свою национальную идентичность под напором чуждой культуры, иного языка.

И в наши дни, к сожалению, многим нашим соотечественникам в ближнем зарубежье приходится отстаивать свое естественное право на родной язык. На всем постсоветском пространстве русский язык является серьезным объединяющим фактором, наличие которого позволяет сглаживать политические просчеты, противостоять вражде, умиротворять конфликты. Не могут быть спокойны истинные ревнители великого русского языка и в географических пределах нашего Отечества. У всех на устах последние недопустимые «инициативы» Министерства образования и науки РФ, призванные, под лукавым предлогом упрощения учебного процесса, обеднить и исказить русский язык. Они вызвали бурную дискуссию и резкое неприятие в обществе, что само по себе является хорошим признаком.

Тревожные тенденции, отмечаемые честными специалистами в развитии современного языка, к счастью, не являются определяющими. Наша конференция показывает, что растет число людей (это особенно радует), которые понимают: без русского языка как традиционного средства межнационального общения не только русский народ, но и многие другие народы станут беднее.

Отрадно, что современные руководители страны, многих ре-

гионов России, в том числе и Самарской области, в полной мере сознают всю важность сохранения и приумножения лучших традиций отечественных литературы и языкознания, прилагают все усилия к охране языковой среды, поддерживают наших замечательных педагогов и ученых, сберегающих сокровища русской словесности для молодежи. Как известно, 2007 год был объявлен Президентом России Годом русского языка. Основные идеи, связанные с этим годом, во многом совпадают с задачами Русской Православной Церкви в сфере сохранения и развития отечественной духовной культуры, одним из важнейших элементов которой является русский язык.

Не секрет, что наш язык претерпевает значительные изменения, в том числе негативные. Развитие рекламы и электронной переписки, естественное старение носителей языка вне пределов России – все это отрицательно влияет на состояние русской словесности. Пугающей тенденцией становится употребление нелитературных и ущербных слов и выражений ведущими политиками, журналистами, даже деятелями массовой культуры. Важно помнить, что язык не только отражает, но и создает ту реальность, в которой мы живем. Чтобы наши дети и внуки говорили и мыслили на языке высоком, глубоком, умном, необходимо уже сегодня прививать им любовь к русскому языку, к русской культуре. В этом обществе может и должна помочь Церковь. Современный русский язык, способный выразить и сформировать высочайшие проявления человеческого духа, – это подлинный и прямой наследник кирилло-мефодиевского языка. Первой книгой, написанной на этом языке, было Евангелие. Известно, что самым первым переводом, сделанным святыми Кириллом и Мефодием с греческого языка на славянский, были начальные слова Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Необходимо помнить: человеческое слово причастно к Богу Слово, к Тому, Кто сказал о Себе: «Аз есмь Путь, Истина и Жизнь» (Ин. 14. 6). Являясь носителем культуры и кода

русского народа, Церковь на протяжении столетий оказывала на него влияние, в том числе через церковнославянский язык.

Влияние это определялось функцией церковнославянского языка как языка богослужения, высокой церковной литературы, культуры, науки. При этом язык Церкви вобрал в себя всю историю русского языка, в нем прекрасно уживаются памятники, восходящие ко времени святых Кирилла и Мефодия, и написанные в наши дни тексты современных служб святым, недавно прославленным Церковью.

Молитва в храме на церковнославянском языке таинственным образом соединяет нас с нашими предками. Через этот язык происходило и происходит распространение традиционной духовной культуры в обществе. Достоинства церковнославянского языка велики, и наша задача состоит в том, чтобы сохранить этот язык, на котором были построены христианское мирозерцание и жизнь всех славянских православных народов. В религии, для выражения высоких религиозных идей и чувств, церковнославянский язык незаменим. Все, кому дороги братство и единство всех славян, всегда стояли за сохранение общего славянского языка. Не потому ли поляки и хорваты часто забывают о своем славянстве и отпадают от славянского единства, что перестали говорить и молиться на языке святых равноапостольных Кирилла и Мефодия? Не обязаны ли именно ему сохранением Православия и славянских идей сербы и русины, выстоявшие во всех испытаниях?

Современный русский язык по праву считается одним из самых красивых в мире. Многие люди разных национальностей изучают его, говорят и творят на нем. Человек, творящий слово, как словесное сочинение, вдохновляется Самим Богом. В слове отражаются личность Бога как верховного Творца и личность человека как сотворца. Это представление утвердилось на Руси благодаря Православию. В одном из старинных богословско-назидательных сочинений говорится: «Слово подобно есть зеркалу, якоже тем образ телесный и личный яв-

ляется, также и беседою душевный образ образуем назнаменуется».

В русском представлении слово – это живое, целостное, отражающее личность человека духовное единство, в котором письменно-звуковая оболочка неразрывно связана с содержанием и подчинена ему. Не только отдельные слова, являющиеся основными единицами языка, но и целые сочинения рассматривались по преимуществу в качестве дара Божиего, стяжаемого во вдохновении. Поэтому даже самые сложные тексты после их боговдохновенного возникновения почитались и сохранялись у нас на Руси в неизменности, в особенности – Священное Писание, слова пророков, святых. Создание нового слова мыслилось как событие исключительное, чудесное, как плод Божественной благодати, а не самочинного человеческого произволения. Жаль, что многие современные авторы, творящие на русском языке, извратили это коренное понимание. К счастью, Божией милостью все больше воздвигается из отечественной благодатной среды истинных продолжателей дела Достоевского и Пушкина, Гоголя и Державина, Шолохова и Твардовского.

Выражаю надежду и уверенность, что эта конференция послужит сохранению и приумножению богатства нашего языка, популяризации его изучения как в России, так и во всем мире.

Желаю участникам успехов в предстоящих трудах и помощи Божией во всяком благом начинании.

**МИНИСТР ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОВЧИННИКОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ**

Уважаемые организаторы и лауреаты конкурса! Дорогие друзья!

Всероссийский конкурс на соискание премии «За нравственный подвиг учителя» имеет большое значение для педагогической общественности нашей страны.

Нельзя не оценить вклад конкурса в такое направление сферы образования, как духовно-нравственное воспитание юных граждан. Он стимулирует творчество учителей, вдохновляет их на внедрение в процесс обучения и воспитания инновационных разработок, которые развивают в подрастающем поколении самые лучшие качества – духовность, патриотизм, активную жизненную позицию и гражданскую ответственность.

Победа в конкурсе была заслужена лауреатами многолетним упорным трудом, ведь подлинная цель настоящего педагога – отдавать все свои силы, время и любовь ученикам, исполняя важную и благородную задачу – взрастить в юных душах своих воспитанников нравственное основание.

В наше время как никогда размываются понятия морали, нравственности, истинные значения слов. Причем поток сленга и жаргона льется и из различных средств массовой информации. Фактическими хранителями и пропагандистами классического русского языка являются служители Русской Православной Церкви и педагоги словесности. Лучший образец риторики – выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Сейчас в образовательной системе от нравственного содержания деятельности учителей зависит воспитание нравственного отношения народа к русской речи.

Дорогие педагоги! Именно вы вкладываете в души детей и молодежи великие понятия чести и достоинства, учите умению отличать добро от зла, прививаете трудолюбие и воспитываете в них стремление к самопожертвованию во имя высоких целей.

Хочу пожелать вам дальнейшей продуктивной работы, а также творческих успехов и благополучия.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Протоиерей Димитрий Лескин

НАСЛЕДИЕ Н.В. ГОГОЛЯ В СОКРОВИЩНИЦЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

*Россия, Самарская область, г. Самара – Тольятти
Межвузовская кафедра теологии и истории религий,
Православная классическая гимназия*

Совсем не случайны два события: конференция, обращенная к теме языка как духовного и культурного собирателя нации, и посвящение ее памяти великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя связаны воедино. Кто как не он, высокий художник и мастер слова вместе с А.С. Пушкиным, может считаться отцом-основателем великой русской литературной традиции XIX столетия – золотого века нашей словесности? Также верно, что Гоголь был поэтом и певцом русского языка. «Дивисься драгоценности нашего языка! – писал он. – Что ни звук, то и подарок! Все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название драгоценнее самой вещи!.. Необыкновенный язык наш есть тайна... Язык, который сам по себе уже поэт!»

Н.В. Гоголь внутренне ощущал связь вещи и имени, создавал, что слово не «пустым дымом» разлетается по земле, что слово и есть высшее дело, через него «живут народы, сдвигаются с места

миллионы людей, подвигаются к жертве и победе глухие народные массы», – как столетие спустя утверждал еще один великий почитатель слова А.Ф. Лосев. Слово, которое стало плотью, запечатлено в человеческой душе, отражается в речи. Гоголь был носителем древней святоотеческой мысли, что обладание даром слова наделяет человека особым местом в мироздании. Слово – то, что делает человека человеком, существом *словесным*, в отличие от всего прочего *бессловесного* мира.

В то время когда в Европе возникали философские и лингвистические концепции, согласно которым слово и мысль не связаны между собою (Гегель, например, разработал учение о «внеязыковой» форме жизни разума, о внеязыковом мышлении); в то время когда позитивистская наука рассматривала язык как условное сочетание звуков, не имеющее прямого отношения к предмету, – русская мысль и прежде всего русская литература шли совершенно по иному пути. В России, начиная со славянофилов, значительно чаще говорили о глубокой метафизичности слова, о его единстве с подлинно сущим. Мысль не живет и не являет себя вне языка. Огромный вклад в формирование такого не конвенционального отношения к слову внес Гоголь.

Н.В. Гоголь глубоко прочувствовал те исконные родники и генетические корни, которые позволили русскому языку сделаться «полнозвучным органом мысли и чувства» (И.А. Ильин), и предельно четко указал на них. В процессе своей литературной деятельности писатель стремился выработать такой стиль, в котором сливаются стихии *древнерусского, т.е. церковнославянского, и народного* языка. Он одним из первых в XIX веке высказал совсем не современную мысль, что церковнославянский язык есть необходимейшая основа языка русского. В то время когда прогрессивные авторы призывали порвать с косным и весьма непривлекательным прошлым, в том числе и с древним языком нашего отечества, высококую красоту и поэзию которого воспринимали тогда лишь единицы, Гоголь утверждал иное: «Русский язык незримо носится по всей русской земле, несмотря на чуже-

земствованье наше в земле своей». Он обладает свойством быть «беспредельным» и «живым как жизнь», способен на «самые неожиданные переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи». Гоголь решительно указывает на источник этой уникальной способности русского языка, который «обогащается ежеминутно, почерпая ...высокие слова из языка церковно-библейского и ...выбирая меткие названия из бесчисленных своих наречий».

К своему другу поэту Николаю Языкову в 1843 году он обращается из Баден-Бадена (sic!) с призывом глубже изучать церковнославянские книги: «Клянусь – это будет дверью на ту великую дорогу, на которую ты выйдешь! Лира твоя наберется там неслыханных миром звуков и, может быть, тронет те струны, для которых она дана тебе Богом». Совершенно очевидно, что для 1840-х годов это мышление было очень нетипично.

В год 200-летия со дня рождения Н.В. Гоголя мы должны с особым вниманием всмотреться в трагический духовный путь величайшего русского писателя. В нем много назидательного и для каждого православного христианина. Вступление выходца из Полтавской губернии в литературную жизнь России было стремительным. Опубликовав в 1831–1832 гг. (ему тогда было 22 года!) свое первое прозаическое произведение «Вечера на хуторе близ Диканьки», он мгновенно стал известен всей читающей России. «Вот настоящая веселость, искренняя, непридуманная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился», – писал А.С. Пушкин. Вскоре Гоголь становится популярнейшим писателем России. В 1835 году выходят «Миргород» и «Арабески». Белинский провозглашает Гоголя главой русских поэтов. В 1836 году император Николай I присутствует на премьере «Ревизора» и дает распоряжение всем министрам его посмотреть. По воспоминаниям очевидцев, государь весело смеялся и вышел из театра со словами: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне – более всех!» С той поры начи-

нается личное покровительство Гоголю со стороны императора, а также определенная правительственная поддержка, что вызывало немало злословия, подытоженного значительно позже Белинским в оскорбительном «Письме к Гоголю» (1847), где критик утверждал, что уже давно писатель начал петь «гимны властям предрежащим», которые «хорошо устраивают земное положение набожного автора». С конца 1830-х годов по Петербургу ходили слухи, что Гоголь стремится попасть в наставники к царской семье, что сама духовная эволюция Гоголя стала следствием «достижения небесным путем чисто земных целей» и т.п. Однако в то время до общественной обструкции Гоголя было еще далеко.

В 1842 году появляется первый том поэмы «Мертвые души», задуманной автором как эпос в трех частях, который обнимает собой «всю Русь» и «все человечество в массе». Россия с напряжением ожидает обещанного второго тома, который, как известно, никогда не был обнаружен. К 33 годам Гоголь напечатал практически все свои художественные произведения.

В 1845 году писатель пережил сильный духовный кризис, весьма изменивший его отношение к собственным литературным произведениям. Фактически Гоголь отрекся от своего художественного наследия. Помимо авторского признания в этом в «Выбранных местах», тому есть немало подтверждений современников. Так, настоятелю русской церкви в Висбадене прот. И. Базарову, которому Гоголь очень доверял, писатель сказал, обнаружив свои книги в его кабинете: «Как, и эти несчастные попали в Вашу библиотеку?» Другу Н.Я. Прокоповичу Гоголь писал: «Забвенья, долгого забвенья просит душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры «Ревизора» а с ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху... – я бы благодарил судьбу».

Что произошло с Гоголем? Почему он пошел на такое прямое отторжение своих по-настоящему великих произведений? Сам писатель называл причиной отсутствие в них света Христова.

На первый взгляд, очевиден резкий духовный и весьма болезненный перелом в творческом самосознании гениального писателя, обусловленный обращением к религии. Но так ли это? Тем более печально, что писатель до конца своей жизни настаивал на неизменности своего духовного становления. «Я не совращался со своего пути. Я шел тою же дорогою... И я пришел к Тому, Кто есть источник жизни», – утверждал он в 1850 году в «Авторской исповеди». Воспитанный в православной семье, Гоголь никогда не был не религиозным человеком. С раннего детства он отличался глубокой восприимчивостью к духовным темам. Литературоведческий анализ также позволяет сделать вывод, что позднее творчество Гоголя – логический итог развития, в котором нет кардинального отхода от ранних художественных принципов.

По воспоминаниям друзей, Гоголь нередко огорчался неверным, с его точки зрения, восприятием читающей публикой его произведений. Так, «Ревизор» задумывался им не просто как обличительная комедия – это преображающее произведение. Вслед за мнимым ревизором, прообразом антихриста, которого порождают сами жители уездного городка, приходит Истинный Ревизор, про которого писатель говорит: «Страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба» («Развязка Ревизора», 1846). И «Мертвые души» мыслятся им как эпическое художественное и психологическое полотно, на котором могучей кистью изображен путь к возрождению омертвевшей души, к воскресению павшего человека. «Это бледное начало, – говорил он о первом томе своей поэмы, – того труда, который светлой милостью небес будет много не бесполезен».

Выйдя из многомесячного душевного кризиса 1845 года Гоголь решает создать чисто христианское произведение. И публикует его в 1847 году. Это последняя, напечатанная при его жизни книга, вызвавшая грандиозный литературный скандал – «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь был абсолютно убежден в будущем успехе и востребованности сочинения. Из-

дателю и другу М.П. Плетневу он советует запастись бумагу для второго издания, которое последует, по его мнению, незамедлительно. «Все дела в сторону, и займись печатаньем этой книги... Она нужна, слишком нужна всем... Книга эта разойдется более, чем все мои прежние сочинения, потому что это до сих пор моя единственная дельная книга». Он писал книгу, согласно собственному признанию, действуя «твердо во имя Бога... Во славу Святого Имени взял перо, а потому расступились передо мной все преграды». Цель, поставленная писателем, весьма амбициозна: с поистине пророческим пафосом Гоголь хочет наставить на истинный путь всю читающую Россию.

«Выбранные места» произвели шок. По утверждению «Финского вестника», «ни одна книга в последнее время не возбуждала такого шумного движения в литературе и обществе, ни одна не послужила поводом к столь многочисленным и разнообразным толкам». Большинство рецензий и отзывов, печатных и эпистолярных, публичных и личных, носило негативный характер. Особенно тяжело для писателя было воспринять отрицательные оценки друзей и представителей Православной Церкви. Книгу осудил, например, свят. Игнатий (Брянчанинов), тогда наместник Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом, писавший: «Она (книга) издает из себя и свет, и тьму. Религиозные его (Гоголя) понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения, не ясного, безотчетливого, душевного, а не духовного... Желательно, чтоб этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу истины...». Весьма сдержанно отозвался о книге и свят. Филарет (Дроздов), заметив при этом: «Хотя Гоголь во многом заблуждается, но надобно радоваться его христианскому направлению». Архиепископ Иннокентий Херсонский, прочитав «Выбранные места», просил Погодина призвать Гоголя «не парадировать набожностью». Прот. Матфей Константиновский, духовник писателя, по словам самого Гоголя, считал, что книга произведет вредное действие и писатель даст за нее ответ Богу.

Основная часть друзей с еще большей экспрессивностью напали на книгу. *С.Т. Аксаков*: «Вы грубо и жалко ошиблись... Думая служить Небу и человечеству – оскорбляете и Бога и человека». *К.С. Аксаков*: В книге «ложь не в смысле обмана и не в смысле ошибки – нет, а в смысле неискренности, прежде всего. Это внутренняя неправда человека с самим собою». *С.П. Шевырев*: «Ты избалован был всею Россиею. Поднося тебе славу, она питала в тебе самолюбие... Самолюбие никогда не бывает так чудовищно, как в соединении с верой».

Наконец, *В.Г. Белинский*, некогда провозгласивший Гоголя главой русских поэтов, сообщал многим (например С.П. Боткину), что его охватила ярость при чтении этой «гнусной» книги. В письме от 15 июля 1847 года из Зальцбрунна, за публичное чтение которого в «Кружке петрашевцев» впоследствии оказался на каторге Ф.М. Достоевский, критик писал: «Нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедают ложь и безнравственность как истину и добродетель». И чуть дальше: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что Вы делаете?.. Не истиной христианского учения, а болезненною боязнию смерти, черта и ада веет от Вашей книги».

Как из рога изобилия, на Гоголя сыпятся обвинения, что он написал книгу с целью приблизиться к императору и наследнику престола, из-за желания получить от правительства финансовую помощь и т.д. «Ваша книга уронила Вас в глазах публики и как писателя, и еще больше как человека», – подводит итог Белинский.

Лишь некоторые из друзей нашли в себе мужество вступить за Гоголя. Среди них А. Смирнова (Россет), в просвещенной семье которой «Выбранные места» были высоко оценены как книга светского писателя, впервые в России выступившего «со столь резким религиозным направлением», а П. Плетнев утверждал, что книга Гоголя есть «начало собственно русской литературы».

Н.В. Гоголь болезненно воспринял литературную неудачу. В письмах близким он признавался: «Душа моя уныла, как не креплюсь и не стараюсь быть хладнокровным. Можно вести брань с самыми ожесточенными врагами, но, храни Бог всякого, от этой страшной битвы с друзьями» (Письмо С.Т. Аксакову). Он глубоко переживал, что его произведение было не понято современниками, и с христианским смирением констатировал: «Да, книга моя нанесла мне поражение, но на это была воля Божия» (Письмо С.Т. Аксакову).

Быть может, впервые в русской словесности Гоголь попытался выступить в «Выбранных местах» не просто как писатель-беллетрист, а как учитель, глубоко ощущая, что «поэт в России больше, чем поэт». Книга исполнена пророческого вдохновения, она была задумана как мессианский текст.

Уже начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и в течение всей своей литературной деятельности, как к главному предмету размышлений и созерцаний, обличения и воспевания Гоголь обращался к России. Об этом он ответственно заявляет и в «Выбранных местах». Как и для близких ему по духу славянофилов (писатель дружил с А.С. Хомяковым, семьей Аксаковых, С.П. Шевыревым) будущее России, ее предназначение, наличие в ее истории духовного смысла составляют для Гоголя один из важнейших моментов писательства. Он говорит о России как о стране, которой еще суждена великая будущность, о русском народе как о народе, который таит в себе неисчислимые силы и пока весь принадлежит грядущему.

Гоголь рассуждает о трагических переломах в судьбе нашей страны и с предельной ясностью, неизвестной до него, обнажает язвы русской души, указывает на их первопричину – зародившуюся в Петровское время и значительно возросшую в XIX столетии роковую отделенность большей части общества от Церкви, отторгнутость культурных слоев России от духовных корней. Как следствие – суетное и мелочное существование отечественной элиты, ее устремленность к материальным благам

и развлечениям. Хранителем духовных сил русского народа он называет Церковь, про которую пишет: «Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его». А потому единственным условием духовного возрождения России Гоголь провозглашает всемерное воцерковление русской жизни.

Было от чего прийти в гнев недавнему воспевателю литературного таланта Гоголя В.Г. Белинскому и испытать чувство потрясения многим просвещенным западникам, хотевшим видеть в писателе лишь остроумного обличителя николаевской России.

Предполагавший, какой шквал негодования вызовут его суждения, Гоголь тем не менее писал в «Выбранных местах»: «По мне, безумна и мысль, ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословения. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым» (глава «Просвещение»). Мысль, которую в свете пережитых трагедий XX века, стоило бы глубоко осмыслить нашим культурным, общественным и политическим деятелям.

Критический и иронический ум Гоголя, конечно, не мог позволить себе впасть в благодушное восхваление русской действительности. Залог будущего России, согласно мысли писателя, не только в особых духовных дарах, которыми щедро наделен русский человек, но и в осознании им своего неустройства и духовной нищеты. «Лучше мы ли других народов? – задается вопросом Гоголь. – Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. Хуже мы всех прочих – вот, что мы должны всегда говорить о себе... Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней».

В письмах друзьям 1840-х годов Гоголь признается в своей любви к России, которая «беспрестанно во мне увеличивает-ся». Он полон творческих замыслов: продолжает работать над «Материалами для словаря русского языка», хочет написать географическое сочинение о России самым увлекательным образом, так, чтобы «была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился». В 1850 году он вновь возвращается к этой идее: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев».

Увы, как и многие другие, эти замыслы не были осуществлены.

Ту же силу пророческого вдохновения пытается вложить Гоголь и в последующие свои произведения, прежде всего во второй том «Мертвых душ». Само стремление психологически достоверно описать преобразование души Чичикова, из филистера и расчетливого циника сделать его праведником, и в кульминации «Мертвых душ» прийти к образу второго пришествия Христова, свидетельствует о грандиозности замысла писателя.

Гоголь не смог справиться с поставленной им перед самим собой задачей, в том числе и потому, что она значительно превосходила задачи чисто писательские. В какой-то момент он ощутил и свое художественное бессилие – бессилие творить возвышенные образы. Гоголь был гением образов отрицательно-сатирических, что, в конце концов, стало угнетать его. Писатель как бы мучительно вопрошает себя: почему я не могу создать ничего положительного? Он страшится «чудищ» и «харь», восставших под его пером и обретших независимость от творца.

Все больше развивается характерная Гоголю еще в ранний период творчества обостренная ответственность за написан-

ное слово. Уже во второй редакции «Портрета» (1829) монах-художник, в уста которого писатель влагает свою сокровенную мысль, говорит сыну: «Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится». В «Выбранных местах» Гоголь неоднократно возвращается к этой теме: «Обращаться со словом нужно честно, оно есть высший подарок Бога человеку, опасно шутить писателю со словом». Гоголь убежден, что путь к большому искусству должен лежать через личный подвиг художника. «Мне, верно, потяжелей, чем кому-либо другому, отказаться от писательства, когда это составляло единственный предмет всех моих помышлений, когда я все прочее оставил, все лучшие приманки жизни, и, как монах, разорвал связи со всем тем, что мило человеку на земле, затем, чтобы ни о чем другом не помышлять, кроме труда своего», – признавался он в «Авторской исповеди», обосновывая мучительный шаг уничтожения второго тома «Мертвых душ».

В последние годы своей жизни Гоголь всеми силами души стремился найти новые художественные пути, заговорить иначе, чем говорил до того, создать другие, более совершенные и нравственно возвышенные литературные образы. Делом жизни считал он окончание «Мертвых душ» «на истинную пользу другим и на спасение собственной души», многократно пытался заставить себя писать, но вновь и вновь не находил в себе вдохновения создавать правдоподобные одухотворенные художественные типы.

О своеобразии литературного дара Гоголя сказано много. Яркие характеристики принадлежат В.В. Розанову и О.П. Флоренскому, которые подметили специфическую черту музы автора: характеристика человека, его психотипа через окружающие предметы, «овеществление» личности в текстах Гоголя. В «Мертвых душах» перед читателем предстает законченное выражение внешнего человека. Даже лицо становится отделяемым признаком по отношению к личности, превращается

в маску, личину. Происходит отщепление свойств личности от самой личности. Герои «Мертвых душ», по меткому замечанию Розанова, и в самом деле суть механически оживленные автором манекены, восковые фигуры. Преобразить и воскресить их – дело *сверхчеловеческого* гения, что все более и более понимает и сам Гоголь.

Интересный анализ особенностей творческого стиля писателя приводит русский психиатр И.А. Сикорский в статье «Психологическое направление художественного творчества Гоголя» (1911). Создавая образы своих героев в «Мертвых душах», Гоголь придерживался определенной схемы. Он последовательно задавал и разрешал пять вопросов: каким человек вышел из рук природы; каким он стал; что именно сделало его таким; в чем состоит сущность происшедшей нравственной порчи; каковы средства исправления, *испытанные на себе самом*. Гоголь раскрывает «патологию», «диагностику» и «терапию» нравственного зла, воплощенного в конкретных литературно-психологических типах. С точки зрения Сикорского, никто из писателей так далеко не шел. «В этом состоял всеобъемлющий, единственный в своем роде, художественный проект и план, охватывающий разом и художественные, и нравственные цели». Однако этот проект стал непосильной ношей для Гоголя.

Видя эстетическую слабость и психологическую неправдоподобность выходящих из-под его пера претендующих на возвышенность образов, Гоголь пишет: «Бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его мерзости; бывает время, что даже вовсе не надо говорить о высоком и прекрасном, не показав тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого». Осознанное им трагическое бессилие художественно достоверно описать эти пути и дороги, найденные им в личном духовном подвиге, и есть, на наш взгляд, основная причина сожжения рукописи второго тома.

Великий творческий дар, которым обладал Н.В. Гоголь, был, несомненно, благословением для всей России. В какой-то момент Гоголь возжелал иного дара – дара учительства и пророчества. При этом он на протяжении многих лет пребывал в состоянии внутреннего конфликта между своими духовными устремлениями, тягой к монашескому устроению жизни и проявлениями грандиозного и своеобразного художественного гения. В нем находились в непрестанном мучительном диалоге поэт и праведник. В последние годы Гоголь жил как настоящий праведник и умер как христианин.

Колоссален вклад Н.В. Гоголя в развитие русской литературы XIX столетия, ставшей в тот век чем-то значительно большим, чем просто изящной словесностью – училищем жизни и критерием нравственности. Замечательно емко высказался о месте Гоголя в ней русский философ и литературовед К.В. Мочульский: «В нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики до религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие «великую русскую литературу», ставшую мировой, были намечены Гоголем: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность и общественность, ее боевой и практический характер, ее пророческий пафос и мессианство. С Гоголя начинается широкая дорога, мировые просторы».

У каждого народа есть свои ценности и святыни, составляющие сердцевину его души. Среди них имена тех созидателей национальной культуры, которые существенным образом ее обогатили и украсили. Есть такие имена и в России. Божией милостью, их немало – имен, придавших русской традиции поистине вселенское значение. Эти имена мы не имеем права забывать, не имеем права игнорировать и сторониться. Мы не имеем права жить, как будто у нас не было Пушкина и Гоголя.

ЯЗЫК МОРАЛИ И ЭТИКИ

Россия, г. Москва, Московская Духовная Академия

Начиная с Людвиг Витгенштейна (1889-1951), сформулировавшего принципы лингвистической философии, и с Джорджа Эдуарда Мура (1873-1958), открывшего в этике эпоху логико-лингвистического анализа, проблема языка морали приобрела значение одного из ключевых направлений в этических исследованиях в XX в. «Было бы несомненным преувеличением утверждать, что в аналитической философии именно этике уделяется первостепенное внимание. Но так случилось, что ряд самых значительных монографий аналитиков начинается с книги об этике. Имеется в виду исследование Дж. Мура (1873-1958) «Принципы этики» (1903), отмеченное, как считают многие аналитики, печатью величия. Как раз с книги Мура начинается аналитическая этика» [12: 133]. Представители аналитической философии выступают за прозрачность и ясность языка, способного открыть «наизначальнейший смысл наиболее простых слов, неискаженных позднейшей терминологией» [11: 21]. В аналитической философии была предпринята попытка реконструкции языка как системы, «которая весьма сложным образом осуществляет посредничество между миром значений и миром звуков» [23: 27], поскольку «лингвисты часто прибегают к словам, выражениям и формулировкам, которые кажутся старыми и общеизвестными» [4: 31], в то время как «в действительности их сущность нередко оказывается нераскрытой» (Там же). Опасность таится «в подмене ходячими выражениями существа дела» [3: 142], в неопределенности, «в двусмысленности, когда невозможно уже определить, что раскрыто, а что нет» (Там же). Согласно Ф. Шлейермахеру, «всё нуждается в уточнении» [24: 73], слово языка «уточняется только в контексте» (Там же). Язык философии – «слово, открытие бытия вещей в полной

обнаженности и прозрачности речи, слово о бытии» [20: 107]. В языке этика стремится быть «произнесенной тайной» (Там же). «Недоступная разгадка тайны слова есть тайна самого непостижимого как такового» [28: 477].

Согласно Витгенштейну, проблема языка заключается в том, что «предмет» этических и религиозных высказываний «трансцендентен», а «мы пытаемся их строить по правилам логического языка анализа фактов» [14: 235]. Этика должна говорить о том, что относится к области абсолютного, изначально-го, доброго, ценного, вечного. «Пытаться писать или говорить об этике или религии – значит стремиться вырваться за границы языка» (Там же). Если наука описывает действительность, а этика предписывает отношение к действительности, выражающееся в способности «отозваться на бытие» [29: 255], то из этого факта следует, что этика имеет свой язык. «Об этике нельзя говорить на языке науки, – утверждал Витгенштейн... – Этику демонстрируют и удостоверяют как налично существующую форму жизни. Именно это важно для нас: делать этические утверждения – значит «кидаться на языковые ограничения». Но это столкновение вытекает из «потребности человеческой души, которую лично я не могу не уважать и никогда не позволил бы другим высмеивать её», – писал Витгенштейн в «Лекции по этике» (1934)» [21: 480]. В языке морали и этики открывается таинственная глубина человеческого духа. «Решение загадки жизни в пространстве и во времени лежит вне пространства и времени» [5: 239]. Витгенштейн говорит о логической непостижимости религиозных и этико-эстетических категорий, относя их к области метафизических понятий, т.е. к тому, «о чем невозможно говорить», и высоко ценит попытки «выхода» за пределы языка, за пределы мира и имманентности, за которыми открывается «невыразимое» (Там же). Сокровенный метафизический смысл всякого нравственного понятия воплощается в слове. «В слове обретает голос сама реальность – самонепостижимое» [28: 477]. Оставаясь по эту сторону тайны, язык мо-

ральных понятий конструирует этику как систему концептов, употребление которых предполагает адекватное отношение к слову: «...слово есть откровение – и притом по самому своему существу» (Там же).

Слово по природе своей активно. В слове заключена «энергия мысли и осмысляющая сила» [16: 831], «в слове живет и движется знание, мудрость, закон; словом образуется, поощряется и распространяется добродетель» [26: 70]. Обращенность к анализу языка морали, к выявлению логического смысла этических терминов ознаменовала собой рождение метаэтики, основателем которой является Дж. Э. Мур. «Этика понимается им как особый язык с присущей ему логикой, анализ которого открывает ему доступ к научному, ясному пониманию моральных чувств, мотивов, поступков. Метаэтика выступает как язык, который необходим для интерпретации содержания объективного языка морали» [12: 136].

С чего начинается этика? Что такое добро? Что обозначается словом «добро»? Если этика, как считает Мур, есть наука о добре, эти вопросы приобретают первостепенную значимость. Итак, что именно обозначается словом «добро»? «В поиске ответа на последний вопрос Мур крайне осторожен, он отлично сознает, что малейшая ошибка в характеристике добра чревата искажением существа всей этики, ведь речь идет об основополагающем её концепте» (Там же. С. 133). Суть проблемы, согласно Муру, «состоит в том, что «добро» является понятием, от которого зависит вся этика» [18: 155]. Задачей этики Мур считает осуществление нравственного добра «в универсуме» (Там же. С. 160), что, согласно Хайдеггеру, «значит действительно действовать, если действием зовется со-действие существу бытия» [29: 254]. В языке человек открывает свою нравственную сущность, «язык ничего не утаивает» [12: 131]. «Язык мостит первые пути и подступы для всякой воли и мысли. Без слова любому действию не хватает того измерения, в котором оно могло бы найти себя и оказать воздействие. Язык никогда не есть просто

выражение мысли, чувства и желания. Язык – то исходное измерение, внутри которого человеческое существо вообще впервые только и оказывается в состоянии отозваться на бытие и его зов и через эту отзывчивость принадлежать бытию» [29: 254-255]. По мысли архимандрита Киприана (Жерна), человек есть «ответ» на зиждательное Слово, [13: 427], должен «отозваться» (Там же), должен «ответить своим бытием... всей полнотой своей человечности» (Там же), призывающей его к миссии бытия. «Язык, по Гумбольдту, – дар, доставшийся народу как жребий, как некое предназначение его грядущего духовного бытия» [9: 396]. Анализ языка морали стал в XX в. одним из главных направлений метаэтики – области исследований, предметом которых является лингвистический анализ нравственных норм. В Кембридже и Оксфорде анализ этико-нравственного языка получил отражение в трех фундаментальных направлениях метаэтической рефлексии: интуиционизме, эмотивизме и прескриптивизме [21: 481].

Самыми известными представителями интуиционизма в западно-европейской этике являются Дж. Мур и его последователи – Г.А. Причард и В.Д. Росс (Там же), развенчавшие парадигму традиционной европейской теории морали, объявив её «натуралистической ошибкой» старой этики и инкриминировав ей отсутствие интуитивного понимания языка морали. Как в метаэтике, так и в металингвистике «отсутствие интуитивного понимания сказывается даже тогда, когда мы формулируем грамматические или фонологические правила языка» [15: 54]. Наряду с мышлением и эмоцией интуиция является одной из функций души. В познавательном плане «интуиция – это ни чувство, ни вдохновение, ни неупорядоченная симпатия, а вполне развитый метод» [8: 229]; «интуиция не есть только восприятие, только созерцание, но активный творческий процесс» [30: 510]. Поэтому не следует думать, что интуиция является «противоположной альтернативой понимания» [18: 229]. Мур заявляет, что «ничто не может заменить причин, согласно кото-

рым суждения истинны; интуиция может только стать причиной считать какое-то суждение истинным и должна это делать, когда суждение является самоочевидным, когда фактически не существует никаких причин, подтверждающих его истинность» (Там же).

Свящ. Павел Флоренский утверждает, что «суждение, данное непосредственно, есть само-очевидная интуиция» [27: 24], хотя и отмечает, что у всех видов интуиции есть «один общий их недостаток; это – голая их данность» (Там же. С. 25), делающая знание ограниченным условным суждением по типу целого ряда тождественных утверждений. В качестве примера таких тождественных утверждений он приводит суждения старушки-служанки. Павел Александрович спрашивает её: «Что такое солнце?» Она отвечает: «Солнышко». Он: «Нет, что это такое?» Она: «Солнце и есть». Он: «А почему оно светит?» Она: «Да, так; солнце и есть солнце, потому и светит. Светит и светит. Посмотри, вон какое солнышко...» (Там же. С. 26). Самоочевидная интуиция не выходит из замкнутого круга тождественных суждений. Погружаясь в стихию лингвистического дискурса языка морали, Мур, подобно старушке-служанке, приходит к выводам, которые способны разочаровать наши притязания на адекватное и сущностное постижение глубинного смысла этических терминов. «На вопрос «Что такое добро? – я скажу, что добро – это добро, и это весь мой ответ. На вопрос же: «Как следует определять добро? – я отвечаю, что это понятие не может быть определено, и это всё, что я могу сказать о нём» [18: 44]. Интерпретируя это высказывание Дж. Мура, следовало бы указать, что понятие добра, выраженное в слове «добро», включает в себе силу нравственного авторитета и «требуется от нас признания и усвоения» [2: 114]; «его язык – особый язык» (Там же), язык, который М.М. Бахтин склонен называть священным, иератическим (Там же). Слово обладает авторитетом, тайна которого связана с тайной его происхождения. Своим авторитетом слово обязано благодетелю своего происхожде-

ния. Авторитет слова, обозначающего нравственное понятие, признается высоким сам по себе, а priori. «Авторитетное слово может организовать вокруг себя массы иных слов (интерпретирующих его, восхваляющих его, делающих из него те или иные применения и т.п.), но не сливается с ними» (Там же. С.115). Обычно то, что «мыслится в самом по себе слове» [24: 73], называется «значением», а то, что «мыслится в данном контексте – смыслом» (Там же). В любом контексте «ко всякому изолированному слову мы продумываем определенный набор способов его употребления» (Там же). В этом плане «язык...является собранием наглядностей» [31: 105]. Согласно Муру, все суждения о добре являются синтетическими, когда, например, понятия добра отождествляется с понятием желаемого блага и никогда не являются аналитическими, поскольку понятие добра является предельно простым и неделимым понятием. «Моя точка зрения, – заявляет Мур, – состоит в том, что «добро» – такое же простое понятие, как и понятие «желтое», что как невозможно кому-либо, кто еще не знает, что такое «желтое», объяснить, что это такое, так невозможно в аналогичной ситуации объяснить, что такое «добро». Дефиниции такого рода, о которых я веду речь, то есть дефиниции, которые описывают действительную сущность предмета или понятия, обозначают словом, а не просто говорят нам, что это слово обычно означает, возможны только тогда, когда предмет или понятие, о котором идет речь, являются чем-то сложным» [18: 44]. Взятое в своем абсолютном значении, отрешенном от экзистенциального и психологического контекста, понятие «добро», согласно Муру, неопределимо, «ибо оно – простое понятие, не имеющее частей и принадлежащее к тем бесчисленным объектам мышления, которые сами не поддаются дефиниции, потому что являются неразложимыми крайними терминами, ссылка на которые и лежит в основе всякой дефиниции» (Там же. С. 46). Мур полагает, что, если «добро», не будучи «в собственном смысле каким-то естественным предметом» [18: 49-50], смешивается «с любым

естественным предметом» (Там же. С. 50), тогда есть основания называть это смешение «натуралистической ошибкой» (Там же. С. 50). При этом всякая дефиниция, даже, как отмечает К.Г. Юнг, «любое ограничение выделенным в данный момент смыслом оказывается недостаточным для того, чтобы полностью помешать многозначительной переливчатости слова» [31: 272]. И эта свойственная этическим терминам «многозначительная переливчатость» есть не что иное, как «парализующая земная тяжесть мысли, трагическое препятствие для всех, кто надеется при помощи лестницы из слов достичь высот чистых идей, избавленных от всего земного» (Там же). Если, согласно Дж. Муру, добро есть добро, то это значит, что термином «добро» отрицается всё, что не есть добро. В силу этого «трансцендирующего... значения отрицания» [28: 517] становится возможным вслед за С.Л. Франком утверждать, что постижение смысла слова есть стремление рационализировать «трансрациональное» (Там же. С. 518). «Рациональная мысль... действует как взрывчатое вещество. Древнейшие авторитеты теряют свою значимость» [10: 198]. Критика Мура, поставившего под сомнение этические воззрения своих предшественников, «означала прежде всего падение престижа позитивистского утилитаризма» [19: 7]. В этом отношении «подобная критика была полезной» (Там же). Однако, понимая, что в его «умеренном» скептицизме «серьёзно пострадало и понимание ценностей, и истолкование фактов» (Там же. С. 8), он в своей «Этике» (1912) «предпринял попытку проложить интуитивный мостик от теории к нормам, призванным регулировать взгляды и поступки людей, – мостик получился зыбкий, крайне ненадежный» (Там же. С. 8). Мораль, основанная на интуиции, «не интеллектуальна и не чувствительна» [30: 513-514]; это особая мораль, имеющая своим основанием «верность своему созерцанию и добровольное подчинение его власти» (Там же. С. 514). Конструктивный элемент в нравственной философии Мура оказался гораздо скромнее её критического деструктивного начала. С именем Дж. Мура

связываются «революция» в истории новейшей этики и переоценка направленности философских интересов в английских университетах. «Взгляд на ценности как свойства самих вещей Мур называет натуралистическим заблуждением. Но, лишённые объективного аспекта, они становятся неуловимыми, попадая в пустоту, поскольку интуиционизм решительно выводит этику в иную плоскость, нежели наука» [21: 481]. Вместе с тем «агностики» Мур отошел и от традиционной христианской западноевропейской этики, в которой воплощение идеи блага всегда связывалась с «актуализацией самого глубинного центра любого нравственного добра» [7: 438]. С целью коррекции метода логико-лингвистического анализа У. Стивенсон в книге «Этика и язык» (1944) предложил «прояснить смысл этических терминов «блага», «правильно», «справедливо», «должно» и т.п., а затем указать общие методы для проверки этических суждений» [21: 481]. Стивенсон явился представителем второго фундаментального направления метаэтической рефлексии – эмотивизма. Метаэтика выяснила, что «этические термины – носители двойного смысла: дескриптивного и эмотивного» (Там же), что «моральные суждения принимают роль рекомендаций в плане одобрения или неодобрения...» (Там же).

Согласно дескриптивному (от лат. describe – описываю, изображаю), т.е. когнитивистскому (от лат. cognitio – познание, узнавание) методу, моральные термины и суждения описывают «добро само по себе» как некоторую метафизическую реальность. Во-вторых, они описывают нравственные качества людей и их поступков. В-третьих, они описывают особые состояния человеческой души, которые сами по себе не являются моральными, а выражают определенные стремления людей к достижению конкретных целей, например комфорта, выгоды или общественной пользы [17: 604]. В понимании Мура, «этика – когнитивная, но вместе с тем и интуиционистская наука» [12: 134]. Если добро есть неопределенное понятие, оно, вопреки его натуралистической интерпретации, названной Муром

«натуралистической ошибкой», квалифицируется как метафизическая категория и является предметом рассмотрения с точки зрения интуиционизма. Но «интуиционизм не противостоит так называемому когнитивизму» (Там же), когнитивистскому, т.е. дескриптивному методу. В отличие от когнитивизма сторонники антикогнитивистского подхода к проблеме языка морали полагают, что моральные слова и суждения ничего не описывают, а обладают либо эмотивным, либо прескриптивным (от лат. *praescribo* – предписываю, определяю), т.е. нормативным (от лат. *norma* – норма, правило, образец) значением. Согласно методологической установке антикогнитивистов, моральные суждения выражают либо специфическое нравственное чувство одобрения, когда обладают эмотивным значением, либо выражают характер универсальности и безусловной необходимости моральных предписаний, когда обладают прескриптивным, т.е. нормативным значением [17: 604]. В истории английской нравственной философии эмотивизм (от лат. *emoveo* – потрясаю, волную) обязан своим появлением Альфреду Айеру (1910 – 1989), автору книги «Язык, истина и логика» (1936) [12: 138]. Айер доказывал, что этические суждения несводимы к утверждениям о фактах. Он критиковал «субъективистов», определявших этические ценности в терминах одобрения, и «утилитаристов», сводивших ценности к эмоциональным переживаниям восторга, счастья и радости (Там же). Согласно Айеру, этические утверждения следует считать лишь выражением чувств, а не самими чувствами. Эмотивизм был очень популярен вплоть до середины XX века (Там же. С.139). Но и эмотивизм, как и интуиционизм, не смог избежать противоречий: эмотивизму не удалось выявить «отличительную характеристику морального дискурса» [21: 482]. Недостатки эмотивизма пытался преодолеть Р.М. Хеар, доказывавший в своей работе «Язык морали» (1952), что «нормы суть предписания» (Там же. С. 492).

Интенсивные исследования, проводившиеся в прошлом веке в области языка морали, составили одно из направлений в изуче-

нии феномена нравственного сознания. Метаэтика использовала методы и достижения аналитической философии, способствовала прояснению моральных понятий и уточнению смысла ключевых этических терминов, содействовала развитию теоретического уровня современной этики [17: 603]. Аналитическая этика выступила с критикой натурализма в его основных проявлениях, включающих гедонизм и особенно утилитаризм, представлявший собой «визитную карточку британской философии XIX века» [12: 135]. Философско-лингвистический метод позволил открыть, описать и прояснить природу морали в её логической отрешенности от феноменологического контекста – в её глубинной метафизической сущности, в её потаенном и сокровенном ноуменальном значении. Во всем ансамбле этических концептов каждый термин есть не что иное, как познанная природа морали, как «значение», дающее «просвещение» в принадлежащей человеку привилегии «различать... добро и зло» ([1: 109]).

Проблема языка морали обязана своей рациональной неразрешимостью не только метафизической природе этических феноменов, в их непостижимой онтологической глубине, но и мистическому характеру самого общества, являющемуся, согласно Э. Дюркгейму и М. Веберу, тем сакрализованным институтом, языковой аспект которого с необходимостью включает в себя сакрализованные термины и тексты, «иерархически организующие всю интертекстуальность» [22: 9]. Язык морали является продуктом «духа» всего человечества и каждого этноса в отдельности, и именно дух как интегральное обозначение сакрального начала становится «источником» языка этики как области «чистого гипостазирования идеального» [25: 531]. С момента Боговоплощения, по мысли Х.-Г. Гадамера, «в противоположность греческому логосу Слово становится теперь чистым событием» [6: 486-487], и это обстоятельство «ведет к включению исторического в сферу европейской мысли, освобождая одновременно феномен языка из его погруженности в идеальность смысла и позволяя ему сделаться объектом философского размышления» (Там же).

Библиографический список

1. Афанасий Великий, свт. Творения. 1994. Т. IV.
2. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М., 1995.
3. Бохенский Ю.М. Современная европейская философия. М., 2000.
4. Будагов Р.А. Человек и его язык. М.: Изд-во МГУ, 1976.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Цит. по: Грязнов А.Ф. Логико-философский трактат// Этика. Энциклопедический словарь. М., 2001.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и методологические основы философской герменевтики. М., 1988.
7. Гильденбранд Д. Этика. СПб., 2001
8. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность. М., 2001.
9. Иванов В. Родное и Вселенское. М., 1994.
10. Йегер В. Пайдейя. М.: ГЛК Ю.А. Шичалина, 2001. Т. I.
11. Йонас Г. Принцип ответственности. М., 2004.
12. Канке В.А. Этика ответственности. М., 2003.
13. Киприан, архим. Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950
14. Козлова М.С. Лекция об этике // Этика. Энциклопедический словарь. М., 2001.
15. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.
16. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
17. Максимов Л.В. Язык морали// Этика. М., 2001.
18. Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М., 1999.
19. Нарский И.С., Коновалова Л.В. Дж. Мур как философ и основоположник новейшей английской этики// Дж. Мур. Принципы этики. М.,1984
20. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991.
21. Реале Дж. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1997.
22. Саврей В.Я. Александрийская школа в истории христианской мысли. М., 2006.

23. Уоллес Л.Чейф. Значение и структура языка. М., 1975.
24. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004.
25. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989.
26. Филарет, свт. (Дроздов). Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003.
27. Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. М., 1914.
28. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии// Сочинения. М., 1990.
29. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
30. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб., 2001.
31. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994.

Протоиерей Артемий Владимиров

**КАК ОБРЕСТИ СЛОВО ЖИВОЕ И ЯСНОЕ,
ПРОСТОЕ И ПРЕКРАСНОЕ
(О ТВОРЧЕСКОМ ВЛАДЕНИИ РУССКИМ
ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ)**

*Россия, г. Москва, Свято-Тихоновский гуманитарный
университет*

Человеческое слово... Оно так же таинственно, как и сам человек, почтенный даром слова. Присмотримся к нему... В слове, как в некоем *камне драгоценном* (1 Пет. 2, 4), присутствуют энергии именующего и именуемого. Слово обнаруживает свойства говорящего, равно и запечатлевает свойства того, о чем говорят. В слове, под покровом видимого и слышимого, присутствует невидимое, но реально существующее. Слово есть символ, в котором соприкасаются вещественное и духовное. Но главное в человеческом слове – его способность быть носителем высшей, нетварной, зиждительной, творческой

энергии Духа Божия. Человек, как существо богоподобное, изрекает слово действенное, действующее в мире присущей ему благодатью, – если это слово обращено к Богу или свидетельствует о Его любви и правде.

Если таково отдельно взятое слово, тем паче весь язык нашего крещенного во Христе народа, напитавшего свою речь за тысячелетие благодатью Святого Духа. Языковое пространство включает в себя молитвословия, некогда произнесенные или записанные; литературные памятники, составляющие достояние православной культуры, и вообще языковое мышление живых носителей русского слова, просвещенных верой во Христа Спасителя. Это нематериальное пространство, языковое поле стало средой обитания Духа Божия. Всякий раз мы входим в светлую вневременную и внепространственную область, когда соприкасаемся со словом, особенно сакральным, возбуждая свой *чистый смысл* (по слову святого апостола Петра – 2 Пет. 3, 1), предоставляя энергии Духа действовать в недрах нашего словесного духа.

Итак, с благоговением, бережностью, тщательностью будем приступать к этому словесному наследию, неуязвемому, живому, обогащая им собственное слово, свою речь, свой язык, чтобы в них, как в ручейке, истекающем из горного озера, журчала и струилась живая вода словесности, на благо нашим слушателям.

Что же нам необходимо, что всего более нужно, чтобы наше слово было достоянием отечественной культуры, служило созиданию душ и оздоровлению нравственного состояния общества, а в конечном счете преобразению космоса в соответствии с замыслом Творца о венце творения – человеке?

1. Первое и основное – обращенность мысли и слова говорящего к Предвечному Слову, единение с Ним чрез прославление Его имени, возвешение Его славы. Вот духовная пуповина, посредством которой говорящий обретает Божественную благодать, несотворенную, надмирную, вечную энергию Духа, пронизывающую наши слабые человеческие слова и сообщающую

им Божественную силу! Вы, конечно, помните слова Христовы, в которых Господь обещает Своим ученикам духовную власть: исторгать смоковницу из земли, двигать горами, изгонять духов злобы и врачевать словом недуги. ... *Яко Той рече, и быша: Той повеле, и создашася* (Пс. 32, 9). От этого Творческого глагола, созидавшего бытие вещей, мы, верные, призваны заимствовать присущую ему силу!

2. Наше личное, человеческое слово пусть обретет плоть и кровь, чрез соприкосновение со всей сокровищницей библейской, христианской и отечественной православной культуры. Как губка, оно должно напитаться живительным соком двухтысячелетней христианской традиции. Чрез это соприкосновение, сроднение и проникновение слово получит свойства нетления, внутренней убедительности, непротиворечивости, ясности и прозрачности мысли, всегдашней свежести, что говорит о сердечном усвоении Христовой истины.

3. Если мы желаем быть понятными и приятными собеседникам и слушателям, следует обратить внимание на художественность слова, образность речи, умение вращать словесную ткань вокруг предметов видимого мира, умело пользуясь сравнениями, метафорами, то есть сообщая нашей речи качества словесного творчества. Вот почему современный оратор призван вживаться в творчество лучших русских писателей, изучать произведения народного творчества – словом, проделывать в своем ученичестве все то, что взрастил в себе гений словесности – Александр Сергеевич Пушкин. Обретите в своем слове чудный сплав из священных словес, красот и изящества литературного языка, меткого и бесконечно разнообразного народного сказа и, обогатившись, вы будете обогащать других.

4. *«Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших»...*, – предупреждает христиан святой апостол Павел (Еф. 4, 29). *«Из одного источника не может истекать и горькая, и сладкая вода»*, – вторит ему святой апостол Иаков (см: Иак. 3, 11). Нам нельзя одновременно заниматься и созданием, и разрушением,

правой рукой строить, левой – разрушать! Недопустимо заражать свое слово бесовской, демонической энергией отрицания, растления и разрушения, словесной энтропией распада! Следовательно, сообщаясь с ближними посредством слова, будем ограждать и отрешиваться от мутной стихии цинизма, пошлости, сквернословия, убивающей на корню все благие намерения говорящего... И если в день Суда нам надлежит ответить за каждое *праздное слово*, не тем ли паче – за грязное и откровенно греховное?

Сегодня, в наши «окаянные», негероические дни, в век «измены, трусости и обмана», чистая и целомудренная речь, чуждая иностранных «наворотов и приворотов», – это уже проповедь об исконном и незыблемом нравственном миропорядке, уже свидетельство о духовном мире, ради которого стоит мир видимый и вещественный.

5. Не забудем, друзья, что в *мире место Богу* (см: Пс. 75, 3). По чудному изречению русского народа – «где любовь, там Бог». Это значит, что наше слово, если оно подлинно причастно высшей силе, если оно классично и этично, то есть сопряжено с традицией и обращено к сердцам ближних, – наше слово должно быть насыщено энергией мира, покоя, любви и радости общения с людьми. Пусть оно будет причастно благодати Святого Духа, обладание которой является истинной целью жизни христианина, а равно его счастьем и блаженством.

От избытка сердца уста [человеческие] *глаголют* (Мф. 12, 34), «всякое древо познается по плодам» (см: Мф. 7, 16-20). Если плод нашего слова – ясность ума, просвещение мысли, спокойствие и умирение сердец, укрепление воли в добре и благих намерениях – значит, Сам Бог помогает нам в словесном служении, значит, Он Сам говорит в нас и чрез нас, даруя нам неопостижимое счастье быть Его недостойными служителями, служителями Слова Воплощенного!

Л.Б. Карпенко

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Самара,

ГОУ ВПО Самарский государственный университет

Русский литературный язык имеет статус мирового языка. Мировые языки не только по числу носителей и популярности выдвигаются на роль мостов, соединяющих человечество, но и по своим выразительным возможностям. Они являются восприимчивыми длительных культурных традиций и обладают собственной давней литературно-книжной историей. Мировые языки выполняют особую цивилизационную миссию, поскольку обеспечивают целостность общечеловеческой культуры, преемственность ценностных смыслов, служат условием объединения народов. В этом интегрирующем свойстве проявляется их онтологичность.

Онтологичность языка предполагает отраженность в нем как физического мира, так и объемлющего язык бытия духа, в котором соединяются опыт жизни народа, традиции, история и абсолютные духовные ценности. Нерасторжимы представления о языке и народном духе. Русский литературный язык из оценок классиков нашей словесности воспринимается по духовному потенциалу как феномен глобальный, явление высшего порядка. Представление о нем вызывает ассоциации с образами мощных и масштабных стихий, с тем, что древние греки называли *онтосом* – сущностями, из которых состоит мир, первоосновами мира: с безбрежными небесными просторами (М.В. Ломоносов), стихией огня (А.С. Пушкин), сильным источником, выбивающимся широкой волной из недостижимой глубины (К.Д. Ушинский), с образами морской глубины (Л. Успенский), океана, великих энергий (Ч. Айтматов). В нем присутствует зву-

чание божественного Логоса как «вызов Создателя» (В.А. Жуковский), «божественный глагол» (А.С. Пушкин), «небесный глас» (В.Я Брюсов), «зов отвесного луча» (И.Ф. Анненский). Образы величия духовного пространства, необъятности русского литературного языка, его мощи, энергии, богатства соединяются в совокупную всеобъемлющую картину всего сущего – в онто-логос.

Ни по своему духовному потенциалу, ни по объему выразительных средств русский язык не уступает классическим языкам, поскольку, развиваясь на их основе, он вбирает в себя необходимые ценностные смыслы и выразительные средства. Поэтому наш язык – это действительная духовная ценность. Не случайно и зарубежные специалисты признают его языком элитарной культуры, художественного образования. Русский язык включает в себе богатство исконного славянского словарного запаса, образность и мудрость библейского слова и древнегреческого, с которого переводилась Библия для славян. В нем органично присутствуют греческие и латинские термины, заимствования из западных и восточных языков, а в наибольшей степени синергетика русского языка определяется органической преемственной связью с сакральным церковнославянским языком, образность, стилистические средства и формы которого обеспечивают гармонию высокого слога.

Церковнославянский – это первый книжно-письменный язык славян, созданный в IX в. святыми равноапостольными Константином-Кириллом Философом и Мефодием при переводе Библии на славянский язык. Церковнославянский начинался с Библии, и весь комплекс производных от Библии смыслов в русском языке воспринят из него. Вся русская классическая литература связана с церковнославянской книжной традицией и вбирает опыт ее церковно-религиозных и повествовательно-художественных жанров.

Первым текстом, переведенным на славянский язык, было Евангелие от Иоанна. Образ Божественного Слова открывает

этот широко известный текст. Библия утверждает связь человеческого слова и творящего Духа. Слово как Божественный дар речи появляется в Исходе, одной из первых книг Библии, и сопровождает весь текст Писания: И вложил Господь слово в уста – Чис. 23, 5. В Псалтыри символ уст Бога сочетается с понятиями премудрости, добра, уста Бога обращены к Земле: Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек... уста Праведника изрекают премудрость... – Пс. 36.

Преемственная связь церковнославянского языка с образным строем Библии – в соответствии со словом евангелиста (Вы познали Сущаго от начала – 1 Иоан. 2,13) – прежде всего нашла отражение в церковнославянской азбуке, к которой восходит кириллица современного русского языка. Среди первых славянских букв созданной св. Кириллом глаголицы есть и буква Глаголи (символ божественных уст), и буква Слово (символ восхождения Спасителя), а вся славянская азбука глаголица запечатлевает евангельский образ мира. По своему духовному строю церковнославянский язык – это и есть язык Евангелия.

В исторический момент Крещения Руси церковнославянский язык стал языком приобщения к христианской культуре, языком, вобравшим в себя ценности православного мировоззрения, христианские символы и смыслы, содержащиеся в текстах христианской литературы Византии и созданной на ее основе древнеболгарской литературы. Церковнославянский язык стал основой формирования духовных ценностей русского и других славянских народов. В качестве кирилло-мефодиевского наследия славяне получили не просто корпус переведенных богослужебных текстов и систему письма, но язык литургии – церковнославянский язык – и выраженную в первой славянской азбуке символическую модель культуры, основанную на ценностях христианского мирозерцания.

Онтологичность церковнославянского для русского литературного языка определяется тем, что русский, как и все славянские литературные языки, формировался на основе и под

влиянием церковнославянского, наследуя его образные средства, лексику, словообразовательные и синтаксические модели как устойчивые и продуктивные образцы. Многообразием выразительных средств, воспринятых из древнецерковнославянского языка, характеризуются целые классы производных слов русского языка (в значительной степени абстрактные существительные), многие продуктивные модели словообразования, значительный пласт фразеологизмов, некоторые морфологические разряды (разряды причастий, форма превосходной степени прилагательных и др.) и синтаксические структуры.

Развиваясь на протяжении веков под влиянием церковнославянского языка, русский язык до сих пор хранит в основах своего лексического фонда христианскую ценностную систему. Славянизмы наполняют светом пространство русского языка, в них изливается энергия Блага: *блаженство, благовестие, благоволение, благодарение, благодарность, благословение, благодать...* К ним относятся многие слова, выражающие представления об основных онтологических структурах. Широко используются славянизмы при выражении представлений:

- о пространстве и времени: *бесконечный, вселенная, пространство, восток, юг, вечный, будущий, время* и под.;
- о жизненном пути человека: *жизнь, родители, рождение, младенец, юность, юноша, возраст* и др.;
- о человеке «внутреннем», его духовных, творческих проявлениях: *знание, смысл, разум, призвание, талант, творение, совесть, учение, воспитание, образование* и др.;
- о социальной среде, государстве, правовых категориях: *гражданин, единение, общение, отечество, человечество, право, правда* и т.д.

Эти и тысячи им подобных слов, формирующих сегодня русскую языковую картину мира, восприняты из церковнославянского и были впервые записаны одиннадцать веков назад при переводе Библии.

Примечательно, что в ближайшем к русскому языку – украин-

ском – большинство приведенных славянизмов преобразованы или заменены, ср.: *вселенная* – *всесвіт*; *пространство* – *простір*; *будущий* – *наступний*; *родители* – *батьки*; *младенец* – *дитина*; *согласие* – *згода*; *человечество* – *людство*; *страна* – *країна*; *отечество* – *батьківщина* и т.д. Совпадения наблюдаются менее чем в 10% случаев. Не только украинский, но и ни один другой славянский язык не сохраняет в такой мере, как русский, основы лексического и грамматического строя церковнославянского языка, о чем свидетельствуют и переводы Евангелия на славянские языки.

Примеры показывают, что с точки зрения истории русский литературный язык более чем какой-либо из славянских языков сохраняет генетические связи с языком, созданным славянскими первоучителями. А каково состояние языка сегодня? Генетическая церковнославянская основа ослабевает у большей части носителей языка. Связи с традицией сохраняются в корпусе текстов нашей классической литературы, в языковой системе, но не в речевой практике и не в практике обучения языку. Сегодня не всеми осознается понимаемая и древнерусскими книжниками, и классиками русской литературы живая связь русского языка с церковнославянской традицией. Глубоко чувствовал эту связь А.С. Пушкин, который говорил о едином языке: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими».

Русский язык, формируясь на протяжении многих веков в результате языкового творчества всех носителей, безусловно, не может быть вдруг разрушен. Но, «всегда оставаясь», он может изменять свое качество, отражая изменения, происходящие в жизни общества. Одной из основных разрушительных тенденций в XX в. было попрание духовной жизни общества, сказавшееся на состоянии культуры и языка. Всем очевидны и изменения в языке последних десятилетий – расшатывание языковой нормы, активизация жаргона, просторечия, значительное распространение неоправданных заимствований, аббревиатур.

Часто можно слышать рассуждение, будто «великому и могучему» ничто не угрожает, язык развивается в естественных условиях. Однако условия давно не являются естественными. Важно осознать, что сегодня на состоянии русского языка сказывается не только приток иноязычной и ненормативной лексики, но и все более увеличивающийся у носителей языка разрыв связей с классической книжно-письменной системой, на основе которой сформировался литературный язык. В начале прошлого века была насильственно прервана традиция изучения своего классического языка, церковнославянского, и данное обстоятельство является наиболее негативным в ряду причин, вызывающих т.н. «порчу» языка.

Разрыв в традиции сказывается на качестве текстов и словарей. Лексикографические справочники, предназначение которых – отразить во всем объеме словарный запас языка и донести полноту и точность смысла слов, преподносят в качестве «устаревших» выражения: *по совести, по справедливости, от сердца, от всего сердца, по чести говоря, совет да любовь, ради всего святого, святая душа, души не покривить, не помнить зла* и многие подобные. Отнесены к устаревшим фразеологизмы со словами Бог, Дух: *Бог с тобой, Господь с тобой, Бог в помощь, помилуй Бог, с Божьей помощью, храни Бог* и под. В то же время выражения *черная душа, жажда крови* подаются как вполне употребительные с пометами «разговорное» или «экспрессивное» (См.: Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И. Федорова – М.: Топикал, 1995).

Такие данные не подтверждаются ни речевой практикой, ни выборкой электронного Национального корпуса русского языка, согласно которому отмеченные фразеологизмы сохраняют свою употребительность. Далее в скобках показано количество зафиксированных в НКРЯ примеров: *Бог с тобой* (188), *Господь с тобой* (83), *помилуй Бог* (66), *храни Бог* (25), *храни Господь* (6); *по совести* (594), *от сердца* (479); *по справедливости* (433), *от всего сердца* (270), *на совести* (218), *под небом* (144), *сохранить*

себя (74), *совет да любовь* (32), *ради всего святого* (34), *святая душа* (29), *по чести говоря* (9); *под чистым небом* (7), *была бы честь предложена* (5). Единичными примерами иллюстрируются фразеологизмы: *зла не помнить, подарить жизнь, жить полным домом*. Существует очевидная проблема корректности справочников, поскольку безразлично для нравственного климата общества и даже для судьбы культуры, какие обороты актуализируются словарями – *святая душа* и *жить своим домом* или *черная душа* и *жажда крови*.

Разрыв в культурной традиции сказался не только в утрате связей с традиционными текстами, в утрате системы преподавания церковнославянского языка, но и в отношении к слову. Происходит вытеснение славянизмов. Библейское по происхождению слово, прежде почитавшееся как символ высокого начала, принижено, нередко используется в ироническом смысле. Вследствие этого стали возможными такие выражения в произведениях современных прозаиков и публицистов, как *священный завет предпринимательства, бюджетная благодать, лень как особая благодать, коррупция граничит с понятием благодарности, арестантская заповедь, скрижали преступности* и под.

Со времени, когда появилось тургеневское стихотворение в прозе о «великом и могучем», что один он есть «поддержка и опора во дни тягостных раздумий о судьбах ...родины», прошло почти полтора столетия. Эпоху А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя и нас разделяет период разлома традиции, губительно сказавшегося на судьбе церковнославянского языка. Важно осознать необходимость восстановления его изучения как классического языка, на основе которого получила развитие русская литература. Условием поддержания языка является сохранение его ценностной системы и связей с книжной традицией.

РУССКИЙ ЯЗЫК О СЕМЬЕ КАК МАЛОЙ ЦЕРКВИ

Россия, г. Москва, Православный Центр
во имя свт. Луки (Войно-Ясенецкого)

«Сегодня статистика разводов огушает – 80 процентов браков заканчиваются разводом. Именно поэтому позвольте считать тему сохранения семьи одной из наиболее важных. Но говорить о ней мы будем с несколько неожиданного ракурса – с позиции русского языка, слов, так или иначе связанных с институтом семьи и брака.

Итак, несколько лет назад я посетил благословенное Константиново, родину Сергея Александровича Есенина, где на фестивале было очень много молодежи. Тогда, во время своего выступления, я задал участникам фестиваля вопрос: «Что ваше русское ухо слышит в слове *невеста*? И девочка из хора протоиерея Виктора Дорофеева, родом из подмосковного Богородска, ответила: «Невеста – это та, кто не ведает, что творит». И я ответил ей: «Доченька, ты даже не представляешь себе, насколько ты права. И именно потому, что многие вступающие в брак и в самом деле не ведают, что они творят».

С каким удивлением я встретил когда-то в молитвослове, открыв его впервые, обращение к Богородице – *Невеста Невестная*. Что же значит это необычное слово – *Невестная*? Оказалось, чтобы понять его значение, следует прежде «разгадать» вроде бы хорошо знакомое и не сулящее ничего необычного слово *невеста*. А ведь смысл, заложенный в него, и в самом деле, воистину замечательный. Мне стало любопытно, и я стал собирать версии толкования этого удивительного слова. Однажды, в стенах Московской Духовной Академии, где проводились курсы повышения квалификации преподавателей «Основ Православной культуры», мужчина лет пятидесяти высказал свое понимание интересующего меня вопроса: «Невеста – это

вообще неведомо откуда пришедшая». А один мальчик, одноклассник моей младшей дочери, сказал: «Невеста – это от слова *весна*». Признаюсь, это самая красивая версия из всех, слышанных мною. *Невеста* же – есть *неведение греха, непорочность*, что означает как духовную, так и телесную чистоту. Тех же, кто сподобился этого страшного *ведения*, на Руси называют *ведьмами*.

Признаюсь, слово *невеста* – узнав, что пишу книгу о русском языке, – подарил мне мой давний приятель Адриан Александрович Егоров, иподиакон, замечательный пианист, удивительного ума и благородства человек, любящий и тонко чувствующий родную речь. За что я ему премного благодарен. Представьте, прошло около двух лет, уже вышло из печати первое издание «Тайны русского слова», и вдруг в подаренной мне в день тезоименитства в храме, где я тогда трудился, книге, посвящённой покойному архимандриту Павлу (Груздеву), и, знакомясь с многочисленными воспоминаниями об этом удивительном старце, я нашёл одну запись, совершенно меня поразившую схожестью с тем, о чём уже писал:

«А однажды при мне отец Павел открыл какой-то чемодан, а в нем – фаты от невест. Я говорю:

– Батюшка, тебе зачем?

А он говорит:

– Ну, вот вечером придут: венчай. А как она называется: невеста – она должна не-ведать, а она уже ведала. Снимай фату, баба! Ты баба, а не невеста. Если невеста, значит, она не ведаёт, а если ведаёт – значит ведьма».

Богородица же Наша пребывает присно *Невестой Невестной* – как символ Превысшей Небесной Чистоты.

Или возьмем, к примеру, слово *поцелуй*. Ну что, казалось бы, в нем особенного? Однако и в нем заложен сокровенный смысл – призыв к *целостности* человека, пусть на одно летучее мгновение, вопреки миру, который извечно разделяет людей. Потому и святой апостол Петр призывает нас: *«Приветствуйте друга друга лобзанием любви»* (1 Пет. 5, 14). И как же разительно это

отличается от постыдного зрелища «долгоиграющих» поцелуев, которые с некоторых пор стали непременным атрибутом многих наших свадеб. Когда же гости громко ведут счет, становится неловко от мысли – чему, собственно, ведётся этот счет? А может, это некая шкала уровня публичного бесстыдства новобрачных, сделавших интимные отношения объектом позора (если вспомнить древний русский аналог слова *шоу*)? А ведь они только-только приступают к созданию собственной семьи, которую вера наша издревле именует малой Церковью. Заметьте, именно *малой*, а не маленькой.

То же понятие *целостности*, как извечное стремление к целостности всего человека, содержится и в коротеньком слове *цель*. Так же, как и *исцеление* – все то же заветное желание о восстановлении человеком утраченного единства брэнной плоти и бессмертного духа.

Обидно, когда шутки дурного свойства касаются очень важных сторон человеческой жизни, ее знаковых событий, лишают их некоего священного ореола. Ну, признаемся, редко кто из нас, поздравляя счастливых молодоженов со свадьбой, не слышал брошенную кем-то из гостей «хохму»: мол, хорошее дело *браком* не назовут. Недавно узнал о том, что авторство этой недоброй шутки приписывается моему земляку, известному физику и лауреату Нобелевской премии Давиду Ландау. Но даже в то далёкое теперь советское время, будучи светским человеком, эта, с позволения сказать, шутка всё же резала слух. Ведь в загсе, в торжественной обстановке, вручая молодожёнам соответствующее свидетельство, их от имени государства поздравляли с созданием «новой ячейки общества». А тут, на тебе: брак и этот ответственный шаг в жизни каждого взрослого человека – брак, что гайка, у которой упрямо проворачивается резьба!

А ведь всё не так. Хорошее, радостное дело, каковым и является свадьба, предки современных русских людей называли совершенно верно, потому как за шумным застольем выпива-

лось (да и ныне выпивается) немало *брашна*, позже *браги*, всякого питья. Отсюда и русский веселый *брак*. Что же касается угрюмого термина, означающего недобросовестно сделанную работу или некондиционное изделие, так он иного, немецкого, происхождения. Однако это был бы не русский язык, если бы наряду с очевидным смыслом не присутствовало бы в этом коротеньком слове – для имеющего уши слышать – Небо. Вспомним, в ходе венчания брачующиеся поочерёдно выпивают по три глотка вина из чаши, протянутой им священником, совершающим это красивейшее Таинство. Вино, если задуматься, есть напиток в чём-то и таинственный, в коем непостижимо сорастворены как сладость, так и горечь. Не зря в древности его прописывали в качестве лекарства. И потому сейчас оно есть символ того, что всё, посылаемое отныне Господом супругам, надлежит принимать с благодарностью и нести вместе, обоюдно, пить равными глотками, как это самое *брашно*.

А ведь две тысячи лет назад Сам Господь благословил и освятил брак не просто фактом Своего посещения, но и деятельного участия в этом торжестве, впервые сотворив чудо. Итак, раскроем Святое Евангелие: *«На третий день был брак в Канне Галилейской, и Мать Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как не доставало вина, то Мать Иисуса говорит Ему: «Вина нет у них». Иисус говорит Ей: «Что Мне и Тебе, Жено? Ещё не пришёл час Мой». Мать Его сказала слугам: «Что скажет Он вам, то сделайте». Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: «Наполните сосуды водою. И наполните их до верха». И говорит им: «Теперь почерпните и несите к распорядителю пира». И понесли. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, – а он не знал, откуда это вино, знали только слуги, почерпавшие воду, – тогда распорядитель зовёт жениха и говорит ему: «Всякий человек подаёт сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда – худшее; а ты хорошее*

вино сберёг доселе». Так положил Иисус начало чудесам в Канне Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его» (Ин. 2, 1-11).

Воистину, подлинная глубина языка русского немислима без Святого Евангелия.

Семья должна случиться. А потому *честность, чистота, святость* невесты должны закладываться в основу будущей семьи, этой малой Церкви, так же как крест закладывается в основание строящегося храма. А потому и ставшее модным выражение *сходила замуж* есть не что иное, как глумление над извечной святостью семьи и брака. Не могу не обмолвиться хотя бы несколькими словами и о печальной скоротечности наших нынешних браков. И когда так популярна шутка дурного свойства о том, как невеста утешает одну из своих подруг, которую забыла пригласить на свадьбу, словами о том, что уж в следующий раз пригласит обязательно... Как пышны и дорогостоящи нынешние свадьбы, сколько горделивости в длиннющих лимузинах и шикарных нарядах невест, в широких ресторанных застольях. Тут, главное, никому не уступить! Да, для такого праздника ничего не жалко широкой русской душе, только бы жили. Статистика же неумолимо свидетельствует о том, что число разводов в течение одного года после заключённых браков достигла ныне в России угрожающей цифры. Убеждён, что во многом это происходит ещё и потому, что у молодых ещё людей представление о предстоящей семейной жизни или искажено, или же отсутствует вовсе. Как часто брачующиеся убеждены в том, что их взаимная роспись в заветной книге есть начало нескончаемого бразильского карнавала. Спешу уведомить таковых: они как раз и расписались в том, что карнавал этот завершился. Впереди жизнь, труд и новые обязанности. Впереди – супружество. Как не похоже это на только-только отгремевшие салюты, брызги шампанского и искристые огни разноцветных фейерверков... Невольно вспоминаешь те сравнительно недалёкие времена, когда гуляли куда как скромнее, браки же были, по сути, нерушимы.

Много лет назад я преподавал русский язык иностранным студентам. Вспоминаю, как из одного иностранного консульства мне пришло приглашение на праздничный ужин. В нем было написано, что приглашается «господин Ирзабеков с супругой». Тогда я по наивности думал, что жена – это, как писал Алексей Константинович Толстой, для «ежедневного языка». А вот супруга – это нечто возвышенное. Это потом я прочел Евангелие с этим благоухающим словом. Я его произношу сейчас, и у меня сердце замирает: «Жено». А супруга? Супруги – это, вообще-то, два вола, которые запряжены в одну упряжку. То есть, если перевести приглашение дословно, то получается: «Уважаемый вол, в субботу возьмите свою волицу (или буйволицу, мы ведь жили на юге) и приходите к нам на ужин». Когда я впервые об этом узнал, мне, признаться, стало не по себе. Помните строки из «Евгения Онегина»: «Супружество нам будет мукой...» И вдруг – волы. Какие там волы, я ведь так люблю её! Это что же такое, граждане? Знаете, на мой сегодняшний взгляд, это самый настоящий, самый честный и глубокий символ семьи. Просто, когда только-только создаётся семья, повозку сзади никто не замечает. А почему? Потому что оба молодые, здоровы, повозка легкая – ни одного пассажира пока нет. С годами что-то меняется. В повозке появляются первые пассажиры – наши детки. Но они ещё маленькие, да еще и родители живы, бабушки-дедушки, все нам, как могут, помогают. Они тоже подталкивают эту нашу повозку. Но еще далее, с годами, она становится все тяжелее, идти уже сложнее – появляются болезни, скорби, лишения, предательства. И что тогда? Так вот, если это семя правильно взрастили, если своих «пассажиров» мы правильно воспитываем, то случается чудо. В какой-то момент они спрыгивают с этой повозки и говорят: «Давай помогу!» И уже везем повозку все вместе. А есть такие дети, которые со временем скажут: «Папа, мама, остановитесь. Садитесь, теперь мы вас повезем».

Какой красивый, на самом деле, символ! И как легко и радостно справляться с ношей, когда есть любовь. Есть одна

древняя индийская коротенькая притча. Когда слон целый день перетаскивал бревна, к вечеру ему стало казаться, что он сейчас упадет и больше не поднимется. Тогда подошла слониха и сдунула с него хоботом всего одну щепку. И он воспрянул, почувствовал себя готовым еще сколь угодно долго носить эти бревна. Вот чего мы ждем друг от друга, от семьи – внимания, нежности, сочувствия.

Русский человек, русское общество может существовать только как семья, иначе они обречены. Мне, человеку, который «приплыл с другого берега», хорошо заметны вещи, к которым вы уже привыкли и перестали замечать. «Лицом к лицу – лица не увидать, большое видится на расстоянии». Так вот, ни в одном восточном государстве народу в голову не придет именовать правителя отцом. Там есть шахи, эмиры, но отцов нет. И даже к муллам, духовным лицам, добавляется слово, которое переводится как «дядя». А в России как мы называем священника? Не просто «отец», мы называем ласково – «батюшка»! А ведь было время, когда мы и правителя могли называть Царь-Батюшка. А раз у всех один отец, то весь народ – одна семья!

Сегодня наш святой язык подвергается настоящим гонениям и издевательствам. Раньше я часто говорил, что надо спасать, надо оберегать язык, не понимая, какая это самонадеянность. Нас оберегает, нас спасает сам русский язык. И тогда встает задача: а что мы должны и можем сделать для языка? Думаю, самое важное, что может сделать человек, для которого русский язык родной, – это служить языку, не предавать его. А что требуется от слуги? Верность.

Закончить своё выступление мне хотелось бы строками стихотворения Анны Андреевны Ахматовой «Мужество». Удивительно, что в страшное время войны, находясь вдалеке от родного Ленинграда, который в то время был в кольце вражеской блокады, она пишет именно о русском языке. Сотни раз я читал это стихотворение и не мог расслышать этих слов:

«Мы знаем, что ныне лежит на весах

И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки».

И тут вдруг расслышал, наконец, осознал, что по возрасту мог быть бы её внуком. Она, её поколение сделали главное в своей жизни дело – передали, донесли до нас язык. И теперь нам предстоит нести эту почетную ношу. И теперь уже перед моим поколением, передо мной лично стоит великая задача – не предать свой язык, сберечь его хотя бы для внуков. Ибо защита русского языка, сбережение его сегодня – задача не филологическая, не культурологическая и не эстетическая. Сегодня, когда мы охраняем наш язык, мы охраняем нашу веру, нацию, землю и, в конечном счете, великую святую русскую душу.

И.П. Цыбулько

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УЧЕБНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

*Россия, г. Москва, Федеральный институт
педагогических измерений*

В широкой общественной дискуссии, развернувшейся вокруг проведения единого государственного экзамена, высказывалось мнение о том, что ЕГЭ не имеет ничего общего

с традициями отечественного образования и что подходы, реализованные в этом экзамене, навеяны исключительно Западом. Однако если внимательно рассмотреть содержание контрольных измерительных материалов для ЕГЭ по русскому языку, можно заметить, что во многом новизна этих подходов предопределена методическими традициями отечественного образования.

Безусловно, единый экзамен имеет принципиальные отличия от других форм итоговой аттестации: широкий охват содержания курса, практическая направленность проверяемых умений, стандартизированный способ проверки и т.д. Наша задача иная – проследить, как реализуются в содержании ЕГЭ основные направления развития методики обучения русскому языку, базирующиеся на огромном экспериментальном материале, накопленном в преподавании предмета.

Единый государственный экзамен конкретизирует требования образовательного стандарта по русскому языку. Это отражается не только в «Кодификаторе элементов содержания по русскому языку для составления контрольных измерительных материалов для единого государственного экзамена», но и непосредственно в заданиях экзаменационного теста.

Экзаменационная работа по русскому языку также проверяет наиболее важные элементы коммуникативной компетенции. Не случайно сегодня внимание лингвистов, методистов обращено к вопросам социализации личности, культуроведческой составляющей языкового образования, что обусловлено особенностями общественного развития в XXI веке, и именно это вызвало особое внимание к поиску путей интеллектуального, речевого, нравственного развития школьника. Современным, эффективным научно обоснованным признаётся коммуникативная методика формирования правописных умений, в основе которой взаимосвязанное обучение языку и речи. Учёные доказали, что практическая грамотность формируется в тесной взаимосвязи с общекультурным развитием

человека, в процессе развития интеллекта, при вовлечении во все виды речевой деятельности.

Традиционной для школы является идея построения курса с опорой на речевое, языковое, духовное развитие учащихся: «Постоянное развитие дара слова и законов оного должно быть вместе и раскрытием всех нравственных сил учащегося: ибо родной язык есть неистощимая сокровищница всего бытия человеческого» (Ф.И.Буслаев, 1844 г.). Эти идеи, с определенными модификациями, воспроизводились и развивались всеми, кто занимался проблемами преподавания русского языка. И сегодня эта установка не потеряла своей актуальности.

Вопрос оценки уровня сформированности основных видов речевой деятельности требует изучения с точки зрения нескольких аспектов: *в какой период обучения следует проверять тот или иной вид речевой деятельности? Каким инструментарием? Какую форму проверки можно считать оптимальной?* Эти вопросы могут быть рассмотрены в связи с введением новой формы государственной итоговой аттестации в 9 классе. На этом экзамене проверяется овладение учащимися навыками слушания, чтения и письма.

Работа по русскому языку на ЕГЭ предполагает проверку чтения и письма. Несмотря на то, что на экзамене говорение не проверяется, мы можем судить о развитии этого вида речевой деятельности опосредованно, так как овладение умениями чтения может стать основой для совершенствования других видов речевой деятельности, в том числе и говорения.

В отличие от основной школы в старшей школе приоритетной является задача повышения уровня речевой культуры в наиболее важных для старшеклассников ситуациях учебно-научного и делового общения. Базой для формирования соответствующих умений становятся знания языковых норм и их разновидности. Особое внимание уделяется целенаправленному развитию таких умений и навыков, которые необ-

ходимы для обучения в вузе и в будущей профессиональной деятельности выпускников: навыков различных видов чтения учебно-научных текстов, навыков создания собственных текстов и т.д.

В контрольных измерительных материалах есть ряд заданий, проверяющих речемыслительные умения и навыки на базовом уровне. Это задания с выбором ответа А7, А8, А12, связанные со структурно-смысловым и языковым анализом микротекста (лексическим анализом слова в контексте).

Приведем пример такого задания.

Прочитайте текст и выполните задания А7—А12.

(1) ... (2) Вся другая информация (звуки, изображения) для обработки на компьютере должна быть преобразована в числовую форму (3) Аналогичным образом на компьютере обрабатывается и текстовая информация при вводе в компьютер каждая буква кодируется определенным числом, а при переводе на внешние устройства по этим числам строятся соответствующие изображения букв. (4) Это соответствие между набором букв и числами называется кодировкой символов (5) Все числа в компьютере представляются с помощью нулей и единиц, а не десяти цифр, как это привычно для людей (6) компьютеры обычно работают в двоичной системе счисления.

А7. Какое из приведенных ниже предложений должно быть первым в этом тексте?

1) Персональные компьютеры – это универсальные устройства для обработки информации

2) Компьютер может обрабатывать только информацию, представленную в числовой форме.

3) Вся информация, предназначенная для долгосрочного пользования, хранится в файлах.

4) Информация в компьютере хранится в памяти или на различных носителях, например на гибких и жестких дисках.

А8. Какое из приведенных ниже слов (сочетаний слов) должно быть на месте пропуска в шестом предложении?

- 1) Прежде всего.
- 2) Однако.
- 3) Кроме того,
- 4) Иными словами.

A12. Укажите значение слова, КОДИРУЕТСЯ в предложении 3.

- 1) воспроизводится в определенной последовательности.
- 2) постоянно повторяется.
- 3) записывается в виде текста.
- 4) переводится из одной системы знаков в другую.

Задания А7, А8 ориентированы на проверку умения анализировать смысловую структуру научного, делового или публицистического текста небольшого объема как речевых высказываний, в которых раскрывается содержание той или иной темы, подтемы или комбинации подтем, при этом в основу темы положен «элемент объективного мира», что позволяет представить тему как раскрытие «всестороннего описания свойств объекта» [4]. Такие тексты можно назвать логическим единством, микротекстом, в нем, «как в капле воды, отражается структура целого текста настолько, что можно выделить вступление, главную часть, заключение» [5].

При выполнении задания А7 выпускник выбирает одно из четырех предложений, которое должно стоять на первом месте в предложенном тексте, в задании А8 – один из четырех вариантов [2] слова, соединяющего одно предложение с другим. Для того чтобы правильно выполнить эти задания, важно понять структуру текста, его содержание и форму.

Категория содержания включает понятия темы, идеи и собственно содержания – предмета речи, материала действительности, использованного для раскрытия темы. Категория формы связана с композицией, языком, сюжетом, определяющим логику текста факты располагаются таким образом, чтобы тема развивалась логически, чтобы факты следовали один за другим, от менее значительных примеров к более значительным.

Таким образом, экзаменуемый должен осмыслить структуру текста, опирающуюся на основные понятия, передающие смысл, содержание, и, кроме того, на основные связи и отношения между понятиями, т. е. на логическую основу. Без логической основы нет текста, потому что нарушение логики создает серьезные коммуникативные помехи его восприятия. Так, в нехудожественных (научных, деловых и публицистических) текстах, представленных в заданиях А7, А8, тема обычно формулируется и выступает в виде тезиса, подлежащего развертыванию и, как правило, обозначенного в начале текста, затем следует аргументация (обоснование тезиса – доказанные научные положения, аксиомы, достоверные факты). Ошибки возникают в том случае, если учениками не осмыслена форма связи, соотнесенности тезиса и аргументации.

Задание А29 находится в ряду других заданий (А30, А31) по ориентировке в речевой деятельности. Эти задания предшествуют созданию письменного связного монологического высказывания в третьей части теста. Задание А29 нацеливает на осмысление темы текста, его проблематики, содержания, коммуникативного намерения и позиции автора текста. При выполнении задания А29 выпускник проявляет свои умения и навыки в области чтения-понимания – важнейшего вида речевой деятельности.

Задания А30 и А31 базового уровня проверяют умения на этапе ориентировки речевой деятельности решать вопрос о типологическом строении текста и об особенностях отбора автором текста языковых средств. В задании А31, проверяющем умение производить лексический анализ текста, предлагается проанализировать употребление слов в указанных предложениях текста: например, определить значение слова (фразеологического сочетания) в контексте или найти синонимы или антонимы, в том числе контекстные. Как правило, для анализа выбирались такие слова, которые являются основой создания художественного образа, базой для построения

разнообразных приемов выразительности или смысловой доминантой (ключевым словом) текста.

Задание В7 с кратким ответом относится к заданиям повышенного уровня трудности и ориентировано на проверку умений и навыков анализировать текст с точки зрения важнейшей его характеристики – связности. Основу связности составляет «коммуникативная преемственность» предложений, состоящая в том, что каждое следующее предложение строится на базе предыдущего или предыдущих, вбирая в себя ту или иную его часть [1]. В этом задании предложены фрагменты текста, содержащие различные модели темо-рематических цепочек: модели с использованием последовательного (цепного) способа связи предложений и параллельного способа соединения предложений. Нужно найти в тексте предложения, последовательно или параллельно соединенные между собой, опираясь на формальные средства, передающие связность входящих в текст предложений.

Резервом повышения эффективности формирования коммуникативной компетенции может быть усиление внимания в процессе обучения русскому языку к вопросам структурной организации текста.

Задание В8 – традиционное по содержанию в структуре теста. Форма предъявления задания, ориентированного на проверку умения анализировать роль изобразительно-выразительных средств, использованных автором в большом тексте. Экзаменуемые должны прочитать небольшой фрагмент текста, в котором содержится лингвостилистический анализ использованных в исходном тексте изобразительно-выразительных средств, и на месте пропуска-пробела поставить цифру, соответствующую правильному ответу из предложенных в списке 9 (вместо 10) терминов, называющих то или иное понятие из области стилистических ресурсов языка – источников речевой выразительности. Таким образом, в задании В8 проверяется умение соотносить функции

изобразительно-выразительного средства, используемого в тексте, и термин, указанный в списке (4 термина из 9 предложенных).

Задание открытого типа с развернутым ответом – это сочинение на основе предложенного текста. Задание проверяет сформированность у учащихся отдельных коммуникативных умений и навыков. Таким образом, третья часть экзаменационной работы проверяет состояние практических речевых умений и навыков и призвана дать представление о том, владеют ли выпускники школы монологической речью, умеют ли аргументированно и грамотно излагать свою точку зрения.

Единый государственный экзамен по русскому языку дал новые возможности в оценивании творческой работы учащегося. Вместо обобщенной характеристики: «...Сочинение... оценивается двумя отметками: первая ставится за содержание и речевое оформление, вторая – за грамотность, т.е. за соблюдение орфографических, пунктуационных и языковых норм» [3] используется такая система оценивания, которая позволяет оценить не сочинение в целом, а конкретные навыки и умения:

1) анализировать содержание и проблематику прочитанного текста;

2) комментировать проблемы исходного текста, позицию автора;

3) выражать и аргументировать собственное мнение;

4) последовательно и логично излагать мысли;

5) использовать в речи разнообразные грамматические формы и лексическое богатство языка;

6) практическую грамотность – навыки оформления высказывания в соответствии с орфографическими, пунктуационными, грамматическими и лексическими нормами современного русского литературного языка.

Существенным является то, что работа выполняется на основе неизвестного текста. При этом система оценивания

учитывает то, что умение вступать в диалог в широком смысле слова является показателем общей культуры личности. Не случайно для современной языковой культуры характерен переход от монологической формы к диалогической. Этот процесс в полной мере касается и сферы современного образования вообще и языкового образования в частности. Для преподавания русского языка это означает переход от обучения «в грамматическом духе» к обучению «в риторическом духе», что предполагает целенаправленное развитие диалогической и монологической речи учащихся (устной и письменной); формирование умения рассуждать на предложенную тему, приводя различные способы аргументации собственных мыслей, делать вывод, любой диалог вести этически корректно. При подобном подходе в центре процесса обучения стоят интересы и творческий потенциал ученика, его личный и читательский опыт, что, несомненно, нацелено на реализацию личностно ориентированного подхода в обучении русскому языку.

Сейчас, в условиях «дефицита» общенациональной идеи, многие говорят о возврате русского народа к его традиционной духовной культуре. Если обобщить содержащиеся в духовной литературе темы, касающиеся проблем языка, то важнейшей станет *феномен слова*.

Критерии точности, логичности в системе оценивания могут получить серьезное обоснование. Следовать этим критериям – значит сохранить истину, избежать ложного понимания. «Не в силе бог, а в правде», – говорил святой великий князь Александр Невский.

И хотя сейчас часто повторяется тезис о том, что следует бережно относиться к слову, не употреблять сниженную и непристойную лексику, рекомендации педагогов остаются малоэффективными. Мы смеем надеяться, что система оценивания сочинения на едином государственном экзамене поможет обратить внимание наших учеников на «святость слова».

Библиографический список

1. Капинос В.И. и др. Развитие речи: теория и практика обучения: 5–7 кл. М., 1991
2. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982.С. 139.
3. Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку: Сб.статей из опыта работы. Пособие для учителя / Сост. В.И. Капинос, Т.А. Костяева. 2–е изд., перераб. М., 1986. С. 140
4. Профессионально–педагогические традиции преподавания русского языка как иностранного. Язык – речь– специальность. М., 2005.
5. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М.,1973.

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

ПРАВОСЛАВНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКО- ВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В.И. Супрун

СЛИЯНИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПРАВОСЛАВНОГО ЧЕЛОВЕКА

*Россия, г. Волгоград, ГОУ ВПО Волгоградский
государственный педагогический университет*

Русское этноязыковое сознание обладает уникальной структурой: оно включает в свой состав не только родной русский язык, но и церковнославянский. Веками сосуществуя, взаимодействуя, взаимодополняя друг друга и неразрывно сливаясь в сознании русского человека, эти два языка выработали особый симбиоз сосуществования, поскольку между ними нет, как при обычном билингвизме, разделяющей языки границы: фонетика церковного языка в основном русская, значительная часть морфологии и лексики общая, русский литературный язык стоит на мощном церковнославянском фундаменте. В сознании русского челове-

ка существуют русско-церковнославянский языковой симбиоз: говорящий выбирает для молитвы, богослужения и иных форм конфессионального общения церковнославянские единицы, а для светской коммуникации – русские.

В наши дни наблюдается возврат церковнославянского языка в русское этнокультурное пространство. Он преподаётся не только, как прежде, в духовных училищах и семинариях, но и в многочисленных воскресных школах при храмах, на катехизаторских и просветительских курсах. Всё чаще отмечаются случаи включения церковнославянского языка (иногда его древнего извода – так называемого старославянского языка) в учебный план светской школы, обычно гимназии или лицея. Возникает ситуация, напоминающая взаимодействие языков в дореволюционное время, когда практически каждый православный в той или иной степени владел церковнославянским языком, слова и фразы из этого языка занимали своё устойчивое место в его языковом сознании.

Необходимо уточнение места церковнославянского языка в русском этноязыковом сознании. Этот язык для русских не является самостоятельным, он не выполняет в полной мере коммуникативных функций, существуя лишь для сакральных целей. Однако его нельзя назвать мёртвым языком, как, например, санскрит, латынь или древнегреческий, поскольку он имеет звучащую форму, повторяясь в виде богослужебных текстов ежедневно в храмах, он в основном понятен участвующим в богослужении, имеет прочную взаимосвязь со светским русским языком, характеризуется – пусть и в незначительной степени – вариативностью средств, отчасти развивается, видоизменяется. В светском русском языке функционируют церковнославянские слова, фразеологизмы, речения, целые тексты, сближая эти языки.

Русский язык благодаря взаимодействию с церковнославянским насыщен православным духом. Только русские люди, выражая благодарность, обращаются к Господу: *спасибо* < *спаси, Бог; спаси, Боже; спаси, Христос* (ср. укр. *дякую*, чеш. *děkuji*, польск. *dziękuję*, англ. *thank*, нем. *danke*). Только на Руси сложилась тради-

ция празднования 52-53 раза в году малой Пасхи – *воскресенья* < *Воскресение Господне* (ср. укр. *неділя*, чеш. *neděle*, польск. *niedziela*, серб. *недеља*, хорв. *nedjelja* (ветхозаветное слово), нем. *Sonntag*, англ. *Sunday*, голланд. *zondag* (языческое слово)). Русские дали миру таких великих святых подвижников, как Серафим Саровский, Иоанн Кронштадский, Ксения Петербургская, воплощающих своей жизнью и деяниями завет Господа: «Бог есть любовь».

Э.Н. Акимова

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ЖАНРОВ

*Россия, г. Саранск, ГОУ ВПО Мордовский
государственный университет, kimovaen@mail.ru*

По мнению исследователей, «определяющим параметром при характеристике языка памятника древнеславянской письменности является не наличие/отсутствие флексий, не хронология, а именно жанр, тип текста. В XI-XVI вв. в рамках одного общего жанра (типа текстов) ни время, ни место создания памятника, ни этнос не определяют лингвистический тип языка» [2: 20].

Вопрос о делимитации древнерусских жанров в научной литературе решается неоднозначно. Бинарность средневекового мировосприятия проявлялась в существовании двух жанровых систем – литературы церковной (духовной) и литературы мирской (светской), которые, разумеется, были связаны друг с другом и развивались в тесном взаимодействии, при преобладании, однако, литературы церковной. Ее жанровая система являлась наиболее устойчивой, консервативной. Здесь не было жанров в их современном литературоведческом понимании, а существовали каноны, закрепленные постановлениями вселенских соборов, «преданием», уставами и традицией.

Р. Пиккио считает, что составные элементы художественного языка нужно определять исходя из господствующей в средневековье идеи подражания. В соответствии с нею существенно не отнесение произведения к «жанру», а выяснение, какому «образцу» оно подражает и по какому «эталоноу» строится. «Эталонны» и «образцы» Пиккио – это не тематические группы текстов одной «прагматики», а как бы варианты общего средневекового понимания задачи литературы. Они предельно укрупнены, их всего четыре. В них содержатся основные направления средневековой мысли: вдохновенное свидетельство провиденциальной истории человечества (библейский образец); предельно истинная и авторитетная интерпретация явлений и событий (патристический образец); прославление христианской державы (константиновский образец); внутреннее обращение к Богу (молитвенный образец). Кроме «образцов», исток которых – конкретное сочинение, прием, формула, ставшие каноническими, существуют и порожденные ими «эталонны». «Образцы» находятся на «лексическом» уровне художественного языка; «эталонны», не имеющие в истоке конкретного сочинения, – на «синтаксическом» уровне.

Н.И. Прокофьев определяет жанр как «устоявшуюся литературную конструкцию, отличающуюся объектом изображения, целевым назначением, типом повествователя, своеобразием структуры и языка» [9: 5] и перечисляет следующие ведущие жанры древнерусской литературы: повесть, сказание, хождение, житие, послание-эпистолия, поучение (слово), беседа, лиро-эпическая песнь (имели самостоятельное распространение), плач, притча, видение, чудо, знамение (бытовали и самостоятельно, и в качестве вставной формы).

Добавив к перечисленным жанры церковной литературы, В.В. Кусков отмечает, что «каждый жанр древнерусской литературы обладал устойчивой внутренней композиционной структурой, своим канонем и имел свой стилистический шаблон» [6: 13-14].

Д.С. Лихачев, который ввел в научный оборот понятие «система жанров», акцентирует внимание на оригинальности древнерусской жанровой системы, включавшей в себя:

1) летописание (его не знала византийская литература); 2) богословско-политическую речь («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона); 3) жития русских святых (с жанровыми отличиями от традиционной формы житий); 4) «Поучение» Владимира Мономаха (жанровые аналоги не найдены в мировой литературе); 5) «Слово о полку Игореве» – ораторское произведение, включающее фольклорные славы и плачи; 6) «Моление Даниила Заточника», испытавшее влияние скоморошьего балагурства; 7) «Слово о погибели Русской земли», по форме близкое к народным плачам, но имеющее необычное для фольклора политическое содержание; 8) исторические повести; 9) политическую легенду («Сказание о Вавилоне граде»); 10) историко-бытовую повесть. Автор считает, что основой для выделения жанра, как правило, служили не литературные особенности, а самый предмет, тема произведения и что жанры определялись их употреблением [7, 1: 317, 321].

Л.П. Клименко, анализируя старопечатные памятники XVII-XVIII вв., отмечает, что «процесс жанрообразования русской литературы XI-XVII вв. протекал весьма активно и своеобразно, в ходе его не только осваивались жанры византийской и болгарской литературы, но и вырабатывались собственные, с самобытными признаками» и особое внимание уделяет жанровому своеобразию литературы сакрального содержания, «которая существовала и развивалась параллельно светской, отчасти обуславливая самый процесс жанрообразования» [3, I: 3-4].

Н.И. Толстой на основании реализации в текстах строгой или сниженной нормы выделяет следующие жанры южно- и восточнославянской письменности: 1) канонические (евангелие, псалтирь и др.); 2) литургические тексты; 3) аскетическая литература; 4) проповедническая литература («слова» и т.п.);

5) агиография; 6) повествовательная литература (повести, «романы» и т.п.); 7) апокрифы; 8) исторические произведения (хронографы, летописи); 9) паломническая литература («хождения»); 10) художественно-поэтические тексты; 11) публицистика [11:36]. Тексты верхнего яруса более консервативны и четко нормированы, дают меньше число отклонений от устанавливаемой для каждой эпохи модели, а в текстах нижнего яруса строгость нормы оказывается более свободной. Как видим, деловая и бытовая письменность в данном списке отсутствуют, хотя в более ранней работе этот же автор их называет [11: 27].

С.А. Рылов предпочитает говорить не о жанрах, а о текстах, которые в зависимости от содержания и функционального назначения классифицируются следующим образом: 1) церковно-религиозные (евангелия, псалтыри, апостолы, служебники, тревники, октоихи, минеи, кондакари, патерики); 2) литературно-хроникальные (летописи); 3) повествовательно-художественные (воинские повести, жития, хождения и др.); 4) деловые (судебники, уставы, грамоты); 5) бытовые (надписи на бытовые темы, берестяные грамоты, грамотки – частные письма) [10: 9-10].

В.В. Колесов, анализируя в аспекте литературной нормы разножанровые тексты древнерусской литературы, а именно: притчи, сказания, слова, поучения, молитвы, плачи, жития, хождения, исповеди, повести, послания, наставления, судебники, грамоты, – пишет об исторической изменчивости содержания понятий «функция», «жанр», «стиль»: «Говоря об изменениях функции, жанра, стиля, формировавших литературные нормы, не следует забывать, что для древнерусского периода все эти аспекты воплощения в художественном слове слиты воедино и только последующая история литературы постепенно дифференцирует их в указанной последовательности, разграничивая их специализацию: то, что в XII в. прагматически – функция, в XV в. – жанр, а в XVIII – стиль» [5: 134].

Н.С. Ковалев выдвигает совершенно иной критерий жанрового деления – объем микро- и макроконтекстов. Приведа слова К. Гаузенблаза о том, что различия жанровых форм эпической прозы «можно гораздо успешнее описать как различия между малой, средней и крупной формами, чем с помощью традиционных методов анализа жанра», он относит к крупным жанровым формам патерик, житие, торжественное «слово» (ряд проповедей и поучений), повесть, путевые записки; а к малым жанрам – некоторые проповеди и поучения, проложные жития, краткие назидательные «слова», обращения, послания [4: 179-180]. Как видим, в этом случае одни и те же жанры оказываются разведенными по разным группам.

Кроме того, следует учитывать, что отдельные части древнерусского текста могли принадлежать к разным жанрам. Например, летопись включала погодные записи, повести, жития, послания; жития – чудеса, похвалы, песнопения, молитвы и т.д.

Приходится констатировать, что вопросы жанровой типологии древне- и старорусских текстов весьма сложны и в научной литературе в достаточной степени пока не разработаны. Конечного списка жанров нет, они постоянно видоизменялись. Некоторые жанры обозначали одно и то же, «поскольку по средневековому обычаю в основу их номинации положены разные признаки одного жанра. Притча как небольшое эпическое повествовательное произведение, в котором абстрагированное обобщение носит назидательный характер, безусловно связана со сказанием. Плач тоже безусловно связан с молитвой (о которой редко говорят историки литературы). Поучение – слишком общий термин, поскольку оно было основным составным компонентом и беседы (учительного слова) и торжественного слова» [5: 13].

Исследователи также отмечают, что жанры древнерусской литературы в основном были повествовательными: «Эта черта придавала по существу каждому конкретному тексту статус фрагмента некоего более обширного повествования, которое

было открытым для включения новых текстов и реализовывалось в таких формах рукописной продукции, как сборники» [8: 149]. Связано это, очевидно, с особенностями восприятия и имманентными свойствами языка.

Экспериментальный психолингвистический анализ показал, что язык обладает неравнозначными возможностями по отношению к реальной действительности. Смена событий во времени описывается с большей легкостью, продуцирование же пространственных отношений и фигур, как правило, вызывает затруднения. Значительные по объему тексты, повествующие об исторических событиях, участвующие в эксперименте воспроизводили весьма удовлетворительно. В то же время суждения и умозаключения общего характера, не обладающие заметной сложностью, испытуемые излагали с ошибками [1: 5].

Обуславливающая семантика проявлялась не только в определенных жанрах, но и в самих заглавиях произведений (и их частей), выступавших актуализаторами текстовых категорий информативности и модальности и часто являвшихся названиями жанров: «Древнерусские жанры были хорошо “организованы” в том отношении, что они обычно декларативно обозначались в самих названиях», хотя «под одним названием могли находиться совершенно различные произведения (см., например: «Слово о полку Игореве», «Слово на антипасху» Кирилла Туровского и «Слово похвальное» инока Фомы)» [7, 1: 335, 320].

Наиболее употребительными в качестве детерминирующих заглавий были причинные и целевые конструкции: *И да се скажемъ, чего ради прозвася Печерьскый монастырь (ПВЛ, с. 168); Чюдо святых апостолъ и святаго Николы, како явишася на воздусе и благословиша землю ону и град Казань, да вселятся в нем православнии христиане (Казанская история, с. 498); Повѣсть о приходе литовского короля Стефана великим и гордым воинством на великий и славный богоспасаемый град Псковъ; откуда и како и коим образом попусти его богъ на Рускую землю, грех ради наших, и како великою милостию пребезначальныя Троицы*

к нам грешным христианом ото града Пскова со студом многим и великимъ срамом отиде (Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков, с. 400); Сказание, что содѣяшася в дому пресвятыя и живоначалныя Троица и како заступлениемъ пресвятыя Богородица и за молитвъ великих чюдотворцов Сергия и Никона избавлена бысть обитель сия от полских и литовскихъ людей и руских измѣнников; Сказание, что ради Троецкой Сергиевъ монастырь бысть во осадѣ (Сказание Авраамия Палицына, с. 162, 164); Слова днѣи, и царей, и святителей московских, еже есть в России. Списано бѣ ко исправлению и ко прочтанию благочестие любящих ("Слова днѣи, и царей, и святителей московских" Ивана Хворостинина, с. 428); Описание винъ или причинъ, которыми к погибели и к разорѣнью всякие царства приходят, и которыми дѣлами в цѣлости и в покою содержатца и строятца (О причинах гибели царств, с. 464); Повѣсть зѣло полезна, яже бысть во дни наша, како челоуколюбецъ Богъ являетъ неизреченное челоуколюбие свое над народомъ христианскимъ. Хошу убо вамъ, братия, повѣсть предивную повѣдати, страха и ужаса достойную, како Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ, молитвами пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии избавляетъ родъ христианский (Повесть о Савве Грудцыне, с. 39); История о отцѣх и страдалцѣхъ соловецкихъ, иже за благочестие и святыя церковныя законы и преданія в настоящая времена великодушно пострадаша (Повесть об осаде Соловецкого монастыря, с. 155).

Значения причины и цели могли совмещаться в одном заглавии или эксплицироваться в синкретичной форме: Патерикъ Печерскый, иже о создании церкви, да разумеють вси, яко самого Господа промысломъ и волею и его пречистыя матери молитвою и хотѣниемъ създася и съврѣшися боголѣпная, небеси подобная, великаа церкви Богородичина, архимандритиа всяя Руския земля, еже есть лавра святого и великаго отца нашего Феодосиа (КПП, с. 411); О обирании Бориса на царство в Новомдевиче монастырь и о воцарении его; и како ево для в тотъ монастырь со кресты ходили... (Из «Временника» Ивана Тимофеева, с. 282).

Условные конструкции использовались значительно реже и, как показывает наш материал, в прямой зависимости от индивидуальной манеры автора: некоторые статьи «Домостроя» Сильвестр озаглавливает либо придаточной условной, либо сложным предложением с ней: *Повесть и сказание извѣстно самодержца, царя великия Македония, и наказание ко храбрымъ нынешняго времени, чюдно послушати, аще кто хоцетъ* (Александрия, с. 22); *Аще восхотятъ царем правителница и землемѣрие* («Правительница» Ермолая Еразма, с. 652); *О праведномъ житии, аще кто по божь живет и по заповѣдямъ господнимъ, и по отческому преданию, и по християньскому закону, аще ли властелинь судит праведно и нелицемѣрно всѣмъ равно – богату и убогу, и ближнему, и далнему, доволни будутъ уроки праведными, и творити; Аще кто не разсудя себя живет; Аще кто слугъ держит без строя; Аще мужь самъ не учитъ, ино суд от бога приимет, аще самъ творитъ и жену и домочатцовъ учитъ милость от бога приимѣтъ* (Домострой, с. 102, 104, 122).

Библиографический список

1. Брудный А.А. О сознании и тексте / А. А. Брудный // Мысль и текст: Сб. науч. тр. Фрунзе, 1988. С. 3-10.
2. Гердт А.С. Древнеславянский язык и его типы по лингвостатистическим данным / А.С. Гердт // Учен. зап. Тартуского госун-та. 1985. Т. 711. С. 9-21.
3. Клименко Л.П. Проблема языка, состава текста и жанра старопечатных памятников русской письменности XVII–XVIII вв.: В 2 ч. / Л. П. Клименко. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. Ч. 2.
4. Ковалев Н. С. Древнерусский литературный текст: Проблема исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки / Н. С. Ковалев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. 260 с.
5. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык / В.В. Колесов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 296 с.

6. Кусков В.В. История древнерусской литературы: Учебник / В.В. Кусков. Изд-е 5, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 304 с.

7. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев // Лихачев Д.С. Избранные работы : В 3 т. / Д.С. Лихачев. Л.: Художественная литература, 1987. Т. 1. С. 276 – 531.

8. Припадчев А.А. Гносеология, прагматика и семантика в диахронии синтаксиса текста. Воронеж: МП «Курьер», 1992. 172 с.

9. Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI-XVI вв. / Н.И. Прокофьев // Литература Древней Руси. М., 1975. С. 5-39. Вып. 1.

10. Рылов С.А. Синтаксическая организация древнерусской речи: Учебное пособие / С. А. Рылов. Н. Новгород: Изд-во Горьк. гос. ун-та, 1990. 87 с.

11. Tolstoj N. I. Odnos starog srpskog knjiškog jezika prema starom slovenskom jeziku (V vesi sa razvojam žanrova u staroj srpskoj književnosti) // Naučni sastanak slavista u Vukove dane (1978). – Beograd, 1982. S. 16-24.

О.Г. Каменская, Э.К. Мустафина

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК РЕЗУЛЬТАТ
ДУХОВНОЙ АКТИВНОСТИ НАРОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ
ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)**

*Россия, г. Тольятти, ГОУ ВПО Тольяттинский
государственный университет*

В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о мире, формируется некоторая модель мира, которая в философско-лингвистической литературе именуется «картиной мира». Картина мира – одно из фундаментальных понятий, определяющих бытие [2: 47].

Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и че-

ловеке [4: 5]. Человек не склонен замечать те явления и вещи, которые находятся вне его представлений о мире.

Язык же выполняет требования познавательного процесса. Концептуальные картины мира у разных людей могут быть различными, например, у представителей разных эпох, разных социальных и возрастных групп, разных областей научного знания и т.д.

Поскольку отражение мира человеком не пассивное, а деятельностное, отношение к объектам не только порождается этими объектами, но и способно изменить их (через деятельность). Отсюда следует естественность того, что система социально-типичных позиций, отношений, оценок находит знаковое отображение в системе национального языка и принимает участие в конструировании языковой картины мира.

Следовательно, картина мира – целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает в человеке в ходе всех его контактов с миром.

Языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней.

Средневековая культура, как и современная, жила и развивалась в «языковой оболочке», определяя тот мир смыслов, мир ценностей и идеалов человека, который отразился в языке. Вот почему обращение к древнерусским памятникам дает возможность оценить средневекового человека и его культуру и в известном смысле «реконструировать» духовные ценности наших предков.

Объектом данной статьи является языковой анализ памятников деловой письменности Древней Руси, так как деловая письменность играла значительную роль в эпоху Киевского государства. До нас дошли договоры русских с греками, зафиксированные в «Повести временных лет» (ПВЛ), грамоты русских князей и отдельных лиц как акты частной переписки и, наконец, первый, закрепленный в письменности свод законов «Русская правда» (РП).

Условия жизни людей, окружающий их материальный мир определяют их сознание и поведение, что находит отражение в языке, прежде всего в семантике и грамматических формах.

Уже в ранних письменных памятниках, например в «Мстиславовой грамоте» (ок. 1130 г.), зафиксировано параллельное использование трех известных в древности форм личных местоимений 1-го лица ед. числа. Следовательно, можно предположить, что все они сосуществовали в живой речи восточных славян. Наличие в языке трех форм местоимений для передачи одного и того же грамматического значения, на первый взгляд, может показаться избыточным, но, учитывая действие в языке закона экономии, можно предположить, что использование каждой из них (по крайней мере, на начальной стадии их существования) имеет свою специфику.

Анализ языка памятников (в частности указанной грамоты) позволяет отметить стилистическую разницу в использовании этих слов: *азъ* – высокое, *язъ* – нейтральное, *я* – разговорное. Указанный памятник ярко демонстрирует это. Так, в первых строках читаем: *Се азъ, Мъстиславъ, Володимиръ сынъ, държа роуськоу землю.* Употребление старославянской формы *азъ* здесь вполне уместно, так как, с одной стороны, это начало грамоты, зачин, который строится в соответствии с греческими традициями, а с другой, речь идет о Мстиславе, сыне великого Мономаха, по отношению к которому уважительная торжественная старославянская форма необходима. Далее в середине текста, где речь идет еще об одном подарке, менее значимом, чем первый, автор употребляет русский вариант: *язъ даль роукою своею и осеннее полюдие.* В конце грамоты к отцу присоединяется сын Мстислава, молодой князь Всеволод, который тоже преподносит монастырю свой скромный подарок – блюдо серебряное: *а се я, Всеволодъ, даль есмь блюдо серебряно в •л• гривнъ серебра святому же георгиеви.* Употребление разговорной и более сниженной (можно сказать, уничижительной) формы «я» демонстрирует уважительное отношение Всеволода к своему отцу, да и подарок его по сравнению

с отцовским весьма скромно. На наш взгляд, здесь «я» выполняет функцию, похожую на использование в русском эпистолярном жанре XV–начала XVIII вв. имен собственных с уничижительными суффиксами, типа Алексашка, Ивашка, Петрушка (вспомним, что именно так подписывался Петр I в письмах к матери). Таким образом, анализ на уровне использования в древности в языке русичей грамматических форм позволяет увидеть особенности взаимоотношений людей между собой, отражение их представлений о почитании, уважении, значимости, важности.

Менталитет русского народа не возникает сразу, спонтанно, на пустом месте, это явление долгоформирующееся, сложное, так как жизнь носителей языка из поколения в поколение меняется как социально, так и ментально. Однако стержень, образующий менталитет народа, остается.

Рассмотрим способность языка отражать и, главное, сохранять реальный и культурный мир своего речевого коллектива на таком памятнике древнерусской письменности, как «Русская правда», который насыщен юридическими, общественно-политическими, производственно-бытовыми терминами. А ведь именно русская терминология является ярким выражением национальной ментальности и языкового образа внутреннего мира русского человека. Ведь мировоззрение человека складывается в результате его физического опыта и духовной деятельности.

Сопоставительное исследование, комментирование реалий, приводимое ниже, наглядно и ярко иллюстрирует изменения языка и культуры, иными словами, отражение в языковой картине мира изменений картин реальных и культурных.

Среди юридических документов Древней Руси «Русская правда» занимает особое место как первый, закрепленный в письменности свод законов, выдающийся памятник древнерусской литературы и древнерусского литературного языка. Язык «Русской правды» – сокровищница речевой культуры XI века. Здесь нашла свое выражение живая речь восточных славян, а также письмен-

ная речь княжеских канцелярий. Анализ этого памятника позволяет нам, с одной стороны, «услышать» повседневную бытовую речь древних русичей, а с другой, дает возможность сопоставить древнерусский свод законов с текстами подобного рода, широко представленными в современной юридической практике.

Текст «Русской правды» особенно интересен в плане анализа на словарно-фразеологическом уровне, поскольку наиболее зримая связь языка с обществом, со всеми сторонами жизни общества проявляется в его словарном составе, и именно он тесно и органично связан с историей быта, культуры народа, с историей общественных отношений. Этот аспект представляется нам наиболее важным при изучении древнерусского памятника такого рода, как свод законов.

Известно, что язык «Русской правды» насыщен самыми разнообразными терминами, которые являются ярким примером того, как в языке хранится культурная информация.

Общественно-политическая терминология дает ясное представление о социальных слоях феодального общества: **БОЯРИНЪ** (др.р. **БОЛЯРИНЪ**) – *хозяин вотчины*, **ОГНИЩАНИНЪ** – «*управитель вотчины*»; **ЛЮДИНЪ** – «*рядовой член общества*»; **СМЕРДЪ** – «*крестьянин, поселянин*»; **ХОЛОПЪ** – «*раб*»; **ЧЕЛДИНЪ** – «*слуга*»; **МЫТЬНИКЪ** – «*должностное лицо по сбору пошлин*»; «**БЕТЬНИКЪ** – «*судебное должностное лицо*» и т.д.

Юридическая терминология свидетельствует о четкости, прозрачности (мотивированности) понятий, связанных с судопроизводством: **ВИДОКЪ** – «*свидетель, очевидец*» (ср. ст. сл. **сѣвѣдѣтѣль**); **ПОСЛОУХЪ** – «*свидетель, дающий показания*»; **ГОЛОВЪНИКЪ** – «*душегуб*» (ср. ст. сл. **ѡвѣица**) и т.д.

Бытовая лексика представлена словами, характеризующими повседневный быт древних русичей: **ВОЛОГА** – «*молочные продукты*»; **КЛѢТЬ** – «*жилище, хозяйственная постройка*»; **ПОРТЪ** – «*одежда*».

Анализ языкового материала текста первого свода русских законов обнаруживает много интересных особенностей. Так, на-

пример, часто встречающееся в художественной и исторической литературе слово *боярин* в древнерусском языке скорее всего имело тот же корень, что и слово *большой* – дословно «большой человек, занимающий одну из верхних ступеней социальной лестницы в обществе». В более позднее время прозрачность номинации исчезла. Слово *людинъ*, которое было широко употребительным в XI веке для обозначения людей, занимающих низкое социальное положение в обществе, со временем трансформировалось в знакомое нам *простолудин*, где на низкое положение в обществе уже указывает первый корень в новом сложном слове, то есть здесь как бы происходит уточнение понятия.

Интересна и история слова «*ВЕТЬНИКЪ*, которое в современном русском языке не только имеет другую орфографию, но и переосмыслено с точки зрения значения. Первоначально в древнерусском языке эта лексема использовалась для обозначения судебного должностного лица, которое обвиняет в суде. Со временем это слово трансформировалось в *ябеду*, *ябедника* и употребляется в значении «доносчик, наушник». В качестве устаревшего в словарях отмечено значение «крючкотвор» [3: 777].

В процессе такого анализа языка древнерусского памятника можно обнаружить, что на протяжении времени слова могут изменять не только «внешний вид», свое значение, но и экспрессивную окраску: из нейтрального (в древнерусском языке) оно может превратиться в стилистически маркированное и приобрести иную коннотацию (подобно слову *ябедник*).

Таким образом, язык не только отражает культуру своего народа, его социальное устройство, менталитет, мировоззрение и многое другое, но и хранит накопленный им социокультурный пласт, который служит важнейшим и эффективным способом формирования следующих поколений, то есть инструментом культуры.

В расстановке слов, в их значениях, в смысле их соединений заложена та информация, которая передает нам знание о мире и людях, приобщая к тому духовному богатству, которое создали многие поколения предков [3:5].

Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, он несет в себе черты человеческого способа миропостижения, т.е. антропоцентризм, который пронизывает весь язык.

Именно по памятникам культуры судим мы о минувших периодах истории. «В языке отразились многие явления жизни людей. Мы употребляем слова и выражения, которые были порождены давно ушедшими в прошлое обычаями. Они – живые свидетели прошлого, знание их обогащает наш ум, дает возможность лучше постигнуть язык, более сознательно им пользоваться» [1:443].

Библиографический список

1. Волина В.В. Русский язык в рассказах, сказках, стихах. М., 1996.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. Мн.: ТетраСистемс, 2005. 2-е изд.
3. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1984. Изд. 2. Т. 4.
4. Цивьян Т.В. Лингвистическая основа балканской модели мира. М., 1990.

И.В. Бугаева

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ КАК СПОСОБ КАТЕХИЗАЦИИ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

Россия, г. Москва, Российский государственный аграрный университет им. К.А. Тимирязева, bugaevaiv@mail.ru

Религиозное осмысление мира – это специфическая сфера исследований. Многие понятия, явления и предметы в религиозном контексте имеют особый смысл. Такой смысл, актуальный и реальный для определенного социума, может либо полностью отсутствовать в узусе, либо быть трансформированным.

При анализе синонимии в православной среде обращает на себя внимание тот факт, что наряду с синонимами, общепотребительными в национальном языке, бытуют еще две группы, которые классифицируются по следующим соотношениям:

1. Лексические единицы, одна из которых принадлежит литературному языку, а другая – социуму: *плен – пленение, память – памятование, дело – делание, лень – леность, масло – елей, столовая – трапезная, одежда – одеяние, повар – трапезник, неделя – седмица, надежда – упование* и т.д. Например: *Если мы на каждом шагу будем стараться избегать их (страстей), то мы избавимся от насилия страстей и от пленения, которое за ними следует, а также и от любых диавольских злодеяний* (Старец Иосиф Ватопедский); *Сейчас Ольга учится во ВГИКе. «Своей историей я поделилась лишь для того, чтобы люди поняли: положите свои упования на Бога. И верьте! Главное – верьте. Бог всё устроит. Он ближе к вам, чем ваше собственное сердце* (АиФ. № 12, 2008); *Я стараюсь пост соблюдать, но елей употребляю* (Зап. 2994).

2. Лексические единицы, которые обе принадлежат социуму и не отражены в современных словарях: *елеосвящение – соборование; обедня – литургия, викарий – благочинный, регент – уставщик, агана – трапеза.*

Синонимы, встречающиеся в церковной сфере, выстраиваются в синонимические ряды. Компоненты таких синонимических рядов традиционно могут быть стилистически маркированы и определять регистры речи. Частотны образные, метафорические многокомпонентные единицы в структуре синонимических рядов: *экзорцизм – отчитка – изгнание нечистых духов (бесов)*. В этом ряду первая единица является грецизмом и функционирует как богословский термин. Вторая единица – нейтральная, общепотребительная в церковном обиходе лексема. Третья единица получает стилистическую помету «возвышенное». Аналогичных примеров много: *умереть – преставиться – почитать (в Бозе) – упокоиться – отойти ко*

Господу; принять постриг – постричься – стать монахом и т.д. Следовательно, как и в литературном языке, в речи православных верующих единицы синонимических рядов соответствуют разному функционально-стилевому употреблению или разным стилистическим регистрам.

Синонимические пары в прицерковном круге делятся на разные группы. Классификация может проводиться по разным принципам: по происхождению лексем, по сферам употребления (книжные – разговорные, терминологические – обиходные), по стилистическим признакам.

По происхождению лексем синонимы можно сгруппировать следующим образом. Во-первых, одно слово заимствованное (греческое, еврейское, латинское), другое – славянское, являющееся его переводом. В среде верующих бытуют оба слова, первое из которых является богословским термином, второе – общеупотребительной единицей. Например: *агиасма – святая вода, Христом – Златоуст, Пантанасса – Всецарица, неофит – новоначальный, икона – образ, елеосвящение – соборование, ангел – вестник, монастырь – обитель, викарий – благочинный, псаломщик – чтец, регент – уставщик, анахорет – отшельник, индикт – церковное новолетие* и т.д.

Вторая группа – это синонимическая пара (ряд), каждая единица которой славянского происхождения: *теплота – записка, преставление – успение – смерть, преставиться – почитать, бесноватый – одержимый, прикладываться – целовать, отрок – мальчик, отроковица – девочка, прещение – угроза, ненависть; святой – прославленный, поститься – говеть, лествица – лестница, седмица – неделя* и др. Например: *В Православии принято выражать свое чувство к святыне, прикладываясь устами, лобзанием* (Зап. 2003).

Третья группа включает в себя устойчивые словосочетания и разные фразеологические единицы: *одр – смертное ложе, монахиня – невеста Христова, награждать – венчать милостью, паства – духовное стадо, бесплатно – (сделать что-то) во славу*

Божью и т.д. Например: *Как быстро Вы сможете сделать этот перевод и сколько будет стоить?* – Текст небольшой, недели хватит, а сделаю *во славу Божию* (Зап. 2006).

По сферам употребления синонимы могут быть терминологическими и общеупотребительными в церковной среде (*Октоих – Осьмогласник, рипида – опахало, аналав – параман, хиротония – рукоположение – посвящение в сан, дверник – привратник*).

По стилистическим характеристикам синонимы в религиозной среде могут быть определены как высокие, нейтральные и просторечные. Например: *стопа* (высок.) – *нога* (нейтр.), *возвестить* (высок.) – *сообщить* (нейтр.), *предстать* (высок.) – *появиться* (нейтр.), *кара* (высок.) – *наказание* (нейтр.), *вкушать* (высок.) – *есть* (нейтр.), *просфора* (нейтр.) – *просфорка* (прост.), – *просвирка* (прост.), *свеча* (нейтр.) – *свечка* (прост.), *почить* (высок., устар.) – *умереть* (нейтр.), *литургия* (нейтр.) – *обедня* (прост.), *икона* (нейтр.) – *образок* (прост.), *монахиня*– *монашка* (прост.), *делание* (высок.) – *работа* (нейтр.), *лобзание* (высок.) – *поцелуй* (нейтр.). Например: *Вкушал сегодня что-нибудь с утра?* (Зап. 2006); *Фреска с чудотворным образом была попросту сбита. Сохранен только нимб и стопы Пресвятой Богородицы* (Зап. 2007); *Надо выучиться избегать мирского утешения, заниматься внутренним духовным деланием для стяжания утешения божественного* (Паисий Ватопедский).

В современной поэзии религиозного содержания часто используется терминологическое слово как синоним общеупотребительному. Такой пример находим в стихотворении Н. Кудряшовой, которая употребляет лексику *Сретенье* как синоним слову *встреча*:

Тогда отверзется темница
И Свет прогонит ночи тьму,
Тогда душа моя решится
Шагнуть на *Сретенье* к Нему.

Следует отметить еще одну особенность синонимии в пра-

вославной среде: те слова, которые в современном русском языке не являются синонимами, в речи верующих рассматриваются как таковые. Например, *грех – страсть, страдание – страсть*. Узуальное значение лексемы *страсть* в современном восприятии – «сильно выраженное чувство», в то время как грех – это «нарушение религиозных предписаний; предосудительный поступок». В современном литературном языке лексеме *грех* пару составляет *проступок*, а лексеме *страсть* – 1. *страстность, жар, пыл, огонь*; 2. *влечение, любовь*; 3. *страх*. Приведем примеры употребления синонимов *грех – страсть, страдание – страсть* в прицерковном круге: *Страсть – это ведь страдание. С церковнославянского языка это слово так и переводится*» (о. Всеволод Чаплин. «Фома». 2005. № 8. :46); *Страсть по-славянски, как вы прекрасно знаете, значит прежде всего страдание, страсти Господни, «грядый Господь к вольной страсти» (Господь, идучи на добровольную муку). Кроме того, это слово употребляется в позднейшем русском значении пороков и вождлений. «Страстем поработив достоинство души моя, скот бых», «Изринувшейся из рая, воздержанием страстей потщимся внити»... (Б.Пастернак. Доктор Живаго); Аскетизм включает в себя покаяние, молитву, борьбу со страстями и контроль над пятью чувствами (Рафаил 2002:95); Ох, грехи-грехи мои, совсем страсти одолели, замучил нечистый (Зап. 2001).*

Отмечается и обратный процесс, когда стилистические синонимы в современном русском языке *помнить/вспомнить* (нейтр.) – *поминать/помянуть* (разг.) (*Помянуть добрым словом*) в православной среде меняют свой статус, синонимические отношения распадаются, так как развивается новое значение. Например: *Спасибо за то, что помнишь и поминать* (Зап. 2007); *Помяните, пожалуйста, в своих молитвах мою болящую маму. Ее имя во Святом Крещении София* (Зап. 2004); *Была вчера на службе, помолилась, тебя тоже помянула, свечку поставила* (Зап. 2006).

Можно выстроить синонимические цепочки, которые будут отличаться от узуальных: *архиерей – иерарх – архипастырь – владыка, агана – трапеза – вкушение пищи – принятие пищи; паломник – богомолец – калика – пилигрим; священство – духовенство – клир, настоятель (монастыря) – скитоначальник – игумен – авва; алтарник – причетник – пономарь; умереть – преставиться – почитать (в Бозе) – упокоиться – отойти; экзорцизм – отчитка – изгнание нечистых духов; грех – прегрешение – страсть* и т.д.

Религиозная терминологическая лексика в обыденной речи верующих иногда используется как синоним нейтральному слову. Например, лексемы *отпуст, отдание* встречаются как синоним словам *заключение, завершение, конец*. Преподаватель рассказывает о структуре дипломной работы: «... Введение, основная часть, заключение...». – Реплика студента на последнее слово: «*Отпуст*» (Зап. 2004).

Таким образом, высокие, просторечные, обиходные, стилистически сниженные лексемы иногда теряют эти признаки, становясь нейтральными в конкретной социальной группе, и приобретают функцию стилистического маркера.

В языке верующих довольно велик ряд экспрессивных синонимов в наименовании Господа, Божией Матери и святых. Например:

Иисус Христос = *Сын Божий, Спаситель, Любовь, Альфа и Омега, Человеколюбец, Заступник, Иисус Сладчайший, Судия, Избавитель, Пастырь, Испытатель, Агнец, Утешитель* и т.д.

Божия Мать = *Пресвятая Богородица, Пречистая Дева, Невеста Невестная, Заступница усердная, Владычица мира, Царица Небесная, Всенепорочная, Источник нетления, Сокровище спасения, Стена нерушимая, Ходатаица, Всепетая Мати* и т.д.

Подобные синонимы, употребляемые в речи священников и мирян, выполняют функцию катехизации, их объяснение и толкование помогает раскрыть сложные богословские догматические понятия.

Выбор того или иного синонима в православной среде часто определяется коммуникативной ситуацией и жанровой принадлежностью текста.

Н.Е. Воскресенская

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЦЕЛЬНОСТИ СЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА ЕВАНГЕЛИЯ

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский
государственный университет, voskresne@mail.ru*

Евангелие является одним из интереснейших и сложных источников для изучения вопросов, связанных с историей развития славянских литературных языков, с историей славянской письменности.

В данном исследовании ставятся две задачи: описать и изучить синтаксические конструкции, содержащие чужую речь, в старославянском и древнерусском языках и показать на материале конструкций и их функционирования в тексте некоторые стилистические особенности славянского текста Евангелия.

Обращение к предложениям с чужой речью как к предмету исследования обусловлено прежде всего особенностями самого текста Евангелия, в котором они содержатся в среднем в каждом втором стихе, пронизывают весь текст повествования и играют структурообразующую роль: это и устойчивые зачины чтений апракоса, и устойчивый оборот «истинно говорю вам», и повторяющиеся в основном авторском тексте и в притчах вводящие конструкции, и т.д. Другой причиной обращения к способам передачи чужой речи является их малая изученность.

Под конструкциями чужой речи понимаются синтаксические образования, состоящие из передаваемой речи и вводящих слов автора. Специализированными для передачи чужой

речи являются конструкции прямой и косвенной речи [1].

Материалом для изучения славянского текста Евангелия послужили древнейшие древнерусские памятники – Остромирово Евангелие 1056-1057 годов и Архангельское Евангелие 1092 года [2]. Они фиксируют состояние древнерусского языка в начальный письменный период и имеют для его изучения исключительное значение, так как являются точно датированными.

Исследование Остромирова и Архангельского Евангелий позволило выделить основные конструкции чужой речи: это прежде всего предложения с прямой речью, а также незначительное число использований полупрямой и косвенной речи.

Полупрямая речь представляет собой сочетание прямой и косвенной речи: после вводящих слов автора ставится союз (как при косвенной речи), а далее следует прямая речь без перестройки в косвенную.

Чужая речь вводится в текст с помощью двух основных глаголов: *рещи* и *глаголати*, а также с помощью их сочетаний с другими глаголами речи: *отвечати*, *молити*, *возопити*, *вопросити* и под.

Особенностью славянских текстов Евангелия в указанном аспекте является то, что вводящие конструкции в них последовательно выдерживаются в одних и тех же грамматических формах – в большинстве случаев это формы аориста и причастия. Другие формы – настоящее время, имперфект и будущее время – встречаются гораздо реже и только в определенных контекстах.

Эта стилистическая выдержанность славянского текста Евангелия проявляется при сравнении его с древнегреческим текстом и переводом Евангелия на русский язык. Сопоставление обнаруживает, во-первых, строгую закономерность перевода греческих форм во вводящих конструкциях на славянский язык, а во-вторых, небуквальность этого перевода с точки зрения грамматических форм.

Так, греческие формы аориста и настоящего времени глагола употребляются в вводящих словах автора без порядка: *Утром же захотел* (в греч. – аорист) *Иисус выйти в Галилею и обретает*

(наст. вр.) *Филиппа и говорит* (наст. вр.) ему: «Иди за мной» (Ин. 1:43); *Приходит* (наст. вр.) к оученикам и *обретает* (наст. вр.) их спящими и *говорит* (наст. вр.) Симону Петру... (Мф. 26:40) [3].

В славянском тексте Евангелия формы настоящего времени и аориста последовательно переводятся во вводящих словах автора формами аориста: *въ оутреи же въсхоте* (аорист) *и̇ с изити въ галилею и обрете* (аорист) *филлипа и гла* (аорист) *емоу гряди по мѣне...* (Ин. 1:43); *приде* (аорист) *къ оученикомъ и обрете* (аорист) *я спящя и гла* (аорист) *симоноу петроу...* (Мф. 26:40) [4].

Таким образом, данные примеры иллюстрируют грамматическое единообразие славянского текста Евангелия по сравнению с древнегреческим.

Исследование значительного по объему материала позволяет говорить о большей стилистической целостности славянского текста Евангелия в сопоставлении с древнегреческим. Причиной стилистической неоднородности греческого текста является принципиально иная история возникновения греческого текста Евангелия по сравнению со славянским.

Греческий текст Евангелия, как отмечают исследователи, не создавался изначально как священный и был адресован разным аудиториям. Древнегреческий язык Нового Завета представляет собой самостоятельную форму существования греческого языка и предстает как сложное и многослойное образование, отразившее разновременность создания частей канона, влияние разных греческих диалектов, соседних языков, а также разговорную речь с присущими ей языковыми особенностями и тенденциями [5].

Иным по стилистическому характеру является славянский текст Евангелия. Ко времени его возникновения уже был сформирован канон, и перед славянскими первоучителями стояла сложная задача создать максимально точный и достойный перевод на славянский язык священного текста [6].

Церковнославянский текст Евангелия, несмотря на некоторое общее лексическое расхождение с древнейшими памят-

никами, сохраняет практически в точности грамматическую и лексическую структуру конструкций чужой речи.

Перевод Евангелия на современный русский язык имеет сложную историю [7], и это отражается в его стилистике: в предложениях с чужой речью русский текст характеризуется непоследовательностью в грамматическом оформлении и в целом не соответствует в точности ни древнегреческому тексту, ни древним славянским текстам.

Таким образом, сопоставление текстов Евангелий показывает стилистическую однородность старославянского, древнерусского и церковнославянского текстов Евангелия в отношении оформления изучаемых конструкций по сравнению с древнегреческим оригиналом и русским переводом. Славянский текст Евангелия является образцом переводческого мастерства и носителем исконной славянской литературной традиции, что важно учитывать при уточнении перевода Евангелия на русский язык.

Библиографический список

1. Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. Самара, 1993. С. 150.

2. Остромирово Евангелие 1056-1057 гг. М.-Л., 1988 (фототипическое издание); Архангельское Евангелие 1092 г. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. М., 1997.

3. Греческий текст изучался по двум источникам: по Textus Receptus (по изд.: Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках. М., 1993.) и критическому изданию (по изд.: The Greek New Testament. Deutsche Bibelgesellschaft. D-Stuttgart, 1998)

4. Примеры славянского текста даются по Остромирову Евангелию без сохранения юсов и буквы ять.

5. Иеремиас И. Богословие Нового Завета. М., 1999; Лёзов С.В. История и герменевтика в изучении Нового Завета.

М., 1996; Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., 1996; Смагина Е.Б. История греческого языка. Место и особенности языка Нового Завета. // Мейчен Дж.Г. Учебник греческого языка Нового Завета. М., 2002.

6. Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.; Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.

7. Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.

А.Б. Карпенко, К.П. Малуха

КОНЦЕПТ «ДАР» В ВЕТХОЗАВЕТНЫХ И НОВОЗАВЕТНЫХ ТЕКСТАХ БИБЛИИ

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский
государственный университет*

В настоящее время когнитивная лингвистика является одним из актуальных направлений науки о языке. Центральным ее понятием является понятие «концепт». Несмотря на активность научной мысли в области теории и методологии изучения концептов, многие аспекты его характеристики остаются дискуссионными. Не существует и единого определения понятия «концепт». Выделяются два центральных направления в изучении концептов: это лингвокогнитивное направление и лингвокультурологическое.

Сторонники лингвокогнитивного направления включают в понятие «концепт» лишь основные категориальные признаки обозначаемого. Сторонники лингвокультурологического направления признают, что концепт значительно шире понятия: содержание концепта включает не только категориальные признаки обозначаемого, но и всю сопутствующую культурно-фоновую информацию.

Можно отметить, что когнитивный и культурологический взгляды не противоречат друг другу, а находятся в отношении взаимодополнения. В современной лингвокультурологической литературе концепт признается базовой единицей культуры.

Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека», то, что вводит человека в культуру. В отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются [1]. В данном исследовании концепт понимается как сложное ментальное образование, опирающееся на язык и культуру и включающее в себя не только понятийные, но и коннотативные, образные, оценочные и ассоциативные характеристики.

Основные задачи работы состоят в сопоставлении структуры концепта «дар» в книгах Ветхого и Нового Заветов, а также в исследовании лексико-семантического оформления данного концепта в Библии (на материале русского перевода).

Идея дара в книгах Священного Писания [2] выражается многообразно, при этом наборы лексем с корнем *-дар-* в Ветхом и Новом Заветах не совпадают.

В Ветхом Завете основным средством выражения концепта «дар» является сама лексема *дар*. Мы обнаруживаем ее почти в 50 % случаев. Второе место по количеству употреблений занимает лексема *подарок* (в Новом Завете данное слово отсутствует). Высокой частотностью характеризуются также лексемы *даровать* и *дарить*.

В Новом Завете самой частотной лексемой, выражающей данный концепт, также является слово *дар*. Следующими по количеству употреблений оказываются лексемы *благодарить* и *благодарение*. Покажем далее, как изменение структуры концепта отражается на средствах его выражения.

Если исходить из понимания концепта как полевой структуры, то ядром концепта «дар» в Библии можно назвать божественные дары, то есть те дары, которые Бог дает человеку. В Ветхом Завете Бог дарует человеку спасение, жизнь, детей,

слово, милость, мир (мироустройство, миропорядок), крепость (духа), знание, благословение, благодать, мудрость, царство, власть, величие, силу, честь, славу, победу, способность разумеать сны, способность видеть доброе и т.д.

Как видно из вышеперечисленного, Господь в Ветхом Завете дарует человеку основополагающие духовные ценности и представления об устройстве мира, в том числе и об устройстве общества. Интересно, что лексемы *даровать*, *даровавший*, *дарующий* в тексте Ветхого Завета используются при описании волеизъявления Бога.

Кроме значения божественного дара в Ветхом Завете встречается и другое значение – значение ответного дара человека Богу.

Ср.: Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его (Быт. 4:3-4).

Для Ветхого Завета характерно своеобразное овеществление человеческого дара. Как правило, это елей, соль, вино, финиам и скот. Отсюда частое повторение устойчивого сочетания *благодарственная жертва*.

Третье значение дара в Ветхом Завете – это дар человека человеку. Чаще всего это тоже вещественные дары – золото, волы, украшения: *И вынул раб серебряные вещи и золотые вещи и одежды и дал Ревекке; также и брату ее дал богатые подарки* (Быт. 24:53).

Интересно, что лексемы *подарок* и *подарить* (отсутствующие в Новом Завете) в Ветхом Завете употребляются только по отношению к человеку и никогда не употребляются по отношению к Богу. При этом слово *подарок* достаточно часто получает негативную семантику.

Таким образом, субъектно-объектную организацию процесса дарения в Ветхом Завете можно представить следующим образом:

Бог

Человек Человек

В Новом Завете комплекс указанных значений и линий дарения присутствует, однако реализуются эти значения иначе.

Как и в Ветхом Завете, значение божественного дара здесь доминирует, однако изменяется характер осмысления божественного дара.

Кроме указанных значений, в Новом Завете особое значение получает дар человеку благодати и сошествие Святого Духа:

Но дар благодати не как преступление. Ибо если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божья и дар по благодати одного человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих (Рим. 5:15).

Центральное место в Новом Завете занимает дарованная человечеству жертва Христа: *Тот, Который Сына своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?* (Рим. 8:32).

Также особым божественным даром в Новом Завете становятся способности, которые человек получает от Бога:

- способность исцеления:

Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте (Мф. 10:8);

- пророчества:

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто (1 Кор. 13:2);

- истолкования:

А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования (1 Кор. 14:13);

Второе значение ответного дара Богу, которое отмечено в Ветхом Завете, в Новом Завете также получает новое осмысление: на первый план выходят не вещественные дары и жерт-

вы (как это было в Ветхом Завете), а **духовный** дар человека Богу, то есть благодарение, молитва:

Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, **благодарения** за всех человеков (1 Тим. 2:1);

Непрестанно молитесь. За все **благодарите**: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе (1 Фес. 5:17-18).

В Новом Завете отчетливее проявляется идеал духовного благодарения, жертвы духа (при этом слова *благодарение* и *благодарить* в Новом Завете употребляются во много раз чаще, хотя по объему текст Нового Завета меньше. Даже в тех местах Нового Завета, где говорится о приношении золота Церкви, определяющим является не количество денег, которые были принесены в дар, а вера и желание, с которыми это было исполнено. Примером может послужить эпизод Нового Завета, где рассказывается о бедной вдове, которая приносит Церкви последние две лепты. Иисус, подзывая своих учеников, говорит им:

«Истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу; ибо все клали от избытка своего, а она из скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое» (Мк. 12:43-44).

Третья линия дарения – от человека человеку – в Новом Завете проявляется факультативно, следовательно, смысловой акцент здесь делается на отношениях человека и Бога, на диалоге, происходящем между человеком и Богом.

Итак, отраженное в Библии представление о даре претерпевает определенные изменения.

В Священном Писании не раз говорится о том, что началом любого дара является дар Божий, в подтверждение этому в Новом Завете «вещественные дары» отходят на второй план и доминирующим становится понятие духовной жертвы, которую человек должен совершить в благодарность за жертву, принесенную Христом ради спасения человечества. Языковое выражение концепта «дар» подтверждает, что обращение души человека к Богу получает первостепенное значение именно в тексте Нового Завета.

Библиографический список

1. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 1998. – 1337 с.

О.И. Ануфриева

ОБРАЗ ПУТИ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ПРАВЕДНОСТЬ» В БИБЛИИ

Россия, г. Самара,

Самарская гуманитарная академия, ro@samrosp.ru

Концепт «праведность» в Библии представляет собой ценностно-ориентированное представление о добродетельных качествах человека, жизнь которого протекает согласно заветам Бога. Как всякий концепт он обладает самыми разными формами лексического выражения в языке и тексте – от слова «правда» до целого комплекса выразительных средств – образа пути.

«Путь» – древний образ-символ, пространственно-временная метафора жизни человека. «Пространственная динамическая модель «движение (перемещение в пространстве)» воплощается в образе пути, который предполагает начало и конец, приход – уход, встречу и разлуку, преграду и ее преодоление. На основе общих сем «начало», «конец», «движение», «направление», «образ жизни», образующих значение слов *путь* и *жизнь*, строится метафора «жизнь – это путь» [3: 15]. В религиозном дискурсе образ пути имеет свою особенность: метафорически он выражает не просто идею жизни, а, прежде всего, ее нравственную направленность. Вследствие чего «направление» – центральный элемент рассматриваемого образа. «В религиозном сознании понятие «путь» <...> универсально и осмысливается в пространственных границах «верха» и

«низа», представляя собой либо восхождение в Царствие небесное, либо нисхождение в преисподнюю (движение вниз отражено, например, в лексеме «грехопадение»)» [2: 67]. Рассмотрим содержание образа пути в Ветхом Завете (на примере Псалтыри) и в новозаветных текстах.

Ассоциативно-семантическое поле пути в Библии включает в себя такие элементы, как: *путь, межа, стезя, пустыня (место, лишённое путей), яма, сеть, капкан, преткновение, ходить, идти, падать, спотыкаться, вознестись, низвергнуть, отступить, обратиться назад, возвысить, сойти, странник, пришелец, нога, стопа, шаг*. Образ пути в Псалтыри – воплощает идею жизни в соответствии с Божественными предписаниями. Его религиозная специфика (в отличие, например, от поэтического образа пути) заключается в том, что он вбирает в себя такие категории, как «закон», «устав», «слово», «правда», «истина», «ложь». Оппозиция *праведный – неправедный путь* организует структуру образа, выстраивает возможные векторы человеческой жизни (вверх-вниз, вперед-назад) и конечную её точку – прекращение всякого движения, вечный покой, скалу Господню или преисподнюю. В Псалтыри и в целом в Ветхом Завете «путь» – средство соединения с Богом через исполнение Его Закона, это образное выражение праведности. В земной жизни праведность и блаженство человека определяется наличием пути прямого. *Моя нога стоит на прямом пути; в собраниях благословлю Господа (Пс. 25.12)*. Несчастье влекут пути кривые, попятные либо отсутствие всякого пути – пустыня, означающая не только географическое пространство, но и состояние души, сердца. *А сокрущающихся на кривые пути свои да оставит Господь ходить с делающими беззаконие (Пс. 124.5)*. *И оставляет их блуждать в пустыне, где нет путей (Пс. 106.40)*.

Как уже говорилось, праведному человеку принадлежит прямой путь. Обращение к внутренней форме слова выявляет этимологическое родство слов «праведный» и «прямой». Основа прав – во многих славянских языках включает сему *прямой*.

В.В. Колесов, исследуя формирование этических и эстетических представлений Древней Руси, приводит следующие данные: «В старославянских памятниках X–XI вв. употреблено сорок три слова с корнем *прав-*, и все они так или иначе контекстуально связаны со словами «путь», «стезя» и другими, обозначающими движение, перемещение в пространстве, слово «правда» в этих источниках использовано около двухсот раз; основное значение его – справедливость и правдивость, что понятно: все старославянские памятники – переводы греческих христианских текстов. Справедливость и искренность в поведении воспринимались (и передавались в соответствии с греческими словами) как прямое и правильное движение души. Исконное значение корня *прав-* – «прямой, ровный», т.е., по сути, «правильный», на этой основе и развиваются производные слова, каждое из которых уточняет какой-то конкретный смысл корня: *правило, правыни, правость, правота, правда...*» [1: 311-312]. Связь метафоры прямого пути и сферы человеческого поведения осуществляется комплексно, не только в значении *правильный, праведный*, но и в его противоположности – *кривой, лукавый*. Жить «по правде» – значит жить «не просто по правилам общежития, но обязательно с устранением кривого и лукавого. В этом смысле правда и есть справедливость, она противопоставлена кривде. <...> В понятие *правильного* входит не только утверждение положительно верного движения, но и отрицание запутанного, искривленного и ошибочного. Не только движения (как себя вести), но и его этической оценки» [1: 312].

Образ пути не претерпевает значительных этических интерпретаций в Новом Завете. В нем лишь актуализируются одни и «приглушаются» другие элементы структуры. В Новом Завете образ пути в некоторых моментах сохраняет ветхозаветные традиции. Это, в частности, относится к линии «путь Господень». Лексических изменений здесь не происходит: представлено либо простое сочетание *путь Господень* без каких-либо характеристик, либо известные по Псалтыри определения: «прямой»

*(Совращать с прямых путей Господних (Дея. 13.10), «праведный» (праведны и истинны пути Твои, царь Святых (От. 15.3), «неведомый» (неисследимы пути Его (Рим. 11.33)). Новые составляющие образ получает благодаря фигуре Христа. Слова «путь» и «Христос» в Евангелиях и апостольских посланиях тесно переплетаются. Христос мыслим в земном пространстве, Он совершает перемещения в пространстве. У Него свой Путь. Об Иоанне Крестителе сказано, что ему выпала миссия «уготовать путь Его перед Ним» (Мф.11.10; Мр.1.2; Лк.1.76; 7.27). В Новом Завете категория «путь» получает новое значение – путь есть Христос, Путь человека к Всевышнему: *А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете. Фома сказал Ему: Господи! Не знаем, куда идешь; как можем знать путь? Иисус сказал ему: Я есть путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня (Ин.14.4-6)*. В связи с этим возникают новые характеристики пути – «живой» и «новый»: *И сия дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, которым Он вновь открыл нам через завесу (Евр.10.19)*. Значение *путь – Христос* реализуется и в выражении «*ходить во Христе*»: *как вы приняли Христа Иисуса Господа, так и ходите в Нем (Кол.2.6); (Тимофей) напомним вам о путях моих во Христе (1.Кор.4.17)*. Фигура Христа по-новому акцентирует концепт света и тьмы, который в Ветхом Завете сопутствовал сегменту концепта «праведность» – «плоды праведности». *Сияет свет на праведника, и на правых сердцем – веселье (Пс.96.11-12)*. В Новом Завете Христос есть свет для всех ходящих в Нем. Лексемы «свет» – «тьма», «день» – «ночь» активно используются в текстах, создавая эффект контраста: *Я свет миру; кто последует за мной, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни (Ин.8.12); Еще на малое время Свет есть с вами; ходите пока есть Свет, чтобы не объяла вас тьма: а ходящий во тьме не знает, куда идет. Доколе Свет с вами, веруйте в Свет, да будете сынами Света (Ин.12.35-36); Если мы говорим, что**

имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине; если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом... (1Ин.1.6-7); Спасенные народы будут ходить во свете Его (От.21.24); Просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира (Лк.1.79); Кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет лица сего. Кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним.

Таким образом, в Новом Завете образ пути приобретает значение *жизнь во Христе*. В характеристиках человеческого пути наряду с привычными – **прямой путь** (*ходить прямо ногами вашими (Евр.12.13)*), **путь истины** (*дети мои ходят в истине (3Ин.1.4; 2Пет.2.2; Ин.1.4)*) – появляются и новые сочетания: **путь веры** (*ибо мы ходим верою, а не видимем (2Кор.5.7; Рим.4.12)*), **путь спасения** (*возвращают на путь спасения (1Ев.16.17)*), **узкий путь** (*потому то тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь и немногие находят их (Мф.7.14)*). Для пути грешников: **блуждание** (*Оставивши путь прямой, они заблудились (2Пет.2.15; Рим.3.15)*), **свой путь** (*попустил <Господь язычникам> ходить своим путем (Дея.14.16)*), **Каинов путь** (*горе им, потому что идут путем Каиновым (1Иуд.1.11)*), **путь язычников** (*на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите (Мф.10.5; Кор.12.2)*), **широкий, пространный путь** (*входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель и многие идут ими*). Следует обратить внимание на коннотативную эволюцию характеристики «широкий»: путь праведника в Псалтыри был широк и просторен (30.9, 17.20, 37, 118.45, 4.2), теперь эта характеристика принадлежит пути грешника, поскольку путь спасения – узкий путь. По-прежнему попятный путь расценивается отрицательно: *лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад (2Пет.2.21)*.

Как и в Ветхом Завете, праведный путь выполняет функцию связующего звена между Богом и человеком, только в дохристианский эпохе эта связь была основана на Законе, а с приходом Благоvestия она переместилась на *Христа*.

Библиографический список

1. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: В 5 кн. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. Кн. 3: Бытие и быт. 400 с.
2. Миллер Л.В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 156 с.
3. Порядина Р.Н. Духовный мир в образах пространства // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. / Отв. ред. проф. З. И. Резанова. Томск: UFO Plus, 2007. 384 с.

Л.Б. Карпенко, Н.С. Григорьева

ВЛИЯНИЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА НА РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ С КОРНЕМ *-ВЕР-* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Самара,

ГОУ ВПО Самарский государственный университет

Болгарский и русский языки принадлежат к славянской группе индоевропейских языков. Как писал С.Б. Бернштейн, славянские языки «отличаются большой степенью близости друг к другу, которая обнаруживается в корнеслове, аффиксах, структуре слова, употреблении грамматических категорий, структуре предложения, семантике, системе регулярных звуковых соответствий, морфонологических чередованиях. Эта близость объясняется как единством происхождения славянских языков, так и их длительными и интенсивными контактами на уровне литературных языков и диалектов».

Общностью происхождения объясняется общность основного лексического фонда славянских языков. Основной лексический фонд – это «неподвижные» элементы языка, которые

не только не утрачиваются в языке на протяжении многих веков, но и служат базой для образования новых слов, т.е. являются главной устойчивой материальной и структурной основой обогащения и развития словарного состава языка.

Русский язык исторически связан с болгарским языком не только в связи с общностью происхождения, но и по причине того, что русский язык, как и другие славянские языки, испытал мощное влияние древнеболгарского, или старославянского языка, наследуя его образные средства, лексику, словообразовательные модели. Как правило, лексика, заимствованная из старославянского языка, имеет высокую окраску и высокое духовное содержание. Это связано с тем, что старославянский – это язык православных религиозных текстов, пришедших на Русь из Болгарии.

В течение длительного времени старославянский язык был общим культурным книжно-письменным языком славянских народов. В XI в. Болгария попала под византийское иго, затем с XIV по XIX вв. находилась под турецким игом. Центром и хранильницей славянской письменности становится Русь. Кирилло-мефодиевское наследие сыграло решающую роль в развитии древнерусского литературного языка. С принятием его в начале XI века Русь получает значительный корпус рукописей на близком славянском языке, созданных в Болгарии деятелями «золотого века». Многие оригинальные произведения древнеболгарских авторов сохранились до наших дней лишь в русских списках. Древнерусские книжники не только переписывали болгарские рукописи, но создавали и новые тексты.

Возможность легкого влияния старославянского языка на древнерусский И.И. Срезневский объясняет так: «Если сравнить древний русский язык, в отношении к строю, с другими славянскими наречиями в их древнем виде, то нельзя не заметить, что он в первобытном своем состоянии ближе всего подходил к наречию старославянскому и вместе с ним всего более сохранял черты первообразного общего славянского строя».

Существуют различные гипотезы, касающиеся отношения старославянского языка к древнерусскому, однако несомненно, что древнеболгарский язык оказал огромное влияние на русскую культуру, будучи языком православной церкви. Поскольку языком Церкви был старославянский, т.е. древнеболгарский, именно он и стал языком древнерусской православной культуры.

Таким образом, мы видим, что древнеболгарский язык оказал огромное влияние на развитие русского языка, и в особенности это влияние отразилось в области лексики с религиозной семантикой. Предмет нашего рассмотрения – религиозная лексика с корнем *-вер-*.

Корень *-вер-*, безусловно, относится к основному словарному фонду русского и болгарского языков. Он является результатом развития праславянского корня **-uer-*. Рассматриваемый корень получил достаточно широкое развитие в русском и болгарском языках. На протяжении всей истории развития языков корень *-вер-* был продуктивным в словообразовательном отношении. В двух языках он претерпел незначительные изменения.

В старославянском и древнерусском языках корень *-вер-* писался через «ять». В русском языке после реформы орфографии 1917 года «ять» был заменен на «Е». В современном болгарском языке существует два варианта рассматриваемого корня: *-вер-* и *-вяр-*.

С целью установления времени происхождения рассматриваемых слов мы обращались к материалам старославянских и древнерусских словарей, а также словаря русского языка XIX века.

подавляющее большинство слов с религиозной семантикой с корнем *-вер-* либо сложные слова, либо образованы с помощью различных приставок, поэтому именно эти слова были в центре внимания.

Рассмотрим сложные слова с корнем *-вер-*.

Сама модель образования сложных слов путем соединения двух корней – старославянская. Однако не все рассмотренные нами сложные слова имеют старославянское происхождение.

Из старославянского к нам пришли слова с корнями *-вер-* и вторым корнем:

-един-; -ин-; -благ-; -прав-

1. -един-: единоверие, единоверец, единоверка, единоверный, единоверческий.

Предполагать, что эти слова имеют старославянское происхождение можно потому, что в «Полном старославянском словаре» Григория Дьяченко приводится слово **единоверецъ**.

2. -ин-: иноверие, иноверец, иноверка, иноверный, иноверческий.

Слова с этими корнями встречаются в нескольких словарях старославянского языка. В «Полном церковно-славянском словаре» Григория Дьяченко: **иноверие** («чуждая, неправая вера»), в «Словаре старославянского языка по рукописям X-XI веков» (**иноверьникъ, иноверьнь**), а также в «Словаре старославянского языка» Чешской Академии наук (**иноверьникъ, иноверьнь**).

3. -благ-: благоверный, благоверная.

Слова с этими корнями встречаем в «Полном церковно-славянском словаре» Григория Дьяченко (**благоверие, благоверны**) и в «Словаре старославянского языка по рукописям X-XI веков» (**благоверие, благоверьнь, благоверьне**).

4. -прав-: правоверие, правоверность, правоверный.

В «Полном церковно-славянском словаре» Григория Дьяченко указаны слова **правоверовати, правоверно**, в «Словаре старославянского языка» Чешской Академии наук – **правоверие, правоверьно, правоверьнь, правоверьне, правоверьство**.

Все остальные слова были образованы позже. Это слова со вторыми корнями:

-уч- (вероучение, вероучитель);

-терп- (веротерпимость, веротерпимый);

-стар- (староверщина, староверчество, староверческий, староверский, староверка, старовер);

-исповед- (вероисповедание, вероисповедный);

-ступ- (вероотступничество, вероотступник, вероотступница, вероотступнический).

Эти лексемы были образованы в период с XI до XVII вв, но сама модель сложения основ и образования сложных слов – старославянская. Эти слова характеризуются высокой окраской и духовным содержанием.

Рассмотрим слова с корнем *-вер-* и приставками.

В группе религиозной лексики с корнем *-вер-* выделяются слова с приставками *не-*, *без-*, *из-*.

Приставка *из-* имеет южнославянское происхождение, что может указывать на старославянский язык как источник данных слов в русском языке. В современном русском языке это слова **извергнуться, извергаться.**

Григорий Дьяченко в «Полном церковно-славянском словаре» не приводит слов с приставкой *из-* и корнем *-вер-*. Однако такие слова есть в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 года: **извергаться, извергити, извергнуться, извергати.** В этом же словаре встречается слово **изневергнуться** со значением «сделаться неверным, изменить», причем автор дает указание на старославянское происхождение этого слова.

Церковнославянские словообразовательные модели связаны и с религиозной семантикой слов. Религиозная лексика связана с Церковью, а языком православной церкви на Руси являлся церковнославянский язык. На протяжении веков влияние старославянского поддерживалось в русском языке за счет церковной традиции, господства православия в развитии русской национальной культуры.

Библиографический список

1. Бернштейн, С.Б. Славянские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 460-461.
2. Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка // <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm>
3. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него

важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. Г. Дьяченко. 1158 с.

4. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. 842 с.

5. Словарь старославянского языка: В 4 т. СПб., 2006. Репр. изд. Т. 1. 950 с.

6. Словарь старославянского языка: В 4 т. СПб., 2006. Репр. изд. Т. 2. 648 с.

7. Словарь церковнославянского и русского языка./ Сост. вторым отделением Императорской Академии наук. СПб, 1847. Т. 2. 472 с.

Н.А. Стародубцева

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СМИРЕННОМУДРИЯ В СТАРОРУССКИХ ЖИТИЯХ*

*Россия, г. Волгоград, ГОУ ВПО Волгоградский
государственный университет, natst1981@list.ru*

Агиографические тексты, имевшие большое значение для формирования христианского мировоззрения, занимают в иерархии древних славянских жанров ключевое место. Русские жития выступают одним из главных источников отражения религиозного сознания и являются важным средством религиозно-нравственного воспитания, выражения духовных традиций народа, утверждая примером жизни подвижника истинность православного вероучения, давая представление об устройстве мира, о моральных и этических законах, по которым должен жить древний русич [6: 62]. В церковно-книжных текстах необходимо было не просто создать образ святого и рассказать о нем, передавая все сохранившиеся сведения потомкам, но и представить подвижников в качестве образца для подражания, восхвалить и прославить [7: 65].

В реализации житийного канона особую роль играют способы выражения православных постулатов, описывающих типы святости, репрезентируемых комплексом *топосов* [Стародубцева 2008], которые являются важнейшими константами житийного текста и формируют содержательное наполнение памятников письменности. Как любой повторяющийся элемент текста – от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи [9: 61] – топос представляет собой основной элемент текста-образца, своеобразный каркас, образованный рядом словесных формул, в пределах которых возможно варьирование языковых средств [8: 84–85].

Выбор агиографических топосов, использующихся в том или ином житии, определяется, главным образом, типом святости подвижника. Анализ старорусских житий конца XIV – начала XVII вв., проведенный в данном исследовании, позволил выявить как специфические для определенного типа святости топосы, так и универсальные. Среди важнейших этических постулатов выделяется *смирennemудрие* в качестве наиболее значимого для русского православного сознания, представляющего собой соединение «мудрости со смирением, кротостью» [10, III: 763]. Раскрыть механизм представления в высказывании этой базовой содержательной константы возможно при рассмотрении функциональной семантики конкретных языковых единиц и приемов их стилистического употребления. В данной связи обращает на себя внимание использование в древних текстах такой полифункциональной формы, как инфинитив, специфика функционирования которого в составе высказывания способствует выражению широкой палитры значений [1, 12 и др.] и обуславливает ее способность выступать одним из смыслообразующих средств в житиях [11].

Смирennemудрие раскрывается через смыслы «терпение», «кротость», «отказ от мирских благ». Например, в Житии Иосифа Волоколамского, говоря о предписании святого вести праведный образ жизни, агиограф пишет: *оучашася смиренно-*

мудрию и покорению, всю волю и мудрование мирское отринуть отнюдь и въ терпении служения пождавати [2]. Сочетаемость словоформ инфинитива *отринуть* и *пождавати* с именными распространителями (*отринуть*) *всю волю и мудрование мирское, въ терпении пождавати* позволяет охарактеризовать сущность православного смиренномудрия.

К условиям достижения *смиренномудрия* относится пребывание подвижника в постоянном труде, что часто описывается в старорусских житиях с помощью инфинитива, выступающего организующим центром высказывания с модальным семантикой долженствования; например, в заповеди Иосифа Волоколамского: *не туне хлѣбъ ясти, но предстояти братіи въ простотѣ и работати съ тщианіемъ* [2]. В Житии Стефана Комельского *смиренномудрие* выражается независимым инфинитивом, который используется для констатации действия в прошлом с оттенком долженствования: *Устави же преподобный келаря и казначея и пономаря и прочая службы разряди... и ни есть ни единого жъ бы не тружатися* [4: 16]. Подобный смысл может раскрываться и при употреблении зависимого инфинитива, примыкающего к существительному со значением сформировавшихся традиций поведения, например в Житии Авраамия Ростовского: *...обычяи бо имяше преподобныи по вся дни тружатися на братью*; к фазовому глаголу со значением начинательности, например, в Житии Сергия Радонежского: *«преояса чресла своя крепко и нача делати и тесати от утра до вечера»* [3: 344]. В этих случаях наблюдается употребление при инфинитиве контекстуальных распространителей, характеризующих высокую степень интенсивности проявления признака (в приведенных примерах – *по вся дни, от утра до вечера*).

Анализ материала показал, что инфинитив используется в составе различных стилистических приемов – в составе повтора, например: *тот (=Сергий) любяше жити трудолюбно* [3: 298]. В данном высказывании *жити* примыкает к глаголу *любяше*, имеющему значение модально-волевой предрасположенно-

сти к действию, и сочетается с распространителем – наречием *трудолюбно*, то есть «с любовью к труду» [10, III: 1007]. Использование зависимого инфинитива повтор корня *-люб-* при словосложении позволяют выразить существенный для данного топоса признак.

Параллельные синтаксические структуры с инфинитивами в составе антитезы способны играть ключевую роль: *Христос... не повель ми моучити, но оучити с кротостью, ни повель казнити, но наказати съ млстью* [5: 56]. Усилению противопоставления способствуют приемы аллитерации и ассонанса при использовании созвучных слов (*моучити – оучити, казнити – наказати*). Примыкая к глаголам речевого воздействия (*поучати, наставляти, науцати* и др.), объектный инфинитив в цепочечном низывании словоформ усиливает значение категорического волеизъявления: *точию молитвы оустъ имъти поучаше и оуму от оугожения Божиа не празновати и памятью смертною питатися и къ отшествию от здъшнихъ оуготовлятися* [2]. В данном фрагменте из Жития Иосифа Волоколамского раскрывается такая составляющая *смирномудрия*, как непрерывная молитва, богоугодное поведение, память смертная. Ритмический рисунок, создаваемый триадой *празновати – питатися – оуготовлятися* и осложненный параллелизмом конструкций «именное сочетание + инфинитив», создает смысловую «сытость», свойственную стилю «плетению словес», одним из средств которого выступает анализируемая глагольная форма.

Анализ старорусских житий показал, что топосы являются важнейшим структурным и смысловым элементом житийного текста, позволяющим охарактеризовать суть подвига подвижника. Раскрыть механизм представления в высказывании базовых содержательных констант, в частности, понятия *смирномудрие*, представляется возможным при рассмотрении функциональной семантики инфинитива, употреблению которого свойственна богатая палитра лексических, модально-грамматических и стилистических характеристик в контексте.

Библиографический список

* Исследование проводится в рамках госбюджетной темы ГБ 1.4.05.

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. М.: Наука, 1972. 683 с.

2. Житие Иосифа Волоколамского // Житие преподобного Иосифа Волоколамского / Сост. неизвестным. М.: Синодальная типография, 1865.

3. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV–середина XV века / Сост.: Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1981. С. 256-429.

4. Житие Стефана Комельского / Житие преподобного Стефана Комельского // Памятники древней письменности. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1892. Т. LXXXV. С. 5-23.

5. Житие Стефана Пермского / Житие святого Стефана епископа Пермского. С.-Петербургъ, 1897.

6. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык / В.В. Колесов. Л., 1989. С. 11.

7. Минеева С.В. Истоки и традиции русского агиографического жанра // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2000. № 1. С. 20-30.

8. Рогожникова Т.П. Агиографический топос в житийных текстах Великих Миней Четых: синхронический и диахронический аспекты // Вестник Омского университета. 2000. № 4. С. 84-87.

9. Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) / Т.Р. Руди // Русская агиография. Исследования. Публикации. Poleмика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 59-101.

10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии наукъ, 1912. Т. III.

11. Тупикова Н.А., Стародубцева Н.А. Смыслообразующая роль модально-оценочных значений инфинитива в выражении православных этических постулатов (на материале

старорусских житий) // Оценки и ценности в современном научном познании: Сб. науч. тр.: В 2 ч. / Под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных. Калининград, 2009. Ч. 2. С. 73-80.

12. Шелякин М.А. Русский инфинитив: (Морфология и функции): Учебное пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. М.: Наука, 2006. 157 с.

Д.Ю. Гатин

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК ИСТОЧНИК ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ И ЧИСТОТЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

*Россия, г. Самара, Министерство образования и науки
Самарской области Gatin@samara.edu.ru*

Искусно созданный на славянской основе по греческому литературно-языковому образцу, старославянский язык занял уникальное место среди других славянских языков: не оторванный от живой разговорной славянской стихии, он в то же время поднялся над ней, стал наддиалектным, всеславянским; вобравший в себя многие достоинства древнего греческого литературного языка, он в то же время сохранил свою оригинальность и стал для всех славян их родным языком духовной культуры. От книг церковных, писал М. В. Ломоносов, определяя место церковнославянского языка, его значение и роль в формировании русского литературного языка, приобрели мы «богатство к сильному изображению идей важных и высоких» [1]. Церковнославянский язык играл и играет (хотя сейчас и в меньшей степени) объединяющую роль. По утверждению академика Д.С. Лихачёва, в России (и отчасти в других славянских странах) церковнославянский язык объединял культуру не только по горизонтали, но и по вертикали: культуру прошедших столетий и культуру нового времени, делая понятными высокие духовные

ценности, которыми жива была Русь первых семи веков своего существования, объединяя Россию, Украину и Белоруссию. Это способствовало сохранению самосознания русских, живших на территории других государств, и теперь объединяет Русскую За-рубленную Церковь с Матерью-Родиной [2].

Это тем более важно отметить, что Россия была страной высокой книжной культуры. Как ясно теперь, после открытия берестяных грамот, – страной широчайшей письменной культуры. Надписи имели все культурные ценности: иконы, церковные сосуды, великолепные фрески в храмах, одежда (особенно шитье, облачения и т. д.). Мы имеем великолепную письменность и литературу: сочинения митрополита Илариона, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, митрополита Алексия, Ермолая-Еразма, Нила Сорского, Максима Грека и сотен других, приобщиться к мудрости которых стало возможным благодаря свободе научной печати и таким собраниям, как вышедшие «Памятники литературы Древней Руси» и издающаяся «Библиотека литературы Древней Руси». По текстам, изданным параллельно на древнерусском и современном русском языках, мы можем оценить необыкновенную красоту языка Церкви, языка духовной культуры.

Изучение азбуки-кириллицы, основ церковнославянской графики, орфографии, грамматики, знакомство с особенностями чтения церковно-славянских текстов превращается в череду удивительных открытий радостного и нового мира, где каждая буква имеет свое имя и лицо, где весь строй текста вплоть до мельчайших знаков пронизан духовной символикой, где само звучание речи исполнено красоты, торжественности и силы.

Однако в массах утрачено понимание церковнославянского языка, этого фундамента духовности русской речи. В связи с чем, как справедливо указано в предисловии к «Церковнославянской грамоте» [3], народ наш «перестает владеть «силой гласа», то есть смыслом евангельского слова, становясь чужестранцем в своей отчизне.

Если мы в дальнейшем откажемся от языка, который великолепно знали и вводили в свои сочинения Ломоносов, Державин, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Лесков, Толстой, Бунин и многие-многие другие, – утраты в нашем понимании русской культуры начала веков будут невосполнимы. Церковнославянский язык – постоянный источник для понимания русского языка, сохранения его словарного запаса, обострённого постижения эмоционального звучания русского слова. В изданиях, где Евангелие печатается параллельно на церковнославянском и русском языках, уточняется смысл отдельных выражений, разъясняется значение каждого слова. Необходимо сохранить верность тому сочетанию двух близких языков, которые исторически постоянно соприкасались в летописях, посланиях Церкви и патриархов, сращениях к народу патриархов и других иерархов Церкви, проповедях. Церковнославянский язык – язык благородной культуры: в нем нет «грязных» слов, на нем нельзя говорить в грубом тоне, браниться. Русский язык очищается, облагораживается в Церкви. Обращенные к Богу, пророкам, святым слова должны быть свободны от обыденщины, не соприкасаемы с бранью и вульгарщиной. Это язык, который предполагает определенный уровень нравственной культуры. Церковнославянский язык, таким образом, имеет значение не только для понимания русской духовной культуры, но и большое образовательное и воспитательное значение. Отказ от употребления его в Церкви, изучения в школе ведёт к дальнейшему падению культуры России.

Язык – душа народа, основа саморазвития любой нации, её культуры и традиций. Смена языка для народа – невосполнимая потеря.

Основой национального языка является его письменность. Письменность – это языковой код нации. Вмешаться в письменность путём её «реформирования» значит вторгнуться в самые глубинные недра нации – её интеллектуально-духовную сферу. Смена графики письма также означает, что следующее поколение, как правило, лишается возможности читать старые

тексты, что неизбежно влечёт за собой духовно-культурный упадок нации.

5 января 1918 года вступил в силу декрет Совнаркома «О введении новой орфографии». Русский алфавит был упразднён: наполненный смыслом понятийно-ассоциативный ряд *аз, буки, веди, глагол, добро* заменили безобразной, бессвязной цепочкой *а, бэ, вэ, гэ, дэ...*

После принятия христианства Киевской Русью русская азбука обрела новый религиозный смысл. «Азбука», «аз-бука» – значит «я есть слово». Вспомним Евангелие: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*» (Ин., 1:1). «Азбука» – это, в своём роде, светское толкование Нового Завета. В ней воспроизведён важный понятийный ряд: «Аз, буки, веди, глаголи, добро, есть, живете» – как бы карта христианского пути: «Я знаю буквы, чтобы творить добро. Это и есть жизнь». В идеальных образах русского алфавита жили дух предков и связь поколений. Потеряв доступ к первоначальным образам и представлениям о том, кто такой *аз*, что такое *буки, веди* и т. д., русский народ лишился естественной языковой образности словаря, тысячелетиями воспроизводившего мудрость и единство народа.

Таким образом, если до большевистской «реформы» самобытная русская азбука была логично привязана к духовной, нравственно-культурной сфере и поэтому не было необходимости в механическом запоминании, то новый «реформированный» алфавит подталкивал к механическому заучиванию бессмысленных звуков, никак не связанных между собою. Русской азбуке навязывался формализм, а русскому школьнику – принцип зазубривания.

В целом, русский язык за последний век испытал множество враждебных атак. Этот период характерен обмирщением языка. С одной стороны, русский язык недопустимо урезается, становится примитивным, схематичным, бедным и пошлым. Большой массив чисто русских понятий забыт и вытеснен иностранными слова-

ми, в результате чего язык становится уже и не совсем русским. С другой стороны, привычные нам русские понятия умышленно заменяются иноземными с неопределённым смыслом и сниженной или завуалированной нравственной окраской. Будучи лишено русских корней, слово лишается смысла, действующего на душу человека. Достаточно сравнить современное «бесчувственное» словечко *киллер* с разящими наотмашь – *убийца* и *душегуб*.

Главный удар направлен на русский корнеслов. Из слова вынимается его корень, сердцевина, его смысл и сакральная (духовная) сущность. Всё это приводит к тому, что современный русский язык теряет «совесть» и может вскоре совсем утратить великую роль учителя, воспитателя, носителя культурных и духовных традиций русского человека. Нация вырождается, если утрачивает родной язык. Человек, говорящий на таком «обескровленном» языке, духовно не развивается, скользит по поверхности и деградирует.

Возвращение к истокам и корням – вот то, что должно стать основой возрождения русского языка. Как пророчество и грозное предостережение обращены к нам слова великого М. В. Ломоносова: «Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен, а утвердится, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славянском языке украшаться будет» [1].

Православие пронизывает всю культуру, весь русский язык. Благодарность другому человеку выражается пожеланием спасения ему: Спаси Бог – *спасибо*.

«Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово *просвещение*, – пишет Н.В. Гоголь. – Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни в каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме. Провести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей церкви, которая уже почти

тысячу лет его произносит. Несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружавшие, и знает, зачем произносит: «Свет Христов освещает всех!» «Свет просвещения!» [4].

На долгие десятилетия официального атеизма в пассивный запас были отпращены слова, которые являли собой основу жизни русского человека. Их объявили «устарелыми» («устаревшими», «старыми»), пометили как «арх.», «в до-революц. России», «у верующих» и дали толкования таким словам без учёта духовной природы того, что они обозначали. При этом отсекались те значения, которые свидетельствовали о наличии души и духовной жизни в человеке. Вот лишь несколько примеров из Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова [5]:

Благоговение, -я, ср. (высок.). Глубочайшее почтение. Б. перед памятью героев.

Благоговеть, -ею, -еешь; несов., перед кем-чем (высок.). Относиться с благоговением к кому-чему-н. Б. перед творениями искусства.

Благодать, -и, ж. 1. Изобилие земных благ, благодатное место (разг.). Весной здесь б. Какая тут б.! 2. В религиозных представлениях: ниспосланная свыше сила (устар.). Б. низошла на кого-н.

Благой, -ая, -ое (устар.). Хороший. Благое намерение. Благие порывы. Благую часть избрать (принять лучшее решение).

Благочестие, -я, ср. (устар.). Набожность, религиозность.

Блаженный, -ая, -ое; -ен, -нна. 1. В высшей степени счастливый. Блаженное состояние. 2. полн. ф. глуповатый [первонач. юродивый] (разг.). В блаженном неведении (разг.) – в полном неведении.

Блаженство, -а, ср. Полное, невозмутимое счастье. Быть на верху блаженства.

Примеры свидетельствуют, что духовно-богословское содержание слов было отторгнуто в советское время.

В Полном церковнославянском словаре Г. Дьяченко (6) отмечены такие отсутствующие в Толковом словаре русского языка Ожегова значения слов *благоговение*: «благочестие, страх Божий ... глубокое уважение. Отсюда благоговейный есть набожный, усердный к Богу» и *благоговеть*: «быть набожным, великую честь воздавать Богу». Эти толкования помогают человеку определить в отношении к Творцу главным своим качеством – состояние смирения. В приведённых же в Словаре Ожегова в качестве иллюстраций выражениях: Благоговеть перед творениями искусства; Благоговение перед памятью героев – уравниваются Творец и творения.

В Словаре Дьяченко, в отличие от Словаря Ожегова, приводятся следующие значения слова *благодать*: «1) милость, благоволение, приятность, привлекательность, грация в речи, назидательность, то, что называют помазанием у проповедников; 2) благодарность...; И благодать возблагодать (Иоанн 1, 16) – обилие и многообразие Даров Святого Духа, дарованных нам Богом. В строго богословском смысле благодать есть спасительная сила Божия, дающая христианину средство к достижению жизни вечно блаженной».

А.Е. Лихачёв, кандидат богословия, размышляя в своей статье «Православный взгляд на человека и его воспитание» над основными понятиями педагогики – *воспитание, образование, просвещение*, – обращает внимание на значение частей и корневой смысл этих слов: «Воспитание... Приставка «вос-воз» означает возвышение, обновление: возношение, восхождение, воздвигание, воздаяние... Тогда воспитание означает питание в высшем смысле, питание в вечность. Что же питает человека в высшем смысле?.. «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4). Таким образом, воспитание есть приобщение человека к таинственной Божественной благодати, «воде, текущей в жизнь вечную...» [7].

Сегодня мы становимся свидетелями того, как вышедшие из употребления (точнее, изгнанные, поскольку обозначаемые ими

понятия никуда не исчезали) слова возвращаются в русскую речь, обретают новую жизнь. Следовательно, необходимо возвращение в нашу действительность, и в образование в том числе, духовно-нравственного и воспитательного содержания этих слов.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) говорил: «Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след, оно живёт среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия – энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. Как известно, энергия никуда не пропадает. Энергия духовная тоже не исчезает бесследно: она распространяется повсюду, она действует на всех [8].

Современная ситуация в обществе требует не простого механического возвращения в активный словарь понятий, свидетельствующих о наличии духовной жизни. Сегодня важным для человека становится обнаружить в себе начала духовной жизни и потребность в духовном развитии.

Библиографический список

1. Ломоносов М. Избранные произведения. Л., 1986. С. 475.
2. Лихачев Д.С. Русский язык в богослужении и в богословской мысли. М., 1998. С. 2.
3. Церковнославянская грамота. СПб., 1998. С. 8.
4. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. М., 2009.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1993. С. 43-44.
6. Протоиерей Григорий Дьяченко. Полный церковнославянский словарь. М., 2001. (Репринтное воспроизведение издания 1900 г.). С. 40-41.
7. Лихачёв А.Е. Православный взгляд на человека и его воспитание // Вышенский паломник. 1998. № 1. С. 141.
8. Войно-Ясенецкий Л. Избранные сочинения.

СВОЕОБРАЗИЕ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ РУССКИХ
ЭККЛЕЗИОНИМОВ В СРАВНЕНИИ
СО СТРУКТУРНЫМИ ТИПАМИ ИНОЯЗЫЧНЫХ
ЭККЛЕЗИОНИМОВ

Россия, г. Самара, МОУ гимназия №2

Экклезионимы наименования объектов культового назначения (церквей, монастырей, скитов, часовен и т. д.). Русские экклезионимы – специфический вид онимов. Важной особенностью, выделяющей их на фоне онимов других разрядов, является их строгая структурированность, проявляющаяся в практически однотипных моделях названий и использовании однообразных лексических формантов. Основными структурными особенностями именованний русских православных церквей и монастырей являются их поликомпонентность, использование особых моделей номинации, по которым строятся официальные и неофициальные названия, а также функционирование в официальной и неофициальной сфере различных структурных вариантов. В зависимости от сферы употребления русские экклезионимы могут быть представлены в виде однословного онима, сложного или простого словосочетания и целого предложения. Сравните официальные именованния *Церковь в честь преподобного Сергия Радонежского; Церковь в честь святителя Алексия; Церковь в честь Всех Святых, в земле Русской просиявших* и неофициальные *Покровка; Алексеевская церковь, Воскресенский храм; Старый Никола; Никола Лапотник; Иван в Острове; Церковь Девяти Мучеников, что за Синодальным двором на Кочерыжках; Монастырь Ивановский, что на Кулижках под бором.*

Наиболее четко специфика структуры русских экклезионимов проявляется при сопоставлении их со структурой иноязычных названий. С целью сопоставления мы привлекли именованния церковных объектов, используемые в Польше, Болгарии и

США. Рассмотрение структурных особенностей иноязычных названий показало наличие среди польских, английских и болгарских онимов как сходных моделей, так и особенных типов именовании.

На оформлении иноязычных онимов сказывается влияние и национально-культурного компонента (отражение разных религиозных традиций, в основном православной и католической), и языкового. Принадлежность языков к разным языковым типам объясняет использование различных формально-грамматических показателей для выражения одних и тех же смысловых отношений. Русский и польский языки являются представителями языков флективного типа, грамматические связи имени в них выражаются посредством полифункциональной флексии, английский язык – аналитический, а болгарский характеризуется аналитизмом в сфере оформления имени. Различие языковых типов находит отражение в структурной организации экклезионимов.

При сопоставлении русских, польских, болгарских и английских экклезионимов были выявлены как сходные, так и отличительные особенности структур онимов и грамматико-синтаксических связей в рамках именовании. К общим чертам рассматриваемых экклезионимов относятся следующие:

1) многокомпонентность именовании, обусловленная мотивировочной базой и социальной функцией (функцией посвящения, прославления):

а) *Kościół świętych Piotra i Pawła* и *Церковь Святых Петра и Павла*;

б) болг. *Църква "Св. Архангели Гавриил и Михаил"*

и русск. *Церковь Святых Архангелов Гавриила и Михаила*;

в) английское *Saint John the Baptist* и *Церковь Иоанна Крестителя*;

2) наличие в составе экклезионимов родовых обозначений: церковь, монастырь и др. (см. примеры выше);

3) использование соотносительной лексики религиозного характера (святой, Богородица и др.);

4) участие в названиях церквей агионимов (имен святых) и зортонимов (названий религиозных праздников), которые расширяют простой экклезионим до поликомпонентной структуры:

Собор в честь иконы Божией Матери «Казанская»;

Храм в честь Похвалы Пресвятой Богородицы;

Храм в честь Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня;

Rzymско-katolicka parafia Pw. Bogurodzicy Matki Kościoła (Римско-католический приход Костела Пресвятой Богородицы);

Kaplica świętego Krzyża i Michała Archanioła (Костел Святого Креста и Михаила Архангела);

английские *Mary Mother of the Church (Церковь Матери Марии);*

The Most Holy Redeemer (Церковь Пресвятого (Святейшего) Спасителя (Искупителя);

Saint John the Baptist (Церковь святого Иоанна Крестителя);

болгарские *Църква “Св. Петка Самарджийска” (Церковь Св. Петки Самарджийской);*

Църква “Възнесение Лазарево” (Церковь Вознесения Лазарева);

Църква “Св. Четиридесет мъченици” (Церковь Сорока Мучеников);

5) наличие дополнительных идентифицирующих компонентов в структуре экклезионимов; причем в названия американских церквей, в отличие от русских православных, часто включается и название конфессии, к которой относится именуемая церковь:

St. Nikolai Greek Orthodox Church (Греческая ортодоксальная церковь Святого Николаса);

St. John’s Evangelical Lutheran Church (Евангелистская лютеранская церковь Святого Джона);

6) наличие определенных моделей, по которым строятся как официальные формы, так и их неофициальные варианты. Русские названия церквей придерживаются моделей, содержащих элементы *в честь, во имя (Церковь в честь Всех Святых, Церковь во имя Преподобного Пимена)*, польским названиям присуща мо-

дель сложного словосочетания с дополнением в форме существительного в родительном падеже со значением принадлежности (*Kaplica Matki Boskiej i św. Aniołów; Kaplica Serca Jezusowego*), типичные болгарские экклезионимы представляют собой беспредложные словосочетания с именем существительным, обозначающим родовое понятие в общей или определенной форме (*Църква “Св. Петка Самарджийска”; Манастирът «Св. Троица»*), типичные названия американских церквей – в виде словосочетания, включающего предложно-именную конструкцию с предлогом *of* (*Church of Jesus Christ; Christ’s Church of the Valley*) или в виде адъективного словосочетания (*Saint Mary; Saint Oliver*;

7) наличие у русских, польских и болгарских экклезионимов упрощенной, разговорной формы, выраженной именем прилагательным. Например,

- русские *Владимирский собор, Златоустовский монастырь, Высокопетровский монастырь*;
- болгарские *Знаменският манастир (Знаменский монастырь), Преображенският манастир (Преображенский монастырь), Златната църква (Златная церковь)*;
- польские *Jsnogórska zakrystia (Ясногорская ризница); Złota kaplica (Золотая часовня); Katedra Wawelska (Вавельский Кафедральный собор)*;

8) активное использование в структуре русских и польских экклезионимов словосочетаний, включающих предложно-падежные формы пространственной семантики. В них имя существительное обозначает определенный ориентир, предлоги передают разнообразные типы пространственных соотношений с этим ориентиром.

Сохранение в языках флективного типа падежных окончаний в сочетании с семантическим наполнением имени, входящего в предложно-падежную форму, обеспечивает возможность выражения различных смысловых отношений. Русский и польский языки, относясь к флективному типу языков, обладают наиболее разветвленной системой предложно-падежных форм, выра-

жающих реальные пространственные отношения между предметами. Однако результаты анализа экклезионимов с конструкциями подобного типа показывают, что в польских названиях культовых объектов предложно-падежные формы пространственного значения используются редко, хотя сам язык обладает достаточным их ресурсом. В составе русских экклезионимов выражение подобных обстоятельственных значений с помощью предложно-падежных форм наблюдается достаточно часто.

В славянских языках пространственные предлоги многочисленны в своем составе, однако наблюдаются различия в их функционировании. Языки флективно-аналитические (болгарский, македонский) используют предлоги в пространственных значениях реже, чем языки флективные, что связано с грамматикализацией предлогов при аналитизме имени. В основе русских экклезионимов с предложно-падежными формами представлены следующие пространственные предлоги: у, в, за, из-за, под, на, близ, при, с, между. Например:

Монастырь Старый Никола у Большого крестца;

Церковь Всех Святых в Чертолье; Церковь Девяти мучеников, что за Синодальным двором; Из Корельского городка Воскресенский монастырь; Варваринский из-за Петровских ворот Псковский монастырь; Церковь Петра и Павла под звоном; Зачатейский в Торгу или с Милца Псковский монастырь; Монастырь Двенадцати Апостолов между Чудинцевою и Прусскою улицами и др.

В перечне польских названий встречаются предложно-падежные конструкции только с двумя пространственными предлогами: **na** и **w**. Например:

Kościół św. Małgorzaty na Śródcie; Katedra św. Jana Chrzyciela na Ostrowie Tumshiem; Kościół Mariacki w Stargardzie Szczecińskim.

Языки аналитического типа, с этой точки зрения, ограничены в ресурсных возможностях. Среди рассмотренных 260 болгарских экклезионимов отмечены единичные названия с предлогами пространственной семантики:

Църквата при гроба на Иван Рилски; «Църквата до др. с. Иваново»; Църквата «Св. Троица» на х. Николи във Велико Търново; Мъжският манастир «Св. спас» на манастирска река.

При анализе названий американских церквей нами было выявлено несколько названий только с одним искомым формантом. Это предлог *of* в притяжательном значении в сочетании с именем существительным:

Church Our Lady of the Wayside; Church Our Lady of Lourdes; Church Our Lady of Fatima и т. п.

Здесь для выражения пространственных отношений или отнесенности называемого объекта к конкретному месту, территории используются номинативные определения (топоним в позиции или постпозиции):

Mason Street Church of Christ (церковь Христа на Месон-стрит); *St. Joseph – Appleton* (церковь святого Джозефа в Эппл-тоне); *Western Great Lakes Christian* (Западная Христианская церковь на Великих Озерах); *Faith Lutheran Church – Missouri* (Лютеранская церковь веры в Миссури) и т. п.

Сопоставительный анализ русских наименований объектов культового назначения с экклезионимами в польском, болгарском и английском языках позволил выявить межъязыковую специфику материала. Сопоставление структурных особенностей обнаружило в русском материале большее богатство и разнообразие структурных типов церковных названий (однословные названия, словосочетания разных моделей, названия-предложения) и богатый потенциал семантико-грамматических средств для передачи различных смысловых отношений.

Сопоставительный анализ экклезионимов, употребляемых в русском, болгарском, польском и английском языках, показал, что русские номинации объектов культового назначения имеют как общие с иностранными, так и специфические черты. Экклезионимы, используемые в различных языках, имеют сходные структурные модели, которые демонстрируют специфику этих имен в общей ономастической системе. Наблюдаемые особен-

ности структурной организации онимов объясняются характером конкретного языка – отнесенностью его к флективному или флективно-аналитическому типу, которая диктует выбор языковых средств построения словосочетания, высказывания, а в нашем случае, поликомпонентной номинативной единицы.

Русские экклезионимы отличаются не только большими структурными, но и семантико-грамматическими возможностями. Использование в них семантико-грамматического потенциала предложно-падежных форм в сочетании с лексическими значениями имен позволяет дифференцированно передавать различные обстоятельственные значения, связанные с выражением местоположения храма, отнесенностью его к определенному институту. Экклезионимы в языках, характеризующихся аналитизмом именных форм (английский и болгарский), лишены этих семантико-грамматических ресурсов. Сравните характерные варианты наименования церквей: *Церковь святого Николая Чудотворца за Берсеневской решеткой, Церковь святого Георгия Великомученика и Победоносца в Яндове; Храмыт «Св. Николай»; Църквата «Св. Георги»; Saint Nicholas; Saint Michael, Appleton Church of Christ.* Специфика структуры русских экклезионимов демонстрирует уникальность данных наименований на фоне названий других языков.

Л.И. Шевченко

ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО ЯЗЫКА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский
государственный университет*

Вопросы теории и практики перевода художественной литературы в лингвистической науке нашей страны и за рубежом стали в конце XX-начале XXI вв. актуальнейшими направле-

ниями отечественного и зарубежного языкознания. На первое место выдвинуты проблемы адекватности и эквивалентности исходного и конечного текстов, сопоставительный анализ переводческих трансформаций, к рассмотрению привлекаются проблемы перевода социальных реалий, жанровой специфики переводимого текста и целевой установки перевода, определяющих его характер. Наиболее пристально, как об этом свидетельствуют следующие высказывания ведущих отечественных лингвистов, рассматривается вопрос о роли личности и одаренности переводчика, «степенью таланта которого определяется степень приближения к полноценному, идеальному переводу художественных текстов» [1: 35], и с учетом того, что такого рода перевод «осуществляется не идеализированным конструктором, а человеком, ценностная и психологическая ориентация которого неизбежно сказывается на конечном результате» [2: 8].

Как известно, в процессе перевода произведений художественной литературы переводчику приходится иметь дело с особым художественным языком, восприятие которого происходит на фоне общенародного, национального языка, на который осуществляется перевод и от которого он значительно отличается. Согласно мнению авторов одного из популярных в вузовской среде учебного пособия по теории перевода и предпереводческому анализу текста, создание художественного текста определяется не столько грамматическими и синтаксическими правилами, сколько правилами построения текста: «Язык со своими прямыми значениями как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла. Таким образом, возникает семантическая двойственность языка как результат столкновения объективной значимости слов с их субъективной направленностью» [3: 99-100]. Богатый материал для такого рода дополнительных в семантическом отношении значений слов и выражений, возникающих на фоне их прямых смысловых толкований, дает, как мы попытаемся показать, анализ двух переводов на русский язык текста древнегреческого романа Харитона «Повесть о Херее и

Каллирое», предпринятых с разницей в 35 лет отечественными переводчиками И.И. Толстым в 1959 году [4] и С.В. Поляковой в 1984 году [5]. При этом исключительное богатство семантических оттенков лексики древнегреческого языка, на котором представлен исходный текст, и чрезвычайно богатые в этом отношении лексические возможности русского языка, представляющего конечный текст в двух вариантах перевода, делают такого рода сопоставления весьма целесообразными. Используемое греческим романистом словосочетание *ὁ πολιτικὸς φθόνος*, буквально означающее «политическую зависть» или «нерасположенность к кому-либо», в русских вариантах переводов осмысливается как «политическое соперничество» И.И. Толстым и как «политическая вражда» в переводе С.В. Поляковой (в дальнейшем мы будем придерживаться именно такой очередности в расположении иллюстративных примеров из русских переводов «Повести...» Харитона). Тот и другой переводчик нередко отказываются от первоначального прямого значения слова в пользу той или иной семантической окраски, либо придания переводимому тексту этнического, культурно-исторического и прочего колорита, как в случае с переводом следующих лексических единиц: *ἡ τέχνη* (букв. «ремесло», «искусство») переводится как «хитрость» или «уловка», *τὸ ἄθμιον τέκνον* («бедный ребенок») – «бедное дитя», и даже «доченька» (II, 8), *ὁ θάλαμος* («спальня») – «опочивальня», *ὁ ὀμοτράπεσος* («сотрапезник») – «застольный гость». Превосходная степень прилагательного *φίλος*, 3 (*φίλτατε*) – «любезный, дорогой» – переводится в одном случае как «милый» и как «друг» во втором, слово *ἡ μάστιξ* – «плеть», «кнут» – употребляется в обоих значениях, *τὸ δέσμα* – «узы», «оковы» – нередко фигурируют со значением «кандалы». Случается, что перевод одного и того же греческого выражения представлен в грубоватой и даже непристойной форме, выходящей за грамматические, стилистические и смысловые пределы русского языка, одним переводчиком, в то же время у другого оно трактуется совершенно иначе, например:

τὸ πλῆθος – «множество» (людей или предметов) переводится как «куча народа», уменьшительная форма существительного ἡ γυνή – τὸ γύναιον в переводе И.И. Толстого приобретает значение «бабеночка», выражение «поцеловал веревку» (ὁ βρόχος – петля для повешения) меняется на фразу «поцеловал петлю», соответственно, «изготовил петлю» – «взял веревку» или выражение καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς διαφθείροντος αὐτήν – у И.И. Толстого означает «выдрать глаза», в переводе С.В. Поляковой – «выцарапать глаза» (при этом глагол διαφθείρω букв. значит «портить, совершенно разрушать, истреблять»).

К переводческим неудачам И.И. Толстого, как нам представляется, следует отнести такие фрагменты текста, как ταύτην δὲ παρέμισγε τὴν παλινωδίαν – «вводить в свою речь напевы» вместо краткого глагола «напевать»; οἶνου πηλὸν ἐποίησαν (речь в романе идет о совершении комоса у дверей дома главной героини, чтобы ее скомпрометировать). В этом предложении фигурируют слова ὁ οἶνος – «вино», ὁ πηλός – букв. «глина», «грязь», «болото», глагол ποιέω – «делать», «совершать». В итоге в первом варианте перевода эта фраза приобретает весьма отдаленный смысл – «развели лужу», во втором – «налили наземь вина», что гораздо ближе к контексту и нормам перевода такого рода текстов. Обращают на себя внимание примеры употребления прилагательного ἀχανής в следующих отрывках, отражающих картину внезапного потрясения или удивления: «Долго лежал он с раскрытым ртом» (ср. перевод «Херей упал и долго не мог говорить») и «Евнух остался стоять с раскрытым ртом (ср. она оставила Артаксата (так звали евнуха – Л.Ш.) в совершенном удивлении»).

Отечественная переводческая практика в XIX – нач. XX в.в. носила преимущественно характер «вольного перевода» и даже буквализма. Эта методика предполагала либо максимальную приближенность к тексту оригинала, либо стремилась дать общее представление о подлиннике, что нередко приводило к искажению смысла и ущемляло художественно-эстетическую значимость перевода, который, как правило, приобретал пародийно-

комическую форму, типа следующего отрывка из «Жития Св. Феодоры Солунской»: «И с вечера, усевшись на обеих ногах, проводила ночь на открытом воздухе, потому что и не могла сидеть вполне по причине подтекавшей снизу воды от дождя» [6: 273]. «Цель такого рода переводов, – пишет издатель книги и автор статьи, из которой заимствован этот пример, – состояла в том, чтобы дать приближающийся к подстрочному – в этом усматривали поруку точности – перевод информационного характера». Несмотря на строгие нормы перевода, запрещающие крайние проявления переводческих вольностей, тенденция к вольному переводу сохранилась и в наши дни, как об этом свидетельствуют многочисленные примеры из «Повести...» Харитона в переводе И.И. Толстого, приведенные для убедительности в соответствии с более точными аналогами из переводов С.В. Поляковой:

I,4 У Херея даже для упреков не хватило голоса.

Херей же не мог вымолвить ни слова.

I,5 Не будем медлить и проволочкой своей не обезобразим тела умершей.

Похороним Каллирою, пока еще она прекрасна.

II,1 Красивый человек не может не быть свободным по происхождению. Разве не слышал ты от поэтов, что красавцы – дети богов: тем более все они дети свободных.

Не может тело несвободной быть прекрасным. Разве не читал у поэтов о том, что красивые люди – в первую очередь это свободнорожденные, дети богов?

II,8 Поцелуй, как яд, проник глубоко в самые внутренности Дионисия.

Поцелуй, как яд, жег Дионисия.

II,9 Союзником твоим будет живот.

Ребенок во чреве Каллирои для этого – вернейший залог ее сговорчивости.

Сравнительный анализ переводческих трансформаций, используемых обоими переводчиками «Повести...» Харитона, свидетельствует о явной тенденции И.И. Толстого к идентичности и адекватности, предполагающих тождество исходного и конечного текстов, нередко ведущее к искажению смысла. Его перевод *κρίνασα γὰρ ἅπας γαμηθῆναι καὶ πατρίδα καὶ γένος τὸ κάλλος ἐνόμισεν* гораздо ближе к подстрочному варианту, чем соответствующий методике эквивалентности перевод С.В. Поляковой:

Решившись на брак, она
в красоте своей полагала те-
перь и отечество свое и свою
родину...

Согласившись на брак, она
и красоту свою стала считать
теперь заменой отечества и
знатности...

свидетельствуют этот и приводимые нами следующие примеры сопоставлений, эквивалентность перевода дает более широкие возможности для переводчика в воссоздании не только общей смысловой картины исходного текста, но и в плане его социальной нормы. Так, отказавшись от стремления сохранить в следующем отрывке грамматические функции причастия [2:79]: *ἀστράπτουσα δὲ τῷ προσώπῳ καὶ παραγυμνοῦσα τοὺς βραχίονας*), переводчица сумела сохранить в своем тексте специфику античного быта и этический идеал эллинской женщины в полном соответствии с предлагаемым А.Д. Швейцером понятием «коммуникативного смысла», понимаемого как передачу адресату определенного мыслительного содержания» [2, 79]:

Она вышла в черной одежде,
с распущенными волосами, и
сверкая красотой своего лица,
своих обнаженных плеч...

Каллироя появилась в чер-
ных одеждах, с распущенными
волосами, лицо ее источало
свет, руки обнажены...

Неточность характеризует перевод фрагмента из второй книги романа, из контекста которого следует, что Дионисий, будучи в храме Афродиты, преклонил колени перед божеством

(2,3: *καταπίπτοντα δ' αὐτὸν ἤδη εὐνᾶς ὑπέλαβε...*), в то время как в переводе И.И. Толстого иной смысл: Дионисий намеревался встать на колени перед Каллироей [IV,33].

Ограничимся еще одним примером такого рода буквализмов в переводе И.И. Толстого фрагмента из седьмой книги романа (7,4): *Ἐμήνυσι τις ταῦτα τοῖς ἔνδον, καὶ ἀνοιξας τὰς πύλας προσῆλθεν ὁ στρατηγὸς μετ' ὀλίγων.*

Слова эти были сообщены находящимся внутри города, и, открыв ворота, из города вышел страж в сопровождении небольшого отряда.

Ответ Херея был передан, и, открыв ворота, вышел тирийский стратег в сопровождении еще нескольких человек.

Во втором переводе при тенденции следовать нормам русского языка в противовес буквализму точность перевода представлена более полно.

Еще сложнее обстоит дело с проблемой перевода «социальных явлений», следуя терминологии А.Д. Швейцера, связанной с поиском функциональных аналогов в другой культуре [2,16]. Тенденция переводчика оформить конечный текст в соответствии с языковой спецификой и отдельными культурно-историческими деталями того национального языка, на который осуществляется перевод, не всегда приводят к положительному результату, как об этом свидетельствует неоднократно упомянутое Харитоновым определение в виде причастия *ἐγυκαλυμμένη* от глагола *ἐγκαλύπτω* – закутываться во что-либо, закрывать лицо от смущения или стыда, означающее в переводе И.И. Толстого дополнительную деталь рассказа о том, что Каллироя лежала на своей постели, «накрывшись с головой платком» (I,11; I,13; II,6; VIII,1).

В духе современной языковой традиции переведены на русский язык такие словосочетания и лексические единицы, как «молодой итальянец» вместо «юноша из Италии», «кучера»

вместо «возницы», обращение «доченька» вместо «дитя» (ὄ τέκνον). В тексте без необходимой причины остались без перевода отдельные названия специфических терминов и деталей быта (*абра* – любимая горничная госпожи, наперсница, *закора* – младшая служительница при храме, *филэллин* и т.д.), нагромождение союзов, типа «потому что, как...» (II,8), несущих отпечаток подстрочника.

Тенденция к буквальному переводу влечет за собой характерные для текста И.И. Толстого грамматические неточности, несоответствия и даже в определенной степени несуразности русских фраз, подтверждением чего служит следующий, далеко не полный перечень примеров: «Отдай мне хоть мертвое тело!» (вместо «Верни мне хотя бы мертвого»), «Случайно встретившись с выносом Каллирой» (I,7), «обворовывание могил» (I,10), «возложить на себя лик судь» (V,6), т.е. «взять на себя дело судь», «роскошь неги» вместо варианта «всевозможные предметы роскоши» и т.д. Еще менее уместны в переводе античного текста выражения, вызывающие, как это не покажется странным не только для переводческой, но и гражданской личности И.И. Толстого, ассоциации с советской действительностью, типа: «часть рабочих из числа заключенных» (τοῦν γὰρ ἐργατῶν τινες τῶν ἄμα Χαίρεα δεδεμένων – ср. перевод С.В. Поляковой: «некоторые пленники, работавшие вместе с Хереем» (VI,1) или фраза «Мне стать тираном свободной личности?» – Ἐγὼ τυραννήσω σώματος ἐλευτέρου («Неужели подобно какому-нибудь тирану я подчиню себе насильно свободную женщину?»), а также словосочетание «клеветнический донос», «запросить жену письменно», т.е. посредством письма, лексические единицы типа «начальство» и другие примеры.

Подводя итог предпринятому анализу достаточно различных и по лексико-семантическому характеру и с точки зрения полноты и подлинности предложенных переводов романа Харитона, следует признать правоту большинства исследователей науки о теории перевода, утверждающих, что «объективность перевода

и сильная индивидуальность переводчика не только совместимы, но и предполагают одна другую», и что «в коммуникативной установке переводчика наряду с его индивидуальными чертами проявляется культурная традиция и переводческая норма в их синхронной и исторической вариативности» [2: 178].

Библиографический список

1. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Изд. 2, дополн. М.: УРСС, 2005.
2. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
3. Брандес М.П., Провоторов В.Н. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностр. языков): Учебное пособие. 3-е изд. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.
4. Харитон. Повесть о любви Херея и Каллирои / 2-е изд. Пер. с древнегр. и коммент. И.И. Толстого. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
5. Харитон. Повесть о Херее и Каллирое / Пер. с древнегреч., предисл. и коммент. С.В. Поляковой. СПб.: Изд-во ИНА-ПРЕСС, 1994.
6. Византийские легенды / Изд., вст. ст. и коммен. С.В. Поляковой. М.: Наука, 1972.

В.П. Киржаева

РЕФОРМА ОРФОГРАФИИ 1917-1918 ГОДОВ В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Россия, г. Саранск, ГОУ ВПО Мордовский государственный университет kirzhaeva_vera@mail.ru

Реформа русской орфографии 1917-1918 годов имеет многолетнюю историю. По инициативе Московского Общества распространения технических знаний и Педагогического общества

при Московском университете в начале 1900 года была организована специальная комиссия по упрощению русской орфографии, в которую вошли профессор Р.Ф. Брандт (председатель), академик Ф.Ф. Фортунатов, преподаватели русского языка и словесности С.Г. Смирнов, И.П. Казанский, Н.Г. Баженов и П.Н. Сакулин. Проект комиссии, утвержденный Педобществом 5 мая 1901 года, содержал существенные преобразования: исключение из гражданской азбуки букв *ѣ, ѓ, ѵ, ѱ, ѿ* и *ѳ*; введение в формах прилагательных Р. п. ед. ч. м. р. окончания *-ово/-ев*, Им.мн. *-ьи/-ии*; отмена *ѣ* после *ч* и *щ* и в инфинитиве *-тъся*; написание *ѣ* внутри слов в разделительном значении. Проект был поддержан Педагогическим обществом при Казанском университете и Историко-филологическим обществом при Новороссийском университете, но получил отрицательный отзыв Особого Сопровождающего при Русском Собрании.

В 1904 году была создана комиссия при Академии наук в составе 50 членов под председательством президента Академии великого князя Константина. На первом заседании 12 апреля 1904 года, во-первых, единогласно было признано необходимым упростить русское правописание и значительным большинством голосов – исключить из алфавита буквы *ѣ, ѵ* и *ѳ*; во-вторых, избрана особая Подкомиссия в составе Ф.Ф. Фортунатова (председатель), А.И. Шахматова, А.И.Соболевского, Ф.Е. Корша, И.А. Бодуэна-де-Куртенэ, Р.Ф. Брандта, С.К. Булича, Н.М. Каринского, Н.К.Кульмана и П.Н.Сакулина, которой поручалась выработка проекта дальнейших упрощений правописания. Опубликованное в мае «Предварительное сообщение» Подкомиссии, существенно отличавшееся от проекта Московского Педобщества, вызвало многочисленные отклики и замечания.

Однако работа над реформой была приостановлена социально-политическими событиями 1905-07 годов и активно возобновилась лишь в декабре 1910, чему в немалой степени способствовали обращения 315 членов Государственной Думы и 134 слушателей учительских курсов, руководимых В.П.Вахтеровым. С учетом

всех замечаний, поступивших с декабря 1904 года, Подкомиссия разработала и опубликовала в 1912 году «Постановления Орфографической Подкомиссии», которые, однако, не были утверждены Комиссией при Академии наук. По ходатайству Первого Всероссийского съезда по вопросам народного образования (1913), Первого Всероссийского съезда преподавателей русского языка средней школы (1916) 11 мая 1917 года работа Подкомиссии, получившей статус Особого совещания при Академии наук, возобновилась под председательством А.А.Шахматова, и результатом ее стало принятие сокращенного варианта Орфографической Подкомиссии, который и был одобрен Государственным совещанием по образованию и рекомендован циркуляром от 17 мая 1917 года министра народного просвещения профессора А.А. Мануйлова к внедрению «безотлагательно, с начала будущего учебного года» [цит. по: 1, 88]. В циркуляре от 22 июля 1917 года уточнялся порядок реализации реформы, в частности, учащимся старших классов разрешалось пользоваться старой орфографией, – и в начавшемся учебном году все школы перешли на «мануилицу», как неофициально была названа новая орфография [см.: 6, 89].

Непосредственная реализация реформы осуществлялась уже в Советской России: декретами Совнаркома от 23 декабря 1917 года и 10 октября 1918 года в советской школе были закреплены следующие изменения правописания:

- 1) буква *ѣ* заменяется буквой *е*;
- 2) буква *ѳ* заменяется буквой *ф*;
- 3) буква *і* заменяется буквой *и*;
- 4) буква *ѡ* в конце слов и в середине сложных слов отбрасывается: *контр-адмирал*, но в середине слов после приставок сохраняется: *объехал, подвѣм*;
- 5) желательное, но необязательно различие на письме *ѣ* и *е*: *все* и *все*, *мѣл* и *мел*;
- 6) прилагательные и причастия во мн.числе не различают родов: *первые возвратившиеся перелетные птицы, красивые насекомые*;

7) Р. п. ед. ч. м. р. прилагательных, местоимений, причастий и числительных оканчиваются на *-ого*, если Им.п. оканчивается на *-ой/-ый* или *-кий, -гий, -хий*, и на *-его* во всех других случаях, напр.: *аршин синего лучшего сукна и деревенского выбеленного полотна; хозяева вернулись третьего или четвертого числа*. В местоимениях с кратким окончанием сохраняется прежнее написание: *нашего, самогó* (*сам*; отличие от *самый* тем самым уничтожается: *у самого синего моря, мы были у самого хозяина*);

8) Им.п. мн.ч. от *она* пишется *они*; числительное *одна* во мн.ч. склоняется как *один*: *одни дамы, одних дам* и т.д.;

9) Р.п. ед.ч. местоимения *она* пишется *её*: *её книга, я не видел её*;

10) приставки *без-, воз-/вз-, низ-, раз-/роз-* и *чрез-/через-* перед всеми глухими согласными (к, п, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ) пишутся через *с*: *беспокоить, восстановить, чресседельник, рассориться*;

11) слово при переносе делится по слогам, причем одна буква не переносится: *ли-ния, уяс-нить, ра-зо-ча-ро-ван-ный, под-чи-нен-ный*;

12) сложные наречия, составленные из предлога и существительного, прилагательного или числительного, могут писаться и слитно, и раздельно: *по-русски* и *порусски, в двое* и *вдвое*.

И хотя проекты реформы прошли широкое предварительное обсуждение и всестороннюю экспертизу научного, педагогического, литературного сообщества, тем не менее, она была воспринята неоднозначно и противники ее видели в ней, прежде всего, разрушение традиции: «...Академия наук, Министерство народного просвещения ... из буквы *ѣ*, из буквы *ѣ* хотят создать новый трагический символ раненой филологической традиции... А буква *ѣ* становится символом языкового предания. И символом столь живым, что со смертью его умрет и то, что он выражает. Сказать всей молодой России, что буква *ѣ* не нужна, подорвать в корне возможность преемства в языке, разрушить потребность преемства и веру в единственный филологический критерий – в обычай.

Убийство символа, убийство сути. И вместо языка, на коем говорил Пушкин, раздастся дикий говор футуристов» [10, 69-70].

Поскольку в Советской России отношение общества к декретам Совнаркома не имело значимого резонанса, то выявление реального отношения к реформе представителей русского зарубежья позволит представить всю остроту данной проблемы на начальном этапе эмиграции. Во-первых, на этом этапе эмиграция представлялась состоянием временным, за которым последует возвращение в Россию и обретение прежней Родины, и основная цель – избежать денационализации подрастающего поколения: «чем иным живут зарубежные школы, как не мыслью о России, во имя чего столько страданий физических и моральных, как не во имя охранения тех, кому **суждено вернуться в землю обетованную** (выделено нами. – В.К.)?» [7, 1]. Именно этим объясняется жизненная важность для русского зарубежья всего происходящего в России. Во-вторых, именно зарубежье позволяет восстановить реальное отношение общества в самой Советской России к тому или иному государственному решению.

В отношении к реформе орфографии сформировались две противоположные позиции. Аргументы противников были связаны с оценкой ее или как одного из инструментов «большевизации» России, или как разрушения традиции и несоответствия принципам научности и эстетичности.

Позицию крайнего неприятия реформы орфографии последовательно занимает философ и педагог И.А. Ильин, отвергавший при этом обвинение в политической мотивации своей позиции: «Если бы новую орфографию ввела русская национальная монархическая власть (чего она, конечно, никогда бы не сделала!), то мы стали бы защищать прежнее правописание с той же энергией; а вот защитники новой орфографии действительно политиканствуют с нею, придавая ей значение «приятия революции», «закапывания рва» или «спуска на полозьях». С другой стороны, если бы коммунисты вернули прежнее право-

писание (чего они, конечно, никогда не сделают!), то мы отнюдь не стали бы ни врагами спасенного правописания, ни сторонниками коммунизма. Приписывать нам политизацию всех критериев духовной культуры есть сразу инсинуация и пошлость. Вопрос же правописания не пристрастием и не гневом, а художественным чувством родного языка и ответственной аналитической мыслью» [4, 118].

Он приводит интереснейшие факты, свидетельствующие об отсутствии единого мнения и в самой Орфографической комиссии: «В Академии наук совсем не было общего согласия по вопросу о новой орфографии, а была энергичная группа формалистов, толковавших правописание как нечто **условное, относительное, беспочвенное, механическое, почти произвольное**, не связанное ни со смыслом, ни с художественностью, ни даже с историей языка и народа. Знаю случайно, как они собрали подписи под своей выдумкой, нажимали на академика А.А.Шахматова, который, чтобы отвязаться, дал им свою подпись, а сам, при большевиках, продолжал печатать **свое** сочинение по старому правописанию. Свидетельствуют о том негодовании, с которым относились к этому кривописанию такие ученые знатоки русского языка, как академик Алексей Иванович Соболевский <...> академик Ф.Е.Корш разразился эпитаграммой: «Старине я буду верен, С детства чтить ее привык: Обезичен, Обезъерен, Обезъятен наш язык» [4, 119]. Не было единства и среди принимавших решение государственных деятелей: «Помню, как я 1921 году в упор поставил Мануйлову (министру просвещения. – В.К.) вопрос, зачем он ввел это уродство, помню, как он, не думая защищать содеянное, беспомощно сослался на настойчивое требование Герасимова (товарищ министра просвещения. – В.К.)» [там же].

«Смысловые раны», как И.А.Ильин называет вызванные преобразованиями многочисленные случаи омонимии, нанесены, по его мнению, всей русской культуре, доказательства чему он находит в языке молитв, богословия, философии, науки,

стратегии, политики, погибших русских пословиц, искаженных русских классиков [3, 102-104]; резко критично его отношение и к изменениям в лексике, которые наполнили язык «неслыханно уродливыми, «глухонемыми» (как выразился Шмелев), бессмысленными словами, слепленными из обломков и обмылков революционной пошлости» [2, 95].

В конце жизни он обращается к будущей – свободной от коммунистической идеологии – России: «Правописание имеет свои исторические, конкретные и в то же время философские и национальные основы. Поэтому оно не подлежит произвольному слову, а лишь осторожному, обоснованному преобразованию; совершенствованию, а не разрушению. Пусть же нарушители русской национальной орфографии получат навеки прозвище «друзей безграмотности» или «сподвижников хаоса»; и пусть первым актом русского национального Министра Просвещения будет восстановление русского национального правописания» [4, 122].

Противоположную позицию занимает один из активных деятелей педагогического движения, член редакции журнала «Русская школа за рубежом» С.К. Карцевский. Отстаивая реформу, он подчеркивает несправедливость ее полной «большевизации» («Декреты Луначарского и Совнаркома в конце ноября 1917 г. явились только одним из звеньев долгой цепи усилий, направленных к реформированию русского правописания. Вне школы, в печати, особенно в повседневной прессе, реформа прививалась весьма туго, вернее, совсем не прививалась: вплоть до закрытия «буржуазных» газет летом 1918 г. вся периодическая печать придерживалась старой орфографии. Большевики, по различным причинам, рассмотрение которых не входит в наши задачи, и самыми различными способами, не стесняясь в средствах, провели академическую орфографию в жизнь» [6, 3-4] и указывает на научную обоснованность каждого правила (например, «различение винит. и родит. падежа *её* и *ея* – вещь искусственная и вместе с тем пагубная, ибо под

влиянием начертания многие русские и на самом деле начинают выговаривать «ея» и тем самым, с одной стороны, портят русский язык, с другой же стороны, излишне способствуют все большему обособлению литературного языка от народного» [6, 6]) и всей реформы в целом («новая орфография не затронула ничуть ни одной из основ русского написания; русский язык как система ничуть не пострадал» [там же]).

Единственный довод противников реформы, принимаемый ученым, – это нарушение преемственности («Переход с одного правописания на другое, конечно, требует разрыва с традицией» [6, 7]), которое, однако, отступает на второй план перед ее целесообразностью (во-первых, «миллионы детей и миллионы простых людей, которым нет возможности тратить годы и годы на усвоение хитроумных написаний, не связанные привычкой, свободные от «политики», смогут с меньшими усилиями приобщиться к русской и мировой культуре. Все дело в том, чтобы суметь разумно использовать освобождающуюся энергию. Но это уже дело воспитателей и правителей» [там же]; во-вторых, «в настоящее время в России количество изданий, печатающихся по-старинному, прямо ничтожно. Новое правописание стало фактом. Напротив, зарубежная русская печать и зарубежные русские школы придерживаются, за редчайшими исключениями, старой орфографии» [6, 4]).

Необходимо отметить и критическое отношение некоторых сторонников реформы к отдельным ее положениям. Так, профессор А.Д. Григорьев, в эмиграции преподаватель русского языка в русских гимназиях, приходит к выводу, что большинство правил «не возбуждают никаких сомнений, так как они только закрепляют на письме те изменения в языке, которые произошли давно или же устраняют совершенно лишние буквы, упрощая наше письмо без вреда для понимания читаемых слов» [1, 88], и «только четыре ... могут возбудить некоторое возражение» [там же]. Возражения, по собственному определению автора, «формального характера» вызывают разрешение слитного и раздельного написаний наречий, состоящих из сложения существительных, прилагательных и чис-

лительных («процесс перехода указанных сложений в наречия не вполне завершился в языке и ... эти сложения употребляются как в значении наречий, так и без этого значения» [там же]) и правило присоединения при переносе к следующей гласной только последней согласной из группы согласных («это приведет к разрыву на письме согласных, принадлежащих к одному и тому же суффиксу, напр., *русский, богатств-во* (вместо *русский, богатство*)» [1, 89-90]).

Два правила определены ученым преждевременными, поскольку «они закрепляют на письме явления, еще не закончившиеся в языке»: замена *ть* буквой *е* (по своему произношению *ть* совпадает с *е* в южно-великорусских, средневеликорусских, юго-восточной части северно-великорусских и белорусских говорах; во многих северно-великорусских говорах, а также в малорусском наречии *ть* произносится как *і* или *іе*, вследствие чего «почти половина русского населения ... будет чувствовать некоторое затруднение при получении образования по новым книгам» [1, 90]); замена в форме Р.ед. прилагательных, причастий и местоимений окончания *-аго/-яго* окончанием *-ого/-его* (замена не учитывает существования в русском языке, наряду с введенным, и старого варианта *-аго/-яго*, и нового варианта *-ово/-ево*, характерных для южной части северно-великорусских, средневеликорусских переходных и северной части южно-великорусских говоров). Однако, несмотря на выявленную лингвистическую и методическую противоречивость этих двух правил, А.Д. Григорьев все-таки выдвигает доводы и в их пользу: в первом случае прогностического характера – вследствие того, что принятая в литературном языке произносительная норма «распространяется путем мещанских говоров, военной службы и школы по всей России, в том числе и в северных и малорусских областях России, <...> будущее принадлежит именно этому произношению» [там же]; во втором случае частотно-критериального – «так как окончания *-ого/-его* более распространены, чем другие окончания, то можно помириться и с их введением в новое правописание» [там же].

Вполне закономерен общий вывод, сделанный автором: «новое правописание, несмотря на кажущуюся преждевременность и непоследовательность некоторых немногих своих правил, представляет несомненный прогресс по сравнению со старым правописанием. <...> необходимо оставить в русской школе новое правописание, которое проводится в ней на территории России и отчасти и за границей в течение уже пяти учебных годов, и не возвращаться к менее совершенному старому правописанию» [1, 91].

Однако идеи сторонников реформы, которые предполагалось вынести на обсуждение на Первом съезде деятелей средней и низшей русской школы за границей (2-7 апреля 1923) – доклад С.И. Карцевского «По вопросу о правописании» был включен в предварительную программу съезда [5, 44], – не получил поддержки. Иную позицию заняли и представители региональных школ. Так, в докладе «О русском правописании» на съезде педагогов русских школ в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (июль 1923) Н.Пашутинский «утверждает, что упрощение правописания идет вразрез с фонетическими законами русского языка. Съезд единогласно высказывается за сохранение полностью старой орфографии... Съезд высказывает свое глубокое убеждение, что воспитание русского юношества должно основываться на национально-исторических началах «За Веру, Царя и Отечество», что необходимо воспитывать молодежь на основаниях религиозности в духе православной церкви, что необходимо обратить внимание на воспитание у молодежи воли, характера, чувства чести и почтения к старшим, что в основу эмигрантских школ должна быть положена программа дореволюционных уч. заведений, что во всех эмигрантских школах должно быть сохранено старое правописание» [9, 128].

Библиографический список

1. Григорьев А. История русского правописания и основы новейшей его реформы // Русская школа за рубежом. 1923. № 2. С. 80-91.

2. Ильин И.А. О русском правописании // Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: В 2 т. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 2. С. 95-99.
3. Ильин И.А. О наших орфографических ранах // Там же. С. 99-104.
4. Ильин И.А. Как же это случилось? (Заключительное слово о русском национальном правописании) // Там же. С. 118-122.
5. К предстоящему съезду деятелей русской школы за границей // Русская школа за рубежом. 1923. № 1. С. 42-45.
6. Карцевский С. Новая орфография // Там же. С. 2-7.
7. От редакции // Там же. С. 1-2.
8. Струве П.Б. Россия // Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 408-420.
9. Съезд педагогов в г. Земуне (Королевство СХС), 1-7 июля 1923 г. // Русская школа за рубежом. 1923. №4. С. 128-130.
10. Чудовский В. За букву ъ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. 1991. № 6. С. 68-72 (Апполон. 1917. № 4-5).

Ю.В. Сложеникина

**«РЕЧЬ О ЧИСТОТЕ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА»
В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО: IMITATIO APOSTOLI**

Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский государственный технический университет goldword@mail.ru

Социальным принято считать творчество, затрагивающее проблему взаимоотношения власти, общества и писателя. Тредиаковский стал первым поэтом, попытавшимся утвердить социальный статус писателя Нового времени. Грандиозность целеполагания заставила Тредиаковского в течение жизни три раза менять свою социальную роль и тип писательского поведения. Начальный период его творческой деятельности прошел под знаком французской модели, рассчитанной на эпатаж, аван-

тью, отрицание сковывающих рамок условности, ориентацию на живые природные чувства. Художественным артефактом, вписанным во французскую модель писательского поведения, стала «Езда в остров любви» (1730). В «Езде...» Тредиаковский впервые заявил о себе как о стороннике «новых» в споре с «древними». С юношеским задором двадцатисемилетний переводчик «Езды...» примерил на себя роль реформатора – борца с патриархальными устоями традиционалистов. Однако, несмотря на успех у читающей молодежи, верхушка светского общества и церковнослужители были удивлены столь «новаторским» произведением молодого автора и не приняли его.

В 1732 г. Тредиаковский примерил на себя роль придворного поэта. Основной формой прославления государя и новой Империи в это время были оды. Одическую моду при дворе в это время задавали немецкие поэты. Поиск иной социальной роли приводит Тредиаковского к созданию по немецкой модели «Панегирика, или Слова похвального всемилостивейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне» (1732).

В 1733 г., после утверждения в должности секретаря Академии, Тредиаковский выдвинул идею организации Российского собрания по образцу Французской Академии. Целью этого собрания должно было бы стать поощрение и усовершенствование русского языка. 14 марта 1735 г. ученый выступает с программной «Речью о чистоте Российского Языка». Спустя 17 лет торжественное слово было включено Тредиаковским в двухтомное «Собрание сочинений» 1752 г. под названием «Речь, которую в Санктпетербургской Императорской Академии Наук к членам бывшего Российского собрания во время первого их заседания Марта 14 дня, 1735 года о чистоте Российского Языка говорил В. Т.» (Далее «Речь...»). Очевидно, что Тредиаковский в зрелом возрасте не отказался от своих ранних посылов, а авторская установка, проблемы и задачи, обозначенные в работе, не потеряли актуальности и в 50-е гг. XVIII в.

1745 г. – новый период социального и литературного творчества Третьяковского. Поэт избирает путь наставника, просветителя народа. Теперь, по Третьяковскому, поэт – это не кто иной, как помощник монарха в деле возвращения государства к золотому веку человеческой истории.

Петровские преобразования поставили перед интеллигенцией середины XVIII в. задачу языкового строительства в новой культурной ситуации секуляризованного государства. И Третьяковский уже в 1735 г. остро ощущал несоответствие языковой теории и практики состоянию общественной жизни: «Великая потребность в сем деле!... коль ни полезно есть Российскому народу возможное дополнение Языка, чистота, красота, и желаемое потом его совершенство...» [3, II: 9-10]. По Третьяковскому, усовершенствованный благодаря радению Петра I язык по прошествии лет, ко времени правления императрицы Анны, нуждается в новом «попечении»: «Посмотрите, от ПЕТРА ВЕЛИКАГО лет, обратившись на многии прошедши годы; то размысливши увидите ясно, что совершеннейший стал в ПЕТРОВЫ лета язык, нежели в бывшия прежде... нимало не сомневаюсь, чтоб, достославныя АННЫ в лета, к совершенной не пришел своей высоте и красоте» [3, II: 16].

В «Речи...» Третьяковский определил три наиглавнейшие задачи в деле языкового строительства: 1. Написание Грамматики, доброй и исправной, основанной на употреблении мудрых; 2. Создание Лексикона, полного и довольного; 3. Сочинение Реторики и Стихотворной науки [3, II: 10].

Третьяковский сетует, что начинателей сего славного дела в России очень мало, и твердо надеется, «когда малый, уский, и мелкий наш поток, наполнився посторонними струями, возрастет в превеликую, пространную, и глубокую реку, то есть, когда число наше искусными людьми умножится и прибавится...» [3, II: 11].

Исследователи однозначно утверждают, что в 30-40 гг. XVIII в. Третьяковский ориентировался только на западно-

европейскую традицию. Крайняя точка зрения обозначена Л. Е. Татариновой [2]. Действительно, оказавшись во Франции, он был буквально очарован культурой светского салона. Ю. М. Лотман предполагал, что идея перенести в Россию академическую и салонную французскую культуру захватила мысли молодого новатора. Во французской прециозной среде первой четверти XVIII в. выработался свой язык общения. Создателями этого языка стали избранные персоны: поэты, писатели, обладающие ученостью и стремлением к образованию. Салонная культура была тесно связана с гуманистической традицией Ренессанса. Противопоставляя себя царствующему двору, она утверждала в абсолютистском государстве идею внесословного равенства [1: 223-226]. Для Третьяковского проблема словесного неравенства всю жизнь оставалась источником страданий и унижений. Известно, что сам он происходил из семьи поповичей. Не имея ни материального достатка, ни знатных покровителей, он мог надеяться только на себя и пытался воспользоваться открывшимися возможностями реформы Петра I в построении внесословного государства. Третьяковский не мог принадлежать к высшему свету по праву рода, но, может быть, европейское образование, ученость и писательство могли бы уравнивать его со знатью?! В «Речи...» 1735 г., ошарашенный должностью в Академии, он обращается к членам Российского собрания с риторическим вопросом: «...Не знаю, что должен я о себе помышлять. Возможно ль сему стать, и правда ль то, что и я удостоен действительно вашего содружества, котораго токмо такой быть достоин может, кто многого есть разума, довольныя науки, твердаго и зрелаго рассуждения, словом, подобный вам» [3, II: 9].

В программной «Речи» Третьяковский подчеркивает особое значение западноевропейского опыта для становления отечественной риторики: «Помогут нам в ней премногии творцы греческии и римскии; а наипаче хитрый и слаткий в слове Марк-Туллий-Цицерон. Помогут французскии Балзаки,

Костарды, Питрю, и прочие бесчисленны. Помогут многие преславныи писатели Немецкии...» [3, II: 17]. Неумалимо, с точки зрения ТрEDIAKовского, значение переводов.

Европейский опыт служит для теоретика языка примером для подражания: «...первыи ль мы в Европе, которым сие не токмо трудно, но почитай и весьма неприступно быть кажутся?.. Например: не нетрудно было в самом начале Флорентийской Академии старание приложить к чистоте своего языка; приложила. Не нестрашно было, мню, предпринять также и французской академии, чтоб совершеннейшим учинить свойство там употребляемого диалекта; предприняла. Невозможно, чаю, сперва казалось Лейпцигскому содружеству подражать толь благоуспешно вышереченным оным академиям, коль те, начавши, окончили щасливо; подражает и подражало благополучно» [3, II: 15].

Эксплицитно в «Речи» 1735 г. о предшествующем отечественном книжном опыте не упоминается. Точкой отсчета русского языка ТрEDIAKовский называет Петровскую эпоху. Более того, всячески подчеркивается первенство членов Российского собрания и самого автора в деле создания русского языка. Обратим внимание на разнообразие форм от глагола «начать»: «Знаю, что трудно будет *начало*; но своя есть честь и *начатию*... На что нам завидовать щастию и славе других в окончании, когда довольно всего того с нас будет в *начатии* и в продолжении. Но хотя нас и устрашают трудности; однако *начнем*, а по *начатии* нечто из того произойдет, по крайней мере, побуждение других к подобному делу: не *начиная* ж ничего, ничего и не будет» [3, II: 15].

Однако имплицитно влияние церковнославянской книжной традиции заметно в композиции и языковых особенностях «Речи». Вышеприведенная фраза отсылает нас к Прологу Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть, и без Него ничто не начало быть» (Иоанн 1. 1-3).

Начало «Речи» вполне соответствует житийной топике, когда древнерусский автор, приступая к богоугодному делу написания жития святого, начинал с прославления Бога и самоуничтожения. Топосы прославления в «Речи» Третьяковского представлены в трансформированном виде. Они обращены к иному адресату, тогдашнему Президенту Императорской Академии господину Иоанну Албрехту барону фон-Корфу. Третьяковский называет его главным Командиром, остроумным и мудрым Мужем, особой «в мудрых мудрой, в ученых ученой, в достойных достойной...» (II: 7-8). Выстраивая антитезу, собственную персону автор характеризует как имеющую многие недостатки и неспособности, собственное риторическое слово как неискусное, должность в Академии как непосильную.

Третьяковский указывает на цель своих филологических практик: «...ради сего станем трудиться, чтобы и по смерти не умереть» [3, II: 18]. Он совершенно определенно выстраивает схему иерархии авторитета и авторства: Бог – императрица Анна – поэт: «...возблагодарим токмо всеблагову БОГУ, что милостиво свое подобие, ИМПЕРАТРИЦУ АННУ, даровал нам здесь, да здраво, благополучно и долговременно та царствует над нами» [3, II: 13]. Новый язык нужен писателю, чтобы прославлять правление императрицы: «Сего точно ради ныне должность сия вам поручается, дабы, поскольку возможно, в совершенство приводить Язык наш, и чрез тоб иметь хотя малое средство к прославлению дел и добродетелей Государыни нашея» [3, II: 11]. В лице императрицы для Третьяковского совместились добродетели мудрого, храброго, щедрого, правосудного, любезного, рассудительного, великодушного монарха и божественная милость: «Глух есть, кто не слышит громогласных проповедей по всей России, от всех чинов, на всяком месте, о крайней Самодержицы нашея милости; слеп есть, кто не видит повсюду текущаго, неудопонятнаго потомкам, щедрот ея источника; окаменен есть, кто не чувствует сердцем матерняго ея ко всем милосердия...» [3, II: 12-13]. Текст аллюзивно от-

сылает нас к библейскому первоисточнику: «...потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем...» (Матф. 13. 13-15). Какова же, по Третьяковскому, роль поэта? Поэт сохраняет истину для будущих родов: «...достовернейшая сия истинна такова вменится, каковы преукрашенные слогом басни древних и новых Псалтирей нам быть кажутся» [3, II: 2].

Когда Третьяковский 14 марта 1735 г. выступал с речью перед членами Академии, ему шел тридцать третий год (поэт родился 22 февраля по старому стилю 1703 г.). Возложив на себя многотрудные обязанности на поприще совершенствования русского языка, поэт встал на путь *imitatio Christi*. Третьяковский дает публичный обет смирения и послушания: «...но послушанием, но почтением к Его Превосходительству, с вами сравниться всячески постараюсь. Не будет во мне, да и не надлежит, никакова веляния его сопротивления, не будет отнюд отречения, не будет и нимало преслушания: ко всему, чего моя должность взыскивать с меня ни будет, увидит он меня готова; ко всему, да и всегда, прилежна; ко всему радетельна, и толь, коль самая возможность до того меня допустит...» [3, II: 9]. Он не уверен, примет его академическая общественность или закидает камнями: «...Его Превосходительство несколько меня достойным избрящет вашего общества, и вы не будете сожалеть, что искусныя ваши наставления, в рассуждении чистоты нашего Языка, в прибыток мой, к пользе общей, купно с вами трудясь, употреблю: что и дабудет благоуспешно, желаю» [3, II: 9].

Третьяковский избирает путь апостольского служения: не для себя, но для потомков. Он неоднократно подчеркивает, что не достоин нести «толь тяжкое бремя», акцентирует вни-

мание на низости своего положения. Топика поведения задана словами апостола Павла: «Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить жертвы о грехах. И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как Аарон» (Евр. 5. 1-4).

Тредиаковский обращается к библейским образам пчелы и цветка; как риторическая фигура наращенная в этом же контексте появляется образ соболя: «...для себя ль единыя Пчела слаткий мед собирает, а и не для нас? Для себя ль единого Сობоль драгоценную носит одежду, а и не для нас? Не для себя и прекрасныи Цветы благовонны, но для нас» [3, II: 14-15]. Мотив пчелы и цветка имеет ветхозаветное происхождение: «Мала пчела между летающими, но плод ее – лучший из сластей» (Сир. 11. 3; см. также Притчи Соломона. 6. 6-11). 24 глава «Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова» прославляет Премудрость через семантику растительных образов: «Я [премудрость] возвысилась, как кедр на Ливане и как кипарис на горах Ермонских; я возвысилась, как пальма в Енгадди и как розовые кусты в Иерихоне; я, как красивая маслина в долине и как платан, возвысилась. Как корица и аспалаф, я издала ароматный запах и, как отличная смирна, распространила благоухание, как халвани, оникс и стакти и как благоухание ладана в скинии. Я распростерла свои ветви, как теревинф, и ветви мои – ветви славы и благодати. Я – как виноградная лоза, произращающая благодать, и цветы мои – плод славы и богатства. Приступите ко мне, желающие меня, и насыщайтесь плодами моими; ибо воспоминание обо мне слаще меда, и обладание мною приятнее медового сота» (Сир. 24. 14-22). Образ соболя, символизирующий пышность одежд, отсылает к богоизбранному Аарону-толмачу – посреднику между пророком Моисеем и людьми, первому получившему сан священника и

право совершать культовые действия: «И сделай священные одежды Аарону, брату твоему, для славы и благолепия» (Исх. 28.2). Особое благолепие одежд первосвященника становится метафорой красоты его речи.

Конец речи совмещает *imitatio apostoli* и *imitatio angeli* - Тредиаковский снова показывает смирение и непротivление: «...сию Речь, на сих листках написанную, в ваше отдаю рассмотрение, прося, да соблаговолите в ней неправильное исправить, недостаточное наполнить, непринадлежащее надлежащим украсить, лишнее вон вынуть; и сим образом из неслаткия, сделать ее хотя несколько пошлою, и приятною» [3, II: 18-19].

Тредиаковский не боялся трудностей, занимая должность в Академии с обязанностями вычищать русский язык: «...и трудность в нашей должности не толь есть трудна, чтоб побеждена быть не возмогла. Одно тщание, одна ревность, одна неусыпность от нас требуется. Можно ж дать и способ, чрез который тщание, ревность, и неусыпность непременно иметь мы будем. Верьте мне, когда о труде памятовать не станем; когда хвалы, славы, и общия пользы желать станем; когда не для того будем жить, чтоб не трудиться, но ради сего станем трудиться, дабы и по смерти не умереть: тогда нечувствительно привыкнем и пристрастимся к тщанию, ревности, и неусыпности» [3, II: 18]. По сути дела, Тредиаковский в данном отрывке обращается к жанру светской проповеди, тематическим ключом для реконструкции которой являются библейские аллюзии. Так, призыв к ревностному служению отсылает нас к «Посланиям апостола Павла»: «Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дела ваши и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым. Желаем же, чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца, дабы вы не обленились, но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования» (Евр. 6. 10-12). Призыв к тщанию может быть интерпретирован через «Первую книгу Ездры»:

«Все, что повелено Богом небесным, должно делаться со тщанием для дома Бога небесного» (1 Езд. 7. 23). Возлагая на себя обязанности ревнителя русского языка, Третьяковский приравнивает свою деятельность к апостольской. Избрав путь ученого и писателя – просветителя народов – Третьяковский заручается авторитетом Священного Писания и Предания, исторического прошлого России, ее культуры, искусства, в том числе и языка, конечно, церковнославянского.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. «Езда в остров любви» Третьяковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в. // Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С. 222-230.
2. Татарина Л. Е. Русская литература и журналистика XVIII века. М.: Проспект, 2006. // <http://writerstob.narod.ru/writers/trediakovsky.htm>.
3. Третьяковский В. К. Сочинения и переводы как стихи, так и прозою: В 2 кн. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1752.

А.С. Лукашук

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПРОПОВЕ- ДЯХ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА*

*Россия, г. Волгоград, ГОУ ВПО Волгоградский
государственный университет lukashuk-anna@mail.ru*

Произведения духовно-светской литературы XVIII века, представленные жанром проповеди, являются одним из источников, отражающих религиозно-нравственные и культурно-языковые идеи Петровского времени. Сочинения Ф. Прокоповича служат интересным и недостаточно изученным с лингвистической точки

зрения объектом [4: 43]. Язык такого рода панегирических произведений, к которым относятся рассматриваемые тексты, позволяет обнаружить связь с древнейшими пластами культуры народа, с его религиозным опытом, рефлексией эстетического и научного познания мира.

Как известно, не все проповедники начала XVIII в. вполне удовлетворяли требованиям Петра; наиболее ревностным исполнителем его воли был Ф. Прокопович, роль которого в жизни общества всегда оценивается очень высоко, поскольку именно он реформировал жанр проповеди, сблизив его с жизнью. Прокопович интерпретирует сакральный текст в соответствии со своими богословскими взглядами, а также политической идеологией того времени. Как отмечают исследователи, в XVII-XVIII вв. от проповеди требовалось с помощью риторической техники «привязать» предмет красноречия к одному из евангельских мест: «сами места полагались темными, до конца не постижимыми – и потому могущими служить своего рода знаками, образующими систему, отождествляемую с традицией» [3: 39-42]. Многие прояснить в позиции ораторов, составляющей часть целостной системы ценностей и отражающей представление просвещенного русского человека XVIII в. об окружающем мире в глобальной оппозиции добра и зла, может лингвистический анализ.

Основной смысл проповедей Прокоповича раскрывается, прежде всего, с помощью лексики, имеющей приметы церковнославянизмов: неполногласие – «благодаяние божье» [9: 284], «благословение благостынное» [7: 240]; характерные приставки – «возгорелась охота» [7: 236], «воскресивший аки от мертвых» [8: 279]; прием словосложения – «прямейшее богомудрие» [8: 281], «грехопадение наше» [9: 284] и др. В текстах проповедника регулярно используется лексика с абстрактной семантикой: «благополучие», «радости» [9: 279], «любовь», «случай», «мудрствование» [7: 235] и др.

Для утверждения масштабности и грандиозности трудов российского самодержца проповедник использует различные

стилистические приемы. Прежде всего, Прокопович проводит мысль о том, что власть государя является воплощением высшей справедливости на земле и порядок ее преемственности оказывается законным и установленным от Бога. Так, в «Слове на погребение Петра Великого» автор выбирает языковые средства, которые позволяют обратить внимание слушателей на богоугодность продолжения дел Петровых: «*Мир* весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. *Владетелское благоразумие* и матернее *благоутробие*, и природою тебе от Бога данное, кому неизвестно!» [8: 281]. Употребление слов с неполногласием, словосложение – *владетелское* [6, I: 755], *благоразумие* [6, VI: 441], *благоутробие*, т.е. «милосердие» [6, VI: 457], служат характерологическим средством; использование синекдохи (*мир весь, женская плоть*) и риторического восклицания позволяет оратору сделать очевидным для слушателей свою точку зрения.

Будучи «политическим деятелем, оценивающим события с точки зрения государственных интересов» [5: 57], Прокопович соотносит в своих торжественных речах два плана – богословский и политический. Мысль о богоизбранности российского императора вербализуется, когда государь выступает как персонафицированное воплощение власти, а его деятельность – как богоустановленная [2: 230-233]. В проповедях Прокопович называет государя «царем христианским» [9: 284] в противовес восприятию его как «антихриста» некоторыми его современниками. Проводя политико-идеологические взгляды, оратор представляет царя христианским идеалом правителя, который «небесной со Христом славы достиг» [9: 299]. Например, в «Слове на похвалу памяти Петра Великого»: «[В]елел писать увещевания, и проповедями наставлять, и обещанием милости, и неким утеснением, то есть десными и шуими от заблуждения отводить...[П]одданных своих оберегать тщался: притворная чюдеса, сновидения, беснования искоренял, лестцов...И суды надлежат повеленныя им заводы школ, сочинения книжиц бо-

гословских, древних учителей и историков церковных переводы и перевода священного писания исправления» и т.д. [9: 293-294]. Идея богоизбрания у Прокоповича связана с мыслью о том, что и сам император может быть уподоблен Творцу. Так, проповедник с помощью сравнения говорит о Петре I, как способном творить новый мир: «[в]иновник безчисленных *благотолучий* наших и радостей, *воскресший* аки от мертвых Россию и *воздвигший* в толикую силу и славу, или паче, рождавший и воспитавший прямой сый отечества своего отец...» [8: 279]. В приведенном контексте церковнославянизм *воскресший* в значении «оживотворенный, воздвигнутый, возставленный от мертвых» [6, III: 945], употребляемый, по данным Словаря Академии Российской, только по отношению к божественным силам, используется в устойчивом выражении *воскресший аки от мертвых*, но в сочетании *воскресший Россию*. Это меняет смысл и придает речи не религиозное, а политическое звучание. В другом произведении, «Слове на похвалу памяти Петра Великого», оратор, используя фигуру сопоставления, уподобляет императора мастеру: «Россия вся есть *статуа твоя*, изрядным майстерством от тебе пределанная, что и в твоей эмблеме неложно изобразуется; мир же весь и стихотворец и проповедник славы твоя» [9: 298].

Мысль о божественном провидении, снисходившем на государя Петра Великого, выражается в текстах приемами репризы, заключающимися в нарочитом стилистическом повторе языковых единиц, используемых автором для смыслового выделения концептуально важных для него моментов содержания текста, и акцентирования, служащего для привлечения внимания к наиболее важным мыслям и усилению впечатления. Так, в «Слове похвальном о флоте российском» оратор говорит: «...милостивое к нам *божие смотрение*, таковых водных виктории виновное, то есть что благовременно подвигнул Бог державнейшаго государя нашего к устройению морского флота» [7: 234]. И далее: «...яко собственное было *Божие смотрение*, когда воспламенися цареву

сердце к водным судам, также и к устроению флота великаго...» [7: 235], «И *смотрение Божие*, сердца их управляющее, есть общее ко всему народу смотрение» [7: 235]. «Мы же, познавшее с предложенного разсуждения, яко нарочитое и собственное к делу сему было *смотрение Божие*, еще посмотрим, как тое смотрение милостивое есть к роду российскому...» [7: 238] и т.д. Используя синонимические ряды «смотрение Божие» [9: 283], «великое благодеяние Божие» [9: 284], «промысл Божий» [7: 240], «видимый промысл» [7: 235], «смотрение милостивое» [7: 238], «милость Господня» [7: 241] и др. Прокопович стремится обратить внимание слушателя на Божественное предвидение сложившихся во время военной кампании обстоятельств, что позволяет понять исход сражения.

Построение проповедей Ф. Прокоповича отражает его религиозные воззрения. Например, как отмечает сам автор, «чин же и порядок слова» в «Слове на похвалу памяти Петра Великаго» он заимствует из библейской книги (Библия. Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, гл. 47), где в похвале царю Давиду вначале вспоминаются «труды его человеческия», потом же «делабогословския» [1: 129]. В названном произведении, следуя этому, Прокопович перечисляет общественно-государственные труды императора и дела религиозно-нравственного характера: «Посмотрим на двойственную должность и дело, первое, яко *просто царя*, второе, яко *царя христианскаго*, и каков и колик во обоих сих Петр показался, нечто, аще и несовершенно, сказать довольно будет» [9: 284]. В приведенном контексте автор, используя лексический повтор и инверсию, усиливает аргументацию, что придает сравнению Петра I с Царем Небесным особую выразительность.

Риторические техники, используемые Прокоповичем в проповедях, дают возможность выразить новую религиозную и государственную концепции того времени: раньше проповедник призывал слушателей выполнить свой христианский долг перед Церковью, теперь эта миссия принадлежит государству и

его правителю. Стилеобразующую роль в торжественных речах Прокоповича играют различные панегирические средства, на основе которых в последующем, на протяжении всего XVIII в., формируется высокий стиль.

Библиографический список

* Исследование проводится в рамках госбюджетной темы ГБ 1.4.05.

1. Гребенюк В.П. Панегирические произведения первой четверти XVIII в. и их связь с петровскими преобразованиями / В.П. Гребенюк // Панегирическая литература петровского времени: Исследования и тексты. М.: Наука, 1979. 311 с. С. 5-38.

2. Живов В.М, Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России / В.М. Живов, Б.А. Успенский // Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Языки русской культуры, 1996. Т. I. С. 205-337.

3. Кагарлицкий Ю.В. Текст Св. Писания в проповедях Феофана Прокоповича / Ю.В. Кагарлицкий // Известия Академии Наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 39-48.

4. Кислова Е.И. Норма языка русской проповеди середины XVIII в. / Е.И. Кислова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2006. № 5. С. 43-48.

5. Кочеткова Н.Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма / Н.Д. Кочеткова // XVIII век: Сб. № 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л.: Наука, 1974. С. 50-80.

6. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб., 1789-1794. Т. 1-6. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001-2006.

7. Ф. Прокопович. Слово похвальное о флоте российском [...] // Панегирическая литература петровского времени: Исследования и тексты. Изд. подгот. В.П. Гребенюк / Под ред. О.А. Державиной. М.: Наука, 1979. 11. С. 235-243.

8. Ф. Прокопович. Слово на погребение всепресветлейшего Петра Великого [...] // Там же. С. 279-282.

9. Слово на похвалу блаженных и вечнодостойных памяти Петра Великого [...] // Там же. С. 283-300.

Иеромонах Антоний (Подоровский)

**АПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕЦЕДЕНТ
В ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ СРЕДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА СВЯТИТЕЛЯ
НЕКТАРИЯ ЭГИНСКОГО И Н.В. ГОГОЛЯ)**

*Россия, Москва-Самара, Московская Духовная академия – Самарский государственный
областной университет Наяновой*

Христианское нравственное учение делегирует каждому человеку, с которым сталкивается христианин, неслыханное в других доктринах достоинство. Никакое учение ни до, ни после Христа – не требовало от своих последователей столь многого по отношению к Другому. Не будет преувеличением обобщить, что основной принцип по отношению христианина к его окружению является самопожертвование.

Но каким образом человек исповедующий Христианство, строит свою стратегию поведения в ситуации конфликта на основе соблюдения Божественных заповедей? Позволительно ли ему защитить своё доброе имя и, если да, то каким образом?

Нас интересует стратегия поведения в ситуации, когда христианин стал жертвой клеветнических утверждений либо несправедливых обвинений в его адрес. Всегда ли следует отмалчиваться, «предоставив весь суд Богу»?

Нами были найдены и рассмотрены два прецедента для указанного сценария. Весьма примечательно, что, во-первых, они произошли по церковно-историческим меркам не очень дав-

но, в XIX веке, во-вторых, среди двух разнонациональных поместных православных Церквей, а, в-третьих, их участники – в высшей степени достойные люди: один – известнейший святой Греции, другой – великий русский писатель.

Мы имеем в виду святителя Нектария Эгинского и Н.В. Гоголя. Они сочли нужным письменно ответить на обвинения в их адрес, которые подрывали их достоинство и моральную чистоплотность. Попробуем рассмотреть, как они мотивируют свое поведение и строят свою защиту.

Н.В. Гоголь в советские годы менее всего рассматривался как автор «Ответа Белинскому». Во-первых, точка зрения критика во многом совпадала с позициями партийной пропаганды, а потому ответ автора на неё был неудобен. Во-вторых, в силу того, что ответ остался неопубликованным при жизни Н.В. Гоголя, он не вызвал широкого общественного резонанса, а потому и не стал событием культурной жизни страны в своё время.

В чём обвинялся великий писатель, хорошо известно: в «Письме к Гоголю» Белинский выдвигает ряд претензий к автору «Выбранных мест из переписки с друзьями», суть которых состоит в том, что Гоголь якобы продался существующему строю и взялся воспевать его, проповедовать «невежество, обскурантизм, мракобесие и татарские нравы». По мнению критика, русский читатель настолько невосприимчив к любым попыткам оправдать деятельность царского правительства, что возвращение его расположения к Гоголю произойдёт только тогда, когда писатель «искупит грех» издания «Выбранных мест» сочинениями наподобие прежних.

Николай Васильевич в ответе указывает на то, что критик совершенно произвольно трактует его идеи. В этом смысле непонимание и особенно нежелание понять, что на самом деле хотел сказать автор, есть тревожный симптом состояния самого критика, выдающий в нём человека не только вспыльчивого, но и не склонного отвечать за свои слова. «Вам следовало поудержаться клеймить меня теми обидными подозрениями, какими я не имел бы духа запятнать последнего мерзавца», – замечает писатель. Те

«источники», на основании которых сложились взгляды Белинского, во-первых, абсолютно необъективны, а во-вторых, весьма легковесны. Как может судить о религиозности провинциальных крестьян человек, не покидавший Петербурга? Кто дал критику право решать, кто больше следует Христу: православное духовенство, католическое или французские антиклерикалы? Откуда такие претензии – знать общество и дух времени? И главное – что за стремление спасать общество за счёт своих ближних? Проблемы общества будут решены не приматом закона («конституциями»), но воспоминанием, что каждый человек «вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного царства». Наконец, Н.В. Гоголь показывает, что безоглядная самоуверенность Белинского есть результат отсутствия образования и советует ему заново начать ученье.

«Ответ Белинскому» раскрывает благородство и великодушие писателя. Он не срыгается на взаимные оскорбления и моральное уничтожение своего критика. Ему совершенно чужда ресентиментарность – в ответе нет и намёка на моральный шантаж. Н.В. Гоголь предельно ясно очерчивает свою позицию по обсуждаемым проблемам и объясняет, что с тем багажом знаний и настроений, которым обладает критик, решать вопросы государственного масштаба чревато большим риском для общества.

Но смысловое содержание – это всегда конкретика, которая, чтобы позволить сделать обобщения, нуждается в анализе. Нам важно увидеть стиль Гоголя как апологета, обратить внимание на то, как строится логика самозащиты писателя-христианина. Из текста ответа мы можем наблюдать следующее: во-первых, пафосность повествования. Автор вовсе не пытается сделать вид, что совершенно равнодушен к оскорблениям Белинского. Помимо приведённой цитаты, об этом свидетельствуют строки из начала письма: «В каком грубом, невежественном смысле приняли вы мою книгу! Как вы её истолковали!» Равно как и другой пассаж: «Никакого не было у меня своекорыстного умысла. Ничего не хотел я ею выпрашивать». Повторяемые предложения в одной

интонации, предваряемые аналогичными вопросительными или отрицательными конструктами создают впечатления крайнего протеста: автор словно желает повторить одно и то же другими словами.

Наличие вопросительных предложений, многие из которых являются вопросами риторическими, также передают состояние возмущения: «Если же правительство огромная шайка воров... Рассмотрим пристально, отчего это? Не оттого ли эта сложность и чудовищное накопление прав, не оттого ли, что мы все кто в лес, кто по дрова?». Или: «Кто же, по вашему, ближе и лучше может истолковать теперь Христа (писатель имеет в виду православное духовенство – предмет особых нападок Белинского – А.П.)? Неужели нынешние коммунисты и социалисты, объясняющие, что Христос повелевал отнимать имущества и грабить тех, кто нажили себе состояние?». Обратим внимание, что в этих цитатах настроение автора выражается и неполнотой конструкций, использованием поговорки из бытовой речи. К риторическим вопросам близки и вопросы, не предполагающие ответа – они выполняют значение обвинений: «Как можно ручаться за этот ежеминутно меняющийся хамелеон? Какими данными вы можете удостоверить, что знаете общество? Где ваши средства к тому? Показали ли вы где-нибудь в сочиненьях своих, что вы глубокий ведатель души человека? Прошли ли вы опыт жизни?». У Гоголя они образуют своего рода каскад, который призван убедить в том, что претензии журналиста к нему совершенно неосновательны.

Принцип самозащиты Гоголя – апелляция к очевидности. Всякий раз, когда кто-либо вынужден опровергать очевидный для него вздор, он испытывает известную беспомощность и рассеянность: как доказать то, что и так совершенно ясно? Обескураженность Гоголя столь своеобразной интерпретацией его сочинения выражена, например, в колебаниях, как начать свою защиту: «С чего начать мой ответ на ваше письмо? Начну его с ваших же слов: «Опомнитесь, вы стоите на краю бездны!»». То

же самое недоумение мы видим и далее: «Что мне сказать вам на резкое замечание, будто русский мужик не склонен к религии... замечание, которое вы с такой самоуверенностью произносите, как будто век общались с русским мужиком? Что тут говорить, когда так красноречиво говорят тысячи церквей и монастырей, покрывающих русскую землю...».

Затем можно обратить внимание на то, что высказывания о себе самом у писателя носят категорический характер, что выражается лаконичностью фраз и использованием в них языковых единиц со смыслом отрицания. Кроме уже приведённой цитаты о бескорыстности автора, можно рассмотреть и такой отрывок: «Вы говорите, кстати, будто я спел похвальную песнь нашему правительству. Я нигде не пел».

Гоголь стремится к точности, жертвуя ради неё неудобовыставляемыми фактами своей жизни: «Вспомнили б вы по крайней мере, что у меня нет даже угла, и я стараюсь только о том, как бы ещё облегчить мой небольшой походный чемодан, чтоб легче было расстаться с миром».

Точность обязывает его избегать упрощений: «Я знал много дурных попов... Но встречал зато и таких, которых святости жизни и подвигам я дивился, и видел, что они – созданы нашей восточной Церкви, а не западной». Критикуя идеалы Белинского, Н.В. Гоголь высказывается очень аккуратно, без уничижения: «Вы говорите, что спасенье России в европейской цивилизации. Но какое это беспредельное и безграничное слово...». Чувство собственной правоты и, безусловно, большая компетентность в христианской тематике дают Гоголю апеллировать к Богу, ссылаясь на Его евангельские постановления: «Христос нигде нам не говорит, что нужно приобретать, а ещё напротив и настоятельно нам велит уступать: снимающему с тебя одежду отдай последнюю рубашку, с просящим тебя пройти одно поприще, пройди два».

Наконец, Гоголь рассчитывает именно найти понимание. Не высказать всё, что он думает о собеседнике, но разобраться и

разрешить конфликт – вот цель писателя. Именно потому адресату делегируется глубокое уважение. Автор «Ответа» избегает императивных форм, хотя и даёт советы: «вспомнили бы», «вам следовало поудержаться», «нельзя судить о таких предметах», «нужно прочесть всю историю человечества», «следует подумать заблаговременно». Менее всего писатель видит в Белинском негодяя или даже грешника. Мы видим, что и с точки зрения содержательной, и с точки зрения моральной высоты ответ великого писателя ничуть не уступает письму Белинского. Остаётся только сожалеть, что он так и остался неотправленным – и «неистовый Виссарион», и российское общество могли получить бы пользу для себя от гоголевского гения.

Святитель Нектарий с детского возраста горел желанием послужить Церкви на ниве богословия. Ради его осуществления он вопреки всем обстоятельствам получает высшее образование и заканчивает университет, будучи уже сорокалетним иеродиаконем. Перед поступлением в Афинский Университет, в 1881 г., состоится его знакомство с человеком, роковым образом повлиявшим на его дальнейшую судьбу. Александрийский патриарх Софроний в это время решает вопрос острой нехватки образованных клириков, и будущий святитель вполне удовлетворял самым высоким запросам патриарха. Поэтому Софроний начинает способствовать его обучению с тем, чтобы приобрести в Патриархии духовное лицо, находящееся на должной нравственной и интеллектуальной высоте. Действительно, по окончании обучения иеродиакон Нектарий приезжает в Александрию.

Его четырёхлетнее пребывание здесь – это стремительное продвижение по иерархической лестнице, которая, однако, в одночасье обрушилась. Будущий святитель активно включился в церковную жизнь Александрии, усердно выполняя все возложенные на него патриархом послушания. Софроний возводит его в сан священства, а в январе 1889 г. рукополагает во епископа Пентапольского. Занимая ответственные должности, ново-

рукоположенный архиерей столкнулся с некоторыми клириками, пытавшимися злоупотребить своими полномочиями для личных выгод. Эти люди за спиной Святителя начинают целенаправленную дискредитацию его действий перед святейшим патриархом. В конечном счете им удалось расположить патриарха против пентапольского митрополита: в мае 1890 г. св. Нектарий отстраняется от всех исполняемых поручений, а через два месяца отсылается из Египта. В обоих случаях ему не было представлено никаких конкретных объяснений или обвинений – Софроний отказал во встрече. Святитель, подчиняясь патриарху, покидает Африку и отправляется в Грецию.

Королевские Афины святителя Нектария приняли настороженно, более года он пребывал совершенно без всякой работы и средств к существованию, затем получил должность простого проповедника на о. Эвбея, и лишь в 1894 г. он был назначен ректором Ризарийской церковной школы. Предварительно греческое правительство сделало запрос в Египте о Пентапольском митрополите и о причине его отбытия из Александрии.

Когда Святитель узнал содержание ответа на запрос, он был поражён. От имени патриарха Софрония на него возводились обвинения не только в самочинных поступках, но и в аморальном поведении. Это была не просто гнусная клевета. Если бы только свидетельство патриархии было принято всерьёз, то св. Нектарий не только не получил бы место ректора, но и, согласно церковным канонам, был бы запрещен в священнодействии. Вот почему святитель оценивает действия патриархии как «убийство». Его состояние выразилось в письме к патриарху Софронию от 11 марта 1895 г., текст которого приводится нами в Приложении.

Поместив в начале отрывок из показаний греческого консульства, где приводятся обвинения, Святитель обращается с горьким упрёком к своему бывшему покровителю – патри-

арху. В чём причина такой ненависти? Для чего официально даётся столь убийственная характеристика, когда нет даже тени угрозы от опального митрополита? В чём состоит его, Нектария, самочиние и аморализм, где доказательства, что соответствующие поступки имели место и были осуждены церковным судом? Никогда, пишет св. Нектарий, он не злоумышлял против патриарха и его окружения, но, напротив, желал исключительно добра. Завершает письмо Святитель заявлением, что вражда против него со стороны патриарха несправедлива, во свидетели чему им призывается Бог.

Если мы обратимся к тексту письма, то мы увидим, что оно написано совершенно в том же духе, что и отповедь Гоголя, несмотря на то, что святителя и писателя разделяют их темпераменты, национальности и даже ситуации, в которых каждый из них оказался. Общность духа выражается и в пользовании идентичными языковыми приёмами, и в общей логике самозащиты.

Выражая своё отношение к поступку работников Патриархии, святитель также обращается к серии «вопросов без ответов»: «Когда, Ваше Всесвятейшество, Вы обнаружили мои антидисциплинарные настроения? В каких делах они выразились? Каковы доказательства, которые характеризуют меня как дерзкого, непокорного и лукавого раба, злоумышлявшего против церковного Священноначалия?» Или далее: «Где протоколы? Где мои обвинители? Где свидетели? Где состав преступления? Где почва, которой подтверждается это официальное обвинение в мой адрес, осуждающее меня на моральную смерть?»

Найдём мы в письме и категорические заявления о невиновности автора с использованием тех же отрицательных конструкций: «Я призываю в свидетели Бога, что никогда не замышлял зла против кого-либо». Апелляция к Божественной Справедливости выражена не только в предыдущей цитате, но и в последнем предложении письма: «Бог мне свидетель и Судия».

Св. Нектария также не может не заботить точность изложения. Она достигается им весьма простым способом – цитированием письма. Ссылается он и на факты своей биографии: «я просил насущный хлеб, так как делил его с бедняками», а также на своё служение в Египте, о котором хорошо помнил патриарх.

Наконец, рассмотрим, как относится Святитель к своему адресату. Во-первых, трудно не заметить подчёркнутое уважение к сану патриарха. О нём свидетельствует как начало письма, так и неоднократно употребляемое обращение «Ваше Всесвятейшество». Завершается письмо словами: «С глубоким уважением и наилучшими пожеланиями». Также мы видим, что святитель Нектарий обвиняет не самого патриарха, но его «гнев» и «ненависть» против себя: «Неужели... я стал настолько ненавистен Вам», – спрашивает Пентапольский митрополит, а в завершение, указывая на цель письма, говорит: «К чему этот несвоевременный протест? Ни для чего другого, чтобы Ваше Божественное Всесвятейшество знало, что всякий против меня гнев его несправедлив».

Александрийский патриарх ничего не ответил Святителю.

Итак, обратившись к двум этим письмам, мы видим, что сопоставимы даже на уровне языковых выразительных средств. На основе их сопоставления мы делаем следующие выводы:

Во-первых, совесть христианина никто не может принудить к молчанию, когда его мировоззрение подвергается насмешкам или он сам – несправедливости. Более того, его поведение в этом случае сообразуется со словами Господа: «Если согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его».

Во-вторых, интересной особенностью православного сознания, судя по письмам, является понимание того, что причина любого конфликта лежит в области аффектов, преодолеть аффект (слепого гнева, ненависти) – значит разрешить конфликт. Осуждению христианина подвергается не сам человек, причинивший ему зло, но его поступок.

В-третьих, единство позиции двух авторов может пониматься как выражение единства духа и самосознания представителей двух православных народов.

Приложение: Письмо Святителя Нектария (Перевод с греческого по изданию: Σοφοκλής Δημητρακόπουλος. Ο Άγιος Νεκτάριος Πενταπόλεως – η πρώτη αγία Μορφή των καιρών μας. – Αθήνα 1998, σελ. 110-111)

Афины, 11 марта 1895.

Всесвятейший Владыко!

Всесвятую Вашу десницу благоговейно лобызая.

В Александрию

Министерство Церковных Дел и Народного Образования сделало запрос через Министерство Иностранных Дел у консула Греческого Правительства г-на И. Грипариса о сведениях обо мне и в особенности о причине моего отбытия из Египта. В ответе Министерству г-н Консул написал вот что:

«Александрия, 28 января 1894 г.

Господин Министр,

По приказу Его Превосходительства Министра Иностранных Дел имею честь предоставить Вашему Превосходительству сведения о Его Преосвященстве, бывшем Епископе Пентаполя, Нектарие Кефаласе и в частности о причине его отбытия из Египта... вследствие же возникшей неприязни между Патриархом и Преосвященным епископом Ливийским последний отбыл в Смирну, а его место Патриаршьего эпитропа занял архимандрит Нектарий, сохранив её и после хиротонии в епископа Пентапольского.

И хотя в начале Патриарх был в высшей степени доволен служением митрополита Пентапольского, потому что он показал себя очень ревностным, впоследствии, однако, стал неприятен патриарху, как показавший тенденции к самовольным и независимым от него действиям, расцененные Патриархом как антидисциплинарные, по причине которых Его Всесвятейшество

счёл нужным удалить его из Египта. Согласно источникам Патриархии, кроме антидисциплинарных тенденций удаление высокопреосвященнейшего (митрополита) Пентапольского вызвали причины морального характера...»

Неужели, Ваше Всесвятейшество, я стал настолько ненавистен Вам, что, спустя четыре года моего несправедливейшего удаления из Египта, во время которого я просил насущный хлеб, чтобы разделить его с бедняками, сделавшись немым и беспомощным против многочисленных обвинений Патриархии против меня, служители Патриархии дают обо мне такую информацию на официальный запрос Греческого Правительства? Когда, Ваше Всесвятейшество, Вы обнаружили мои антидисциплинарные настроения? В каких делах они выразились? Каковы доказательства, которые характеризуют меня как дерзкого, непокорного и лукавого раба, злоумышлявшего против Церковного Священноначалия? Какой церковный суд рассмотрел моё дело и обвинил меня, приняв решение о моей аморальности, так, что работники Патриархии дерзко сообщают консулу Греческого Правительства, официально запрашивающего столь важную информацию, что я изгнан как бунтарь и развратник? Где протоколы? Где мои обвинители? Где свидетели? Где состав преступления? Где почва, которой подтверждается это официальное обвинение в мой адрес, по которому я осуждаюсь на моральную смерть? Какое великое злодейство я совершил против Вас, Ваше Всесвятейшество или против кого-либо из Патриархии, что так умерщвляюсь? Откуда такой Ваш гнев на меня, который и сейчас меня преследует, что требует моего полного уничтожения? Чем, по крайней мере, я Вас обидел? Каков мой великий грех против Вас? В чём проявилось моё лукавство и моя злоба? Я призываю в свидетели Бога, что никогда не замышлял зла против кого-либо. Я желал только добра всю свою жизнь и его любителем и работником сделался. Думаю, что опыт моей благонамеренности и ясные её доказательства имело и Ваше Всесвятейшество.

Впрочем, к чему всё это? Дело сделано, гнев удовлетворён, злодей примерно наказан. К чему этот несвоевременный протест? Ни для чего другого, чтобы Ваше Божественное Всевытейшество знало, что всякий против меня гнев Его несправедлив. Бог мне Свидетель и Судья.

С глубоким уважением и с наилучшими пожеланиями.

+ Нектарий Пентапольский.

Н.А. Тупикова, И.В. Рогожкина

**ОТРАЖЕНИЕ В РЕЧЕВОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ
ЭТИКЕТЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙНЫХ СПИСКОВ
РУССКИХ ПОСЛОВ И СОВРЕМЕННОЙ
МЕМОУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)***

*Россия, г. Волгоград, ГОУ ВПО Волгоградский
государственный университет, riv05@rambler.ru*

Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению речевого этикета, многие вопросы остаются недостаточно разработанными. В то же время, как считают исследователи, языковые данные могут служить ключом к пониманию определенных культурно-значимых аспектов восприятия мира [1: 23]. В дипломатическом речевом этикете обнаружить эти особенности позволяет анализ коммуникативных стратегий – «комплекса принципов организации речевых действий, направленных на достижение цели» [6: 68]. В рассматриваемой сфере большую роль играет категория вежливости. Учитывая, что любой речевой акт может в той или иной степени угрожать лицу, причем как лицу адресата, так и самого говорящего, избежать рисков, связанных с общением, участникам коммуникации помогают стратегии позитивной или негативной вежливости [7: 65–68]. «Противопоставление позитивной и негативной вежливости

соответствует противопоставлению персональной и социальной дистанции. Позитивная вежливость – общение в среде «своих», негативная вежливость – общение в среде «чужих» [2: 80]. Данные стратегии выражаются в использовании определенных формул речевого этикета и линий поведения говорящего. Проявление внимания к человеку, создание атмосферы внутригрупповой идентичности, стремление к согласию, желание избежать несогласия (внешнее согласие), выражение оптимизма в просьбе, обоснование предложений и просьб и др. связаны с тактиками в рамках стратегии позитивной вежливости; предоставление свободы действий слушающему, использование косвенных речевых актов (в частности, просьб) пессимизм в просьбе, имперсонализация участников общения, генерализация требований в виде независимых от говорящего норм и т.д. включаются в комплекс тактических приемов стратегии негативной вежливости. Кроме того, можно говорить о том, что стратегия позитивной вежливости – минимальная степень проявления уважения к собеседнику; если негативную вежливость можно «снизить» до позитивной, то «снижать» позитивную уже, как правило, нельзя.

Учитывая, что в русской культуре, по мнению исследователей, тенденция к сохранению личной свободы собеседника представлена не так определенно, как в западной культуре [3: 12–17], можно говорить о том, что преобладает стратегия позитивной вежливости, что объясняется особым представлением о мире, отраженном в русской речи [1: 284]. Анна А. Зализняк определяет его как «неуважение к идее приватности». Однако справедливее было бы говорить лишь о различных степенях проявления уважения к личной сфере собеседника в русской и западной культурах. В русской языковой картине мира идея приватности не является ключевой: далеко не всегда у русского человека работает принцип «мой дом – моя крепость». Это представление определяет и своеобразие русской просьбы. Так, если в английском и французском этикете «произнесение сло-

ва *прошу* ставит говорящего в низшее положение» [1: 284], то особая этическая окраска русской просьбы состоит в том, что вторжение в личную сферу «означает вовлечение адресата в определенный тип отношений, где предполагается наличие «добрых чувств» по отношению к другому» [1: 284]. «Небеспокойство» по поводу нарушения личной сферы собеседника, оптимизм при выражении просьбы в русском языке соответствует стратегии позитивной вежливости. На это указывает, в частности, семантика глагола *просити*, одно из значений которого определяется, например, в исторических словарях через глагол *требовать*: «просити – просить, требовать» [12, т.2: 1568], что имплицитно подчеркивает уверенность говорящего в незатруднительном осуществлении действий ради адресанта. Дефиниции слова в современном русском языке также отражают настойчивость обращения с целью «удовлетворить какие-либо желания говорящего» [13, т.11: 1425].

Стратегии вежливости в диахронии не рассматривались, хотя намечена необходимость их изучения в работах И.С. Шевченко [5]. В нашем исследовании определяются средства реализации коммуникативных стратегий позитивной и негативной вежливости в дипломатической речи, зафиксированной в «Путешествиях русских послов» (XVI – XVII вв.) и воспоминаниях российских дипломатов [8, 9].

Анализ массива фактов, извлеченных из статейных списков русских послов, свидетельствует о том, что фрагменты дипломатического текста, включающие формулы этикета тематической группы «просьба», отражают в целом оптимизм при выражении просьбы говорящим. Позитивная вежливость, предполагающая прямое выражение просьбы, реализуется с помощью таких основных конструкций, как: *просим / прошу + inf; гл. в пов. накл. + чтобы...; гл. в пов. накл. + пожалуйста; извольте + inf; нам / мне надобно + inf*; просьба может также выражаться в виде совета. При этом прямая просьба в старорусской речи предполагает употребление глагола в повелительном наклонении в со-

провожении формул речевого этикета групп комплимента, одобрения или при обосновании причины чего-либо. Например: ... *в том пожалуйста поверьте державцу* [11: 234]. Эксплицитно просьба обозначается глаголом *просить*: *Да просим вашего приятства, скажите тому домникану Урбановскому, чтоб с нами он виделся* [11: 244]. Некоторые косвенные речевые акты в статейных списках русских послов выражаются в виде совета при релевантном производном значении просьбы: *И ты б, сестра наша любительная Елизавет-королевна, послу нашему Федору тое девицу показала, и парсон ее велела написать, и прислала бы к нам с Федором* [10: 150]. С помощью сослагательного наклонения передаются оттенки желательности и необходимости осуществления действия, что свидетельствует о своеобразном «посягательстве» на свободу собеседника; комплимент *сестра наша любительная* смягчает требовательный характер формулы, так как *сестра* и *брат* как обозначение отношений между правителями предполагает доверительность просьбы. В речи русских послов зафиксированы конструкции с глаголом *изволить*, также употребляемые для реализации позитивной вежливости: ...*извольте изготовить роспись, для того чтоб у вас впрядь на дороге нигде ничего не осматривали* [11: 234]. В словаре XI – XVII вв. *изволити* – «выразить свою волю; повелеть, распорядиться» [14, вып. 6: 127]; пояснение причины (*для того, чтоб...*) в приведенном примере не снижает категоричности и настоятельности данного значения. Характерно, что говорящий употребляет глагол *изволить* с книжной окраской, на что указывает церковнославянская приставка *из-*; в контексте данная лексема способна выражать «оптимистичную» просьбу с оттенком требовательности или «пессимистичную», повышенную вежливость в значении «позволить, разрешить» [14, вып. 6: 127]. Настойчивость и требовательность, неуместные в современных дипломатических официальных отношениях, соответствуют русскому взгляду на просьбу в XVI – XVII вв., который базируется на представлении о «неподвластности

человеку окружающих его обстоятельств и готовность попросить о помощи, но одновременно – и готовность выполнить просьбу, обыденность обоих этих действий» [1: 284]. Иная ситуация в современном речевом дипломатическом этикете. Большое количество косвенных просьб, зафиксированных в воспоминаниях российских дипломатов, свидетельствует о преобладании стратегии негативной вежливости. Можно отметить также типичные формулы: *(не) могли бы вы + inf; можно + inf; разрешите попросить + inf / чтобы что-л. сделали; можно + inf; я хотел бы / мне хотелось бы попросить + inf; если вас не затруднит...* и др. Данные конструкции относятся к полностью конвенционализированным, т.е. к закрепленным в языке косвенным речевым актам, так как, имея форму речевого акта одного вида, они понимаются в значении другого. Например: *Не могли бы вы на несколько минут задержаться и немного поговорить со мной?* [8: 444]. Прямое значение глагола *мочь* (физическая возможность) мотивирует просьбу, которая состоит в следующем: *Задержитесь, пожалуйста, и немного поговорите со мной*. Вопросительная структура, употребление частицы *не*, утратившей здесь собственно отрицательное значение, свидетельствуют о подчеркнутой форме уважения и, соответственно, о реализации стратегии негативной вежливости [4: 132], вежливом, вопросительном обращении с мягкой, ненастойчивой просьбой [15: 266].

Просьба может заключаться в том, чтобы собеседник разрешил что-либо спрашивающему [4: 134]: *Можно присесть рядом с вами, господин Громыко?* [9: 387]. Принадлежность к той или иной стратегии проверяется экспериментально, если повысить степень вежливости, заменив формулу конструкции *не могу ли я присесть*, которую «понизить» невозможно. (*Присяду?* – разговорная просьба, но не формула речевого этикета). Таким образом, конструкции *можно + inf* относятся к стратегии позитивной вежливости. Противоположную стратегию реализует конструкция: *разрешите / можно попросить что-л: Разрешите*

попросить Вас, чтобы кто-нибудь позвонил ему и сказал, что меня задержали в МИДе [8: 82]. «Просьбу о просьбе» носители языка воспринимают как речевой акт повышенной вежливости с оттенком учтивости. Повышенная форма вежливости, в которой сильная степень модальности выражается вопросительной структурой, заключается в формулах типа: *Может быть, Вы мне сможете помочь?* [8: 62]. Ту же роль в данном примере играет вводная конструкция *может быть*, при помощи которой передается некатегоричная, ненастойчивая просьба [4: 133].

К стратегиям позитивной вежливости относятся эксплицитно выраженные просьбы с глаголом *просить*: *Прошу Москву сделать так, чтобы Советский Союз поддержал кандидата в президенты...* [9: 125]. Просьбы этого типа несколько подчеркнуты, но при этом очевиден оптимизм говорящего [4: 132]. Уверенность адресанта заметна и в других формулах, например: *Надеюсь, вы не будете против, если в этой поездке примут участие посол Швейцарии и его супруга* [9: 109]. Настойчивость просьбы в приведенном фрагменте подчеркивается оформленным словесно предположением говорящего, что собеседник *не будет против*. В неформальных ситуациях использование позитивной вежливости современными дипломатами не редкое явление; например: *Возьмите (шапку), пожалуйста, голове будет теплее* [9: 128].

Проведенный анализ языкового материала показал, что в старорусском языке просьба нередко выражается довольно настойчиво, что свидетельствует о «небеспокойстве» русских послов по поводу нарушения личной сферы собеседника; в современном русском речевом этикете в ситуациях межкультурного общения дипломаты вынуждены учитывать ключевые идеи языковой картины мира своих собеседников: прямая просьба, состоящая из глагола в повелительном наклонении и смягчающего компонента (чаще – *пожалуйста*), может показаться иностранцам навязчивой; современные официально-деловые отношения диктуют выбор повышенной степени вежливости. Можно говорить о том, что конвенционализованные косвенные просьбы сделали ре-

чевой этикет в рамках тематической группы «просьба» богаче, однако, преобладание в современном дипломатическом этикете стратегии негативной вежливости не изменяет коммуникативного профиля русской культуры, в которой позитивная вежливость, основанная на расположении к собеседнику, искренности, преобладает.

Библиографический список

* Исследование проводится в рамках госбюджетной темы ГБ 1. 4. 05.

1. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

2. Карасик, В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК Гнозис, 2002. 333с.

3. Кастлер Л. Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия / Людмила Кастлер // Агрессия в языке и речи: Сб. науч. статей / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронев. М.: РГГУ, 2004. С. 9-18.

4. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета / Н.И. Формановская. М.: Русский язык, 1982. 192 с.

5. Шевченко И.С. Проблемы динамики принципа вежливости в речевой коммуникации // Вісник СумДУ. 1999. № 1(12). С. 174-178.

6. Ячкова О.В. Языковые средства, реализующие кооперативную стратегию в реалити-шоу (на материале русского языка) // Вестник ВолГУ. 2008. Сер. 2. Языкознание. С. 68-73.

7. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. Cambridge: CUP, 1994. 345 p.

8. Виноградов, В.М. Дипломатия: люди и события (из записок посла). М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. 496 с.

9. Громыко А.А. Памятное. М.: ПОЛИТИЗДАТ, 1988. 479 с.

10. Статейный список Ф.А. Писемского // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.-Л.: Академия наук СССР, 1954. С. 100-155.
11. Статейный список П.И. Потемкина // Путешествия русских послов XVI – XVII вв.: Статейные списки. М.-Л.: Академия наук СССР, 1954. С. 227-312.
12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Репринт. изд. М.: Книга, 1989. Т. 2.
13. Словарь русского литературного языка: В 17 т. / Ред.: Е.Э. Биржакова, Р.П. Рогожникова. М.-Л.: АН СССР, 1961. Т. 11. 1842 с.
14. Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 6. М.: Наука, 1979.
15. Толковый словарь русского речевого этикета / А.Г. Балакай. М.: Астрель : Аст, Транзиткнига, 2004.

А.В. Растягаев

ПОЭТИКА ЧУДЕС

*Россия, г. Самара, Центр развития образования,
goldword@mail.ru*

В ранней античности мифологические образы тьмы и света были тесно связаны друг с другом. По О. М. Фрейденберг, «свет то “скрывается”, то “показывает” себя, являет, делается “видным”. Этот явленный свет и есть “чудо”, “диво”, “чудо для взора» [9, 288]. Древние образы нашли отражение в языке: чудо – «сверхъестественное, необъяснимое явление», «нечто поражающее, удивляющее своей необычностью». Из индоевропейского *(s) keu- – «проникаться уважением, почтением», «замечать»; с расширителем -d-: *kēud : *kōud – «слава», «репутация». В общеславянском *čudo, ср. греч. с тем же значением «слава», «честь». [1: II, 395; 6: 103-106]. Согласно языческому представ-

лению, чудо – это событие, которое удивляет, нечто необычное в противовес обычному. Чудо – это диво, «нарушающее привычный ход вещей, но вполне посястороннее» [1: 498]. Чудо традиционно уравнивало затмения солнца и луны с особенным достижением человеческого мастерства или воинской славы.

Древнееврейская идея чуда (евр. *аот*) связана с понятием «знамение» (евр. *отот*). Это всегда прорыв из сверхъестественного в естественное, из мира благодати в мир природы. Творцом такого знамения может быть только Бог. Вселенная сотворена по его законам. Он «дал солнце для освещения днем, уставы луне и звездам для освещения ночью» (Иер. 31. 35). Такое чудо «отделяется непреступаемой гранью от любого необычного природного процесса» [1, 499]. В ветхозаветной традиции в чудесах явлены Божественные откровения и действительное знамение Его спасения: «И небеса прославят чудные дела Твои, Господи, и истину Твою в собрании святых» (Пс. 88. 6); «И убоятся знамений Твоих живущие на пределах земли. Утро и вечер возбудит к славе Твоей» (Пс. 64. 9). Чудесные знамения подтверждают слово Божие конкретными действиями, внушают доверие верующих к пророкам как к подлинным посланцам Господа: «И отвечал Моисей и сказал: а если они не поверят мне и не послушают голоса моего и скажут: не явился тебе Господь? И сказал ему Господь: что это в руке у тебя? Он отвечал: жезл. Господь сказал: брось его на землю. Он бросил его на землю, и жезл превратился в змея, и Моисей побежал от него. И сказал Господь Моисею: простри руку твою и возьми его за хвост. Он простер руку свою, и взял его; и он стал жезлом в руке его. Это для того, чтобы поверили, что явился тебе Господь, Бог отцов их, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» (Исх. 4.1-9).

Подчинение слову Божию – отличительная черта истинных чудес от фокусов чародеев и лжепророков. Лжечудотворцы должны быть отвергнуты: «Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии: не должен находиться у тебя про-

водящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего; будь непорочен пред Господом Богом твоим; ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и прорицателей, а тебе не то дал Господь Бог твой» (Втор. 18. 10-14). Таким образом, чудо, совмещая в себе идеи откровения и знамения, показывает человеку тайны мира и волю Бога в акте личностной милости. Поэтому реакция человека на истинное чудо может проявляться в умилении, трепете, страхе, ужасе, когда «преданность Богу переходит предел естества» [2: 164].

В новозаветной традиции идея высшего откровения связана с личностью Христа. Христос есть одновременно абсолютное бытие и абсолютная истина этого бытия. Чудеса Христовы были призваны показать, что мессианское царство, о котором говорили пророки, пришло именно в нем: «Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого? И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне» (Матф. 11. 2-6).

Христианское понимание истинного чуда, явленного в Евангелии, становится неотъемлемой частью русской средневековой культуры. Появление церковнославянских переводов текстов Нового Завета утвердило за описанием чуда функцию не просто устойчивой и повторяемой формулы, но и роль особого тематического ключа для восприятия агиографических повествований. Читатель жития «одновременно и созерцает это видение, и общается к нему своей эмоциональной вовлеченностью» [2: 168]. Христианский чудотворец не совершает чуда сам, от свое-

го имени, через него реализуется свободный дар Бога. Именно поэтому при описании чудес агиографическая традиция ориентирует автора жития на уподобление евангельской истории.

Житие как один из основных эпических жанров церковной словесности опирается на слова апостола Павла: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13. 7). Литературоведы рассматривают агиографию как изображение реальности святой жизни подвижника в модусе подражания. Именно подражательная модусная рамка считается структурообразующим принципом житийного жанра, когда реализация идеи святости в словесной форме (Логосе) уподобляет житийного святого первообразу-Христу (мотив *imitatio Christi*). Эта мысль индуцируется на потенциальную возможность для каждого человека быть подобным Христу в земной жизни. Поэтому средневековая христианская поведенческая установка человека ориентирована на повторение и подражание. Однако повторяется не всякий пройденный жизненный путь, «играется не всякая уже сыгранная роль» [7: 236]. Христианин выбирает самый достойный тип поведения – путь подражания Христу. Это не только основа христианской догматики, но и главный поведенческий принцип святого любого чина, а в идеале и каждого христианина. Сакральным первообразом, фиксирующим в слове поведенческий принцип *imitatio Christi*, является Евангелие. Именно в рассказе о земной жизни Христа впервые устанавливается будущая традиция следования, уподобления и подражания Спасителю. Данный мотив становится общим жанровым признаком для всех житийных памятников в целом.

Постепенно складывается особая поэтика чудес житийных текстов, которая реализуется через композиционные модели агиографического «чудесного» нарратива. К. Бондарь выделяет семь топосов, характерных для агиографического описания чуда: 1) вводимая рассказчиком экспозиция; 2) место действия и обозначение ситуации; 3) кризис; 4) апелляция к общеизвест-

ному прецеденту; 5) молитва; 6) чудесное изменение; 7) действие «чуда» [3: 49-50]. Однако данные наблюдения справедливы лишь в том случае, когда описание чуда является «рассказом в рассказе». Например, история о чудесном спасении монастыря и братии от разбойников в «Житии Феодосия Печерского» (80-е гг. XI в.): 1) «По сихъ же множащися братии, и нужда бысть славному отцю нашему Феодосию распространити манастырь на поставление келий...»; 2) «...и се в едину нощь, тьме сущи велице, приидоша на ня разбойници»; 3) «Глаголаху, яко в полатяхъ църквнньныхъ, ту есть имение ихъ съкръвено, да того ради не идоша ни къ одной же келии, нъ църкви устрьмишася»; 4) «То же тако врагу на то острящю я, хотящю темь святое то стадо искоренити от места того, нъ обаче ни како възможе, нъ обаче самъ от нихъ побеженъ бысть...»; 5) «Тъгда бо зълии ти человеци, мало помудивъше, и преподобьнууму тому стаду събравъшюся в църквь с блаженнымъ наставникъмъ и пастухъмъ своимъ Феодосиемъ и поющемъ утрня псалмы, устрьмишася на ня, акы зверие дивии»; 6) «...вънезапу чудо бысть страшно: отъ земля бо възятъся църкы и съ сущими въ ней възиде на въздусе, яко не мощи имъ дострелити ея»; 7) «Они же, видевъше чудо се, ужасошася и, трепетьни бывъше, възвратишася въ домъ свой. И оттоле умилишася никомуже зъла сътворити... » [5: 398, 400]. В тексте жития, как и в ранних славянских переводах, слова с корнями *чюд-* и *див-* не являются лексическими вариантами. Чюд- актуализирует сему «ужасный – ужасающий», *див-* – «умопомрачительный – невероятный». Десакрализация дива была связана с принятием христианства, следствием чего стало закрепление за прилагательным *дивий* значения «дикого, необузданного, такого, кто не может контролировать своих действий разумом или силой воли» [6; 104]. Не случайно Нестор чудесным образом уподобляет в восприятии разбойников ангелов монахам: «И се услышаша ть же глас и видеша светъ пречюднь въ църкви сущь, и благоухание исхожаше отъ църкве, ангели бо беша поюще въ ней». Самих же разбойников не иначе как «зверие дивии» [5: 398, 400].

В апокрифическом сочинении «Деяние и мучение святых и славных и всехвальных апостолов Петра и Павла» (II-III вв.), известном на Руси с XI в., мотив *imitatio Christi* реализуется в композиционных моделях чудесного нарратива несколько иначе. Так, на суде Нерона апостол Павел молчит до тех пор, пока к нему прямо не обращается император-язычник: «Ты почто не глаголеши ничтоже, Павле?» [4: 304]. Повторяя модель поведения, впервые явленную Иисусом на суде Пилата, отказываясь от красноречия перед лицом смерти, апостол Павел свидетельствовал об истинности веры во Христа и несправедности суда над собой. Помимо топики *imitatio Christi* дается экзегетика мотива *imitatio apostoli*: утверждается принцип преемственности апостольского служения: «... аже бо от ребра Адамова създана бысть Евва, тако от ребръ Христовех създася Церкви ...» [4: 300]. Мотив *imitatio apostoli* обусловлен принципом непрерывности и преемственности апостольского служения: божественная Благодать действительна во все времена, поэтому апостольская деятельность людей, которым было доверено свыше распространение Слова Божьего среди язычников, может быть приравнена к деятельности первых апостолов.

Другой формой реализации мотива *imitatio apostoli* является мотив прения с волхвом. Апокрифическое «Деяние апостолов Петра и Павла», подробно повествующее о прении апостолов с Симоном-волхвом в присутствии императора Нерона, не только дает первообразец данного топоса большинства миссионерских житий, но совершенно определенным образом истолковывает этот сюжет.

Волхв Симон был современником апостолов и стоял у истоков гностицизма. Вслед за крещением он пытался купить себе дар низведения даров Святого Духа и был обличен апостолом Петром: «Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святого. Симон же, увидев, что через возложение рук апостольских подается Дух Святой, принес им деньги, Говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа

Святого. Но Петр сказал ему: серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги; Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое не право пред Богом...» (Деян. 8. 17-21).

Неправота Симона перед Богом еще отчетливее выявляется в апокрифе. Волхв пытается убедить Нерона, что он – истина: «Разумей, благый царю, яко совещастаня сиа оба на мя, азъ бо есмь истина» [4: 308]. Симон уверяет всех, что он посланник небес и истинный царь: «Азъ есмь, егоже глаголетя и не весте, Петре и Павле, что ни отвещаю на вы, сего бо желаетя, да мучению вы сподоблю» (Там же). Нерон велел возвести на Марсовом поле высокую колонну и устроить испытание Симону. Волхв же после вознесения в лавровом венке по молитве Петра рухнул на землю и разбился о каменные доски. Мотив прения с волхвом, ставший топосом для всех миссионерских житий, генетически связан с мотивом испытания компетенции высшей функции. Симон-волхв терпит поражение, поскольку все его знамения имели характер магии, а не христианского чуда. По словам Петра, после смерти Симон осужден на вечную муку, поскольку: «Възношение его и лукавый умъ, и хула его подаша ему погыбнути, яко тѣи ихже прельсти, с нимъ имуть наследовати огнь вечный, идеже и отецъ ихъ естъ диаволь» (Там же).

Христианские представления о Богочеловеке в мирской жизни реализовывались главным образом через идею обожения – неперемного условия христианского спасения. По этой концепции, человек может еще в земной жизни соединиться с Богом. Следуя за Христом и согласуя свою волю с природным Логосом, человек становится причастным Богу. Суть обожения заключается в том, что мирянин, вознагражденный благодатью Бога, получает постоянство души и бессмертие тела. Житие святого – это прежде всего описание пути подвижника к спасению, типа святости, а не документальная фиксация его земной жизни и не литературная биография. Назначение жития – быть видом церковного поучения. Вме-

сте с тем агиобиография отличается от простого поучения: в житийном жанре важен не отвлеченный анализ, не обобщенное нравственное назидание, а изображение особых моментов земной жизни святого.

Историки Церкви отмечают, что фактором, повлиявшим на распространение агиографического жанра, стал акт канонизации святого. Главным основанием, по которому церковь начинала дело о причислении подвижника к лику святых, был дар чудотворений при жизни или после смерти, святая жизнь и обретение мощей.

После официального установления церковью актов канонизации традиционная трехчастная композиция жития была дополнена. Четвертая часть, примыкающая к основному тексту, появилась в связи с установлением особого культа святых. Христианские догматы предполагают бессмертие святого после завершения его земной жизни – он становится ходатаем за живых перед Богом. Загробное бытие святого: нетление и чудотворение его мощей – стало содержанием четвертой части житийного текста. Агиографический жанр имеет открытый финал: житийный текст принципиально не завершен, поскольку посмертные чудеса святого бесконечны.

Именно вера в чудо – «одна из самых устойчивых черт русского, да и вообще любого сознания в средневековой Европе» [8: 104]. При смене культурной парадигмы в Новое время поэтика чуда остается категорией-константой русского национального сознания.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Собрание сочинений. София – Логос. Словарь. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. 912 с.
2. Берман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья / Отв. ред. В. А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 159-183.

3. Бондарь К. Поэтика житийных описаний «чуда» (по данным восточнославянских средневековых текстов) // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М.: Пробел-2000, 2001. С. 44-51.
4. Деяние и мучение святых и славных и всехвальных апостолов Петра и Павла // БЛДР. Т.12. СПб.: Наука, 2003. С. 292-318.
5. Житие Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1. СПб.: Наука, 2004. С. 352-434.
6. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: В 5 кн. Кн. 2. Добро и зло. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2001.
7. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. (XVII-XVIII века). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. III. С. 11-264.
8. Серман И.З. Чудо и его место в исторических представлениях XVII-XVIII веков // Русская литература. СПб., 1995. № 2. С. 104-114.
9. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: «Вост. лит.» РАН, 1998. 798 с.
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. Т. 1. 621 с.; Т. 2. 559 с.

Г.П. Захарова

ОТРАЖЕНИЕ СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАРОДА В РЕЧЕВОМ АКТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский государственный
университет, galsol@yandex.ru*

Как известно, русский социум принадлежит к числу коллективистских, где «каждый член переносит все свои радости и печали на «мирь», а «мирь» ведет себя по отношению к

своему члену сообразно с теми обстоятельствами, в которых член социума оказался» [1, 67]. Поэтому сочувствие и утешение того, кто испытывает отрицательное эмоциональное состояние, является одной из отличительных черт национальной психологии русского народа и предписывается правилами речевого поведения.

Психологическую поддержку (утешение, сочувствие) можно определить, как сложный речевой акт, являющийся одновременно и иллокутивным и перлокутивным. Содержанием его является попытка успокоить чем-нибудь радостным, облегчить кого-нибудь в горе, трудном положении.

Семантическая структура данной ситуации такова:

1) говорящий понимает, что адресат находится в отрицательном эмоциональном состоянии;

2) говорящий желает уменьшить или устранить негативное эмоциональное состояние адресата;

3) говорящий произносит словесную формулу, принятую для этого, предполагая, что адресат способен подчиниться воздействию с его стороны.

Источниками отрицательного эмоционального состояния адресата речевого акта поддержки могут быть: растерянность, неуверенность, стеснение, смущение, нерешительность, ощущение безвыходности, бесконечности горя, критической, напряженной жизненной ситуации, печаль, огорчение, связанные с утратой кого-, чего-либо, разочарование в содеянном, сожаление о содеянном, волнение по поводу того, что должно вскоре произойти, беспокойство в ожидании чего-либо, ощущение своей вины, опасение, нежелание чего-либо, но осознание необходимости этого.

Полная модель языковой реализации утешения содержит два компонента: побуждение слушающего к изменению эмоционального состояния и аргументативное сообщение, подталкивающее адресата утешения к данному изменению и оправдывающее это побуждение.

Семантика побуждения в речевом акте психологической поддержки морфологически выражается:

а) отрицательными императивными формами несовершенного вида глаголов эмоционального состояния: *не волнуйся, не беспокойся, не расстраивайся, не тревожься, не отчаивайтесь* и др.;

б) положительными императивными формами глаголов разных ЛСГ: *перестаньте плакать, успокойтесь, возьми себя в руки, выбрось это из головы* и др.;

в) формой 2-го лица будущего времени изъявительного наклонения.

г) конструкциями с безличным глаголом, выражающим побуждение к прекращению действия: *хватит плакать, будет расстраиваться, не стоит унывать* и подобное:

д) конструкциями «*не надо (не следует)* + инфинитив», «*ты не должен* + инфинитив», которые дополняют речевой акт утешения оттенком долженствования, делают его более убедительным.

Аргументативное сообщение, как следует из самого термина, должно подтолкнуть адресата утешения к выполнению каузируемого действия посредством аргументированных фраз, веских доводов. Имеющийся материал позволил выделить в рамках данного компонента реализации психологической поддержки несколько семантических групп:

А. Говорящий демонстрирует оптимизм относительно исхода неприятной ситуации, в которой оказался адресат, подчеркивает временный характер неприятностей («*все закончится благополучно, без неприятных последствий*»).

Нередко аргументативное сообщение дополняется компонентами «*(вот) увидишь*», «*(я) уверен*», которые делают утешение более убедительным, передают большую степень уверенности говорящего в положительном исходе ситуации, говорящий внушает оптимизм адресату.

Б. Говорящий старается приуменьшить величину неприятностей в глазах адресата. Причины, вызвавшие негативные эмоции у

слушающего, говорящий представляет как мелкие, ничтожные, не заслуживающие внимания, и поэтому поведение адресата, по его мнению, не оправдывается здравым смыслом. Реализуется данная семантика формулами: «*Пустяки (Пустое)*»; «*(Какая) чепуха*»; «*Ерунда*»; «*Не велика беда*»; «*Горе небольшое*».

Например:

Что ты, Ванечка, невесел? Что ты голову повесил?

- Как же мне не печалиться, когда отец такую загадку загадал.

- Да это горе небольшое. Ты ложись спать. Утро вечера мудренее.

Иногда говорящий распространяет данные формулы указанием на то качество или свойство адресата, которое должно было бы «сдерживать» возникновение отрицательных эмоций у собеседника, в этом случае утешение имеет вид противительной конструкции, указывающей на несоответствие поведения адресата его свойствам

Семантически близкими к отмеченным являются экспрессивные формулы «*Подумаешь, какое несчастье (беда, горе)!*», которые не только приуменьшают неприятности адресата, но и дополняют общее содержание речевого акта утешения семантикой «насмешка», «пренебрежение», «недоверие»:

Более нейтральным и мягким представляется вариант «*Зачем преувеличивать?*»

В. Утешающий демонстрирует адресату выгоду от сложившихся таким образом обстоятельств (конструкции «*скажите спасибо, что...*»; «*поблагодарите бога, что...*»). В подобных случаях передается следующий смысл: «это событие имеет и положительные стороны».

Например:

- Нет. Пускай ответит, почему я одна должна мучиться, за себя и за него...

- Поблагодарите Бога, что вовремя избавил вас от такого человека. Ведь человек-то ничтожный, Ксения!

Г. Говорящий-утешающий призывает адресата смириться с событиями, так как тот не в силах что-либо изменить, даже при большом старании (конструкции «*ничего не поделаешь*»; «*что делать*»; «*что (теперь) поделаешь*»; «*что уж теперь*»; «*ты ничего не мог сделать*»; «*ты сделал все, что мог*» и др.).

Д. В речевом акте психологической поддержки в качестве реплики-утешения часто используются устойчивые высказывания, фразеологические сочетания. Они могут иметь различную семантику:

- утешение с советом: *возьми себя в руки, не падай духом, не вешай нос, не принимай этого близко к сердцу, не обращай (на это) внимания, выбрось это из головы, не думай об этом;*

- утешение с уверением в благополучном исходе: *Бог милостив; все, что ни делается, все к лучшему; нет такого положения, из которого не было бы выхода; в следующий раз повезет; будет и на нашей улице праздник;*

- уверение в том, что от переживаний мало проку: *слезами горю не поможешь;*

- уверение в том, что случившееся предотвратить или исправить не в воле человека, что все зависит от высших сил: *Бог дал, Бог взял; такова жизнь; пусть будет, что будет; чему быть, того не миновать; значит так было угодно Богу; не судьба, видно;*

- утешение-уверение в том, что подобное может произойти с каждым: *не ты первый, не ты последний;*

- указание на то, что собеседник неправильно относится к случившемуся: *в этом есть своя положительная сторона, не делай из мухи слона, стыд не дым, глаза не выест.*

Л.Г. Балакай подчеркивает ярко выраженную воздействующую функцию пословиц и поговорок, которая «обусловлена их социальной значимостью, авторитетом источника... В них – народная мудрость, внушающая надежду, спокойствие», что «делает пословицы эффективным средством речевого воздействия на собеседника, испытывающего эмоциональный стресс» [1, 43].

Русский народ всегда отличался своей соборностью, чуткостью, отзывчивостью и эмоциональностью. Проблемы одного человека всегда решались на Руси всем миром. Не было беды чужой, была беда общая. Эти особенности русского сознания и русской культуры отражаются в речевом акте психологической поддержки и проявляются в языковых средствах, используемых для выражения данной интенции.

О.А. Мирошниченко

**«ПОЛНЫЙ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ СЛОВАРЬ»
КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА «ДОМ»)**

Россия, г. Оренбург, ГОУ Оренбургский государственный университет, mirosolga@rambler.ru

Изменение языковой картины мира можно наблюдать, исследуя трансформацию лексикографических описаний слова в словарях. «Полный церковно-славянский словарь», изданный в 1900 г., является последним словарем, выпущенным до переворота 1917 г. Понятие «дом» является одним из основных в языковой картине мира. Оно содержится во всех словарях, претерпевая трансформацию, связанную с изменением исторических и социальных условий, и несет в себе особенности национального менталитета.

Для сравнения взяты словари, фиксирующие употребление слова «дом», начиная с XI в. и до наших дней.

Словари современного русского литературного языка характеризуют обобщенность и метафоричность в отображении обозначений предметов в отличие от словарей древнерусского и церковно-славянского языков, которые демонстрируют детальность называния предметов и использование определений для уточнения. Словари, изданные до 1900 г.,

фиксируют больше вариантов значения этого слова и отличаются близостью его разных значений.

«Полный церковно-славянский словарь» включает следующие значения: I. Здание, строение: 1) обитель, жилище, дом; 2) палаты, дворец; 3) скиния или храм; то же, что Д. Божий; II. Все, что в доме, люди, вещи, домашнее устройство или хозяйство: 1) домашнее семейство; 2) род, поколение; племя, народ; 3) Дом Божий или Господень, место, озаменованное особенным явлением Бога; 4) скиния или храм; 5) церковь, общество верующих; 6) Дом царства – царственный или столичный город, резиденция государя; 7) Дом купленный или как в выноске; 8) Дом (купли) – дом торговли, торговое место; 9) Дом работы – место рабства; 10) дом рва – яма или подземелье, куда сажали преступников; дом темницы или темничный, то же Дом юзников – тюрьма, темница; дом жерновный то же. Это выражение значит мельница. Близость объясняется тем, что темницы были на мельницах или в темницах были ручные мельницы и заключенные в древности осуждались молотить хлеб (В этих значениях можно усмотреть зачатки общественно-полезного труда как средства наказания и воспитания); 11) Дом жертвы – место жертвоприношений; 12) Дом ложа – спальня, отдаленная или внутренняя комната; 13) Дом краеградия – город, крепость; 14) Дом отечества или рождения – начальный или коренной, основной, из которого происходит род или поколение; 15) Дом стражбы – дом для женщин, где они живут под присмотром евнухов.

«Дом мой» – так называется народ иудейский, достояние Бога, возлюбленная душа Бога. Домом в святом писании часто называется семейство: жена, дети, прислуга подобно и иудейский народ (Дом) как семья, имеющая отцом Бога.

В древнерусских летописях *дом* писалось как «дымъ», что значит «очаг, дверь, дом». Дань собиралась от дыма (дома). Корень надо искать в санскрите, где «дамъ» – успокаивать, быть покойным, «дама» – дом (в Ведах); ср. латинское *domus*. [4, с.150].

Словарь содержит и устойчивое выражение «Домъ из *таго изъ сапога» так назывался обряд в Израиле, если холостой отказывался взять бездетную вдову брата (по закону Моисея), она снимала с его правой ноги сапог и плевала при всех ему в лицо (для посрамления не созидающему дом брата своего). После этого она имела право выйти за постороннего, а отрицатель терял право наследовать имущество брата и оставался «изутый у всех в поношении, ибо у евреев только рабы ходили босые».

Значение «дом работы – место рабства» содержат только два словаря: [6, с. 46] и [4, с.150]. По происхождению слова «работа» определяет отношения, устанавливающиеся между человеком и делом, которым он занимается. Интересно, что в более поздних по времени издания словарях значение «работа – рабство» не встречается. А в разговорном стиле в XIX в. употребляются выражения «идти на службу, на фабрику или на завод». Выражение «идти на работу» распространяется и закрепляется в советское время, когда работа на государство трактуется как смысл жизни человека и становится единственным источником существования, с помощью которого государственные структуры могут влиять на мировоззрение отдельного индивида и социальных групп населения и, как следствие, формировать ту или иную картину мира.

О важной роли церкви в жизни общества свидетельствует подробное описание разных оттенков значения «храм» в прямом и переносном значении. А полное отсутствие слова «дом» в этом значении в словарях, изданных после 1900 г., свидетельствует, что картина мира претерпевает кардинальные насильственные изменения, и эта сфера жизни как бы перестает существовать. Это один из примеров, свидетельствующих о навязывании обществу той или иной картины мира правящим классом.

«Словарь древнерусского языка XI-XIV в.» содержит близкие значения слова «дом»: 1) Здание, строение: дом

блудницы; дом девичий – приют для девушек; дом купильный – место торговли; дом людской, дом мирской – светский, не церковный; мирское жилище; дом общий, принадлежащий монастырской общине; гостиница, заезжий двор (при монастыре); дом работный – место рабства (о земле Египетской); дом служебный (с отрицательной оценкой); дом темничный – тюрьма, темница; дом цесарский – царский дворец; дом благочестивый – богоугодное благотворительное заведение; 2) Храм, церковь: образно, о православной церкви, христианском вероучении; о христианах; образно, о Царстве Божиим; образно, о Богородице; дом ангельский, дом Божий, божественный, дом Господень (господский), дом молитвенный (молитвы, молебный), дом святой (святых, священный), дом церковный – о храме, церкви, монастыре; 3) Жилище: домашнее устройство, хозяйство, хозяйственная единица; имущество, достаток; семья, домашние, все, обитающие в доме; род, племя, народ; дом отечества – род; 4) Гроб, могила (?) [6, с. 46].

Проследим за изменениями этих значений и их отображением в словарях.

«Словарь русского языка XI – XVII в.» [7, с.306] при сохранении значения «здание» демонстрирует качественные изменения значения слова «дом». Появляется значение «двор, усадьба», т.е. имеет место конкретизация, связанная, возможно, с упрочением благополучия той части населения, которая влияет на формирование картины мира. Об экономическом процветании части населения свидетельствует превращение значения «домашнее устройство, хозяйство, хозяйственная единица» в «хозяйство, средство к существованию», а значение «имущество, достаток» превращается в «хозяйство, имущество, владение». К тому же, в последнем значении слово «дом» в других словарях не упоминается. Возможно, это связано с тем, что как церковь, так и советская власть при оказании влияния на формирование картины мира

более важными считают приоритеты общины, а не отдельной личности или семьи, как в формировании моральных принципов, так и в организации экономической жизни.

Претерпевает изменение использование слова «дом» в значении «гроб, могила». С определением «убогий» дом превращается во временное пристанище для убитых и умерших на улице, прежде чем их положат в могилу. Развивается метонимический перенос по смежности: могила – покойник.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля содержатся те же значения слова «дом» [1, с. 465].

«Словарь современного русского литературного языка» 1933 года издания фиксирует прогрессирующий процесс обобщения значений и, соответственно, существенное сокращение их количества: 1) Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения учреждений и предприятий; 2) Жилое помещение, жилище, квартира; 3) Место постоянного проживания человека, характеризующееся какими-л. отношениями между всеми членами семьи, определенным бытом, укладом хозяйства; 4) хозяйство отдельной семьи; 5) *Устар.* Род, фамилия; 6) В составных названиях различных учреждений, заведений. [8, 1933, с.355]

«Словарь современного русского литературного языка», изданный в 1954 году, повторяет основные значения слова «дом», но показывает и отличия: 1) Здание, строение, предназначенное для жилья, для учреждений и т. п.; жилое помещение, жилье; Собр. Семья, люди, живущие в одной семье или в одном доме; 2) Род, фамилия; поколение; 3) Государственное, общественное или торговое учреждение, обычно занимающее отдельное помещение или дом; здание, в котором оно находится: *доревол.* Заведение, предприятие (торговое, общественное и т. п.). Торговый дом (в названии фирмы); *устар.* Питейный дом [9, с.953].

Из обозначения жилища исчезает слово «квартира», что свидетельствует об изменении жизненных реалий, о насущности жилищной проблемы.

Значение «род» теряет помету «устар.» и присоединяет значения «фамилия» [8, 1933, с.355.] и «поколение» [9, с.953] (которое содержится только в словаре церковнославянского языка). В данном случае наблюдается сужение значения от «род, племя, народ» до «род, фамилия, поколение». Можно предположить, что происходит активизация разделения народа по возрастному признаку (молодое и старшее поколение), так как именно молодежь является наиболее подверженной влиянию хорошо организованной пропаганды социалистических принципов жизни. Поэтому значение «народ» исчезает, но появляется значение «поколение».

Из обобщенных составных названий учреждений конкретизируются их разновидности: государственные, общественные и торговые.

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова демонстрирует нам дальнейшее расширение значения слова «дом»: 1) Жилое (или для учреждений), здание, а также (собир.) люди, живущие в нем; 2) Учреждение, заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды; 3) Династия, род (*устар.*); 4) Квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство [3, с. 154].

Значения «строение», «жилье», «люди» объединяются в одно, что указывает на возрастание роли контекста, в котором и выявляется конкретный смысл слова. Нельзя не заметить, что на первый план выступает значение «здание, сооружение», а «семья, домочадцы» отступает на второй план.

«Русский толковый словарь» В.В.Лопатина и Л.Е. Лопатиной отличается добавлением только одного значения – частная коммерческая фирма (торговый дом) [2, с.160]. Его появление свидетельствует о возрастании роли торговли в современной экономике, которая играет роль основного способа товарооборота.

Как видим, все словари сохраняют этимологические корни – «строение, жилище» [11, с. 75], [10, с. 526]. Но словари

современного русского литературного языка содержат более широкое значение слова «дом», объединяя в одной словарной статье значения «строение», «жилище», «семейство» и «хозяйство».

Особо следует рассмотреть трансформацию, произошедшую со значением «дом служебный». В словаре XI-XIV в. оно имеет помету «с отрицательной оценкой». Затем это значение появляется в словаре 1933 г. с примерами: Дом культуры, Дом отдыха, Дом быта и с пометой «устар. и разг.» Воспитательный дом, Ночлежный дом, Публичный дом, Казенный дом, Сумасшедший дом. Очевидно, что все устаревшие значения сохраняют отрицательную оценку, которая отсутствует в новых наименованиях. Возможно, намерение изменить отрицательную оценку общественных учреждений связано с идеологическими целями, со стремлением использовать жизненные силы человека для обслуживания общественных нужд, а не для роста благополучия семьи. Для решения этой задачи необходима подмена понятий, что и делается: дом родительский, родной, мой заменяется названиями официальных учреждений: Дом учителя, Дом техники, Дом детства.

Отличия в словарном материале изданных в разное время словарей демонстрируют, как изменения социальных и экономических условий влияют на изменение языковой картины мира. Запрет свободы вероисповедания и уничтожение института церкви советской властью приводит к полному исчезновению из словарей слова «дом» в значении церковь. Исчезновение дворянского сословия привело к утрате значения «двор, усадьба».

Таким образом, словари воссоздают русскую языковую картину мира, демонстрируют изменение языка, при помощи которого обозначается положение человека в мире, и являются одним из способов структурирования знаний об объективной действительности в межкультурной перспективе.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1989. Т. I: А – З. 700 с.
2. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 928 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981. 816 с.
4. Полный церковно-славянский словарь / Сост. Г. Дьяченко. М.: Типография Вильде, Малая Кисловка, 1900. 1120 с.
5. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: ООО «Изд-во Астрель». От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов, 2002. Т. 1. 784 с.
6. Словарь древнерусского языка XI–XIV в.: В 10 т. / АН СССР. Ин-т р. я. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988. 1990. Т. 3. 511 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII в.; Вып. 4: Г – Д / Гл. ред. С. Г. Бархударов. АН СССР. Ин-т р. я. М.: «Наука», 1975. Вып. 4: Г – Д [Сост. Н.Б. Бахилина, Г.А. Богатова, Г.П. Смолицкая и др., 1977. 403 с.
8. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / РАН. Ин-т р. я. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. М.: Русский язык, 1991. Т. 4: Д, 1933. – 576 с.
9. Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. В.И. Чернышев и др. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. III : Г-Е. 1340 с.
10. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; ред. Б.А. Ларина. СПб.: Terra – Азбука, 1996. Т. I: А – Д. 576 с.
11. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: «Прозерпина», ТОО «Школа», 1994. 399 с.

РУССКО-ЧЕШСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ
В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ:
РУССКОЕ САПУХА И ЧЕШСКОЕ SOROUSH

Россия, г. Волгоград, ГОУ ВПО Волгоградский
государственный педагогический университет

В Большом толковом словаре донского казачества приведено слово *сапуха* 'сажа' (с. 471) со значком *, который обозначает, что «слово имеет весьма широкое распространение» (с. 13). Это же слово зафиксировано в Словаре донских говоров Волгоградской области с двумя значениями: 1. Чёрный налёт, оседающий в печи, дымоходе; сажа. 2. Сажа, оседающая тонким слоем на предметах; копоть. В говоре используется прилагательное *сапушной* 'относящийся к саже' и фразеологизм *метить сапухой* 'говорить о ком-л. плохо, позорить, порочить, чернить' (5: 123). В 40-м выпуске Словаря русских народных говоров отмечено гнездо слов с корнем *соп-*: *сопух*, *сопуха*, *сопушка*, *сопыха* (с. 9-10), которые обозначают различные части русской печи, а также разные отверстия, через которые проходит воздух, и саму струю воздуха. Слова распространены практически на всей территории России: от Архангельска и Вологды до Астрахани и Ростова, от Новгорода до Новосибирска.

В чешских диалектах отмечаются различные варианты названия печной трубы или отверстия для прохода воздуха: *sorouch*, *sarouch*, *sorisch*, *sirouch*, *sirisch*, *sarisch*. Употребляется шутивная присказка: *Spadla moucha do saroucha, to vam byla gana, pravě v kamnech topit chtěla ulekana Nana*. Так называют также нечистоплотных людей, чаще девушек: *Takovych sarouchů nemají hoši radi*. Сходное слово отмечается также в польских (*sorucha*) и словенских (*sopih*) диалектах.

Эти слова восходят к общеславянскому глаголу *соуи* и *соустуи*, который в старославянском языке получил суженное значение 'играть на свирели' (Старославянский словарь, с. 619), а в современных славянских языках дал производный глагол *сопеть* 'тяжело дыша, издавать носом свистящие, сильные звуки' (БТС, с. 1236). К этому же корню относятся существительные: русское *сопля*, *сопло*, чешское *sopel*, словацкое *sopel'*, Возможно, корень *соп-* связан этимологические с глаголам *спать* (*съпати*), *засыпать*, ср. *отдыхать* (Rejzek J. *Česky etymologický slovník*. Voznice: Leda, 2001. S. 591).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

И.П. Цыбулько, В.В. Маслов

ПОВЫШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЭКСПЕРТОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ОБЛАСТИ ПРОВЕРКИ ЗАДАНИЙ С РАЗВЕРНУТЫМ ОТВЕТОМ ЕГЭ КАК ОСНОВА ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ УМЕНИЙ ВЫПУСКНИКОВ

Россия, г. Москва,

*Федеральный институт педагогических измерений,
г. Самара, ГОУ ДПО Самарский областной
институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования*

Понятие «компетентность» связывается с определенной областью деятельности. Когда говорят о профессионале, то возникает представление о таком работнике, который выполняет свою миссию качественно, эффективно, компетентно. Так, К.А. Маркова замечает, что «профессионал – это специалист на своем месте, стимулирующий интерес к результатам своей профессиональной деятельности и повышающий престиж своей профессии в обществе».

Обратимся к выяснению сущности понятий «компетенция» и «компетентность». При всей их схожести они несут разную смысловую нагрузку: «компетенция» имеет профессионально-технологическое назначение, а понятие «компетентность» профессионально-гуманитарное. Так понятие «компетенция» употребляют, когда говорят о совокупности функциональных

полномочий, прав и обязанностей, предоставленных законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу, а термин «компетентность», восходит к латинскому *competentis*, что означает «соответствующий», «способный», то есть пригодный к реализации тех или иных полномочий, исполнению возложенных функций.

Следовательно, образовательные *компетенции* можно рассматривать как некоторые заданные требования профессиональной деятельности к профессиональной подготовке, которые очерчивают *круг полномочий* и *круг вопросов*, в которых специалист должен обладать познаниями и опытом, а *компетентности* как набор качеств специалиста, его уже состоявшиеся личностные характеристики.

Основным направлением работы по подготовке специалистов по русскому языку для проверки заданий с развёрнутым ответом является формирование профессиональной компетенции экспертов-предметников.

В профессиональной компетенции эксперта по русскому языку можно вычленить следующие структурные компоненты.

Первый, названный *когнитивным*, компонент включает две составляющие: собственно профессионально-предметную и общую. В собственно предметную (вариативную) составляющую входят:

- система предметных знаний эксперта-филолога;
- система умений и навыков эксперта-филолога,
- система специальных предметных способов деятельности эксперта-филолог.

В общую (инвариантную) составляющую входят:

- система знаний о приемах и способах работы эксперта ЕГЭ вне зависимости от предмета;
- система общих умений и навыков эксперта;
- система общих способов деятельности эксперта.

Второй, *регуляторный*, компонент включает в себя:

- знания о приемах рефлексии на содержание знаний, оснований действий и результат собственной работы;

- знания о приемах самодиагностики причин ошибок и успехов;

- знания о приемах самооценки;

- знания о приемах самокоррекции, то есть позитивных и/или негативных изменений экспертом способов обучения;

- умения рефлексии, самодиагностики, самооценки и самокоррекции.

Содержание когнитивного компонента описано в «Требованиях к квалификации экспертов региональной предметной комиссии по русскому языку» и методически прорабатывается в учебно-методическом комплекте по подготовке экспертов ЕГЭ по русскому языку.

Современный этап реализации единого государственного экзамена предъявляет новые требования к организации процесса подготовки экспертов для проверки заданий с развернутым ответом. С расширением географии единого экзамена обозначился определенный разрыв в уровне обученности экспертов разных регионов. В то же время наметилась тенденция сокращения времени обучения экспертов в тех регионах, которые имеют определенный опыт проведения единого экзамена, что подчас негативно отражается на качестве проверки работ. Это не может не вызывать определенную тревогу, особенно в современных условиях, когда вся подготовка экспертов передается в ведение регионов. В связи с этим актуализируется необходимость установления и реализации единых требований к процессу подготовки и квалификации региональных экспертов. Не подвергается сомнению также необходимость оказания оперативной методической помощи регионам в организации подготовки экспертов. Эти задачи могут быть решены посредством применения компьютерных технологий.

При этом следует отметить, что единый государственный экзамен по русскому языку дал новые возможности в оценивании творческой работы учащегося. Вместо обобщенной характеристики: «...Сочинение... оценивается двумя отметками: первая

ставится за содержание и речевое оформление, вторая – за грамотность, т.е. за соблюдение орфографических, пунктуационных и языковых норм» используется такая система оценивания, которая позволяет оценить не сочинение в целом, а конкретные навыки и умения:

- 1) анализировать содержание и проблематику прочитанного текста;
- 2) комментировать проблемы исходного текста, позицию автора;
- 3) выражать и аргументировать собственное мнение;
- 4) последовательно и логично излагать мысли;
- 5) использовать в речи разнообразные грамматические формы и лексическое богатство языка;
- 6) практическую грамотность – навыки оформления высказывания в соответствии с орфографическими, пунктуационными, грамматическими и лексическими нормами современного русского литературного языка.

Подобная конкретизация привела к необходимости детальной проработки каждого из критериев, учета в подготовке экспертов различных подходов к анализу экзаменационных работ экспертами – школьными учителями и экспертами – преподавателями вузов. Это позволяет эксперту, во-первых, работать с одной и той же информацией; во-вторых, понять в процессе обучения, какие критерии для него представляют сложность; в-третьих, председателю предметной комиссии составить прогноз о возможных проблемах в ситуации реального экзамена.

В пособии «Методические рекомендации по оцениванию заданий с развернутым ответом: Русский язык» дана квалификация всех видов ошибок в экзаменационных сочинениях, причем этот материал дан с учетом различных подходов к оценке экзаменационных работ школьными учителями и преподавателями вузов, выявленных в процессе анализа работы экспертов по проверке третьей части экзаменационной работы.

Подготовка региональных экспертов может быть выстроена традиционно с использованием печатных материалов. При этом в первую очередь необходимо обратить внимание обучающихся на классификацию типичных проблем в оценивании заданий и рекомендации по их устранению. Желательно коллективно (или небольшими группами) отработать по 2-3 задания. Необходимо совместно обсудить максимальное количество спорных работ. Это позволит обеспечить выработку некоторых единообразных подходов к оценке работ, что будет способствовать качественной работе комиссии на экзамене. Также целесообразно до обращения к анализу конкретных работ выпускников коллективно обсудить тексты заданий и критерии оценивания ответов, продумать допустимый веер позиций, аргументов, примеров и т.п. Эта форма работы моделирует процедуру ознакомления с текстами заданий с развернутым ответом в условиях реального экзамена. Эффективная организация данной работы позволяет увеличить единообразие оценивания работ выпускников в условиях экзамена.

При наличии возможности тиражировать комплект печатных методических материалов для каждого эксперта обучение можно выстроить в практическом ключе, ограничиваясь минимальным количеством лекционных занятий, предлагая обучаемым самостоятельно постранично отрабатывать «Методические рекомендации».

Оптимальным является вариант сочетания работы с тиражированными методическими материалами на бумажных носителях с использованием возможностей компьютерной программы.

Следует отметить, что особенностью подготовки учебно-методического пособия по подготовке экспертов ЕГЭ 2009 по русскому языку стало предварительное обсуждение учебных материалов с членами научно-методического совета по русскому языку и привлечение в качестве авторов и рецензентов пособий представителей региональных предметных комиссий Москвы, Санкт-Петербурга, Калининградской, Челябинской и Самарской областей.

Е.П. Пронина, Д.И. Шарипова

РАБОТА СО СЛОВАРЕМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ПРИЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ УЧАЩИХСЯ К РОДНОМУ ЯЗЫКУ

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия, d-sharipova@ya.ru*

Современная концепция обучения русскому языку ориентируется на развитие языковой личности, что требует осуществления в методике преподавания лингвокультурологического направления, которое позволяет учащимся одновременно с усвоением родного языка усваивать и результаты духовного развития, пройденного народом в период его истории, то есть его духовную культуру.

Особый интерес лингвокультурологического характера представляют фразеологические материалы, в которых отразилась многовековая культура России. Одним из возможных направлений ознакомления учащихся с богатством русской фразеологии можно считать работу со словарями фразеологических синонимов.

В современных условиях реализация обучающей функции словаря фразеологических синонимов имеет свою специфику. Как средство обучения словарь является лингвистическим пособием теоретического плана по лексико-фразеологической синонимии русского языка, семасиологии, стилистике, фразеологии, лексикографии; а также пособием по развитию культуры речи и формированию культуроведческой компетенции. Реализация указанных функций происходит комплексно.

Для формирования умений и навыков использования словаря фразеологических синонимов в его справочной функции рекомендуются упражнения, направленные на формирование умений и навыков определения состава фразеологической единицы в

контексте, преобразования ее в исходную форму, быстрого поиска искомого оборота в словаре, полного извлечения информации о слове и фразеологической единице из структуры словарной статьи.

Для этого можно использовать задание на сопоставление словарных статей в разных фразеологических словарях. Предлагается, например, определить, чем различаются словарные статьи в словаре – справочнике «Русская фразеология» Р.И. Яранцева [4:583] и словаре фразеологических синонимов В.П. Жукова [3:143].

Различия прослеживаются:

- в способе расположения словарных статей (по тематическим рядам и по алфавиту);
- в структуре словарных статей;
- в наличии/отсутствии культуроведческого комментария (указания на ситуацию употребления, возможную жестикуляцию);
- в наличии/отсутствии грамматического и синтаксического комментария.

Так, в словаре В.П. Жукова фразеологизмы-синонимы ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ; МИЛОСТИ ПРОСИМ имеют следующее толкование: вежливое приглашение прийти, приехать в гости, принять участие в беседе и т.п.

- А, ваше благородие! сказал Пугачев, увидя меня. – Добро пожаловать; честь и место, милости просим. (Пушкин, Капитанская дочка).

В словаре-справочнике Р.И. Яранцева толкование этих фразеологизмов дается следующим образом.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Фразеологизмы данного раздела представляют собой доброжелательное, приятное выражение гостеприимства, приглашения куда-л. или сделать что-л.

12. Добро пожаловать (!) Разг.

Приветствие входящему (обычно желанному гостю). Интона-

ционно выделяется слово «пожаловать». Когда гость стоит перед порогом (дверью, входом), приветствие часто сопровождается наклоном головы и приглашающим жестом одной или обеих рук, указывающих на вход.

• Добро пожаловать! Милости просим к нашему партизанскому огоньку! – говорил Балицкий, распахивая перед нами дверь хаты-землянки (А. Федоров, Последняя зима). В функции предложения иногда требуется дополнение в дат. п., с предлогом «к» («к кому» – обозначение лица, к кому кто-л. приглашается).

Синоним. Милости просим (прошу) (!) Разг.

Выражение вежливого приглашения прийти, приехать в гости, принять участие в каком-л. осмотре, чтении, беседе и т.п.; приглашение сесть за стол (часто праздничный) и т.п.

При выполнении подобного рода заданий внимание учащихся акцентируется на том, что во фразеологических словарях и справочниках фразеологизмы описаны по-разному, и для поиска необходимой информации (например культуроведческого комментария) необходимо обучение рациональному (просмотровому) чтению [1:15].

Для формирования умений и навыков пользования словарем в его обучающей функции рекомендуются задания, ориентированные на продуцирование речи, на анализ фразеологических единиц с точки зрения выявления фоновых знаний. Используя словарь фразеологических синонимов русского языка в качестве источника дидактического материала, следует учитывать не только семантику ФЕ, но и его лексико-грамматическую структуру, эмоционально-экспрессивную и функционально-стилевую окраску, а также сочетаемость с другими словами в составе предложения.

Примерами таких заданий могут служить следующие:

1. Учащимся предлагается ряд фразеологических синонимов.

Мастер своего дела; мастер на все руки; работа горит в руках; дело мастера боится; маг и волшебник; и швец, и жнец, и на дуде игрец.

Следует установить стилистическую окраску фразеологизмов (нейтральный или разговорный характер) и выяснить:

- в каких фразеологизмах выражена одобрительная оценка;
- где оценка носит шуточный характер.

2. С помощью словаря фразеологических синонимов А.К. Бириха и др. [2:39] учащиеся должны уточнить лексическое значение и стилистические пометы фразеологизмов, входящих в синонимические ряды со значением **баловать** и **бедность**.

Как вы думаете, почему в первом ряду есть пометы (*неодобрительно*), а во втором ряду их нет?

Баловать. *Носить на руках. Воспитывать как тепличное растение. Держать под стеклянным колпаком. Исполнять все прихоти. Ни в чем не отказывать.*

Бедность. *Ни кола ни двора. Ни ложки ни ложки. Хоть шаром покати.*

3. К фразеологизму «не в лад» предлагается подобрать фразеологизмы-синонимы, выяснить различие лексических значений найденных фразеологизмов, установить, какие из них соответствуют значению «о неслаженных, несогласованных действиях» (*кто в лес, кто по дрова; как лебедь, рак и щука*), какие имеют значение «несогласованное звучание» (*не в лад, невпопад*), значение «говорящие о разных вещах, непонимающие друг друга» (*я про Фому, он про Ерему; ему стрижено, а мне брито*). Какой из фразеологических оборотов принадлежит к книжному стилю?

В целях формирования умения сопоставлять фразеологизмы-синонимы со стороны общности или различия их по оттенкам значения, можно использовать задания на классификацию фразеологического материала по указанным значениям. Предлагается, например, сопоставить фразеологизмы по оттенкам значения: «чувство страха» и «физическое состояние при страхе».

Играть труса, бояться как огня, бояться как черт ладана, бояться как дьявол крестного знамения, бояться как удара, дрожать как осиновый лист, трястись как заячий хвостик, поджилки трясутся, душа в пятки уходит, сердце обрывается, небо с овчинку

кажется, не иметь рта раскрыть, обливаться холодным потом, мороз по коже пробирает, мурашки бегают по спине, волосы встали дыбом, кровь стынет в жилах, бояться, как самого черта, волосы шевелятся на голове, не сметь пикнуть, не сметьдохнуть.

Дополнительное задание требует расценить эти фразеологизмы в стилистическом плане: просторечные, разговорные, нейтральные, книжные.

Актуализировать ценностное отношение учащихся к русскому языку может задание на подбор-фразеологизмов-синонимов со значением поддержки, помощи, защиты кого-либо. Начало синонимического ряда дается в задании: в русском языке много фразеологических оборотов отражают ситуацию, когда человек получает поддержку, помощь, защиту в чем-либо. Например: *принять участие, внести свой вклад, идти навстречу, открывать зеленую улицу*. Продолжите смысловой ряд, за помощью обратитесь к словарю-справочнику Р.И. Яранцева «Русская фразеология».

Таким образом, использование словаря фразеологических синонимов в практике обучения русскому языку расширяет лингвистический кругозор учащихся, обогащая их речь выразительными средствами русского языка, учит точному выражению мыслей и способствует формированию ценностного отношения учащихся к родному языку.

Библиографический список

1. Галлингер И.В. Приемы работы со справочной лингвистической литературой при обучении морфологии в IV – VI классах. Автореф. дис. канд. пед. наук. М., 1982.
2. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Ок. 7000 фразеологизмов, свыше 900 синонимич. рядов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; Под ред. В.М. Мокиенко. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001.
3. Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка: Ок. 5000 фразеолог. единиц; Ок. 730 синоним.

рядов / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляр; Под ред. В.П. Жукова. 2-е изд., стер. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2005.

4. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. М.: Русский язык, 1997.

М.В. Захарова

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАТИВНОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Москва, ГОУ ВПО Московский городской педагогический университет

В истории русского языка можно выделить, как минимум, три момента, когда игра, игровое взаимодействие определенно становились маркерами коммуникативной состоятельности носителей языка. Это период разрушения славяно-русской диглоссии (по Б. Успенскому) – XVI-XVII века; период становления современного русского языка – первая треть XIX века – и период установления тройной оппозиции речи: устная – письменная – «компьютерная» (по В. Костомарову) – современный период развития русского языка. С нашей точки зрения, языковая и, шире, культурологическая коммуникативная игра во все периоды существования русского языкового сознания была показателем как коммуникативной (в частности), так и мировоззренческой (в целом) компетенции носителя русского языка, однако именно в эти, обозначенные выше, периоды данное явление проявилось особенно явно и оказало (а в современный период – оказывает) существенное влияние на развитие русского языка в общем.

Здесь, на наш взгляд, необходимо сделать некоторые терминологические замечания, проясняющие суть нашей позиции.

Во-первых, касательно самого термина «языковая игра». Данный термин появился относительно недавно (в работах философа Л. Витгенштейна, определявшего «языковые игры» как «целостные и законченные системы коммуникации, подчиняющиеся своим внутренним правилам и соглашениям, нарушение которых означает выход за пределы конкретной „игры“»), хотя само явление имеет в языке давнюю историю. Вероятнее всего, в той или иной мере языковая игра присуща любому развитому языку во все периоды его существования, различаются лишь сферы применения игрового взаимодействия и степень актуальности данного явления для носителей языка в конкретной исторической ситуации.

Понятие «языковой игры», введенное Л. Витгенштейном, изначально не выходило за пределы психологического представления об «игре» как закрытой упорядоченной нецелевой деятельности индивида, начинающейся по взаимному согласию сторон и заканчивающейся при выходе одной из сторон за условную границу данной деятельности. Такое представление об игре предполагает разделение жизненного пространства в сознании человека на зону игровой (то есть условной) деятельности, не предполагающей достижения осознанной цели, и зону реальной деятельности, всегда направленной к некоей цели. Перемещение личности из сферы целенаправленной деятельности в сферу деятельности условной происходит осознанно для развлечения, обучения или тренировки.

Именно в таком ключе рассматривается чаще всего, например, один из наиболее ярких и частотных примеров языковой игры – анекдот:

– носитель языка-слушатель осознанно включается в игровое взаимодействие носителем языка-рассказчиком с помощью устойчивых формул типа: *Это мне напомнило старый анекдот..., Это как в том анекдоте..., Знаешь анекдот о...* или напрямую *Рассказываю анекдот...*;

– приняв игру, слушатель и рассказчик действуют по заданному сценарию (не смеяться заранее, искать скрытый смысл, смеяться после того, как анекдот рассказан) – нарушение сценария прерывает игровую деятельность и рассматривается участниками как игровая и коммуникативная неудача.

Однако современное языковое игровое взаимодействие, даже применительно к той же самой сфере анекдота, может развиваться и часто развивается несколько иначе: анекдот (или даже чаще смыслообразующий фрагмент известного анекдота) используется не в условной сфере речевой деятельности для развлечения или отдыха, а в ее реальной составляющей для завуалированной передачи информации от адресанта высказывания адресату, например: *Девушка неуверенно и небезопасно заезжает на стоянку. Мужчина наклоняется к приоткрытому окну водительской двери (иронично и сочувственно): «Мадам паркуется по слуху?»* – фрагмент анекдота: *«Женщина пытается поставить машину. Бум! – удар о заднюю машину. Бум! – удар о переднюю. Подходит полицейский: «Мадам паркуется по слуху?»* – используется в данном контексте вовсе не в игровых целях, а для решения серьезной целевой коммуникативной задачи: вежливо и ненавязчиво предложить помощь и для того, чтобы помочь начинающему водителю, и для того, чтобы предотвратить неизбежные негативные последствия неправильных и неуверенных действий.

В связи с этим нам представляется целесообразным определять языковую игру безотносительно к сфере ее бытования как преднамеренное целевое нарушение общепринятой нормы, совершаемое носителем языка для реализации определенных задач. С одной стороны, это позволяет отграничить языковую игру от языковой ошибки (нарушения нормы, вызванного её незнанием, непониманием или неприятием), а с другой стороны, даёт возможность рассматривать в этой сфере не только замкнутые игровые ситуации, существующие на договорной основе (носители языка принимают определенные правила и

следуют им, находясь в пределах игровой, но (одновременно) вне пределов реальной языковой ситуации), но и открытое игровое взаимодействие адресата и адресанта высказывания в потоке реальной речи, то есть непосредственно акт реальной коммуникации.

Заметим, что такое понимание языковой игры позволяет включать в эту сферу любое преднамеренное отступление от нормы (орфографической, графической, грамматической, лексической, коммуникативной, стилистической, даже культурологической – любой принятой в данном социуме нормы, имеющей языковое, речевое выражение): это не только традиционные примеры языковой игры, но и интертекст, приемы художественной выразительности и т.д.

Второй момент, нуждающийся, на наш взгляд, в уточнении, – это само понятие «коммуникативной состоятельности» носителя языка. В общем виде, коммуникативная состоятельность – это способность к успешной коммуникации как в роли адресанта, так и в роли адресата высказывания. Она складывается из целого набора знаний, умений, навыков, возможностей и способностей носителя языка и может определяться в нескольких различных планах:

- объективная психолингвистическая готовность индивида к участию в коммуникативном акте, присущая любому психически полноценному носителю языка, усвоившему основополагающие правила и навыки коммуникации;

- устойчивость и полнота сугубо лингвистических умений и навыков, позволяющих, на фоне общей эрудиции и сформированного мировоззрения, вступать в коммуникацию и вести ее вплоть до решения поставленной коммуникативной задачи;

- субъективная оценка одного носителя языка другим или другими носителями языка с точки зрения возможности, результативности, желательности вступления с ним в коммуникацию, а также прогнозируемого течения возможного коммуникативного акта.

Коммуникативная состоятельность первого плана, как уже было отмечена, свойственна любому носителю языка и заключается просто в возможности участвовать в каком бы то ни было коммуникативном акте на данном языке. Второй план коммуникативной состоятельности подразумевает возможность продуктивного участия в сложных коммуникативных актах, требующих высокого уровня лингвистических знаний, умений и навыков в сфере языка, речи, построения и восприятия целесообразных высказываний, ведения дискуссии и т.д., а также широкого кругозора и иных составляющих сформированной коммуникативной компетенции носителя языка. Естественно, коммуникативная состоятельность второго плана требует специального формирования и присуща не каждому носителю данного языка.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет коммуникативная состоятельность третьего плана. Это субъективная оценка носителя языка другими носителями того же языка с позиций: «С ним стоит/не стоит разговаривать», «С ним интересно/не интересно говорить», «С ним приятно/неприятно общаться». Эта оценка не является следствием изучения соответствия коммуникативной компетенции носителя языка идеалу ни с точки зрения психологии, ни с точки зрения лингвистики, ни с точки зрения риторики, этики, эстетики или философии. Субъективная оценка возникает на сознательном, а чаще даже на подсознательном уровне восприятия собеседника в связи с тем, насколько продуктивным, понятным и приятным обычно бывает коммуникативное взаимодействие с данным индивидом. При таком понимании наличие коммуникативной состоятельности и ее уровень могут варьироваться у одного и того же носителя языка в зависимости от сферы и участников коммуникативного акта.

Однако при любом понимании коммуникативной состоятельности определяющее значение имеет способность носителя языка избегать коммуникативных неудач на любом уровне общения и в любой коммуникативной сфере.

Именно в этом ключе наиболее явно и прослеживается взаимосвязь коммуникативной состоятельности носителя языка в обозначенные выше исторические периоды с языковой игрой. С одной стороны, включение элементов игрового восприятия языкового сознания говорящего в акт коммуникации позволяет избежать коммуникативной неудачи за счет сглаживания спорных моментов общения и ироничного тона и содержания высказывания. С другой стороны, понимание и принятие адресатом игрового взаимодействия в коммуникативном акте позволяет дифференцировать собеседника по оппозиции «свой-чужой», то есть оценить его субъективную коммуникативную состоятельность.

Собственно выделенные нами в начале три периода развития русского языка и знаменательны прежде всего тем, что переходное состояние языкового сознания носителей русского языка провоцирует изменение формы и содержания стандартного коммуникативного акта: он становится многоуровневым, кроме основного вопроса «что было сказано?», возникают дополнительные коммуникативные задачи «зачем это было сказано?», «как это было сказано?». Более того, в эти периоды развития языка верхний слой коммуникативного акта, то есть собственно вербальное воплощение, часто перестает быть главной и единственной целью коммуникации: цель эта может вообще не иметь никакого отношения к прямому значению произносимого текста, например: *фраза (цитата из популярного на тот момент рекламного ролика), брошенная в долгой очереди в нотариальной конторе: «Все... Я хочу кофе...» в значении «Как же я устал, как мне все надоело – давайте пообщаемся...»*

Игра в такой коммуникации выступает своеобразным барьером между внешним уровнем текста и его реальным: если реципиент игру не принимает, формальная коммуникация происходит, а вот фактически – ни реального понимания коммуникативного замысла автора высказывания, ни получения отправленной информации не происходит, то есть налицо срыв коммуникации, коммуникативная неудача.

Особенно ярко неудача наблюдается при не распознавании реципиентом (адресатом) высказывания игрового элемента (например интертекста) в речи автора (адресанта). Попытка воспринять прямой смысл игровой единицы вне исходного контекста практически всегда разрушает коммуникативную цепочку адресант-адресат, вынуждает автора отступить от первичного замысла и либо оправдывать предшествующее высказывание указанием на источник (*Это цитата!*, *Это из того фильма...* и т.п.) или на иронический/игровой характер высказывания (*Это шутка!*, *В переносном смысле...* и т.п.), либо перестраивать всю схему речевого взаимодействия.

Четкое распознавание же адресатом, например, искомой цитаты либо отсылки, предложенной адресантом, напротив, стимулирует коммуникативное взаимодействие, позволяя сократить время, требуемое на передачу исходного замысла автора. Интертекстуальность, игровая форма текста, сознательное нарушение или даже разрушение нормы – все это в конечном счете способствует многоуровневой передаче информации от автора к адресату, причем передается не только конкретное вербальное звуковое послание, но и (что сейчас очень актуально для носителей языка) ассоциации, ощущения, эмоции, чувства и иные важные для человеческого общения информационные сигналы. И все это компактно упаковано в максимально сжатое сообщение, развертывание которого (собственно игровое взаимодействие автора и реципиента) позволяет сразу же решить несколько важнейших для коммуникации задач:

1. Идентифицировать собеседников по схеме «своей-чужой», в зависимости от распознавания / не различения ими интертекстуальных связей;

2. Протестировать собеседника на интеллектуальную состоятельность, чувство юмора, коммуникативную компетенцию определенного говорящим уровня;

3. Максимально сжато и компактно передать необходимый объем информации как текстовой, так внелингвистической;

4. Доставить собеседнику удовольствие от решения предложенной коммуникативной задачи, создав у него тем самым устойчивое позитивное восприятие как данной коммуникации, так и коммуникации с данным собеседником в целом.

Таким образом, в переходные периоды развития русского языка игра во всех проявлениях и на всех уровнях становится неотъемлемым элементом продуктивной коммуникации и в то же время маркером коммуникативной состоятельности третьего, а иногда и второго уровня. Причем затрагивает этот процесс как сферу живой разговорной речи, так и письменный язык на всех уровнях и прежде всего на уровне художественного текста, где именно в переходные периоды начинают фиксироваться произведения и даже целые жанры, сформированные вокруг игрового взаимодействия автора и читателя.

А.В. Синицкая

КАТЕГОРИЯ ЖАНРА В ШКОЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (ЧЕХОВ И КРЖИЖАНОВСКИЙ)

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский областной
институт повышения квалификации и переподготовки
работников образования, vidha@yandex.ru*

Сегодня мы наблюдаем очевидное сокращение в школьных программах количества часов на изучение литературы и переориентацию предметов гуманитарного цикла на поиск их практической, прикладной реализации в новой социальной реальности. В этих условиях болезненно обостряется вопрос о необходимых составляющих филологической компетенции, о формировании концептуального, специфически гуманитарного мышления – каким оно должно быть сегодня, когда, казалось бы, в чистом виде наука о литературе кажется, мягко говоря, невостребованной? В

том числе, например, в каком объеме и как нужно преподносить теоретико-литературный материал и каков минимальный «набор» теоретических сведений? Ибо на практике перечень сведений, диктуемых стандартами и нормативами, часто оказывается труднодостижимым, а самое главное – не вполне прозрачным и для самого учителя.

Конечно, основная схема работы диктуется концепцией программы, уровнем класса, уровнем подготовки самого преподавателя. Но хотелось бы обратить внимание на возможности, которыми располагает любой учитель-словесник, независимо от формальных инструктивно-методических рамок. Как показывает опыт, вполне реально выработать ряд конкретных приемов, которые могли бы оформиться в целостную технологию.

Среди наиболее проблемных, вызывающих объективные сложности, справедливо называется категория жанра. Надо признать, даже и сами учителя литературы, стоит им предложить хотя бы в малой степени выйти за пределы привычного круга когда-то освоенного теоретического минимума и тематики учебника, затрудняются прокомментировать, что же такое жанр? Не жанр конкретно – баллады, конкретно – комедии и т.д., а, так сказать, жанр «вообще» – как литературоведческая категория? В учительской аудитории при обсуждении этой проблемы с завидным постоянством наблюдалась картина мучительного поиска нужных формулировок, а при попытках хотя бы на самом примитивном уровне объяснить, например, разницу между романом и рассказом, участники беседы подозрительно легко «съезжали» на высказывания, типичные для наивного читателя-школьника: «роман – это большое произведение (толстая книжка), рассказ – маленькое».

Выясняется, что гораздо проще заставить на уроке выучить жанровое определение конкретного текста, нежели чем сформировать целостное представление о том, что такое жанровая система и почему без понятия жанра вообще невозможно говорить о базовых читательских компетенциях.

Действительно: привычный путь школьного анализа литературного произведения даже в лучших своих образцах неизбежно предполагает преобладание историко-литературного, а не теоретического подхода. Это поддерживается наиболее популярными программами: Т.Ф. Курдюмовой, Г.И. Беленького, В.Я. Коровиной и других, где знакомство с творчеством писателей развертывается в соответствии с принципом линейно-исторического, «цепочечного» нанизывания информации, а логика самого материала определяется логикой смены этапов самой истории литературы.

Принципиально иной подход демонстрируют другие авторские программы: так, у В.Г. Маранцмана осуществляется знакомство с искусствоведческой сферой, литература изучается в тесной связи с эстетической атмосферой эпохи, общекультурным контекстом. Интерпретация художественного текста строится как технология общения с искусством. У А.Г. Кутузова учебник построен исключительно на теоретико-литературной основе: весь материал пропущен через призму жанра. При всех минусах, которые неоднократно отмечались при обсуждении данной программы, (в частности, рядом с фрагментом Ф. Рабле из «Гаргантюа и Пантагрюэля» оказывается «впритирку» пушкинский «Дубровский», и далеко не всегда получается адекватно обозначить возможные жанровые связи *настолько* разнородного материала) надо признать, что и концепция, и методический инструментарий наиболее полно отвечают дидактическим задачам освоения теории литературы.

Следует, однако, подчеркнуть, что понятие жанра в рамках обучения должно осознаться не как отвлеченная абстракция, адресованная только профильным гуманитарным классам.

С давних пор в академическом литературоведении сформировалось представление о литературном жанре как о картине мира – «отвердевшем мировоззрении», которое являет себя в организации хронотопа и характеристике героя. Жанр, все его трансформации на протяжении истории литературы, – универ-

сальная формула литературного сознания. Это прежде всего мировоззренческая модель, которая позволяет вести разговор о самой сути художественного словесного искусства, о таких его универсалиях, как традиция в литературе, проблема переплетения традиции и новаторства, о зависимости авторских стратегий от типа культурного мировидения. Открываются возможности решать разнообразные методологические задачи – от глобальных – увидеть непрерывное единство культурного контекста на всем срезе мировой и отечественной литературы – вплоть до сугубо прикладных, инструментальных, когда интерпретация, например, современных текстов невозможна без привлечения понятий «жанровый «сплав», жанровые «осколки», цитат – «жанровых сигналов». И тогда литература до XIX века представит как ориентированная на жанры, классика XIX века – жанры переосмысляющая и отталкивающая, и литература XX-XXI – с жанрами откровенно играющая и экспериментирующая.

Собственно, разговор о литературе – это всегда разговор о концепции мира и человека в ту или иную эпоху, выраженный в слове. Организация художественных средств подчиняется именно этому мировидению, и категория жанра оказывается некоей матрицей, через которую на уроках словесности удобно рассматривать и макро- и микрозаконны литературного текста.

Более того, в отличие от экстенсивного принципа, когда учитель ориентировался на максимально широкий охват историко-литературного материала и так или иначе вынужден был заботиться о линейной последовательности изложения, именно литературно-теоретический аспект позволяет сделать изучение литературы интенсивным, используя принцип параллельности, симультанности, то есть одновременного, сконцентрированного восприятия разных текстов, выстраивая их типологию. И тогда проблема обзорного изучения объемных классических текстов, нередко доминирующее сегодня, колоссальный разброс в именах писателей, направлениях, с которым мы сталкиваемся, открывая современные учебники по литературе, будет успешно

решена, поскольку вместо количественных показателей «список прочитанного» будет ориентирован на качество.

Обратимся к сопоставительному анализу творчества двух российских писателей – Чехова и Кржижановского.

Имя первого изрядно успело покрыться хрестоматийным гляncем, хотя в полной мере при школьном изучении, кажется, довольно плохо осознается в своей переходной, пограничной роли – как связующее звено между классикой XIX и литературой XX века. Имя второго сравнительно недавно вошло в литературоведческий обход и произвело эффект разорвавшейся бомбы – даже на фоне всего того, что нам стало известно о «возвращенной литературе», а потому роль творчества Сигизмунда Кржижановского требует специализированного комментария. Писатель-эрудит, историк и теоретик театра, работавший с Таировым, блистательный новеллист, известный в кругах Андрея Белого, Максимилиана Волошина, оказался в советское время выброшенным из литературного процесса. Опубликованные повести и новеллы продемонстрировали уровень эксперимента в художественной прозе такой высоты и необычности, что сразу позволили говорить – увы, запоздало и ретроспективно – о русском Кафке, Борхесе, о предвосхищении литературной проблематики XX и даже XXI века.

Хотя бы фрагментарное привлечение на уроках литературы произведений Кржижановского в сравнении с рассказами Чехова позволят несколько иначе взглянуть на жанр новеллы и рассказа. Параллельное сопоставление (если оно реализуется последовательно, системно, стать основным рабочим принципом для изучения литературного материала), установление типологических связей обеспечивают интенсивное освоение жанровых характеристик. Особенно если эти характеристики неявные: нахождение сходства здесь обеспечивает теоретическая модель, умение мыслить концептуально.

Художественные миры Чехова и Кржижановского на первый взгляд диаметрально противоположны по своим установкам.

Для прозы одного важен образ повседневности и несвойственна прямолинейная, открытая фантастика (хотя гиперболичность и проявляется в ранних чеховских произведениях как элемент сатиры и юмора). Другой обнаруживает явную ориентацию на литературу фантастического парадокса в духе немецкого романтизма и Эдгара По. А между этими двумя именами располагается проза Серебряного века – неосвоенный школьной программой огромный литературный пласт, без которого довольно сложно понять не только Андрея Белого, но и Михаила Булгакова и Бориса Пастернака. Между тем новеллистика рубежа веков предполагает своей доминантой стилизацию, повышенную условность, намеренное отдаление от эстетики реализма. И формы творчества Чехова и Кржижановского демонстрируют разные, полярные по своей противоположности способы новеллистической организации.

В теории новеллы, как мы помним, различаются собственно новелла классического западноевропейского типа [1:246-253], построенная на острожетности, неожиданном повороте событий (пуанте), на активных действиях героя, эффектным финале (обнаруживается генетическая связь с анекдотом) и – позднейшие изменения жанра, когда установка на необычность уже утрачивается. Отсюда – многочисленные споры о том, что происходит с новеллой в XX веке и можно ли отнести к этому жанру сюжеты, которые не ориентированы на необычность. Так, М. Петровский настаивал на роли заурядного события, где сходятся все сюжетные нити [2]. Творчество А. Чехова в таком случае как раз показывает пример своеобразной антиновеллистичности, намеренного отрицания необычности, в то время как Кржижановский постоянно обращается к фантастическим сюжетам. Значимым здесь оказывается и рецепт немецкого романтика Фридриха Шлегеля: в основе новеллы должен быть бродячий анекдот или странное, но реальное происшествие – то есть жесткая событийная канва дана извне, а искусство автора раскрывается именно в разработке

«уже известного, случившегося» [3:113-115]. Под «известным» понимается история, уже отшлифованная фольклором и литературой, поэтому автор-новеллист нередко работает с узнаваемыми схемами, традицией словесного искусства в ее концентрированном, обнаженном виде.

При всей очевидной разнице между типами художественного сознания этих двух писателей обнаруживается и близость, определяемая концепцией новеллистического жанра в целом (мы здесь не рассматриваем литературоведческий спор о жанровом различии рассказа и новеллы). Сам образ мира в новелле содержит такие моменты, которые позволяют объединить разные формы авторской поэтики.

Назовем необходимые жанровые аспекты. Исследователи новеллы отмечают завершенность события и героя в новелле, проблематичность, невозможность дальнейшего творческого развития событий. По словам И. Смирнова, «на каждом шаге своего развития новелла вместо нового показа состояния мира обнаруживает, что оно недостижимо» [4:6-13], иначе говоря, конфликт, организующий сюжет, ведет в никуда, не получает конструктивного разрешения, а выбор героя словно запрограммирован изначально. Возникает сюжет-парадокс: необычный финал предсказуем, любая активность героев оказывается мнимой (и часто заканчивается смертью персонажа). Сама категория события получает деструктивную установку, в полной мере невозможна ни линейная временная модель, ни циклическая: мир не движется к открытой, свободной перспективе, но и не возвращается полностью к исходной точке.

Даже если череда события заканчивается «счастливой развязкой», хеппи-энд весьма проблематичен. Теоретики литературы говорят о нетворческом, «негативном» времени в новелле, когда предмет изображения – движение персонажа к смерти – буквальной, физической, или метафорической, духовной. И не столь важно, присутствует ли в повествовании психологизм или герой выступает лишь функцией события.

Как подобная мировоззренческая формула новеллы помогает создать взаимную проекцию произведений Чехова и Кржижановского?

Среди многообразного творчества Кржижановского выделяется одна новелла, которая строится по принципу, во многом отличному от сюжетов, традиционных для этого писателя. Речь идет о новелле «Квадрат Пегаса» (1921 г.), где практически отсутствует намеренная неправдоподобность события, гротескная фантазмагория, резкое нарушение обыденности. Вернее, все это как бы убирается вглубь. Словесная эксцентрика, каламбурные совмещения несоединимых элементов, характерных для Кржижановского, направлены здесь на изображение повседневности. Причем именно чеховские мотивы организуют сюжет, в частности, образ «футлярности», как тема поглощения духовной активности бытом.

Вариации на тему «проза жизни» решаются в соответствии с концепцией «негативного» времени, а фабульная линия заключает в себе по-притчевому в сжатом виде весь путь человеческой жизни. Изображается постепенное превращение поэтически настроенного, мечтательного персонажа в обывателя, озабоченного материальной благоустроенностью. Перед читателем разворачивается банальная история: до женитьбы некий влюбленный любителю звездами, после – «*вселенную сменили – сначала кузина Марья Ильинична, потом горничная Глаша, и, наконец, краснорожая кухарка Лукерья. Оползни дней; размолвка – ссора – примирение – ссора – полупримирение*». Место действия, городок Здесевск, является собирательной миниатюрой образов провинциальных городов русской литературы: «*моток спутанных улиц*», «*осклизлая осень*», жители, которые, посмотрев гнездышко молодых, расходились по «*собственным растасканным гнездам*» ...» [5:95-97].

Напомним слова рассказчика в чеховском «Крыжовнике»: «*Меня угнетают тишина и спокойствие, я боюсь смотреть на окна <...>, для меня нет более тяжелого зрелища, чем счастливое семейство, сидящее вокруг стола и пьющее чай*» [6:367-368]. У

Кржижановского мы не найдем сложной системы соотнесения точек зрения рассказчика и повествователя или открытых оценочных заявлений от первого лица, в «Квадрате Пегаса» все события даны в иронически-отстраненной перспективе, обозначенные детали быта подробны, но словно выхвачены ярким лучом, символически сконцентрированы. Однако их смысловой центр вполне определяется знаменитым чеховским «люди обедают, только обедают, а в это время проходит их жизнь». Изменение героя, переключение происходящего из сферы быта в сферу бытия обозначается через образ движения по кругу, который нельзя прорвать, чередование жизненных этапов также симметрично и скучно, как и природные изменения. Но слитность человеческой жизни с природным ритмом не внушает никакой надежды: «Палисадники у домов отцвели<...> и человек стал никнуть, увядать ото дня ко дню: в душе бесцветье, безлучье» [6:97]. Невозможность героя выйти за пределы этого существования подчеркивается словесной игровой симметрией, которая организует названия главок: «Звезды», «Гнезда», «Седла», «Отцвел», «Приобрел», «Надеван», «Запечатлен». Это – перечень слов-исключений, пишущихся через ять, которые уныло зубрит гимназист, и одновременно – важнейшие точки человеческого бытия. Иллюзия временного, линейного изменения выражается в пространственных образах: персонаж движется к обретению своего дома, но этот дом оказывается неким смертоносным футляром. Активность пространства, «окружающей среды» – важный признак новеллы, который позволяет увидеть некоторую общность в пути героев Кржижановского и чеховских – Старцева, превращающегося в Ионыча, Чимши-Гималайского, нашедшего счастье в усадьбе и тарелке с крыжовником, – все они как бы «сращиваются» с окружающим, становятся необходимой частью затхлого городского мира. Неотвратимое сужение жизненного пространства воплощается через парадокс: стремление к дому счастливого семейства, к уюту оказывается движением к душному футляру, место для жизни – образом статики и смерти. Таковы и нелепая усадьба

Гималайское тож с канавами и отравленной рекой («Крыжовник»), и спальня Беликова, маленькая, точно ящик («Человек в футляре»), и дома, которые постоянно подыскивает для покупки Старцев, *«хотя есть уже имение и два дома в городе, он облюбовывает себе еще третий, повыгоднее»* [6:394]. Все это в конечном счете сводится к образу тех самых трех аршин земли, которые, по выражению Чехова, «нужны трупу, а не человеку».

У Кржижановского дом для героя – воплощение жизненной необходимости, и по мере избавления от тесной квартирки он замыкается все в *более тесную обступь вещей* мир мечты и надежды. Внешнее освобождение оборачивается внутренней «стиснутостью», звездное небо, образом которого открывается новелла, от человека отнимается, заслоняется квадратным куском пространства, поглощающим любые изменения. Путь героя и само время предстают как движение в небытие. Движение это предстает в особых пространственных мотивах, вещной, предметно-символической образности: сначала *закрытые ставни городка*, потом *тяжелая кровать на четырех лакированных ногах, ящик, куда убирают венчалные свечи, квадраты палисадников, деревянный квадрат счет*, и наконец – *большой деревянный короб строящегося дома*. «С нежной улыбкой останавливался Иван Иванович над какой-нибудь прикрытой досками ямой или у торчащего нетесаными бревнами выступа и стучал по выступу палкой ему лишь слышимую мелодию» [5:99]. Образ человека-футляра, дома-футляра, дома-гроба рассеивается в миниатюрных деталях (вспомним многочисленные чехольчики, которые окружают чеховского Беликова) и пронизывает все повествование. «*Стучали колеса телег: это Иван Иванович, с семьей, на четырех площадках переезжал в свой собственный дом*» [5:102] – в финале рассказа отчетливо слышится скрип катафалка, дальнейшее продолжение событий невозможно.

«Негативное» время в рассмотренных новеллах может пониматься как утрата человеком духовной, творческой активности, принципиальной несамостоятельности персонажа, который

полностью зависим от своего замкнутого пространства и способен затягивать туда всех окружающих. Изображение человека «обыкновенного» и соотнесение мелочей жизни, предметно-событийной ткани повествования с вечным, вселенским началом в чеховском творчестве позволило в свое время Андрею Белому сказать, что «Чехов, истончая реальность, неожиданно нападает на символы» [7:47]. Эта черта по-особому была воспринята Кржижановским – новеллистом совершенно другого типа, воспринявшего чеховскую образность как эксперимент с бесфабульностью, вместившей в себя философский, притчевый образ человеческой жизни. Немаловажную роль в раскрытии художественного образа мира играют активность пространства, негативное время, причастность персонажа к грани небытия [8].

Теоретическая модель изучения жанра позволяет даже при обращении к разнородному, полярному материалу увидеть «единое во многом», выработать, с опорой на жанровый «код», на ключевые понятия времени и пространства, навыки самостоятельного исследования уже других произведений.

Наблюдения над мировоззренческой формулой жанра не только расширяют исследовательский кругозор преподавателя и учеников, вводят в обиход относительно свежий историко-литературный материал, но и помогают обогатить методический арсенал, тем самым преодолевая наивное читательское восприятие – главный камень преткновения литературоведческого анализа в школьной практике.

Библиографический список

1. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990.
2. Петровский М. Новелла // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: В 2 т. М.-Л., 1925. Т. 2.
3. Берковский Н.Я. Литературная теория немецкого романтизма. СПб.: Азбука-классика, 2001.

4. Смирнов И.П. О смысле краткости //Русская новелла: проблемы теории и истории. СПб., 1993.
5. Кржижановский С.Д. Квадрат Пегаса // Кржижановский С.Д. Чужая тема. Собр. соч. В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2001. Т. 1.
6. Чехов А.П. Рассказы и повести. М.: Правда, 1984.
7. Андрей Белый. Вишневый сад // Весы. 1904. №2. (Цитир. по: Лосиевский И.Я. Символическое у Чехова в контексте исканий русской философской мысли начала XX века // Чеховиана: Чехов в культуре XX века. М.: Наука, С. 32.)
8. Известна точка зрения о колебании многих чеховских рассказов между анекдотом и притчей: Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. М., 1989. (Гл. 1.)

Р.Н. Горячева

ВОЗМОЖНОСТИ УРОКА ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИТИВНЫХ ЖИЗНЕННЫХ УСТАНОВОК ШКОЛЬНИКА

*Россия, г. Самара, ГОУ ДПО Самарский областной
институт повышения квалификации и переподготовки
работников образования*

Формирование личности гуманистического типа – одна из важнейших задач педагогики. Научить школьника выстраивать свою жизненную (успешную!) траекторию: адаптироваться к быстроменяющимся условиям, уметь ориентироваться в различных ситуациях – вот те задачи, которые стоят перед педагогами современной российской школы, находящейся в условиях модернизации образования.

Одним из элементов этой системы является литературное образование школьников. На наш взгляд, представляет интерес анализ сложившейся ситуации, связанной с литературным образованием старших школьников с позиции формирования у них позитивных жизненных установок.

Одна из приоритетных задач нынешнего учителя литературы – показать школьникам художественный мир литературного произведения таким образом, чтобы они не испытывали внутреннего страха перед вступлением во взрослую жизнь, успешнее адаптировались в ней.

Психологи литературу (поэзию и прозу) как явление языка представляют постоянно чередующимися приемами мышления. Это представление позволяет считать литературу равноценным орудием самопознания и познания мира. Безусловно, литература выступает как интегрирующий фактор в развитии личности, включенной в образовательный процесс, ведь в произведениях художественной литературы собрано все, что происходило или происходит в человеческой жизни.

В литературоведении сложилось мнение о том, что литература фиксирует этапы духовного развития общества, его образованного слоя, причем эволюция общества есть смена таких духовных моделей.

Художественная литература, изучаемая в школе, должна содействовать образованию и упрочению в детской душе положительных идеалов, и в реализации этой педагогической задачи, несомненно, помогает изучение библейских сюжетов.

Доброта, милосердие, готовность помочь попавшему в беду, скромность, мужество, справедливость (этот перечень добродетелей может быть продолжен) – формированию этих качеств способствует Библия.

Культурологический аспект изучения Библии заключается в том, что священный текст является источником многих идей, сюжетов, развитых писателями в мировой художественной литературе.

Изучение Ветхого Завета предполагает формирование таких нравственных понятий, как греховность и праведность. Содержание библейских притч о Каине и Авеле, о Ное позволяют учащимся дифференцировать как греховные качества характера героев, так и праведные, а также противопоставить их: горды-

не – смирение, зависти – открытость, себялюбие – альтуизм.

Библия дает возможность выбора, как поступить, дает право на ошибку и через покаяние (осознание греховного) сделать нравственный шаг в собственном становлении, стать лучше, ближе к идеалу. Этот путь, на наш взгляд, не противоречит традиционным приемам работы над литературными образами любого произведения художественной литературы.

Изучая рассказ Л.Н. Толстого «Кавказский пленник», пятиклассники приходят к пониманию того, что причина разобщения людей не столько в принадлежности к тому или иному вероучению, сколько в определенных качествах, присущих конкретному человеку (это алчность, властность, гордыня, зависть и т.п.). И привязанность между людьми возникает на основе гуманных представлений о жизни и вопреки религиозным запретам.

Намного серьезнее проблема выбора решается при изучении романа «Война и мир» в старших классах (ведь пересмотр нравственных ценностей происходит в период взросления). Для решения вопроса: почему герои романа воспринимают Наполеона антихристом, мы привлекаем исторический материал – биографию великого полководца. Анализируя известные факты, поступки, связанные с карьерой Наполеона, учащимся становится понятнее, с изменением каких качеств личности герой становится антигероем. Понятно и разочарование в Наполеоне Пьера Безухова и Андрея Болконского. Интересно мнение старшеклассников, что мечта о своем Тулоне – искушение, за которым следует разочарование в жизни. А духовное воскрешение – долгий путь через осознание своего места среди людей, в жизни, дарованной Богом.

Особое значение имеет изучение творчества А.С. Пушкина. Он как бы растворен в современной культуре, современном мышлении как образец и норма личности, образец умения жить, чувствовать, сочувствовать, мыслить, любить. Отличительной чертой его произведений является их наполненность «здравым

пониманием насущных нравственных истин, смыслом правды» (В.С. Соловьев).

Творчество Пушкина – программа, наполненная такими этическими категориями, как добро и зло, правда и ложь, честь и бесчестье, справедливость и несправедливость и многими другими. На уроках литературы эти категории постоянно персонифицируются в героях художественных произведений. Основываясь на теории П.Я. Гальперина о поэтапном формировании умственных действий, была сделана попытка сформировать морально-этические представления учащихся старших классов на уроках литературы. В процессе усвоения морального опыта выделяют следующие этапы: проживание ситуации морального выбора; осмысление прожитого, представленное в форме обсуждения, дискуссии с другими людьми; осмысленные действия, когда субъект начинает вести себя согласно прошлому, когда действие не противоречит мысли.

Большие возможности для этого представляются при изучении пушкинских произведений. Так в «Капитанской дочке» читатель не может не откликнуться на то, что одухотворяет повесть: в жизни всегда есть место для высоких порывов души и для добра. Проявление гуманизма автора Ю. Лотман видел в изображении героев (Гринев, Пугачев), способных подняться над своей «правдой» и своим «законом», над своей сословной принадлежностью и проявить общечеловеческие качества – способность к пониманию другого человека, милости и прощения.

Урок внеклассного чтения по сказке «Маленький принц» А. Экзюпери «Зорко одно лишь сердце» мы посчитали уместным начать с работы над философской сказкой, рассказанной Е. Пугачеву старой калмычкой. Учитель обращает внимание школьников не только на жанровое своеобразие, но и на роль данного эпизода в раскрытии характеров главных героев, авторской позиции. Размышления над словами Петра Гринева: «Но жить убийством и разбоем значит, по мне, клеветать мертвечину» – и следующая пушкинская фраза: «Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал» – указывают на нравственный выбор героев, готовых

взять ответственность на себя и за судьбы других людей. Закономерным итогом беседы по произведению французского писателя-гуманиста стал выбор учащимися заповеди: «Умирают только за то, ради чего стоит жить».

В девятом классе, участвуя в семинаре «Романтические поэмы А.С. Пушкина», школьники соотносят нравственные проблемы, поднятые автором в прошлом столетии² с личными, присущими современному обществу. Отвечая на вопрос: кто из героев действительно свободный человек, девятиклассники выстраивают модель человека-гуманиста и человека-эгоиста, оперируя в своих выступлениях основными этическими категориями. Моделирование позволяет превращать обучение в исследовательскую деятельность.

Важным, ценным и осмысленным является учение, основанное на самостоятельности, саморегуляции и самопознании. Нужно высвободить любопытство учащихся, позволить им поиск, т.е. свободный выбор направления учения, продиктованный их собственными интересами. Организация дидактической игры, дискуссии вокруг поставленной проблемы – эффективные формы работы.

² В эстетике романтизма «красота и безобразность», «гений и злодейство» оказываются совместимы. Безумцы и преступники, палачи и шпионы, разбойники и проститутки становятся излюбленными объектами, а затем и субъектами литературы. Подонки общества сначала объявляются достойными сочувствия, затем просто достойными, наконец, достойными подражания и даже идеальными героями и героинями. Романтизм принес в литературу эстетизацию зла. Зло рассматривалось как движущая сила исторического развития. Эстетизация зла оскорбляла эстетическое и нравственное чувство Пушкина. Пушкин возражает «по адресу того направления в искусстве, которое считает своей главной задачей «разоблачать» все светлые и теплые чувства, сводя все к эгоизму и тщеславию. Он остался в эстетической системе, которая имела своим пафосом изображение положительно прекрасного, и это несколько не мешало оставаться в мире жизни действительной, показывать ее глубокие трагические конфликты. Пушкин чаще всего любит своих героев и почти всегда им сочувствует. Это резко отличает его от всей «разоблачительной» литературы.

Так литературная судьба пушкинской Татьяны Лариной стала предметом обсуждения (рассказ Маски Откровения) в игре «Моя семья», которая проводилась на уроке. Это занятие предваряло текстуальное изучение романа «Евгений Онегин». Интересно, что учащиеся посчитали выбор судьбы, сделанный пушкинской героиней, единственно верным. Несомненно, «чтение Пушкина может быть превосходным воспитанием в себе человека» (В.П. Боткин).

Взрослеющим детям сегодня как никогда нужны хорошие добрые книги, раскрывающие простые и в то же время такие сложные для каждого из них истины. Но также необходимо, чтобы современная российская школа обеспечила своим воспитанникам условия, которые способствовали становлению человека, готового к свободному выбору, уважающего себя и способного уважать других, уверенного в завтрашнем дне.

Н.В. Мартьянова

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

*Россия, Самарская область, Похвистневский район,
с. Старопохвистнево МОУ Старопохвистневская СОШ,
egor-martyanov@yandex.ru*

Одним из условий, позволяющих воспитывать у школьников жажду знаний и стремление к открытиям, является развитие потребности в поисковой активности. Важно научить ребят-исследователей работать с имеющейся информацией, добывать необходимый научный материал, грамотно систематизировать, логически распределять имеющиеся данные, свертывать информацию путем исключения избыточной либо путем обобщения целого ряда известных фактов, переформулировать мысль. Для

достижения обозначенной задачи основополагающую роль играет развитие речевых способностей учащихся (как устных, так и письменных).

На уроках развития речи большое внимание уделяется языковому анализу текста, так как он способствует совершенствованию связной речи учащихся. На уроке, анализируя художественный текст, школьник учится добывать информацию, осмысливать ее и моделировать информационное поле. Развивает коммуникативные навыки: учится слышать и слушать собеседника, выстраивать свое высказывание.

Планируя уроки русского языка в старших классах, предпочтение отдаётся таким формам учебных занятий, которые создают творческую атмосферу совместной деятельности с учащимися, атмосферу духовного общения (уроки-семинары, лабораторные работы, самостоятельная исследовательская работа учащихся по подготовке докладов, рефератов, их рецензирование).

Работа с художественным текстом позволяет решить задачи, связанные с закреплением орфографических, пунктуационных навыков старшеклассников, стимулированием личностного восприятия литературы, постижением объективного содержания произведений, обогащением словарного запаса, эмоциональным восприятием и размышлением.

В практической работе возможно применение следующих методов активизации познавательной деятельности:

1. Работа над сквозными сюжетами в русской литературе (тема «маленького человека», тема семьи и дома, тема живой и мёртвой души и т.д.). На основе параллельного воспроизведения материала учащиеся приходят к серьёзным обобщениям по предложенным проблемам.

2. Разнообразии жанров уроков:

- творческие проекты, например: «Литературные места Подмосковья. Виртуальная экскурсия в Мураново»; форма работы: групповое составление коллажей с последующей защитой проекта;

- ролевые игры, например: «Суд над Раскольниковым»; форма работы: судебное заседание с исполнением учениками ролей центральных персонажей, сторон обвинения, защиты, свидетелей;

- уроки – литературно-музыкальные композиции (самостоятельное разделение ролей учащихся в подготовке урока: подбор литературного материала, биографических сведений, музыкального сопровождения, оформление урока иллюстрациями).

3. Словарная работа: составление тематических словарей на основе творчества поэта, писателя.

4. Работа над выразительным чтением: логическое ударение на ключевые слова.

5. Выразительный пересказ: позволяет охватить большой объем текста в сжатом виде.

6. Работа над датами: с кем из современников мог дружить писатель, где, в каких журналах печатался, в каких событиях общественной жизни участвовал, какие проблемы своего времени поднял в творчестве.

Литературное образование учеников не ограничивается только учебными и факультативными занятиями. Целью внеклассной работы является побуждение учеников к самообразованию, к самостоятельному поиску знаний.

Использование технологии проектного обучения ориентирует современных школьников не только на простое усвоение знаний, но и на способы усвоения, на образцы и способы мышления и деятельности, на развитие познавательной активности и творческого потенциала каждого ребенка.

Для развития у ребенка интеллектуальных способностей можно также использовать самые разные методики, например *технология развития общих исследовательских умений и навыков школьников*. Данная методика включает в себя несколько этапов деятельности.

1. Развитие умений видеть проблемы.

Одно из самых важных свойств в деле выявления проблем – способность изменять собственную точку зрения, смотреть на

объект исследования с разных сторон. Взгляд на один и тот же объект с разных точек зрения позволяет увидеть то, что ускользает от традиционного взгляда и часто не замечается. Например, выяснить причину названия Слепая Елань в повести «Кладовая солнца» можно двумя путями: через исследование текста или же основываясь на знании географии и химии.

2. Развитие умений выдвигать гипотезы.

Гипотезы дают возможность увидеть проблему в другом свете, посмотреть на ситуацию с другой стороны.

3. Развитие умений задавать вопросы.

Вопросы можно поделить на две группы.

Уточняющие (прямые или *ли*-вопросы): *верно ли, что...; надо ли создавать...; должен ли...*

Неопределенные непрямые вопросы включают в свой состав слова: *где, когда, кто, что, почему, какие* и другие. Эти вопросы могут быть простыми и сложными.

Например, при рассмотрении роли цвета в поэзии Есенина учащиеся могут задавать различные вопросы: *почему такая яркая окраска; почему некоторые цвета невзрачные; верно ли, что цвет необходим для привлечения внимания читателя, для создания особого фона стихотворения.*

4. Развитие умений давать определение понятиям.

Для определения способности к обобщению целесообразно предложить метод определения понятий.

Например, необходимо сформулировать определение какого-либо средства художественной выразительности с использованием рассказа учителя, текста произведения (используется с 5 класса для углубления знаний литературоведческих терминов).

5. Развитие умений классифицировать.

Один из главных признаков классификации – указание на принцип (основание) деления. Классификация устанавливает определенный порядок, разбивая рассматриваемые объекты на группы для упорядочения изучаемой области. Данное умение формируется с помощью отдельных упражнений, например:

«Четвертый лишний», «Продолжи ряд», «Найди предметы, которые не имеют множественного числа», «Найди ошибки и прокомментируй их».

Задача же учителя – в системе использовать на уроках все способы научного познания: сравнение и сопоставление, анализ и синтез, обобщение и конкретизацию, постоянно поддерживать интерес учащихся к открытиям, помнить, что необходимым условием для развития исследовательской позиции, образного творческого воображения является систематическое усложнение учебной задачи.

Т.А. Каясова

ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕГРИРОВАННЫХ УРОКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРНОМУ ЧТЕНИЮ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

*Россия, г. Самара, ГОУ ДПО Самарский областной
институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования,
ГОУ ВПО Поволжская государственная социально-
гуманитарная академия, МОУ гимназия №3*

В проекте федерального государственного образовательного стандарта II поколения обозначены:

- требования к личностным результатам: формирование уважительного отношения к истории и культуре других народов, эстетических потребностей, ценностей и чувств на основе знакомства с лучшими образцами мировой и отечественной детской литературы;

- требования к метапредметным результатам: освоение межпредметных понятий; умение осуществлять информационную, познавательную и практическую деятельность с использованием различных средств информации и коммуникации. [5]

На наш взгляд, выполнению данных требований способствует проведение интегрированных уроков, во-первых, и использование тематического объединения уроков русского языка и литературного чтения, во-вторых.

Интегрированные уроки, которые формируют целостную картину мира в сознании ученика, учат ребенка смотреть на описываемые события с разных сторон. По мнению Е.Б. Спорышевой, интегрированные уроки имеют определенные преимущества: способствуют формированию целостной научной картины мира, рассмотрению предмета, явлений с различных сторон: теоретической, практической, прикладной; развитию в большей степени, чем обычные уроки, эстетического восприятия, воображения, внимания, памяти, мышления учащихся; благодаря большой информативной емкости, увеличивается темп выполнения учебных операций, что позволяет вовлечь каждого школьника в активную работу на каждой минуте урока, способствуют проявлению творческого подхода к выполнению учебного задания; позволяют систематизировать знания; формируют в большей степени общеучебные и рациональные умения и навыки учебного труда [4:15].

Нужно согласиться с мнением А.И. Пайгусова, который считает, что в настоящее время интегрированные уроки используются в основном как обобщающие. Это обусловлено тем, что учебный материал, как правило, изучается *индуктивным методом*, т.е. линейно-поступательно, шаг за шагом от частного к общему. В этом случае целостное представление об изучаемом у учащихся должно сформироваться в конце изучения материала на обобщающем уроке. Процесс усвоения программы в данном случае напоминает составление мозаики из различных цветных кусочков стекла, когда ученики соединяют расчлененные знания в единую картину. Учащиеся при таком способе, как правило, не видят взаимосвязи между уроками. А так как раздел программы представляет собой развернутую во времени картину, наполненную множеством фактов, то не каждому ученику удается

сформировать в своем сознании целостный ее образ. [3:52]

Следовательно, нужны новые педагогические технологии. Идея проведения интегрированных уроков не нова, но нужно отметить, что при всей ее значимости, необходимости, современности, на сегодняшний день данная технология не заняла своё ведущее место в образовательном процессе.

Действительно, разобщенность предметов, их «непересекаемость» (мы говорим о начальной школе) в настоящее время есть во многих УМК. В данной статье мы попытаемся сформулировать наше видение понятия «педагогическая технология» и дать характеристику основных этапов ее разработки и освоения.

Смысл и назначение любой технологии – оптимизировать процесс, исключить из него все виды деятельности и операции, которые не являются необходимыми для получения социально желаемого результата [2:5]. Основная идея нашей педагогической технологии заключается в создании единого литературного пространства на уроках русского языка и литературного чтения, основанного на тематическом объединении данных уроков [1].

Уроки русского языка должны стать продолжением уроков литературного чтения. Не нужно сетовать на косноязычие наших детей, на нежелание что-то делать, отсутствие мотивации и так далее. Нужно увлечь и заинтересовать. Чтобы заговорить на иностранном языке, нужно знать не только правила, но и иметь лексический запас. Вот его-то по нашим двум основным предметам гуманитарного цикла у детей нет.

На уроках литературного чтения мы открываем для учеников мир А.С. Пушкина-поэта, писателя. На наш взгляд, одновременно должно состояться знакомство с художниками, рисовавшими его портреты, с музыкальными произведениями по его творчеству, с рассказами о нем самом, с просмотром фильмов, со знаменательными историческими фактами периода жизни поэта на уроках изобразительного искусства, музыки и т.д.

Планируя уроки русского языка и литературного чтения, мы соотносим их тематически. Если на уроках мы читаем стихи и

сказки А.С. Пушкина, то на уроках русского языка тема (не сам текст в чистом виде) будет аналогичной. Ученик, готовясь к уроку русского языка, должен подобрать определенный материал, пользуясь словарями и справочниками. Мы остановили свой выбор на таблицах (орфографической и тематической). Таблицы (в первом классе они готовятся учителем, а начиная со II полугодия второго класса дети заполняют их сами дома) используются на уроках русского языка (орфографическая) и на уроках литературного чтения (тематическая).

Пример орфографической таблицы:

Безударные гласные	Парные согласные	Разделительный Ъ
ЧК-ЧН	Словарные слова	ЖИ-ШИ, ЧА-ЩА, ЧУ-ЩУ
Прилагательные	Существительные	Глагол

Пример тематической таблицы:

Значение слова. Истоки	
Однокоренные слова	
Сочетаемость слов	
Подбери синонимы	
Подбери антонимы	
Пословицы и поговорки	
Загадки	
Когда так говорят	
Предложения и тексты. Стихи и сказки	

На доске вывешивается плакатный вариант, куда любой желающий может записать по теме то, что ему понравилось (слова, предложения, поговорки и т.д.). Например, нужно подобрать слова по теме «Творчество А.С. Пушкина». Приведем варианты записей:

Лицей (словарное слово) – учебное заведение, где А.С. Пушкин учился.

Наталья (слово с разделительным мягким знаком, с безударной гласной – проверочное слово – Ната) – так звали жену поэта.

Комод (словарное слово) – ящик для хранения вещей или белья.

Сестра (слово с безударной гласной – проверочное слово сёстры) – у Пушкина была сестра Ольга.

Захарово, Болдино (имена собственные) – имения, где бывал А.С. Пушкин.

Последний пример: крылья (слово с разделительным мягким знаком). Ученица на мой вопрос, какое отношение крылья имеют к поэту, ответила: Пушкин всю свою жизнь любил Н.Н. Гончарову и качался на крыльях любви к ней. Далекое не каждый взрослый связал бы такими образами эти два слова. Безусловное творчество ребенка.

Детям очень сложно придумывать предложения или тексты. Мы пришли к выводу, что нужно ученикам составить некий лексический минимум, при помощи которого они будут знакомиться, например, с творчеством А.С. Пушкина.

К уроку учитель готовит таблицу, которая содержит имена существительные, прилагательные, глаголы. При помощи этих слов детям легче составить предложения или словосочетания.

Существительное	Прилагательное	Глагол
эпоха	великолепный	занимался
поэт	интересный	любил
Захарово	чудесный	познакомился
друзья	умный	восторгался
Родина	веселый	публиковал

Для современной школы особенно важной является проблема развития творческих способностей учащихся. Наша технология позволяет решать эту проблему, так как заполнение таблиц требует творческого подхода: каждый ученик вспомнит, найдет и запишет свои примеры слов (орфографическая таблица) и свои загадки, пословицы, поговорки и т.д. (тематическая таблица). Роль же учителя заключается в следующем: он готовит лексический минимум (соотносит тему с программным материалом), вносит в минимум нечто общее, что должно быть у каждого ребенка: интересные сведения, факты из жизни писателя, стихи (или отдельные строчки) о самом поэте. А самое главное, составляет некий список слов и словосочетаний, который необходим детям для развития письменной и устной речи.

На уроках дети не просто зачитывают самостоятельно подобранные материалы, но и обсуждают то, что приготовили одноклассники. Так формируется еще и пассивный словарный запас. Кроме того, на доске дети заполняют плакатный вариант (так осуществляется совместная проектная деятельность). Учащиеся могут записать на плакате (это большая орфографическая таблица) самые удачные, на их взгляд, примеры слов.

Данное единое литературное пространство, кроме того, станет частью культурного пространства за счет целенаправленной внеклассной работы. В этот период изучения будут и конкурсы стихов, и конкурсы рисунков, и изготовление поделок. Из дома дети принесут сувениры, подсвечники, открытки и т.д. На классных стендах мы развесим фотографии мест, где бывал поэт, портреты (его самого, родственников, друзей). В классе – мир А.С. Пушкина, его эпохи.

Главное, на наш взгляд, то, что очень многое дети делают сами, вовлекаясь в творческую атмосферу уроков. Технология, созданная и многократно апробированная нами на практике, позволяет эффективно решать задачи, поставленные современной российской парадигмой образования.

Библиографический список

1. Каясова Т.А. Интеграция как основа формирования литературного пространства на уроках литературного чтения и русского языка в начальной школе (2 класс). 2007. Дис. канд. пед. наук: 13.00.02.
2. Морева Н.А. Современная технология учебного занятия. М.: «Просвещение», 2007. С. 5-7.
3. Пайгусов А.И. Методика интегрированного урока. / Научно-методический журнал «Методист». 2003. № 6. С. 52.
4. Спорышева Е.Б. Педагогические основы интегрирования искусств и предметов гуманитарного цикла // Стандарты и Мониторинг в образовании. 2005. №5. С. 15.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт II поколения (проект). www.standart.edu.ru

И.А. Горшенёва

СТИМУЛИРОВАНИЕ РЕЧЕТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Поволжская социально-гуманитарная академия, rus-def@mail.ru

Речевое творчество можно рассматривать как форму проявления способности ребенка к восприятию окружающего мира (зрительному, слуховому, чувственному) и как показатель уровня развитости логического, эмоционального и образного мышления.

Многогранные внешние и внутренние связи речевого творчества с действительностью, в том числе и отраженной в детской художественной литературе, обуславливают богатые возможности и разнообразные способы его стимулирования, среди которых необходимо выделить лингвометодические средства. Продуманное, осмысленное использование образных средств языка и обеспечивающие раскованность школьника в процессе работы над словом:

- запись синонимов (разных частей речи и синтаксических конструкций) для характеристики явления;
- использование словарей разного типа;
- предварительная устная или письменная работа по синонимии в соответствии со стилем и жанром сочинения и т.п.; творческие письменные работы позволяют выразить собственное «я», проявить наблюдательность, фантазию, реализовать, что даровано ребенку природой.

Один из важных стимулов речетворческой деятельности школьника – самостоятельный выбор жанра и стиля сочинения из ряда предлагаемых учителем.

Психологическими стимулами в организации речевого творчества школьников оказываются:

- использование их собственных работ (или фрагментов) в качестве дидактического материала на уроках стилистики и грамматики);
- сопоставление текстов их работ с текстами из детской литературы (в том числе и стихов школьников);
- привлечение к сотворчеству родителей;
- организация конкурса на право быть напечатанным в рукописном журнале, газете;
- проведение конкурса чтецов своих работ;
- создание обстановки, обеспечивающей условия для мотивации речетворческой деятельности, состояния комфортности (уверенности в хорошей оценке труда, возможность совершенствовать свою работу до окончательной оценки учителя).

Рецензия учителя на письменную работу – вот что помогает школьнику не просто исправить недочеты, но и поверить в свои силы, стремиться к готовности шаг за шагом, от работы к работе совершенствовать язык своих творческих произведений.

Дети воспринимают эти рецензии как инструкции, направляющие их творческую деятельность, и как диалог с учителем, так как при классном анализе работ, уточняя, выясняя позиции учителя, школьники активно вступают в сотворчество со своим

наставником. Диалог перерастает в полилог. Расширяется сфера обсуждения, оценки, выбора слова, фразы, создающих целостный образ или более четко и ясно выражающих мысль автора созданного текста.

Эмоциональный настрой школьников в период анализа их работ и осмысления рецензий учителя всегда соотнесен с радостью творчества и вместе с тем с активным проявлением самооценки своей работы и оценки работ товарищей, одноклассников.

Письменные рецензии на работы одноклассников самих ребят – не только школа обучению рецензированию, отзывам, но и отличный стимул речевого творчества. Вслед за учителем дети стараются быть и доброжелательными, и объективными, и осведомленными в правильности и уместности избранных образных средств языка.

Каждый прием и способ стимулирования составляли органический компонент систематической работы, направленной на формирование устойчивого интереса школьника к художественному слову в читаемой детской литературе и к выбору уместных образных средств для собственных сочинений. Все это обеспечивало динамику развития школьника как языковой личности от класса к классу.

Активный интегративный процесс освоения лексики и синтаксиса на уроках грамматики естественно включал в себя язык детской художественной литературы, в частности язык самих детей – героев произведений, делая материал программы по русскому языку и литературе целостным речеразвивающим комплексом.

Эффективность опоры на охарактеризованные нами стимулы была проверена на уроках русского языка и стилистики в младших, средних и старших классах Университета Няяновой.

О ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ АКТИВНОЕ УЧЕНИЕ

Россия, г. Самара, ГОУ ДПО Самарский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Проекты федерального образовательного стандарта подтверждают, что сегодня на первое место выходят такие ценности, как свободное развитие личности, самоопределение, формирование компетентностей.

Положить в основу обучения русскому языку приоритетные ценности современного образования, избежать привычного формализма в его изучении, открыть обучаемым сложную живую систему языка, научить использовать его богатства в общении – непростые задачи, решить которые возможно только при использовании инновационных технологий образования. К инновационным технологиям, в нашем понимании, относятся образовательные технологии, обеспечивающие субъектную позицию учащегося.

В поиске новых средств хочется обратиться к старым средствам, работающим более 10 лет на «островках» практики развивающего обучения.

Речь пойдёт о практике реализации системы Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова, в которой успешно работают средства, формирующие активную позицию учащихся. На наш взгляд, огромное значение для развития современного образования, движения педагогической мысли и инновационной практики имеют теоретические основы системы. Они широко известны и признаны в науке. Это некоторые положения культурно-исторической теории Л.С. Выготского, психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева, возрастная периодизация Д.Б. Эльконина, концепция теоретического обобщения В.В. Давыдова. Такие фундаментальные основа-

ния могут служить источником многих перспективных исследований в разных направлениях.

Если останавливаться на самых общих подходах, обеспечивающих субъектную позицию учащегося, то можно выделить три основных аспекта, образно говоря – «три кита», на которых держится активное учение. Перечислим их: выстраивание учебной задачи, конструирование способа практических действий и включение учащихся в оценивание процесса собственного учебного труда.

Термин «учебная задача» используется сегодня и в обсуждаемых стандартах образования. Учебная задача – единица взаимодействия учителя и учащихся, условия для организации совместного учебного поиска. Это специально моделируемая педагогом ситуация, в которой учащиеся обнаруживают учебную проблему (противоречие, вопрос) и в совместном поиске находят пути и способы её решения. В давыдовской системе ученики в учебной задаче обнаруживают центральное понятие, опираясь на которое «открывают» связанные с ним частные понятия и закономерности. При переносе данного технологического средства в новые условия обучения учебная задача обычно становится практической, так как учащиеся обнаруживают обычно частные аспекты нового знания (не центральное понятие), но и в этом случае обеспечиваются условия для активной позиции ученика.

В ситуации учебной задачи, в совместной деятельности учащийся может действовать относительно свободно и произвольно, выбирая и определяя способы, формы и меру своего участия в анализе и решении учебной проблемы. В этом процессе ученик осознаёт границы собственного знания и незнания, формулирует вопросы, проверяет свои предположения и гипотезы других участников поиска, приобретает опыт презентации своего мнения, опыт сотрудничества и сотворчества, предьявляет себя как личность в открытом учебном общении. В центре общения – интерес, активность, индивидуальный потенциал самого познающего. Учебное содержательное общение обростает гаммой чувств, личностных

проявлений, смыслов. В таком процессе акцентируется не только фактическая сторона и объективное знание, но и субъективный личностный смысл познания: познание самого себя, открытие мира в себе и через себя. Именно в таком процессе формируются личностные смыслы (для каждого свои), складывается субъектная позиция растущего человека.

Именно в условиях учебной задачи создаются условия для формирования необходимых компетентностей: умение решать проблемы, работать в команде, способность к содержательной коммуникации.

Учебная задача считается решенной, если в ней не только обнаружено новое знание, но и выявлен способ практических действий, то есть сделан шаг от выяснения вопроса ЧТО ЭТО? к ответу на вопрос КАК использовать новое знание.

Способ практических действий – последовательность операций (мыслительных и практических), обеспечивающих процесс применения знаний. Этот способ является обобщенным, работающим на целом классе явлений, обусловленных центральным понятием. Он обеспечивает системное мышление, формирование компетентности обучаемого. Но даже частный способ практических действий, который используется в традиционном обучении, определяет обучающий эффект урока, формирует умения, прочность знаний и навыков.

Наш опыт работы с учителями начальных классов, учителями русского языка и анализ педагогической практики показывают, что педагоги обычно недооценивают важность работы над способом практических действий. Несмотря на то, что во многих учебниках и пособиях даются схемы, алгоритмы, описания способов применения знаний, педагогической практики, работа с ними не доводится до овладения практическими умениями, зачастую проводится как ознакомительная.

Если работа над способом практических действий дает обучающий эффект, то включение учащихся в конструирование рационального способа применения знаний обуславливает раз-

вивающий эффект, обретение субъектной позиции учащегося.

Третье необходимое условие активного учения – включение обучаемого в оценивание собственного учебного труда. Действие оценки как компонент учебной деятельности имеет большое значение: именно оценка обеспечивает условия для развития способности ставить новые цели, является основой саморегуляции деятельности и формирует основы умения учиться. Ученик, овладевший умением оценивать собственные учебные действия, постоянно отслеживает и оценивает процесс собственного учения, направляет и корректирует его; он в полном смысле проектировщик своей учебы.

Учителю всегда сложно отменить собственную монополию на оценку учебных действий ученика, заменив ее постепенной передачей функций оценивания учащемуся. Это кропотливая, долгая, поэтапная работа по обучению самих учеников выбору критериев, адекватному оцениванию учебного труда, которое дает желаемый эффект – обретение учеником учебной позиции.

В нашей статье схематично обозначены те основы, реализация которых создает условия для существования активного учения школьников. В процессе реализации описанная схема должна быть наполнена учебным содержанием, необходимыми педагогическими умениями, гаммой психологических нюансов, работой учителя в гуманистической позиции сотрудничества с учащимися.

Педагогическая практика показывает, что указанные подходы в значительной мере создают условия для обретения субъектной позиции учащегося в обучении, для формирования компетентностей и свободного развития личности обучаемого. Такие подходы могут реализоваться на разных учебных предметах, они носят надпредметный характер. На уроках русского языка такие подходы могут гарантировать отсутствие формализма в обучении, живое знание языка.

**КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД ТЕК-
СТОМ СТИХОТВОРЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «РО-
ДИНА» НА УРОКАХ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ**

*Россия, Самарская область, Ставропольский район,
с. Хрящевка, МОУ лицей (технологический),
Gaconia@yandex.ru*

До непосредственной работы над текстом ученики зачитывают сочинения-миниатюры, написанные на тему «Моя Родина». Это способствует настрою чувств в тональности изучаемого стихотворения. После сравнения размышлений учащихся о Родине с теми, которые содержатся в стихотворении «Родина», проводится беседа по усвоению содержания, активизации воображения и эмоциональной сферы чувств. Затем уточняется жанр стихотворения как лирического монолога-исповеди, пронизанного гражданским пафосом звучания, и предлагается определить, на какие композиционно-тематические части оно делится, каков характер его конфликта. У учащихся обычно не вызывает затруднений композиционное членение стихотворения на две части: первую часть, где характеризуется казенное толкование патриотизма, и вторую часть (вторая-третья строфы), где раскрывается образ Родины в авторском понимании.

Одновременно подчеркивается важнейшая стилевая особенность лирики М.Ю. Лермонтова, заключающаяся в том, что ее словесно-образный строй органически определяется «образом» лирического героя, то есть автора, выступающего от имени какого-то «я», то всецело совпадающего с ним самим, то являющегося как бы одним из его поэтических перевоплощений.

При определении конфликта вычленяется и главный прием, лежащий в основе композиционного членения – прием антитезы, проясняющий конфликт и систему основных художественных

образов стихотворения. Тем самым образ поэта в последующем анализе будет характеризоваться через неприятие официального понимания патриотизма и утверждения образа Родины в его народном высокогражданском толковании. Но прежде обращается внимание еще на одну важную особенность лирики М.Ю. Лермонтова. Как отмечает В.В. Виноградов, чувство и мысль Лермонтова проходят в своем развитии три этапа: а) тезис (чувство или мысль называется), б) анализ чувства-мысли и породивших ее причин, в) опровержение (антитезис) чувства-мысли.

Не исключение и анализируемое стихотворение. Ученики определяют его тезис, который сразу обозначает и предмет переживания, и отношение к нему: «Люблю отчизну я ...». И тут же – антитезис: «... но странною любовью!» Попутно отмечается, что Лермонтовым употреблено не слово «родина», как зачастую в произведениях современных авторов на патриотическую тему, а слово «отчизна». Так, кстати, первоначально было названо и все стихотворение. Объяснение кроется в том, что слово «родина» в прошлом веке еще не приобрело того общественно-политического смысла, который был связан со словом «отечество» (и отчасти отчизна).

В дальнейшем, при анализе второго этапа, то есть при анализе чувства-мысли и породивших ее причин, раскрывается, какие составляющие понятия Родины служат для Лермонтова определяющими, доминантными. Но это явится содержанием работы над второй частью стихотворения.

В первой части (первая строфа) анализу подвергается то понимание патриотизма, которое не может удовлетворить истинного сына Отечества. В процессе лингвистического комментирования первой части стихотворения прежде всего предлагается объяснить смысл выражений: «не победит ее рассудок мой» и «не шевелят во мне отрадного мечтанья». Ученики при объяснении приходят к выводу, что поэт не отрицает официальную любовь к Родине, но не приемлет для себя только казенного понимания идеи русской государственности.

Заметим, что подобную работу – лингвистическое комментирование – обеспечивает заранее продуманное учителем домашнее задание.

Содержательный смысл образа Родины в первой части раскрывается при анализе выражений: «слава, купленная кровью», «полный гордого доверия покой», «темной старины заветные преданья». При этом внимание обращается на усилительную частицу НИ перед каждым из перечисленных компонентов образа, что свидетельствует не об их отрицании, а о недостаточности, ограниченности, неполном и даже искаженном значении образа. Так, например, поэт не может отрицать славу, добытую Россией в войне 1812 года. Вспомним стихотворение «Бородино», чтобы в этом убедиться.

Не содержат отрицательного смысла и последующие составляющие понятия патриотизма: «покой» государства, завоеванный в тяжелых испытаниях, и «преданья» прошлого. Другое дело, что вся вторая часть стихотворения, проникнутая истинно народным духом, решительно не содержит славянофильского понимания народности, которое как раз и предполагает воспевание темной старины, покорность, верноподданность престолу, патриархальность русского крестьянства.

Итак, раскрытие «странности» любви поэта к Родине начинается уже в первой части. Становится очевидным, что Лермонтов идет в развитии образа Родины от философских рассуждений, от общих представлений к индивидуально-авторскому его выражению. Этот вывод подтверждает словарь первой части, поэтому, идя от его характеристики, и следует подвести учащихся к высказанному обобщению, что отвечает логике учебно-исследовательского анализа.

Действительно, существительные первой строфы преимущественно обобщающие или отвлеченные: ОТЧИЗНА, РАССУДОК, СЛАВА, ДОВЕРИЕ, ПОКОЙ, СТАРИНА, ПРЕДАНЬЯ, МЕЧТАНЬЯ. В то же время, как и во второй части стихотворения, предметы изображения значительно локализованы.

Указывается в словаре первой строфы стихотворения и на обилие местоимений: Я, ЕЕ, МОИ, МНЕ, – свидетельствующих, что жанр был определен верно. Анализируемое произведение – лирический монолог, сокровенная исповедь поэта.

Вскрывается и роль отрицательной частицы НЕ перед глаголами (НЕ ПОБЕДИТ, НЕ ШЕВЕЛЯТ) и роль союза НО, которые являются здесь средством выражения антитезы, хотя и существенно ослабленной, трижды повторенной для усиления частицей НИ. Тем самым и не создается, как уже сказано выше, впечатления отрицания. Дополнительная роль антитезы проясняется при обращении к интонационному строю стихотворения: в первой части она создает интонацию противопоставления и как бы готовит читательское сознание к тому, что предстанет картина иного звучания. Той же цели созданию ожидания, иного содержания образа служит и синтаксический параллелизм строфы, являющийся ее главной примечательностью на грамматическом уровне. Соответственно, перечислительная интонация отрабатывается учениками при тренировке в выразительном чтении строфы, чем завершается работа над первой частью стихотворения. В процессе выразительного чтения должны быть интонационно выделены и слова повышенной семантической нагрузки, такие как: ЛЮБЛЮ ОТЧИЗНУ, СТРАННОЮ – и подчеркнута антитеза.

Анализ второй части стихотворения, как отмечалось выше, проводится по ходу воображаемого путешествия вместе с лирическим героем, сопровождаемого историко-бытовым, этнографическим, лингвистическим, лингвострановедческим, художественно-образным и изобразительным комментариями. Например, при лингвострановедческом комментировании национального образа ЧЕТА БЕЛЕЮЩИХ БЕРЕЗ преподаватель подчеркнет, что слово-образ БЕРЕЗА ассоциируется в поэтическом сознании русских людей с понятием родной земли, Родины, что этот ценностный лексический фон слова наиболее сокровенен в духовной культуре русского народа. Неслучайно в

песне о Великой Отечественной войне звучат слова: «Родную русскую березу мы никому не отдадим!»

В процессе воображаемого путешествия по «проселочному пути» и раскрывается содержание чувства любви поэта к Родине, которую здесь, по словам Н.А. Добролюбова, он понимает «истинно, свято, разумно». Но прежде ученикам дается задание целенаправленного поиска решения проблемы, сформулированной преподавателем: «Поэт сразу в начале второй части говорит, что любит отчизну, но не знает, за что. Вгляди́мся в текст, чтобы найти мотивы его любви и чтобы одновременно уяснить характеристику этого чувства». Поиск ответа и составит содержание эвристической беседы, служащей здесь основным приемом его учебно-исследовательского анализа.

Уже словарь раскрываемого во второй части стихотворения образа Родины во многом подскажет ответ на решаемый вопрос. Подавляющее большинство в нем – существительные (39 из 56 слов), что говорит о выделении поэтом в обзоре конкретных предметов изображения, особенно милых его сердцу. Причем интересно, что слова, относящиеся ко второй строфе, обозначают материальные объекты широкого масштаба, «географического» и «топографического» характера степи, леса, разливов рек. Предметы, соответствующие словарю третьей строфы, не только материальны, но и более локальны, ограничены, они лишь частности общей картины и недаром обозначены преимущественно словами единственного числа: обоз, нива, изба. Тем самым ученики одновременно убеждаются, что раскрытие образа Родины композиционно идет от его идеологического осмысления в первой строфе к обобщенному изображению русской природы во второй строфе, что обозначается множественным числом имен существительных: СТЕПЕЙ, ЛЕСОВ, РЕК, ДЕРЕВЕНЬ. Далее – к конкретным перечислениям дорогих поэту примет русской природы и быта. И завершается образный ряд остановкой в праздничный вечер, чтобы вблизи полюбоваться трудовым людом России, живущим в печальных деревнях.

Этот щемящий душу патриота образ «печальных деревень» – нищей Руси – требует специального комментария. Тем впечатлительнее и отраднее будет картина встретившегося на дороге полного гумна, избы, покрытой соломой, и окна с резными ставнями – признаков, радующих глаз достатка и стремления к красоте русского простолюдина.

Единственное число имен существительных подчеркивает здесь так же, как и в целом в третьей строфе, индивидуальность и национальную самобытность жизни русского народа. Способствует этому и метрика стихотворения, не остающаяся неизменной на протяжении всего текста. Если первая часть и вторая строфа второй части стихотворения написаны шестистопным ямбом, перемежающимся с пятистопным, что создает тон рассуждения, торжественность и задумчивость, то в заключительной строфе – четырехстопный ямб, знаменующий новый поворот, обращение поэта к лирическому облику России – простому и бесхитроственному образу пляшущих мужичков.

Таким образом, мотив странствования (а в контексте всего творчества Лермонтова – это и мотив одиночества), сюжетное развитие образа Родины через наблюдения во время путешествия как раз и дает возможность раскрыть его богатое содержание. Не случайно из восьми глаголов второй части один обозначает движение – СКАКАТЬ, три – сам процесс наблюдения: дважды повторенный СМОТРЕТЬ и глагол ВИЖУ. Доверительная интонация признания в любви значительно усиливается четырежды повторенным ЛЮБЛЮ, отчего теплее и сокровеннее выражается гражданское чувство поэта.

В этой связи нельзя не обратить внимание лицеистов и на не свойственный русскому слогу оборот «скакать в телеге», да и в целом на фразу: «проселочным путем люблю скакать в телеге». Дело в том, что не употребляется в речи сочетание слова СКАКАТЬ со словом ТЕЛЕГА, а ПРОСЕЛОЧНЫЙ – со словом ПУТЬ. Принятым средством передвижения для дворян был экипаж, карета, и лишь в ней можно было скакать. Телега же – для крестьян, и в

ней можно ехать, трястись. А слово ПРОСЕЛОЧНЫМ сочетается со словом ДОРОГА. Существительное же ПУТЬ употребляется, как правило, в переносном значении, например *жизненный путь*. Включая слова ТЕЛЕГА и ПУТЬ в единый поэтический образный ряд, Лермонтов тем самым опоэтизировал и эти приметы Родины, связанные с народным бытом и ландшафтом России. Тем очевиднее гражданская ориентация поэта на народную Русь с ее незатейливым и неприхотливым укладом.

Значительна и роль союзов во второй части стихотворения, что отмечается в процессе лингвистического комментирования. Пять раз повторенный союз И как бы скрепляет наблюдаемые приметы в единый лик России. Шестой же союз НО открывает вторую часть. Этим противопоставлением поэт как бы отмежевывается от того казенного толкования патриотизма, которое раскрывалось в первой строфе, и переходит к изображению картины, связываемой им с понятием отчизны. Той картины, которая вызывает у него чувство счастья. Эта звенящая нота радостного созерцания усиливается от начала к концу стихотворения и уже отмеченными поворотами, и синтаксическими параллелизмами, а главное – лексическим отбором: пять раз повторенным ЛЮБЛЮ, ЛЮБОВЬ, словом СТРАДОЙ, выражением СМОТРЕТЬ ДО ПОЛНОЧИ ГОТОВ.

Важно подчеркнуть и то, что в то же время интонация стихотворения напоминает реплику, ответ, несогласие с кем-то в споре, что подтверждает категоричность начала: ЛЮБЛЮ ОТЧИЗНУ Я, НО Отсюда становится понятен переход от книжной речи первой части к устно-разговорной – во второй.

Завершая ответ на проблемный вопрос, поставленный в начале анализа второй части стихотворения, учащиеся резюмируют, что истинность и разумность любви Лермонтова к отчизне заключаются в том, что он свободно любит то, что сам открывает в многовековом опыте народа, что это и есть «странная» любовь поэта, спасающая от одиночества, свободная от официальных предрассудков, любовь к деревенской России, корневым основам ее жизни.

ФОРМИРОВАНИЕ У ШКОЛЬНИКОВ БЕРЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ К СЛОВУ

Россия, г. Самара, МОУ СОШ №54 «Воскресение»

«Почему Слово названо даром? Кто даритель Слова?» – на такие вопросы преподаватель словесности просит ответить учеников-семиклассников на вводном уроке по теме «Русский язык как развивающееся явление. Необходимость бережного и сознательного отношения к языку как национальной ценности». Дети без затруднений называют Дарителя и приводят в подтверждение своих высказываний слова апостола – евангелиста Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Православное понимание истоков Слова у семиклассников не случайность, а закономерность.

Уроки словесности и основ православной культуры неразрывны в моей педагогической практике. Принцип интеграции позволяет духовно восходить и учителю и ученикам по пути обретения живого Слова, в котором отражается Вечность и творческий процесс мироздания посредством Слова.

«И рече Богъ: да будетъ свѣтъ» (Быт.1.3). Господь премудро утвердил Словом вселенную. Словом создал (по образу Своему) и человека. На вопрос: «Для чего создан человек?» ученики дают ответы, утверждающие связь человека с Богом через язык. Дополняя высказывания, приходим к выводам:

Человек единственный из всех земных тварей одарен словом. Творец создал любимое словесное Творение – человека – для общения.

Священное Писание говорит: на земле был один язык и одно наречие. Адам – первый человек живого языка Божьего. По повелению Творца человек наделял именами все растения, зверей и птиц небесных, но первородный грех оборвал духов-

ную пуповину языка... После грехопадения Адама для спасения человеческой души, пораженной грехом, «Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» (Иоанн 1, 14). По Вознесении Иисус Христос, Сын Божий, дал нам Духа Святого общение, даровал слово Свое, новый язык духовный. И всякий, принимающий благодать Святого Духа, исцеляет души и удерживает язык свой от зла...

Святой апостол Иаков говорит: «Через язык благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человека, сотворенных по подобию Божию. Из тех же уст исходит благословление и проклятие: не должно, братья мои, сему так быть. Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода?» (Иаков 3, 9-14). Вопрос святого апостола Иакова звучит сегодня как нельзя своевременно. Ученики приводят много примеров из жизненных ситуаций, подтверждающих, что в каждом слове, которое мы произносим, либо отблеск Творца (язык духовный: любовь, милосердие к ближнему, творения и красота...), либо разрушительная энергия демонического воздействия. И нам выбирать свободу слова.

В Евангелии от Матфея (гл.12, 36-37) сказано: «...за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответы в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься». Именно поэтому первое же испытание, именуемое в Церкви мытарством, которое ожидает душу после смерти, станет ответом за словесную распущенность, сквернословие, осуждение и многую другую лексическую грязь. Св. праведный Иоанн Кронштадский писал: «Как же осторожно надобно выговаривать слова, с каким смирением, осмотрительностью, чтобы не прогневить Бога – Слова...»

На вводном уроке провожу с учениками лингвистическую игру «Кто имеет слышать, да слышит!». Предлагаю задание: определите духовный смысл слов «святой», «послушание», «убогий», «просвещение», «образование», «небеса», «безобразие», «наказание», «крестьянин», «гражданин»,

«спасибо», «вдохновение» и др.; расположите слова на «словесном древе» с оценкой «духовное – плотское слово».

А итогом вводного урока словесности в 7 классе будут домашние творческие работы учащихся, сочинения-рассуждения по теме: «Как вы понимаете выражение: «Слово – проводник наш в рай или ад?» В качестве примера приведем фрагмент сочинения ученицы 7 класса Шкуратовой Татьяны:

«Разве для того дано нам Слово, чтобы мы хулили им Бога, им огорчали своих близких? Разве для этого Бог дал нам возможность говорить, а не быть немыми, как животные? Зверь не может того, что доступно человеку: молиться, даровать словом добро или зло, у зверей все решает действие. И поэтому мы как разумные люди, рабы Божии, в отличие от зверей, не сразу начинаем жестокую войну, а идем на переговоры, потому что мы владем необъяснимым чудом – Словом.

Не только само слово выбирает наш путь, но и маленькая незаметная часть – интонация. Мы можем читать Святые Молитвы скучным, недовольным тоном, без тени богобоязни. Так же и простое слово, сказанное в презрительной интонации, располагает обиженного человека в худшую сторону, оскорбляет его. Так может разрушиться давняя дружба.

Слово – это начало начал. Из Слов складываются предложения, из предложений – фразы, из фраз – молитвы или богоугодные книги. Я думаю, что никто не может точно и искренне сказать, что такое Слово. Это непостижимое и необъятное, неосознанное чудо – наша речь, состоящая из слов. Таким образом, мы с детства умеем извлекать звуки из своих уст, которые со временем превращаются в слова. Это чудо, которое нам дал сам Бог... И нам самим выбирать, куда поведет нас наше Слово – в рай или ад».

ОРФОЭПИЧЕСКАЯ РАБОТА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Россия, Самарская область, г. Сызрань, ОУ СОШ № 14

Правильная речь показывает красоту языка, его выразительность, мелодичность. Неправильно говорить – это значит грубо нарушать законы родного языка и общепринятые правила человеческой культуры. Умение детей, а в дальнейшем взрослых людей, правильно произносить слова, верно ставить в них ударения, находить наиболее точную форму слова во многом зависит от нашего внимания к речевой культуре младших школьников.

В младшем школьном возрасте большое значение имеет показ, пример. Слушая правильное произношение, ребенок невольно подражает ему. Но дети могут находиться и в неблагополучной речевой среде, поэтому работа над формированием навыка литературного произношения должна быть специально организована. Следует вызывать у ребенка желание говорить чисто и правильно на родном языке. А для этого необходимо пробудить речевую активность детей.

Взрослые замечают, что дети достаточно критично относятся к чужой речи. А по отношению к своей собственной речи у младших школьников такая критическая оценка отсутствует. Когда ученики начальных классов проверяют свое изложение или сочинение, то в большинстве случаев они бывают полностью удовлетворены написанным. Однако, если перед учеником ставится требование проверить работу одноклассника, «критика текста» значительно повышается. Это – проблема формирования речевого контроля. Как правило, работа по предупреждению и исправлению ошибок в письменных работах учащихся направлена на преодоление только орфографических и пунктуационных нарушений с опорой на изучаемые по программе правила. Развитию же умения предупреждать и устранять речевые ошибки уделяется явно недостаточное

внимание: взаимопроверка и саморедактирование – дело трудоемкое, требующее больших временных затрат. Да и правил, подобно орфографическим, на которые мог бы ученик опереться, нет.

Начинать работу по формированию критического отношения к речи необходимо с простейших примеров, доступных сознанию младших школьников, постепенно усложняя предлагаемые задания. Например, не вызывает сомнения, что неудачно построенная фраза: «Дарья, запрягая лошадь, нетерпеливо била копытом» – вызовет у учащихся дружный смех, несмотря на то, что соответствующей теоретико-грамматической базы у них еще нет. Но столь естественная реакция учеников на ошибку заставит их задуматься над последствиями небрежной речи и практическим путем уяснить функции языковой нормы. Позднее следует предлагать задания на нахождение указанного количества ошибок, допущенных в тексте, постепенно переходя к вопросам: «Проверьте, есть ли ошибки в тексте?», «Определите, правильно ли это высказывание?», «Как можно исправить ошибку?» и др. Такая система работы непременно должна сформировать у младших школьников критическое отношение к речи, возможно, пробудит к поиску причины тех или иных речевых нарушений. Использовать методику «Найди ошибку» можно не только на уроках, отведенных написанию творческих работ и их анализу, но и при изучении большинства грамматико-орфографических тем и разделов курса русского языка: учителю необходимо лишь творчески отнестись к ошибкам своих учеников и отыскать возможности использования указанного подхода.

Целенаправленная работа по формированию речевого контроля будет более эффективной, если учитель предварительно подготовит к ней учащихся, объяснив ее значимость, познакомит с наиболее распространенными в их речи ошибками, проанализирует причины их появления и вооружит необходимыми лингвистическими знаниями. При этом крайне важно добиваться высокой познавательной активности учеников.

Одна из форм работы – это работа с орфоэпическим слова-

рем. Он включает в себя множество слов, которые так или иначе оказываются в сфере детской речи. Учитель должен внушить детям, что проверять себя по словарю – не зазорное занятие, а, наоборот, очень почетное и уважаемое. В словарь заглядывает человек, который хочет научиться грамотно говорить.

Младшим школьникам нравятся различные словесные игры и упражнения. Например, строки из стихотворений С.Я. Маршака подобраны так, чтобы слова с «сомнительным» ударением обязательно были произнесены верно. Читая стихи вслух, учащиеся невольно произнесут эти слова с единственно возможным правильным ударением. Так называемые «коварные» слова очень часто произносятся с ошибкой. Шутливые стихи позволяют запомнить правильное произношение.

Запомни: беги.	Запомни: испечет.
Нельзя: бежи	Нельзя: испекет
Мама с сумкой и коробкой Мама сына просит робко: «Если хочешь, помоги, Только быстро не беги!»	В воскресенье отдыхаем, Время медленно течет. Глядь – к обеду баба Тая Пироги нам испечет!

Придумай предложения со словами, которые различаются ударением: атлас – атлас; замок – замок; дорогой – дорогой.

Прочитай предложения, правильно расставляя ударение:

Мама купила плохую муку и, когда пекла пироги, испытывала настоящую муку.

Солнце село за село.

Это страшная пропасть: здесь можно пропасть.

На тропинке в сквере сидели сорок сорок.

Познакомься с устойчивыми выражениями русского языка.

Придумай с ними предложения:

вверх тормашками, не ахти, что было мочи, на босу ногу, в кои-то веки, утро вечера мудренее.

Очень помогают овладевать литературными нормами русского языка такие упражнения, как произнесение чистоговорок, скороговорок, логопедических стихотворений, артикуляционной гимнастики.

Работая над темой «Орфоэпия», мы можем использовать возможности и проектной деятельности. Дети с удовольствием составляют свои небольшие словарики по разным направлениям, например: «Общепотребительные слова с трудным ударением», «Имена существительные с подвижным и неподвижным ударением», «Имена существительные множественного числа родительного падежа», «Так произносятся слова, обозначающие цифры».

Работа над этой большой и сложной темой должна вестись регулярно. Только тогда мы сможем увидеть результаты своего труда в правильной, грамотной речи наших детей.

О.И. Князева

РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОЙ ПАМЯТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕЧИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

*Россия, Самарская область, Кинельский район,
МОУ Красносамарская СОШ*

Развитие и совершенствование основных видов речевой деятельности – одна из важнейших, на мой взгляд, проблем начальной школы. Научить ребенка говорить – значит научить его мыслить.

Трудности детской самостоятельной речи объясняются как раз неразработанностью оперативной речевой памяти. Запоминание есть результат определенной активной деятельности человека. Запоминается то, что вызывает интерес, обусловлено необходимостью. Влияют на запоминание установка на дли-

тельность сохранения запоминаемого, эмоциональное состояние, подготовленность к восприятию; чувство ответственности и многое другое.

Речевое запоминание требует мобилизации всех видов памяти: образной, смысловой, эмоциональной и двигательной, – в соответствии с запоминаемым материалом. Основное условие действенного длительного сохранения в памяти – это осмысление текста, понимание его и усвоение рациональных способов запоминания как фактов внеязыковой действительности, так и слов, моделей словосочетаний, предложений и т.д.

В работе необходимо учитывать индивидуальные различия в памяти, которые проявляются в следующем:

1) в преобладании одного из видов памяти (зрительная и слуховая);

2) в способности запоминать разные по силе раздражители («слабые» или «яркие»);

3) в скорости перехода заучиваемого материала из кратковременной памяти в долговременную.

С этой целью необходимо проводить зрительные и слуховые диктанты.

Цель зрительных диктантов: развивать точность зрительно-го восприятия; тренировать внимание, активизировать мышление, способствовать осознанному запоминанию правильного написания. Зрительные диктанты проводятся ежедневно и параллельно со слуховыми диктантами. На уроке зрительный диктант предшествует слуховому. Зрительные и слуховые диктанты разработаны поурочно, их содержание тесно связано с проходимыми программными темами и словарной работой.

Цель слуховых диктантов: развивать слуховое восприятие и память; учить умению распознавать фонему за произносимым звуком и обозначать ее соответствующей буквой путем соотнесения речи звучащей и письменной, а также с помощью решения орфографических задач; направлять учащихся на увеличение объема их слуховой памяти от месяца к месяцу.

В начале каждого месяца детям дается установка на запоминание и написание предложений с определенным объемом (количеством) слов.

Приблизительный объем предложений: сентябрь – из 4-5 слов; октябрь – из 5 слов; ноябрь – из 5-6 слов; декабрь – из 6 слов; январь – из 6-7 слов; февраль – из 7 слов; март – из 7 слов; апрель – из 7-8 слов; май – из 7-8 слов.

Известно, что большое количество повторений одного и того же материала вызывает у детей скуку, потерю интереса. Следовательно, повторения должны быть разнообразными. Важно использовать занимательные игры для заучивания правил. Это рассказывание правил в разных вариантах и ролях, игра «Почти правилу попугая», придумывание правил, которые особенно трудны для запоминания.

Например: запомните приставки с гласной *а*. «Красавица ЗА – НА – НАД любит все на букву *а*: ананасы, апельсины, абрикосы».

Необходимо проводить игры, направленные на развитие **вербальной памяти**:

1. Подберите как можно больше имен существительных из двух букв (уж, еж, ус, ил).

2. Подберите как можно больше имен существительных из трех букв (кит, кот, сад).

3. Подберите как можно больше имен прилагательных, которые сообщают размер предмета (огромный, большой, крошечный).

4. Подберите как можно больше глаголов будущего времени (пойдет, сплет, прилетит).

Для развития **логической памяти** можно предложить ученикам три слова, объединенные по смыслу, при этом обратим внимание на логическую связь, существующую между словами. Прочитав вслух 6 строк, предложим детям карточку, на которой написаны лишь первые слова из каждой строки. Ребенок должен дописать второе и третье слова в строке.

Вот несколько советов младшим школьникам, чтобы они пытались заняться тренировкой своей памяти:

4. *Усталость и утомление – враги памяти. Хочешь хорошо запомнить материал, отдохни и поиграй на свежем воздухе.*

5. *Для лучшего запоминания нужны положительные эмоции.*

6. *Постарайся избавиться от лени. Лени – злейший враг памяти. Причиной забывчивости часто бывает лень вспомнить забытое.*

И.Б. Ирлицына

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ: СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ РАЗНЫХ ТИПОВ

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия, kafred@mail.ru*

Детская речь – феномен, в котором отражаются не только особенности разговорной речи, но и общие законы развития языка.

Систематическое изучение детской речи начинается с XIX – начала XX веков. Уникальным явлением считаются охватывающие разные аспекты речи ребёнка труды нашего земляка А.Н. Гвоздева [1]. Именно он пришёл к выводу, что «детский язык представляет из себя эволюцию языка, направляемую воздействием окружающей среды» [2: 9].

В последнее время интерес учёных к детской речи возрастает. Это отчасти связано с формированием самостоятельного научного направления – психолингвистики. Проблемы, поднимаемые лингвистами, чрезвычайно многообразны: это вопросы фонетической организации речи, лексического состава, семантики и детского словообразования [3]. Немало работ, посвящённых

грамматическому строю родного языка [4]. Системное изучение синтаксиса детской речи – это та задача языкознания, которую ещё предстоит решить.

Нами в течение ряда лет проводились наблюдения над грамматическим строем детей: Лизы (1999 г.), её сестры Ани (2002 г.) и их окружения.

Первые сложные предложения появляются в речи девочек чуть позже двух лет (в 2 г. 4 м. – у Лизы, в 2 г. 2 м. – у Ани). В 3 года такие единицы ещё являются малоупотребительными (нами зафиксировано всего 160 (у Лизы) – 180 единиц (у Ани). В последующем количество сложных предложений резко возрастает (например, в 4 года – уже, соответственно, 430-460 конструкций).

Наблюдения показывают, что сначала ребёнок осваивает союзные предложения, бессоюзные появляются позже (на 2-4 месяца). Сложносочинённые предложения начинают употребляться несколько раньше сложноподчинённых, причём количество первых заметно преобладает. Среди сложноподчинённых предложений прежде других осваиваются предложения с временными, определительными, причинными придаточными. Только с четырёх лет в речи ребёнка появляются более трудные для него и, видимо, менее нужные пока для выражения мыслей придаточные цели, места, меры и степени, сравнения, а также уступительные.

Самой большой по употребительности группой придаточных, появившихся в речи ребёнка раньше других, являются придаточные времени. Типичным для таких конструкций является союз **когда** (кстати сказать, он является самым употребительным подчинительным союзом в речи ребёнка до пяти лет).

Когда я уснула, вы всю вкуснятину съели. (Аня, 3 г. 8 м.)

Зафиксировано несколько примеров с частицей **вот**:

Вот когда мама проснётся, тогда будем видик громко включать. (Лиза, 4 г. 10 м.)

Редко в придаточных времени употребляется союз **как**:

Как к бабе Вере приедем, будет лето. (Аня, 4 г. 7 м.)

Как на календаре поменяем число, тогда будет среда. (Лиза, 4 г. 6 м.)

Анализ всех временных предложений показывает, что чаще они обозначают последовательность событий:

Когда я стану большой, тогда буду одна на улице ходить. (Аня, 3 г. 5 м.)

Когда чай остынет, тогда будем пить. (Лиза, 3 г. 5 м.)

Ира, когда соскучусь, тогда приедешь. (Лиза, 4 г. 4 м.)

Временные придаточные, указывающие на одновременность событий, встречаются в детской речи реже:

Деда Витя приехал, когда я проснулась (Аня, 3 г. 7 м.)

Когда ты без шапки пошёл, ты сильно замерз. (Лиза, 3 г. 9 м.)

Если в одной из частей сложного предложения употребляется глагол несовершенного вида, а в другой – совершенного, то могут выражаться отношения частичной одновременности: событие, передаваемое с помощью глагола совершенного вида, неожиданно возникает на более широком временном фоне другой ситуации:

Воспитателька зашла, когда мы со столов прыгали. (Аня, 3 г. 7 м.)

В целом, употребление в обеих частях сложноподчинённого предложения глагольных форм совершенного вида для выражения отношений одновременности носит в речи ребёнка трёх-пяти лет непоследовательный характер, часто происходит пересечение длительного и завершённого действий.

Интересно, что, кроме сложноподчинённых предложений с чисто временными отношениями, в речи детей этого возраста фиксируется небольшое количество конструкций с условно-временными отношениями. В этих предложениях выражается повторяющееся временное соотношение двух ситуаций:

Тогда надо надевать капюшон, когда дождик идёт. (Лиза, 3 г. 5 м.)

Когда становится прохладно, тогда я надеваю тёплые колготки. (Аня, 4 г. 7 м.)

Замечено, что предложения с условно-временными отношениями используются детьми для передачи собственного опыта.

Второе место по частотности занимают в речи ребёнка сложноподчинённые предложения с придаточными определительными, выражающими признак предмета. Впервые такие конструкции появляются в речи девочек около трёх лет. В первый год употребления они составляют примерно пятую часть всех сложноподчинённых предложений, в последующем их количество резко возрастает.

Типичными союзными словами в начальной стадии использования являются **который, какой, где** с явным преобладанием первого; после четырёх лет союзное слово **какой** не фиксируется, однако употребляются новые союзные слова **куда** и **кто** (в местоименно-определятельных придаточных). Универсальным и самым частотным средством связи по-прежнему остаётся местоимение **который**.

Это не мальчик, а девочка, которая с большим бантом ходит.
(Полина, 3 г. 1 м.)

Это те головастики, какие мне папа подарил. (Лиза, 3 г. 9 м.)

Я буду лежать на травке, где мягко (Лиза, 4 г. 1 м.)

Дача, куда мы едем, далеко (Аня, 4 г. 9 м.)

Кто отгадает загадку, тому приз (Лиза, 4 г. 5 м.)

С точки зрения коммуникативно-семантических функций в речи ребёнка преобладают предложения определительно-выделительного типа, выражающие «опознавательный» признак предмета, который выделяет данный предмет среди ряда ему подобных:

Это тот самый мальчик с большими ушами, который вчера змея запускал. (Лиза, 4 г. 11 м.)

Наблюдения показывают, что детьми усваивается порядок следования частей сложноподчинённого предложения с придаточным определительным (постпозиция или интерпозиция), однако иногда возможны исключения (препозиция придаточной части).

Которого (мальчика – И. И.) поставили за дверь, ему пирожка не дали. (Лиза 3 г. 2 м.)

Из других трудностей употребления укажем случаи отсут-

ствия определяемого существительного или соотносительного слова в главном предложении:

Сырнички – это... которые пекутся с творогом на плите. (Лиза, 3 г. 5 м.)

Вкусненькие (булочки – И. И.), которые теперь (теперь – И. И.) со сгущёнкой есть будем. (Аня, 3 г. 1 м.)

Несколько уступают определительным придаточным предложения, выражающие отношения обусловленности. Это прежде всего придаточные причины.

Первое употребление сложноподчиненного предложения с придаточным причины в речи Лизы было неудачным: придаточная часть не была закончена:

Я не хочу, потому что... (Лиза, 2 г. 1 м.)

В 3-4 года ребенок вполне осваивает грамматическую структуру указанных конструкций. Придаточная часть всегда находится в постпозиции. Из арсенала средств связи (что вполне естественно) предпочтение отдается союзу **потому что**:

Ира, пойдём кофту новую покупать, потому что у меня деньги есть. (Аня, 3 г. 1 м.)

Надо папе подарок сделать, потому что у него праздник будет. (Лиза, 3 г. 4 м.)

Пусть мама меня жалеет, потому что я обиделась. (Полина, 3 г. 8 м.)

Однако зарегистрированы примеры, когда придаточное предложение употребляется без главного:

Потому что нельзя маленьких обижать. (Аня, 3 г. 4 м.)

Потому что так нехорошо будет. (Аня, 3 г. 5 м.)

Часто такие конструкции используются в качестве ответа на вопрос (реально поставленный или гипотетический):

- *Лиза, почему ты на пол бросила рисунок?*

- *Потому что он страшно некрасивый!* (Лиза, 3 г. 3 м.)

Овладение ребёнком родным языком – трудный путь, изучая который, мы приближаемся к познанию закономерностей развития человеческого мышления.

Библиографический список

1. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961; Гвоздев А.Н. Развитие словарного запаса в первые годы жизни ребенка. Саратов, 1990.
2. Гвоздев А.Н. Значение изучения детской речи для языкознания // Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
3. Детская речь: проблемы и наблюдения. Л., 1989.
4. Иванова Г.В., Шахнарович А.М. Исследования фонетического компонента языковой особенности у детей- дошкольников // Речь: восприятие и семантика. М., 1988.

Е.А. Соколова

АНАЛИЗ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, ИМЕЮЩИХ ТРУДНОСТИ УСВОЕНИЯ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ И ПИСЬМА, И ИХ СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ

*Россия, г. Самара, ГОУ ДПО Самарский областной
институт повышения квалификации и переподготовки ра-
ботников образования*

Главная особенность развития речи у 6-7-летних детей – это ее сознательное усвоение. Огромную роль для младших школьников приобретает новый вид речи – письменная. И если уже в дошкольном возрасте одна из функций, имеющих прямое отношение к процессам письма и чтения, явно «запаздывает», то позднее с очень большой долей вероятности это проявится на начальных этапах овладения навыками чтения и письма в виде специфических ошибок.

Ошибки, в свою очередь, закрепившись в виде искаженного навыка, приводят к возникновению нарушений письменной речи (дисграфии, дислексии, дизорфографии). Применительно

к младшим школьникам точнее говорить не о расстройстве, а о трудностях овладения письменной речью. В процессе обучения в начальной школе в норме письменная речь ребенка должна становиться все более развитой и совершенной, достигая к 10 годам уровня универсального учебного действия, то есть свободно использоваться ребенком для самообучения и саморазвития.

По мнению психологов, письменная речь есть активный, целенаправленный процесс создания высказываний, осуществляемый с помощью языковых средств в ходе взаимодействия людей в различных ситуациях опосредованного, дистантного общения, при котором партнеры удалены друг от друга пространством или временем. Таким образом, письменная речь не только участвует в деятельности человека, но и сама представляет собой специфический вид человеческой деятельности. И, как всякий акт речевой коммуникации, она рождается из потребности, далее человек планирует свою деятельность, ставя ее конечную цель, и намечает средства и способы ее осуществления. Давно известен тот факт, что к началу обучения в начальной школе у учащихся почти нет потребности в письменной речи. Когда же формируется эта потребность, способность пользоваться письмом и чтением усваиваются легко.

Эффективное преодоление трудностей письма и чтения (дисграфии и дислексии), а также их профилактика требует понимания их механизмов. Традиционно при анализе рассматриваются такие механизмы, как трудности фонематического анализа, трудности овладения зрительным образцом буквы и пространственным расположением ее элементов. На качестве письменной деятельности могут отражаться дефекты устной речи ребенка, трудности языкового анализа и речевого внимания.

Сегодня перед специалистами, занимающимися проблемами усвоения письменной речи, ставится задача, в которую включается комплексный анализ не только структуры имеющегося у ребенка дефекта, но и понимания закономерностей формиро-

вания письменной речи в норме, учитывающего особенности воспитания, обучения, взаимодействия младшего школьника в семье и ближайшем окружении. Такой подход позволяет осуществить правильный выбор эффективных коррекционных мероприятий.

Потребность в письменной речи и ценностное отношение к ней младших школьников формируются в соответствии с возрастными изменениями в их эмоционально-волевой сфере. Начало обучения в общеобразовательной школе прежде всего связано с развитием мотивации и произвольности – то, что обычно называют личностной готовностью. Чтобы ребенок успешно учился, он должен стремиться к новой школьной жизни, к серьезным занятиям, то есть желать учиться. Если ребенок хочет не просто ходить в школу, а действительно желает учиться, то говорят о появлении учебной мотивации – «внутренней позиции школьника» – сплаве двух потребностей: познавательной, которую невозможно удовлетворить дома, и потребности в общении со взрослым на новом уровне. Внутренняя позиция школьника, как показали исследования Н.И. Гуткиной, проявляется при поступлении в школу у 41% шестилетних и у 52% семилетних детей. Около 50% младших школьников не имеют сформированной внутренней позиции школьника к началу обучения, что, несомненно, скажется на учебной деятельности в целом и письменной в частности. Широкие социальные мотивы, в том числе и необходимость «быть грамотным», «получить образование», остаются только «знаемыми», по выражению А.Н. Леонтьева.

Познавательные интересы – важное звено в системе учебной мотивации. Большинству младших школьников присущи интересы не слишком высокого уровня, а так называемые учебно-познавательные мотивы – самосовершенствования, зачастую слабо выражены даже среди отличников. В шесть-семь лет процесс формирования ценностных ориентаций происходит наиболее динамично и в сознании младших школь-

ников выделяется система ценностей, которым они следуют относительно самостоятельно. Система ценностей младших школьников претерпела значительные изменения за последнее десятилетие.

Исследования И.Ю. Кулагиной [1] показали, что в потребностной сфере младших школьников того времени преобладали потребности в определенных вещах (кукла, велосипед, компьютер). «Хочу быть богатым» звучало гораздо чаще, чем «хочу много знать». Ценности материальные у младших школьников в прошлом десятилетии оттесняли ценности духовные, в том числе ценность образования на второй план. Редко встречались альтруистичные потребности «чтобы на Земле был мир», «вечные» ценности – здоровье, ум, красота, а также глубокая потребность в общении со сверстниками, в дружбе, в понимании.

Исследования Г.Ф. Гаврилычевой [2], проведенные в 2008 году, показали несколько иные результаты. У большинства учащихся с первого по четвертый класс на первое место вышла «семья» (64%), на второе – «доброта». Помимо нравственных и общечеловеческих ценностей младшие школьники называли также образование (10%), ум (17%), учебу (16%), деньги и богатство (3%), успех в жизни (1,5%). А в семье современные дети ценят доброту, внимание друг к другу, помощь ребенку, ум, знания родителей, честность, трудолюбие, веселость. Скорее всего, такие существенные изменения в ценностных ориентациях младших школьников за последние 10 лет связаны с изменениями в ценностных ориентациях всего общества. Несмотря на то, что ценность образования занимает не первое место, однако её позиция значительно возросла, а материальные ценности значительно уступили ценностям духовно-нравственным и общечеловеческим. Каждое новое поколение не копирует опыт предшествующих поколений, а овладевает им как своим собственным, внося новое, как бы заново «изобретает» транслируемый ему опыт. Известно, что для младше-

го школьника родители и первый учитель являются наиболее значимыми представителями того ближайшего окружения, которое играет существенную роль в освоении ребенком нравственных норм и правил общества, в формировании его жизненных ориентиров и ценностей. Роль учителя, конечно же, тоже существенна, но она далеко не первостепенна. Это подтверждают и данные, которые приводит Г.Ф. Гаврилычева, на вопрос: «К кому ты обращаешься за помощью?» – младшие школьники давали следующие ответы: «к маме» – 82% детей, «к папе» – 41%, «к учителю» – 14% (последнее место).

Семья является ведущим социальным институтом, чье воздействие на психику человека является несомненным. Особенно важна поддержка семьи для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Становление учебной деятельности в большой степени зависит от типа семьи, в которой воспитывается ребенок. Наибольшие трудности испытывают в становлении учебной деятельности дети из неблагополучной и многодетной семьи, также наблюдаются учебные затруднения у детей из неполной семьи. Письменная речь формируется в процессе учебной деятельности, следовательно, роль семьи на начальных этапах усвоения чтения и письма несомненна.

Чтобы сформировать у ребенка ценность образования, семья сама должна стремиться к образованности, а чтобы у него появилась ценность письменной речи, эта ценность должна быть в семье.

В рамках экспериментальной работы на базе школы №135 г.о. Самара нами был проведен сопоставительный анализ видов деятельности, предпочитаемых детьми и их родителями. Группу детей составляли младшие школьники с трудностями усвоения письменной речи в количестве 15 учеников; в группе родителей было 14 матерей и один дедушка. Дети и родители должны были расположить по степени значимости для себя виды деятельности и ранжировать их от 1 до 10, где первым является самый важный, часто воспроизводимый и желанный

вид деятельности, а последним – самый малозначительный и редко воспроизводимый. В начале эксперимента мы предполагали, что семья имеет важнейшее значение для формирования ценностных ориентаций младших школьников, следовательно, предпочтения в выборе значимых видов деятельности у детей и родителей должны были бы примерно совпадать. Оказалось, что самыми важными для младших школьников являются такие виды деятельности, как: «играть», «гулять», «рисовать»; менее значимы – «конструировать», «есть», «слушать сказки», «рассказывать»; и нежелательные – «читать», «писать», «спать». Для родителей важным было – «читать», «играть», «рассказывать»; менее значимым – «рисовать», «гулять», «конструировать», «есть»; и нежелательным – «спать», «писать», «слушать». Полученные данные демонстрируют совпадения у детей и родителей в выборе «игры» как наиболее желаемого вида деятельности и «письма» как малозначительного и редко воспроизводимого по собственному желанию. Такой вид деятельности, как чтение, оказался у детей и родителей в противоположном ранге. Видимо, это можно объяснить тем, какое чтение демонстрируют родители детям, чаще всего это чтение журналов и развлекательной литературы, мало интересующей младших школьников. Родители выбрали слушание как самый нежелательный вид деятельности, возможно, поэтому большинство младших школьников потребность рассказывать оценили как малозначительную. Полученные данные показывают необходимость учета ценностного отношения к письменной речи у младших школьников, имеющих трудности усвоения навыков чтения и письма, и их социального окружения в процессе коррекции имеющихся нарушений.

Библиографический список

1. Кулагина И.Ю. Личность школьника от задержки психологического развития до одаренности. М.: ТЦ «Сфера», 1999.
2. Гаврилычева Г.Ф. Младший школьник и его ценности // Начальная школа. 2008. № 7.
3. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.

М.Е. Старостина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ В 5 КЛАССЕ

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия,
mestarostina72@gmail.com*

В настоящее время в современной сфере образования возникла насущная проблема осмысления, теоретической основы и методической разработки проблемы национальной и региональной культуры через возрождение традиций, духовных ценностей, освоение народной педагогической культуры. Развитию интереса к словесному фольклору родного края, расширению знаний о нем, повышению культурного уровня школьников способствует использование на уроках литературы краеведческих материалов.

В современных программах по литературе фольклорная сказка изучается в 5 классе, в большинство которых традиционно входит сказка «Царевна-лягушка». Изучение сюжета может строиться учителем с опорой на методические рекомендации авторов программ, а также исследования отечественных фольклористов В.Я. Проппа [2], В.П. Аникина [3], К.Е. Кореповой [4] и других.

Сопоставление общенационального и самарского варианта сказки «Марья-лягушка» расширит представления школьников о сказочной традиции родного края. Предлагаемая к рассмотрению сказка «Марья-лягушка» была записана в 1935 году от Анны Тимофеевны Исаевой, семидесяти семилетней уроженки села Большая Царевщина Красноярского района.

Опишем этапы изучения сказки «Царевна-лягушка» и ее самарского варианта «Марья-лягушка» в 5 классе. На *первом этапе* восприятие фольклорных произведений рассматривается в тесной связи с анализом текстов. Анализ сказок о царевне-лягушке может идти в русле выявления мотивов, которые проясняют многие события и поступки героев, позицию сказителя, выявление чудесного и бытовой стороны жизни. В обеих сказках древние мотивы тесно связаны с основными событиями или героями: мотив судьбы связан с поисками жен царскими (барскими) сыновьями (стрелы трех братьев падают в разные места, где находятся потенциальные невесты). Мотив обездоленного сына проявляется в эпизоде женитьбы Ивана на некрасивой лягушке, за которую царевич и барский сын не получают приданого. Нарочито снижен мотив сватовства: братья венчаются на достойных невестах, а «Ванюшка взял лопату, привязал веревочку, поехал к своей лягушке. Позвал ее. Лягушка вспрыгнула, превратилась в женщину. Шкуру скинула» [6: 35]. Иван-царевич в отличие от Иванушки видит Василису Премудрую во всей красоте только на пиру у царя. Зная о красоте и превосходстве Марьи-лягушки, Иванушка, как и царевич, печалится, переживая о своей несчастливой судьбе.

Мотив запрета сохраняется в обеих вариантах сказки: герой сжигает лягушачью кожу. Данный мотив потерял свое обрядово-магическое значение и «может быть понят лишь как один из художественных приемов, раскрывающий смысл повествования» [2:149].

Учащиеся определяют, что волшебное в сказке связано с образами Василисы Премудрой, Марьи: им подвластны чудесные превращения. Но замечается детьми и то, что они всегда приветливы,

ласковы, готовы прийти на помощь своему мужу добрым советом и делом, искусные хозяйки. С помощью учителя пятиклассники приходят к выводу, что сказитель показывает модель идеальной семьи.

Волшебное в сказках связано и с поисками исчезнувшей жены. Отправным пунктом поисков является сжигание Иваном лягушачьей шкуры. И с этого момента сюжет в сказках значительным образом отличается. Учащиеся выделяют чудесных помощников в обоих произведениях. Волшебные звери, старичок, Баба-Яга помогают Ивану-царевичу найти смерть Кощея Бессмертного и разрушить его чары, вновь обрести Василису Прекрасную. Баба-Яга и ее чудесные предметы (клубочек, серебряное блюдечко с красным яичком) помогают Иванушке совершить магические действия, чтобы найти Марью-лягушку.

В ходе сопоставления второй части сказок учащиеся отмечают, что в сказке «Царевна-лягушка» Кощей с его страшной силой только упоминается, сила его волшебства не показана, в то время как Иванушка и его жена сталкиваются с противниками из иного царства: отцом, матерью и сестрой Марью-лягушкой.

В процессе анализа сказок «Царевна-лягушка» и «Марья-лягушка» учителем проводится словарная работа. С помощью учащихся определяются перечень слов и выражений, нуждающихся в объяснении в процессе анализа произведения. Например, в сказках поясняются устаревшие слова: боярский двор, терем, железные поршни и др. Учащиеся находят в текстах народные выражения, диалектизмы и просторечия и объясняют их значение в текстах сказок.

На этапе анализа изучения сказок с включением краеведческого материала можно использовать игры, с помощью которых активизируется процесс обучения, расширяются творческие возможности учащихся. Перед непосредственным выполнением задания можно активизировать словарь детей, вспомнить тех животных, птиц и рыб, которых они видели и знают.

После анализа *на втором этапе* учащиеся получают задания по выразительному чтению сказок или отдельных эпизодов, готовят-

ся к выразительному сказыванию текстов «Царевна-лягушка» и «Марья-лягушка».

Третий этап представляет собой работу с иллюстрациями. Приведем примеры заданий.

Задание 1. «Загадка «серебряного блюдечка с красным яичком» в сказке «Марья-лягушка» (самарский вариант). В сказке «Марья-лягушка» (самарский вариант) есть эпизод, когда Иванушка получает от Бабы-Яги волшебный дар – серебряное блюдечко и красное яичко. Рассмотрите изоматериал к сказке «Серебряное блюдечко и наливное яблочко» (открытка №4) художницы О.К. Кондаковой [8]. Подумайте и ответьте на вопрос: что могло показывать серебряное блюдечко с красным яичком в самарской сказке «Марья-лягушка»? Устно опишите картины, которые вы представляете.

Задание 2. «В картинной галерее». Учащиеся читают фрагменты сказок «Царевна-лягушка» и «Марья-лягушка» о поиске стрелы Иваном-царевичем в болоте и пир у царя. Затем сравнивают иллюстрации к сказке И.Я. Билибина, В.М. Васнецова, И. Кузнецова и А. Куркина.

Задание 3. «В мире сказки». Организация работы учащихся по иллюстрированию сказок.

На *четвертом этапе* изучения народных сказок с использованием краеведческих материалов используем следующие виды работ по развитию речи учащихся: составление общего плана сказки «Марья-лягушка» для сжатого пересказа, составление плана-характеристики Василисы Прекрасной и Марьи-лягушки, коллективное составление памятки учащимися в классе для сочинения собственного варианта сказки.

Таким образом, использование краеведческих материалов в ходе изучения фольклорной сказки способствует развитию умений анализировать и сопоставлять явления национальной и региональной культуры, развитию представлений о словесном фольклоре родного края, а также более глубокому постижению традиций, идеалов и нравственных принципов русского народа, эстетической ценности русского языка.

Библиографический список

1. Пропп В.Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2005. 384 с.
2. Аникин В.П. Русская народная сказка: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
3. Корепова К.Е. Сюжет «Царевна-лягушка» в восточно-славянской сказочной традиции // Вопросы сюжета и композиции. Горький: Горьк. ун-т, 1980. С. 97-112.
4. Сидельников В.М. Устное творчество Куйбышевского края // Волжский фольклор / Сост.: В.М. Сидельников, В.Ю. Крупянская; предисл., общ. ред. Ю.М. Соколова. М.: Сов. писатель, 1937. С. 9-24.
5. Марья-лягушка // Волжский фольклор / Сост.: В.М. Сидельников, В.Ю. Крупянская; предисл., общ. ред. Ю.М. Соколова. М.: Сов. писатель, 1937. С. 35-38.
6. Качурин М.Г. Влияние анализа на восприятие художественных произведений учащимися IV класса // Восприятие учащимися литературного произведения и методика школьного анализа. М., 1974. С. 135-147.
7. Серебряное блюдечко и наливное яблочко (Изоматериал): Комплект открыток / Вступ. ст. Иваницкого С.М.; худож. Кондакова О. К. М.: Изобразительное искусство, 1988.

Н.В. Гильман

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ СРЕДСТВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Россия, Самарская область, г. Кинель, МОУ СОШ № 5,
образовательный центр «Лидер», lingva07@bk.ru*

Мультимедиа технологии обогащают процесс обучения, позволяя сделать обучение более эффективным, вовлекая в процесс восприятия учебной информации органы чувств обучаемого. В современной школе мультимедиа технологии – это одно

из перспективных направлений информатизации учебного процесса.

Однако при работе с мультимедийными технологиями (презентациями, специальными программами, видеофрагментами) нужно учитывать психофизиологические закономерности восприятия информации. Работа с визуальной учебной информацией, подаваемой с экрана, имеет свои особенности, в том числе повышает качество знаний учащихся на уроках русского языка.

Учитель в зависимости от темы, типа урока, поставленных целей может обратиться к возможностям интерактивной доски тогда, когда эффективность и целесообразность такой работы очевидны и дают результат. Интерактивное обучение позволяет осуществлять обратную связь с учащимися на уроке, а не через день-два. На данном этапе работы с интерактивной доской вступают в силу законы рефлексии. Благодаря наглядности ученик способен быстрее осознать свои ошибки, быстрее увидеть тот материал, освоение которого не произошло на должном уровне. Мультимедиа технологии помогают в развитии рефлексивной самостоятельности у школьников.

Широкие возможности открывает использование интерактивной доски при работе с текстом. Текст, который заранее был подготовлен учителем, спроецирован на доску, является основой для орфографического, пунктуационного, стилистического анализа. Выделение разными цветами примеров разных аспектов анализа текста позволяет осознать явления языка в системе, в своей сложной и динамичной закономерности. Кроме того, могут быть пропущены буквы, знаки препинания. Ученику необходимо применять ранее выученное теоретическое правило на практике, но большой экран позволяет организовать работу в группах, ускорить процесс повторения знаний полученных ранее, а значит, и более точно применить то или иное правило русского языка.

Развитию орфографической зоркости способствует возможность нестандартно представить текст: шрифт разного цвета,

разной величины, объёма – визуальная информация отложится в сознании ребенка быстрее нежели механическое заучивание того или иного слова. Неограниченные возможности представления словарного слова или орфограммы таит в себе интерактивная доска при использовании мнемотехники. Кроме того, ведь картинку, зашифровывающую то или иное слово, можно сделать подвижной, что усиливает интерес к слову у учащихся, особенно средней школы.

Незаменимой становится интерактивная доска на уроках развития речи. Можно представить богатый дидактический материал при определении стиля речи, сопоставления текстов разных стилей, изобразительно-выразительных средств того или иного текста. Особенно интересна для учеников работа по редакторской правке текста, по выбору нормативного и ненормативного слова из числа предложенных.

Эффективность урока в целом повышается и тогда, когда дидактический материал, предложенный учителем на интерактивной доске или с помощью других средств мультимедийного образования, дополняет материал учебника, поясняет его содержание. Перспективным является создание особого учебно-методического комплекса, в котором мультимедийные средства будут обогащать материал учебника. Уроки, построенные с применением интерактивной доски, позволяют также усилить эффективность подготовки учащихся к единому государственному экзамену по русскому языку.

Использование интерактивной доски, таким образом, позволяет осуществлять процесс обучения на качественно новом уровне, при котором реализуется такие важные принципы, как наглядность, доступность, систематичность, последовательность, сознательность.

**ПРЕПОДАВАНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
В КУРСЕ «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК»**

*Россия, г. Самара, ГОУ ДПО Самарский областной
институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования*

Откройте любую газету, послушайте радио, взгляните на экран телевизора, обратитесь к художественной литературе и деловым бумагам, наконец, вслушайтесь в нашу каждодневную речь и перед вами замелькают собственные имена – имена и фамилии людей, названия городов и рек, названия произведения искусства, пароходов и спутников, фирм, программ, объединений, движений и т.д. Их сотни, тысячи, а в масштабах национального языка их миллионы.

А теперь откройте учебники и учебные пособия по «Современному русскому литературному языку», «Введению в языкознание», «Общему языкознанию», «Теории языка», «Истории русского литературного языка», вы заметите лишь редкие и весьма случайные сведения по теории имен собственных (ономастике) и примеры, тоже малочисленные и однообразные, самих собственных имен. В названных лингвистических курсах имена собственные изучаются и освещаются неоправданно мало, имеющиеся в науке сведения по истории и современному функционированию собственных имен излагаются в них фрагментарно, нет целостного изучения этого богатейшего языкового материала.

Как известно, вузовские курсы отражают научные основы соответствующей науки или ее отдельной сферы. Если не знать научную литературу по русской ономастике в достаточном объеме, а знакомиться с этой научной отраслью лишь по имеющимся на сегодня вузовским пособиям, то можно подумать, что из боль-

шой науки о русских именах собственных только и известно, что они обозначают индивидуальные предметы или отдельных лиц, что они не изменяются по числам, а если и употребляются во множественном числе, то в специфических условиях, что собственные имена могут переходить в нарицательные, а нарицательные в собственные, а также еще кое-какие мелочи. На самом деле это, конечно, далеко не так.

Русская ономастическая наука за последние десятилетия накопила огромный и ценнейший материал – и теоретический и практический. Но весь этот ценный и богатый научный и языковой материал внедрен очень мало, остается почти невостребованным вузовскими преподавателями и вузовским преподаванием. Конечно, отдельные вузовские преподаватели – специалисты именно в этой области (а их не так много) проводят соответствующие спецкурсы и спецсеминары, но спецкурсы и спецсеминары охватывают лишь небольшую часть готовящихся специалистов даже в одном вузе, а во многих вузах ономастические спецкурсы и спецсеминары вообще не имеют места. Это значит, что большая часть студентов довольствуется в этом отношении лишь скудной информацией общих курсов, крохами сведений по ономастике, преподавание которых восходит к XVIII-XIX векам, и это содержание преподавания собственных имен мало с тех пор изменилось.

Анализ учебников и учебных пособий лингвистических дисциплин показывает большой разброс материала по собственным именам. Какое-то ядро этого содержания помещается в «Морфологию» – в маленький параграф, относящийся к имени существительному, остальные сведения обнаруживаются в параграфе об обращении, словообразовании существительных и в других разделах. С дидактической точки зрения такой разброс противопоказан, так как вместо того, чтобы у студентов сложилось целостное впечатление о русской ономастике, у них складывается противоположное представление о ней как о чем-то важном для описания других языковых явлений и понятий,

а не важной собой по себе. Подобно этому, наблюдаем разброс материала и по курсам, а не только по разделам одного курса. Конечно, каждый лингвистический курс может освещать одни и те же языковые явления под своим особым углом зрения, но в отношении собственных имен в разных курсах нередко общает одно и то же. Также обращает на себя внимание несогласованность места, которое определяет тот или иной курс для имен собственных в своей структуре. В частности, в учебниках курса «Введение в языкознание» материал по ономастике помещается в раздел «Лексикология», а в учебниках курса «Современный русский литературный язык» – главным образом, в раздел «Морфология». Конечно, это выглядит достаточно беспринципно, если иметь в виду межпредметные связи. Если вводный лингвистический курс представляет собственные имена как явления лексики (а это вполне естественно и неоспоримо, ономастика – это, конечно, лексика), то почему же в последующем курсе этот лексический состав не освещается в терминах и понятиях «Лексикологии», а освещается в «Морфологии», преимущественно с грамматической и словообразовательной стороны и практически нисколько с лексико-семантической? Конечно, и в центральном курсе – «Современный русский литературный язык» – собственные имена русского языка должны преимущественно, а может быть, и полностью освещаться в разделе «Лексикология», во всяком случае прежде всего в этом разделе, как лексические единицы сложные и своеобразные в лексико-семантическом отношении, с точки зрения своих системных отношений с другими лексическими единицами.

Также из анализа учебников видно, что некоторые аспекты собственных имен не затрагиваются вообще или практически не освещаются. Мы имеем в виду сочетаемость онимов русского языка с другими словами, историю их возникновения и развития, слабость стилистического освещения. Кроме того, изучение учебной литературы выявляет некоторые неточности и противоречия в характеристике собственных имен. Утверждается, на-

пример, отсутствие у собственных имен лексического значения, что собственные имена только называют предмет, но ничего не обозначают, т.е. собственные имена десемасиологизированы. Однако это далеко не бесспорное утверждение, и вряд ли оно верно, так как личное имя, как в словаре, так и применённое к конкретному лицу (человеку), имеет ряд семантических компонентов, из которых складывается его своеобразное лексическое значение (из семантических компонентов конкретного пола, одушевленности, принадлежности к человеческому обществу, часто и возраста, а также национальности и др.). Например, слово Иван, по крайней мере, обозначает человека мужского пола, т.е. имеет это значение. Кроме того, имя Иван имеет значение представителя восточнославянской нации, Сухроб – ираноязычной, а Хуан – представитель испанской или испаноязычной нации. Имена Толик, Ванятка (диал.) – это обозначение очень молодого возраста, а Петровна – это обозначение немолодого возраста. Известно также, что «ласкательные» имена в русском языке могут выражать: растроганность (Натусенька, Назареночек), нежность (Наталиша, Назаришка, Галинушка), неестественную ласковость, слащавость (Натуня, Галюня), фамильярную ласку (Наташка, Галка), ласку, окрашенную ироническими интонациями (Наташенция, Назаренция), грубоватую почтительность (Лидок, Лидака, Колян, Толян, Юран) и др. Можно выявить и другие смысловые и тем более стилистические компоненты в различных именах (ср., например, пресловутую разницу ИванОв и ИвАнов, а также между ОболЕнский, ТрубецкОй, ТолстОй и ВанЮшечкин, ВАнин и т.п.). Отметим также причину отбора народом имен собственных в пословицах и поговорах. Ф.И. Буслаев считал, что имена используются в пословицах для изобразительных средств, так как «живее и нагляднее употребить название лица вместо человека вообще». То, что Савва – «старец», «дед» (из арамейского), видно из пословиц: «Сделали славу, поколотили Савву» – здесь семантика особенно прозрачна: какое же в том достоинство – побить старика? «Схватился

Савва, как жена шила саван», т.е. только тогда и дошло до старика, что жизнь подошла к концу, когда «жена сшила саван». Что касается слов – географических названий, то они имеют очень ясное и конкретное семантическое содержание: ср., например, слово Волга, означающее «река, текущая по европейской части России, протяженностью в 3530 километров» и т.д.

Если взять пособия для практических занятий, то в них мы находим очень мало заданий, специально относящихся к собственным именам (подчас в каких-то пособиях таковых заданий и вообще нет). Собственные имена включаются в очень ограниченное число заданий (упражнений) вперемешку с нарицательными именами, и в результате их специфика теряется для студентов, а на первый план выдвигаются какие-то их качества, общие с качествами некоторых групп нарицательных слов. И в количественном и в качественном отношении задания по собственным именам должны быть усилены. Представляется, что русскую ономастику обстоятельно и разноаспектно следует преподавать в курсе «Современный русский литературный язык», оставив для курса «Стилистика русского языка» детализацию их стилистического функционирования и стилистической природы. В курсе «Современный русский литературный язык» следует устранить традиционный параграф «Морфологии» «Существительные собственные и нарицательные», но ввести в раздел «Лексикология» главу «Собственные имена». Разумеется, на преподавание собственных имен всегда отводилось какое-то учебное время. Его нужно увеличить как в отношении лекционных занятий, так и практических. Эти две формы занятий совершенно необходимы для изучения русской ономастики. Конечно, они могут быть поддержаны и лабораторными занятиями, спецкурсами и спецсеминарами, написанием курсовых и дипломных работ.

Все положительные моменты содержания лингвистических курсов должны войти в новое, более широкое, объемное, целостное и системное описание русских имен собственных – в микро-спецкурсе в рамках «Современного русского литературного язы-

ка». Такую структурную и содержательную основу, новую модель описания собственных имен лучше всего искать в том или ином научном издании по ономастике, придерживаясь тех традиций описания материала, которые сложились в этой науке.

А.М. Зубкова

**ИЗУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ
РЕЧЕВЫХ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО КУРСУ «КУЛЬТУРА РЕЧИ»
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия, факультет
коррекционной педагогики, zubkova_lm@mail.ru*

Духовно-нравственный кризис в обществе охватывает сегодня и школу как один из социальных институтов, затрагивает во многом те компоненты народной культуры, какой является культура общения: русская приветливость, вежливость, речевой этикет. К сожалению, мы можем констатировать сегодня тот факт, что на школьном уроке учитель при общении с учениками не всегда умеет установить доброжелательное и доверительное общение, создать атмосферу тепла и уважения. А ведь это даёт ребёнку то чувство социальной защищённости, которое, как утверждают психологи, необходимо для нормальной жизни в обществе.

Данное утверждение приобретает ещё большую актуальность, когда мы говорим о личности ребёнка, обучающегося в коррекционной школе, ребёнка с особыми образовательными потребностями. Для него должны быть созданы особые условия при общении на уроке, так как каждое неосторожно выбранное слово может ранить его неустойчивую психику или развить у ребёнка страх перед учением.

В условиях коррекционной школы первостепенной задачей учителя является создание здорового психологического климата на уроке, чего невозможно достичь без использования педагогом правил речевого этикета, правил вежливого и доброжелательного общения. Но соблюдение требований речевого этикета важно ещё и потому, что процесс обучения и контроль знаний несут в себе элемент стресса для учащихся коррекционной школы. Задача учителя состоит в том, чтобы добрым вежливым словом и уважительным отношением помочь детям почувствовать себя успешными в учёбе, а также смягчить возможные стрессовые учебные ситуации.

Всё вышесказанное говорит о том, что при подготовке учителей для коррекционной школы необходимо формировать у них одну из самых важных коммуникативных компетенций педагога-профессионала – умение владеть правилами речевого этикета.

В ситуации педагогического общения этикет очень важен, потому что именно он обеспечивает высокую учебную мотивацию на уроке, веру детей в свои силы. С нашей точки зрения, обучение студентов употреблению этикетных речевых формул в профессиональном речевом общении является важнейшей задачей курса «Культура речи учителя», входящего в программу обучения в педвузе.

В рамках курса «Культура речи» на очном и заочном отделениях факультета коррекционной педагогики мы разработали систему занятий по разделу «Речевой этикет учителя».

Основными задачами этих занятий являются следующие:

- 1) знакомство с культурологическими и риторическими основами речевого этикета;
- 2) знакомство с лингвистическими основами речевого этикета как областью коммуникативной лингвистики;
- 3) обучение приёмам моделирования этикетного диалога, выбору коммуникативно оправданных средств выражения этикетной ситуации.

Так как данные занятия имеют прежде всего практическую направленность, последняя задача является для нас важнейшей. В процессе её реализации мы учим студентов приёмам установления, поддержания и прерывания или завершения речевого контакта, обучаем использованию в речи устойчивых этикетных речевых формул разных тематических групп. Данные тематические группы связаны с различными коммуникативными намерениями говорящего: приветствие, благодарность, знакомство, извинение, прощание, согласие, несогласие, поздравление, отказ, сомнение и т.д.

Занятия по изучению речевого этикета также включают в себя и воспитательную задачу: формирование основ культуры речевого поведения студентов педвуза через воспитание у них чуткости, внимания, педагогического такта в общении с участниками профессионального коммуникативного процесса (детьми, родителями, коллегами).

Как мы уже указывали, основным направлением работы на занятиях по изучению речевого этикета в педвузе должно являться моделирование различных педагогически значимых ситуаций, позволяющих студентам увидеть области практического применения этикетных речевых формул в профессии учителя. Например, реализацию этикетных формул приветствия, согласия, несогласия и других мы рассматриваем со студентами в различных речевых ситуациях: учитель на уроке, встреча с родителями, беседа с коллегами и т.д.

В результате данной работы у студентов возникает понимание того, что выбор необходимой формулы зависит от того, кто, кому, в какой обстановке и при каких взаимных отношениях говорит что-либо, т.е. выбор той или иной формулы предопределён экстралингвистическими обстоятельствами.

Среди методических приёмов, используемых нами на занятиях по изучению речевого этикета, особое место занимают приёмы формирования коммуникативной компетенции. Это такие приёмы, как моделирование и инсценирование на занятиях речевых

ситуаций, ролевые игры, анализ инсценировок студентов с точки зрения адекватности речевого выражения реплик коммуникантов и с точки зрения соблюдения всех этических норм и правил речевого этикета.

Активное соучастие студентов в дидактическом речевом общении обеспечивает такая форма обучения, как учебный дискуссионный диалог, являющийся формой интерактивного обучения.

Приведённые приёмы формируют у студентов умение организовать свою речевую деятельность вербальными и невербальными средствами и в соответствии со способами, адекватными ситуации общения.

Более эффективными позволяет сделать занятия по изучению речевого этикета использование аудиовизуальных средств обучения. Мы выделили несколько типовых ситуаций их использования:

1. Аудиовизуальные средства обучения используются на этапе представления образцовой этикетной речи (аудиозаписи этикетных диалогов, видеоролики школьных уроков).

2. Аудио- и видеозаписи используются также на этапе формирования умений правильно подбирать речевые этикетные формулы для реплик этикетного диалога, соблюдать правильную тональность. Для этого записываются домашние диалоги студентов, которые прослушиваются и анализируются на занятиях. Очень важно, чтобы все студенты в группе произнесли свои диалоги перед камерой, т.к. это позволяет им увидеть себя со стороны и критически оценить.

3. Используются также видеофрагменты школьных уроков, художественных фильмов, изображающие определённую речевую ситуацию. Студенты выполняют задания, связанные с увиденной ситуацией. Обычно это ситуация-антиобразец или ситуация, требующая корректировки.

Таким образом, изучение студентами педвуза речевого этикета должно быть профессионально ориентированным, направленным на овладение различными приёмами построения этикетного диалога, на формирование умения коммуникативно

целесообразно использовать в различных ситуациях профессионального общения речевые этикетные формулы. А использование разнообразных форм работы по развитию этикетного речевого поведения студентов педвуза способствует достижению ими высшего уровня владения языком и воспитанию у них педагогической чуткости и такта, уважительного отношения к детям.

Г.Н. Тулузакова

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ-ФИЛОЛОГА

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия,
tuluz-pearl@rambler.ru*

Языковая картина мира определена культурой и ментальностью эпохи, местом человека в социальном пространстве, его самоидентификацией. Вместе с таким общепризнанным мнением существуют и несколько иные. Так, например, В.А. Звягинцев пишет: «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом деле «реальный мир» в значительной степени отражается на основе языковых норм данной группы. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают дан-

ную форму выражения» [2:135]. Таким образом, окружающий нас мир и языковая картина мира всегда соотносятся друг с другом и зависимы друг от друга. Следовательно, необходимо организовать языковую работу с учащимися таким образом, чтобы уроки русской словесности, соединяющие в себе лингвистический и литературоведческий анализ, стали базой для развития полноценной языковой личности. Всякое художественное произведение представляет собой обмен информацией между адресатом и адресантом, между читателем и автором. Данный вид коммуникации предполагает порождение, восприятие и интерпретацию информации об идеях, событиях и мыслях человека. Автор осмысливает и оценивает картину мира, события, чувства, действия по-своему, пропуская их через призму накопленного духовного опыта, сформированного на основе культурно-исторической ситуации общества в определенный период его развития. По мнению В.Н. Халиной, автор художественного произведения должен не только исследовать события и акты человеческой деятельности, но и суметь их объяснить, дать им оценку с точки зрения культурных норм. При этом события и явления могут представлять не только ценности, но и антиценности и неценности. Ценности обладают способностью удовлетворять потребности индивида, антиценности противоречат потребностям человека, неценности занимают нейтральное положение по отношению к целеустановкам и интересам субъекта. Читая художественное произведение, реципиент испытывает различные состояния. Он относит явления и события, их свойства, действия и поступки героев к какой-либо ценностной категории. Субъект сравнивает их между собой и распределяет по разным группам, разрядам и категориям на основе аксиологического параметра (лучше/хуже/равноценно, хорошо/плохо/безразлично).

В результате категоризации в менталитете человека создаются классы разнородных объектов, объединенных одинаковой оценочной характеристикой, на основе которой читатель кон-

струирует свой собственный мир. Содержание таких классов практически одинаково для всех индивидов, принадлежащих к одной социальной системе, так как индивидуальное оценивание в большей степени определяется оценочным стереотипом социума, данным субъекту в традициях, нравственном кодексе, в языковых правилах, этикете поведения [3]. Таким образом, влияя на сознание читателя посредством чувственного восприятия, автор способствует моделированию его картины мира. Научиться распознавать, какими языковыми средствами пользуется автор для достижения выбранных целей, - важная задача филологического образования. В настоящее время коммуникативная культура рассматривается лингвистами как понятие многозначное. Применительно к задачам обучения русскому языку в школе следует говорить о воспитании языковой личности, владеющей нормами русского литературного языка (нормативный аспект); обладающей даром слова, то есть способной правильно воспринимать устную и письменную речь, свободно пользоваться словом для выражения своих мыслей и чувств в устной и письменной форме (коммуникативный аспект); соблюдающей этические нормы общения. Учитель остается коммуникативным лидером в любой форме общения со школьниками. Восприятие речи учителя формирует у обучаемого «чувство языка». Чтобы будущий учитель стал действительным лидером в общении с учениками, он сам должен обладать языковым чутьем, чувством стиля.

Характеризуя современное состояние русского языка, В.Д. Виноградов отмечает определенные кризисные явления, связанные не с его системой, а с функциональной стороной, со слабыми способностями носителя языка пользоваться его огромным богатством. Снизился уровень речевых способностей отдельного человека и всего общества в целом. Как и что противопоставить этой ситуации, что предложить молодому поколению для поднятия культуры общения на родном языке? [1] Ориентация на запоминание и воспроизведение материала не способствует

развитию нестандартного мышления и не помогает молодежи подготовиться к решению творческих задач в настоящем и будущем. Развитие личности зависит не только от объема знаний, но и от методов их усвоения. Обучение студента – проекция его будущей работы. Чем больше разнообразных форм и приемов обучения будет использоваться в вузовском преподавании, тем вероятнее тот факт, что будущий специалист воспользуется ими в своей профессиональной деятельности. Сегодня остается все меньше учебных заведений, где освоение материала проходит в пассивной форме. Совершенствование подготовки будущего учителя тесно связано с необходимостью научить его пользоваться языковыми средствами в различных коммуникативных ситуациях, в непосредственной профессиональной деятельности, сформировать навыки правильной, чистой, выразительной речи, научить анализировать свою речь и речь учащихся. Для студентов средних и старших курсов филологического факультета разработан курс по выбору «Стилистика в школе». В данной статье мы не будем останавливаться на целях, задачах, рабочей программе курса, а кратко охарактеризуем формы организации учебных занятий. Формы организации деятельности студентов определялись в рамках коммуникативно-деятельностного и личностно ориентированного подходов. Кроме того, важно показать студентам, как можно реализовать один из современных методов – метод проекта. Студенческая аудитория (обычно 20 человек) в самом начале работы курса по выбору (КПВ) делилась на творческие мини-группы по 5 человек. Каждая группа должна выбрать форму работы в рамках КПВ и разработать свой проект. Вводные занятия, обычно проводимые преподавателем в лекционной форме, служили толчком, определением направления в работе мини-групп. Формулировались цели, задачи работы, происходило знакомство с учеными, методистами, занимавшимися и занимающимися разработкой вопросов изучения стилистики в школе: А.М. Пешковский (грамматика и стилистика, анализ текста), Л.В. Щерба (стилистика, экс-

перимент), В.А. Малаховский (стилистика и культура речи), Л.М. Кузнецова (грамматико-стилистика в средней школе), Т.И. Чижова (основы обучения стилистике в современной школе). Творческие мини-группы работали над 1) созданием элективного курса для старшеклассников; 2) подготовкой олимпиады или тестовых заданий по стилистике для текущей или контрольной проверки знаний; 3) разработкой лингвистического путешествия в страну Стилистика или написанием и постановкой лингвистической сказки «Красавица Стилистика»; 4) разработкой деловой игры «Речевой этикет – кодекс поведения».

Каждая из групп, создавая свой проект, обладает определенной степенью самостоятельности, но при этом студенты в целом работают в одном направлении, приобретают опыт работы в команде, выполняют определенный набор обязательных учебных поручений: подбор литературы, ее анализ, синтез отобранного, комбинирование, представление результата работы в устной форме и с использованием ИКТ. Какова же в общих чертах работа каждой творческой группы? Первая группа, работающая над созданием элективного курса, прежде всего, определяется с его тематикой. Это может быть «Стилистика деловой речи», «Культура деловой коммуникации» и др. Исходным в построении курса является ответ на вопрос: как использовать стилистические средства деловой речи в различных условиях профессионального общения в соответствии с целями и содержанием речи. Группа совместно формулирует цели, задачи элективного курса, выделяет модули (блоки), определяет и выстраивает кластеры, выбирает формы отчетности. Каждый из членов группы разрабатывает содержание своего модуля. Затем всё сделанное соединяется и должно предстать как методически обоснованный курс для старшеклассников. Вторая группа готовит тестовые задания. При их подборе студентам следует учитывать, что задания должны быть разных типов. Например, задания первого типа – «Найди 3-е лишнее» (по стилистической особен-

ности): а) *встревожиться, заволноваться, переполошиться*; б) *выбрать, подобрать, приглядеть*. Последние глаголы в группах лишние, так как имеют помету *разг.* Задания второго типа – подбор стилистического синонима или выбор стилистической пометы к каждому из синонимов. Например: а) *шествовать* (высок.) – ... (нейтр.), *башка* (прост.) – ... (нейтр.); б) *приласкать* – *приветить, преувеличивать* – *раздуть*. К заданиям этого типа можно отнести и такое: определить стилевую принадлежность выделенных слов. *Газеты собирает она со всех сторон. Все сведает, узнает: кто умер, кто влюблен* (А. Пушкин). *Тихо по двору похаживал да постукивал топориком. Избу ветхую облаживал, огород обнес забориком* (А. Некрасов). *А старик захворал прошлый раз, так Ващенко за него четверо суток отбарабанил, даже домой не съездил за все время* (М. Горький). Задания третьего типа – поиск стилистической ошибки и ее исправление: *Есть возможность составить догадку о нашем местоположении. Эти таблетки не способствовали искоренению недуга* и под. Задания четвертого типа – определение стиля текста и выявление характерных черт этого стиля. Работа с разными источниками (словарями синонимов, толковыми словарями разных авторов, произведениями художественной литературы, текстами деловых документов и др.) формирует не только лингвистическую, языковую компетенции будущего учителя, но и его методические умения. Студенты, планирующие деловую игру «Речевой этикет – кодекс поведения» (или др.), должны учитывать, что цель их работы – культура владения языком в различных сферах общения. Язык выполняет разные коммуникативные задачи, обслуживает разные сферы общения, каждая из которых предъявляет к нему свои требования, поэтому воспитание речевой культуры личности немислимо без учета цели, сферы и ситуации общения. Этому надо учить. Прежде всего студенты сами должны понимать, как с помощью разнообразных лексических и грамматических средств в языке выражаются наши мысли и чувства, как нужно пользоваться этими средствами, чтобы быть понятым

окружающими, и как правильно понять смысл обращенной к тебе речи (устной и письменной), включая подтекст (с какой целью человек говорит и что именно он хотел сказать). Важен также этический аспект речи, связанный с этическими формами речевого общения: в каких ситуациях как уместно попросить, приказать, поздороваться, установить контакт, отказаться и под. Студентами этой группы определяются языковые особенности коммуникантов в разных ситуациях. Например, определяются этикетные формулы: а) служебного этикета, б) дипломатического этикета, в) светского этикета, г) воинского этикета, д) дружеского этикета, е) сетикета (этикет электронной почты, или правила написания электронного письма) и под. Фиксируются этикетные формулы на каждый случай: приветствие, прощание, благодарность, извинение, приглашение, просьба и др., то есть создается словник этикетных формул на каждый случай жизни. Таким образом, определяются этикетные обороты для различных коммуникативно-стилистических ситуаций. По мере подготовки каждая из 4 творческих групп представляет получившееся на обсуждение в аудитории. Планируя работу курса по выбору «Стилистика в школе» подобным образом, мы надеемся, что деятельностный подход, лежащий в основе организации курса, будет способствовать профессиональному росту будущего учителя русского языка. Преподаватель, желающий работать над развитием студента, должен не «натаскивать» и «начинять» его знаниями, а давать обучаемому самому больше высказываться, делать выводы, определяя главные ценности в языке и речи. Задача же преподавателя – больше руководить и направлять. Развивать чувство стиля, создавать ситуации, близкие к естественным, ненавязчиво, без теоретизирования – этому принципу рекомендуют следовать авторы современных учебников по методике преподавания русского языка в школе.

Библиографический список

1. Виноградов В.Д. Курс «Основы культуры речи» в профессиональной подготовке учителя // Слово русское в обучении и воспитании в аспекте духовного развития языковой личности. Самара: Изд-во СГПУ, 2009.
2. Звягинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
3. Халина Н.В. Общие вопросы герменевтики // Герменевтический анализ: Филологические аспекты понимания: Учебное пособие. / Под общ. ред. Н.В. Халиной. Барнаул, 1998.
4. Электронное научное издание «Аналитика культурологии». <http://www.analiculturolog.ru/index.php>

НАЦИОНАЛЬНОЕ И МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

Т.С. Карпачева

СВТ. ТИХОН ЗАДОНСКИЙ И ЕГО ДУХОВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ТВОРЧЕСТВО Н.В. ГОГОЛЯ И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Россия, Москва, ГОУ ВПО Московский городской педагогический университет, tatiana-karpacheva@rambler.ru

По известному определению Н.В. Гоголя, цель искусства – стать «незримой ступенью к христианству», потому что зачастую «свет не в силах прямо встретиться со Христом» [3: 87]. К такому убеждению Гоголь приходит в своем позднем творчестве во многом благодаря чтению святоотеческой литературы. И здесь немаловажную роль сыграло чтение свт. Тихона Задонского, русского святого XVIII в., одного из любимых духовных писателей Гоголя. На огромную значимость святоотеческой литературы первых веков христианства и русской богословской мысли для творчества Гоголя указывает В.А. Воропаев: «Гоголь был едва ли не единственным русским светским писателем, творческую мысль которого могли питать святоотеческие творения» [2: 170].

Духовное наследие свт. Тихона Задонского (1724-1783), епископа Воронежского и Елецкого, сыграло огромную роль в истории русской богословской мысли. Прот. Г. Флоровский называет труды святителя «апостольским откликом на безумия вольнодумного века» [14: 124]. Сам облик епископа, вышедшего из бедной крестьянской семьи, был очень близок простому народу. К нему часто обращались за помощью, засвидетельствовано огромное количество чудесных исцелений у мощей святы

теля. Особой популярностью у народа пользовались краткие проповеди и небольшие по объему сочинения свт. Тихона, распространявшиеся в списках, а впоследствии издававшиеся отдельными брошюрами и листами. Так, наиболее известное сочинение святителя «Христос грешную душу к себе призывает», жанр которого по его эмоциональной насыщенности и художественной выразительности можно было бы вполне определить как стихотворение в прозе, разошлось в сотнях тысяч экземпляров, и в крестьянских избах его вешали оправленным в раму рядом с иконами [10: 686]. Образованный же читатель XIX в., которому предназначались более подробные богословские труды святителя в большинстве своем к тому времени утратил интерес к духовной литературе. Обращаясь к такому либерально ориентированному читателю, воспитанному на идеях Вольтера и Руссо, Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» за февраль 1876 г. пишет: «А кстати: многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать? Некогда, что ли? Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи». Известно, что образ свт. Тихона Задонского явился прототипом святых и праведников Ф.М. Достоевского: епископа Тихона в пропущенной главе «Бесов»; наряду с прп. Амвросием Оптинским старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»; огромное влияние сочинений свт. Тихона прослеживается и в поучениях Макара Ивановича Долгорукого в «Подростке».

В письме А.Н. Майкову по поводу замысла «Жития великого грешника» Достоевский пишет: «Для других пусть это гроша не стоит, но для меня сокровище. <...> Авось выведу величавую, *положительную*, святую фигуру. Это уж не Костанжогло-с и не немец (забыл фамилию) в «Обломове», и не Лопухины, не Рахметовы. Правда, я ничего не создам, я только выставляю действительного Тихона, которого я принял в свое сердце давно с восторгом. Но я сочту, если удастся, и это для себя уже важным подвигом» (29, 1: 118). Для писателя, как мы видим, очень важен образ свт.

Тихона. Он противопоставляет его имевшимся дотопе в литературе неудавшимся положительным героям. Костанжогло, преданный его создателем огню, Штольц, коего Достоевский даже «забыл фамилию», настолько он схематичен и проигрывает по сравнению со своим известным другом, «новые люди» Лопухины и Рахметов – все они со своей задачей «не справляются» и до идеала, нужного русскому читателю, явно не дотягивают. Положительный герой остался в агиографическом жанре древнерусской литературы, и Достоевский берет на себя задачу возратить читателю его «сокровище» (29, 1, 118). Идеалом для русского человека по-прежнему остается святость, и, возвращая читателю образ святого, Достоевский обращает его лицом к Первообразу – ко Христу. И в этом величайший подвиг писателя.

Представляется вероятным выделить ряд идейных и художественных особенностей в творчестве Гоголя и Достоевского, которые, вероятно, могли иметь источником сочинения свт. Тихона Задонского. Это:

- 1) представление об аде как муках совести;
- 2) надежда на спасение любого грешника, воскресение любой «мертвой души»;
- 3) осмысление христианского пути как радостного и светлого, служения Богу как радости;
- 4) сходство изображения Праздника Пасхи в композиции поздних произведений.

Итак: 1. В книге «Об истинном христианстве» свт. Тихон Задонский пишет: «...в непокаявшемся грешнике пробудится и восстанет *совесть* (курсив мой – Т. К.), таким его бесстрашием и бесстыдством раздраженная, и чрез всю вечность будет его обличать и мучить за то, что так бесстрашно и бесстыдно против Бога и святого Его закона поступал». Подобная мысль встречается у свт. Тихона не единожды. Здесь нельзя не вспомнить мотив проснувшейся за гробом совести в «Развязке «Ревизора» Н.В. Гоголя, а также поучение старца Зосимы о том, что ад есть «страдание о том, что нельзя уже более любить», мука духовная, которую

«отнять... невозможно», «ибо мучение сие не внешнее, а внутри их» (14, 292-293).

2. Показательно, что разные авторы-составители жития свт. Тихона, как его, так и наши современники, указывают на одну существенную особенность его христианского мировоззрения. Это – желание *всеобщего спасения*. «По великой любви ко всем людям, свт. Тихон всем желал спасения, и раскольникам, и неверующим, и туркам, и евреям, – читаем в «Кратких жизнеописаниях русских святых», составленных в конце XIX в. – «Пусть весь мир получит вечное блаженство» [7: 67], – эту мысль составитель «жизнеописаний» считал одной из самых важных в учении свт. Тихона. В своем «Келейном молении» несколько молитвенных обращений к Богу из псалмов святитель озаглавил как «Молитвы об общем спасении». Тема Божьего милосердия и прощения любого кающегося грешника вне зависимости от тяжести греха проходит через все творчество свт. Тихона. На эту идею не мог не обратить внимания Достоевский, и его святые и праведники являются ее провозвестниками. Не раз эта идея осмысливалась и в достоевистике [6: 226-282; 8: 305-319]. В этой связи нелишним будет вспомнить замысел Гоголя воскресить в «Мертвых душах» двух главных «мертвецов»: Чичикова и Плюшкина – именно их провести через 2-й том (чистилище) и привести в 3-й (рай). Александр Матвеевич Бухарев (в монашестве архимандрит Федор), большой почитатель творчества Гоголя, автор книги «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году», вспоминает о таком разговоре с Гоголем: «...мне нужно только знать, оживет ли, как следует, Павел Иванович? Гоголь как будто с радостью подтвердил, что это непременно будет и оживлению его послужит прямым участием сам царь, и первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма <...> А прочие спутники Чичикова в «Мертвых душах»? – спросил я Гоголя, – и они тоже воскреснут? – «Если захотят», – отвечал он с улыбкою» [13: 138]. Мотив надежды на возрождение, воскресение павшего человека прослеживается и

во втором томе поэмы: «Я верю, что Он милостив ко мне, как я ни мерзок, ни гадок...» [4: 364], – говорит промотавший свое состояние, вконец разорившийся помещик Хлобуев, у которого в доме нет крошки хлеба, зато есть шампанское. В итоге весь свой главный труд – поэму «Мертвые души» – в письме Жуковскому Гоголь называет «гимном Красоте Небесной» [1: 195].

3. Надежда и упование на всеобщее спасение в творчестве и мировоззрении свт. Тихона связаны с тем, что для него характерно радостное, *пасхальное* восприятие Бога и мира. Тема любви, милости Божией, радости сопричастия Божьего в человеческой жизни – сквозные темы его произведений. «Святое Евангелие – это радостная весть, – пишет Тихон Задонский, – и вера – это сердечное приятие Евангелия, поэтому принимающим его непременно следует духовная радость в сердцах» (IV, 31). Такая радостная проповедь не могла не привлечь внимания Достоевского. О радостном приятии мира говорят и его «положительно-прекрасные» герои: старец Зосима, Макарий Иванович Долгорукий. Эту особенность заметил и митр. Антоний (Храповицкий), неоднократно обращавшийся к творчеству Достоевского: «Возвратившийся к вере Степан Трофимович говорит, умирая, что жизнь есть бесконечная радость. Такого же духа исполнены предсмертные речи старца Зосимы и старичка Макара Долгорукого» [16: 103]. Если сопоставлять такое пасхальное мироощущение с мироощущением Гоголя, то Гоголь тут нуждается в некоторой апологии. В литературоведении, можно сказать, утвердилось мнение, что религиозность Гоголя выросла из страха. Об этом говорит К. Мочульский в известной книге «Духовный путь Гоголя» [11: 145], преобладание страха в религиозном восприятии мира Гоголем также отметит К. Степанян [12: 61-65]. Однако за два месяца до смерти Гоголь пишет своей сестре Ольге: «Нам следует ежеминутно благодарить Бога, благодарить Его радостно, весело. <...> Вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной песнью благодарения Богу» [11: 146]. Нельзя не обратить также внимания на то, что монах-

художник, герой поздней, окончательной редакции «Портрета», поражает своего сына «светлостью небесного веселия», и «следов измождения не было заметно на его лице» [5: 125]. Тогда как в первой редакции этой повести лицо монаха «бледное, изнуренное», и, когда он заговаривает с сыном, то разговор его касается «ужасного могущества беса» и приближения времени антихриста. То, что автор изменил облик святого и убрал мотив страха из его разговора с сыном, говорит, на наш взгляд, в первую очередь, об эволюции христианских взглядов автора. Если вернуться опять к Тихону Задонскому, то мы увидим одну очень важную переключку с творчеством Гоголя. Как отмечает исследователь духовного наследия Тихона Задонского свящ. Павел Хондзинский, «эсхатология святителя Тихона прежде всего поражает своими светлыми, пасхальными тонами. Упоминанию о пришествии антихриста здесь просто не находится места» [15: 37]. Как мы видим, не нашлось места данному персонажу и в позднем, радостном, пасхальном творчестве Гоголя.

4. Если свт. Тихон Задонский обращается к теме смерти и последнего часа человеческой истории, то он делает акцент не на страхе перед пришествием антихриста, а на *радости встречи со Христом и Воскресения*. Вот названия некоторых заключительных глав книги «Об истинном христианстве»: «Песнь христианская», «Радость христианская», «О свободе христианской», «О победе христианской» и т. д. Очень важно заметить, что именно пасхальной радостью заканчиваются поздние, итоговые, произведения и Гоголя («Выбранные места...», глава «Светлое Воскресение»), и Достоевского («Братья Карамазовы», речь Алеши у камня).

Есть замечательная статья В.А. Кошелева «Евангельский «календарь» пушкинского «Онегина», где автор убедительно доказывает, что события 8-й главы «Онегина» заканчиваются на Страстной неделе, накануне Воскресения [9: 149-150]. Нельзя не заметить *устремленности* стольких шедевров русской классики к Пасхе, Празднику Праздников, ключевому моменту,

с христианской точки зрения, всемирной истории. Это говорит о том, что земного мира, «нынешнего века» для русской литературы мало, для нее характерно желание прорыва, направленность к Небесному Царству, к будущему веку.

Библиографический список

1. Воропаев В.А. Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. М., 2008.
2. Воропаев В.А. Малоизвестная часть творческого наследия Н.В. Гоголя: выписки из творений свв. Отцов и богослужебных книг // Время и текст. Историко-литературный сборник. СПб., 2002.
3. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Духовная проза. М., 2007.
4. Гоголь Н.В. Мертвые души. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1953. Т. 5.
5. Гоголь Н.В. Портрет. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1952. Т. 3.
6. Гачева А.Г. Проблема всеобщности спасения в романе «Братья Карамазовы» (в контексте эсхатологических идей Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева) // Роман «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения. М., 2007.
7. Архимандрит Игнатий. Краткое жизнеописание русских святых. Кн. II. XVIII в. СПб., 1875.
8. Касаткина Т.А. «Братья Карамазовы»: опыт микроанализа текста. Басня о луковке и проблема апокатастасиса в романе «Братья Карамазовы» // Роман «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения. М., 2007.
9. Кошелев В.А. Евангельский «календарь» пушкинского «Онегина» // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX вв. Петрозаводск, 1994. Вып. 1.
10. Литвинов В.В. Библиографический указатель литературы о свт. Тихоне Задонском и обзор изданий его

творений // Свт. Тихон Задонский. Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2004.

11. Мочульский К. Духовный путь Гоголя. // Н.В. Гоголь и Православие. М., 2004.

12. Степанян К.А. Гоголь и Достоевский: диалоги на границе художественности // «Сознать и сказать» «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского М., 2005.

13. Архимандрит Феодор (Бухарев) Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1860.

14. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937.

15. Хондзинский П., свящ. Истинное христианство в житии и трудах святителя Тихона, епископа Задонского // свт. Тихон Задонский. Избранные труды, письма, материалы. М., 2004.

16. Митр. Антоний (Храповицкий). Словарь к творениям Достоевского. М., 1998.

О.Н. Бурдонова

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО Н.В. ГОГОЛЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В.В. НАБОКОВА

Россия, г. Тольятти, Православная классическая гимназия

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголь высказывает надежду, что в будущем русская поэзия «... вызовет нам нашу Россию – нашу русскую Россию <...> – ту, которую извлечет она из нас же и покажет таким образом, что все до единого <...> скажут в один голос: «Это наша Россия; нам в ней уютно и тепло, и мы теперь действительно у себя дома, под своей родной крышей, а не на чужбине».

Глубокие суждения Гоголя о *существовании и особенностях* русской поэзии непосредственно *предшествуют* завершающей

пасхальной главе «Выбранных мест...»: автор тем самым задает вполне определенное направление читательской рецепции – тем, кому действительно небезразличны «метафизические» вопросы о «существо» и «особенности» нашей литературы. Духовное единение, которым завершается глава о русской поэзии, и единение, которым заканчивается глава о Воскресении, являются важнейшим свидетельством глубинного родства *русской словесности* – в ее идеальном воплощении, как его понимал Гоголь, – и *пасхальной радости*, что и позволяет нам говорить о пасхальности русской словесности.

Описание недолжного состояния мира, которое мы не стали цитировать, заканчивается напоминанием об *апостасийном отступничестве*, когда тщетно «готова сброситься с Небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней». Поскольку человек сам своею волею отказывается от спасения, образы безблагодатной тоски и исполинской скуки приводят к духовной смерти: «Всё глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в Твоем мире!» Значимость Пасхи такова, что в данном гоголевском тексте этот самовольный отказ «один этот день вырвать из ряду других дней» равнозначен отказу от спасения.

В сообщении мы пытаемся доказать, что потусторонний зеркальный мир, который В.В. Набоков называет подлинным царством Гоголя, оценивается им, кроме собственно эстетических критериев, с позиций критериев религиозных. При этом Набоков отрицательно относится к теургическим онтологическим интенциям творчества Гоголя, к его стремлению вызвать своим творчеством истинную Россию. Набоков, как нам представляется, чужд идеи пасхальности русской словесности, идеи ее идеального воплощения, идеи истинной России и истинной русской словесности, которая этой идеи служит. Набокову ближе гоголевские описания апостасийного отступничества, этот зеркальный мир он считает истинным царством гениального Гоголя.

В 1927 году Владимир Набоков, в ту пору молодой писатель, сделал в литературном кружке русских эмигрантов в Берлине доклад о Гоголе, посвященный «Мертвым душам». Основные его положения вошли в книгу Набокова «Николай Гоголь» (1944).

В 40-е и 50-е годы Набоков читал лекции американским студентам, в том числе о «Шинели» и «Мертвых душах», которые также вошли затем в его книгу о Гоголе на английском языке (Nabokov V. Nikolai Gogol (Norfolk, Conn.; 1944); перевод на русский язык в журнале «Новый мир» (1987. № 4) и в кн.: Набоков В. Лекции по русской литературе. М., 1996). Книга неоднократно переиздавалась в России и даже помещена в качестве приложения к Собранию сочинений Гоголя в восьми томах (М., 2001. Т. 8). Исследование свидетельствует, что автор по-прежнему любит основные произведения Гоголя («Ревизор», «Мертвые души» – первый том, и «Шинель»), но почти все остальное считает неудачным.

Сам Гоголь, – его жизнь и мировоззрение – Набокову глубоко чужды. В книге сквозит настойчивое снижение образа великого писателя, порою осмеяние его, даже отношение к нему с чувством некоего превосходства. При этом автор весьма вольно обращается с фактами. Гоголя убило, пишет он, «крайнее физическое истощение в результате голодовки (которую он объявил в припадке черной меланхолии, желая побороть дьявола») [1:31].

Набоков видит в «Ревизоре» многоплановое и даже иррациональное произведение, в чем равен ему лишь Шекспир. Но когда Гоголь начал писать объяснения к «Ревизору», то «он просто хотел натянуть нос читателю или себе самому» [1:70]. Если же отнестись к этим объяснениям всерьез, то, как считает Набоков, «перед нами невероятный случай: полнейшее непонимание писателем своего собственного произведения». «Гоголь был странным, больным человеком, – подытоживает автор книги, – и я не уверен, что его пояснения к

«Ревизору» не обман, к какому прибегают сумасшедшие». Обман также и в следующем: «По какой-то причине (возможно, от ненормальной боязни всякой ответственности) Гоголь старался всех убедить, будто до 1837 года, то есть до смерти Пушкина, все, что он написал, было сделано под влиянием поэта и по его подсказке... Сведения, столь охотно сообщаемые Гоголем, вряд ли заслуживают доверия» [1:71-72]. Верил ли Гоголь в Бога? Набоков отвечает на это так: «Пошлость, которую олицетворяет Чичиков, – одно из главных отличительных свойств дьявола, в чье существование, надо добавить, Гоголь верил куда больше, чем в существование Бога» [1:80]. Наконец, когда речь заходит о «проповедническом периоде» биографии писателя, Набоков замечает, что Гоголь «стал проповедником потому, что ему нужна была кафедра, с которой он мог бы объяснить нравственную подоплеку своего сочинения, и потому, что прямая связь с читателями казалась ему естественным проявлением его магнетической мощи. Религия снабдила его тональностью и методом. Сомнительно, чтобы она одарила его чем-нибудь еще» [1:107]. Набоков считает, что Гоголь исписался, потерял дар свой. «Единственная его трагедия была в том, что творческие силы неуклонно и безнадежно у него иссякали» [1:108]. «Он был в самом худом положении, в какое может попасть писатель, утратив способность измышлять факты и веря, что они могут существовать сами по себе» [1:109]. Он требовал от всех знакомых подробных описаний разных случаев из их жизни. «Его биографов удивляло раздражение, – пишет Набоков, – которое он выказывал, не получая того, что ему нужно. Их удивляло то странное обстоятельство, что гениальный писатель не понимает, почему другие не умеют писать так же хорошо, как он. На самом-то деле Гоголь злился оттого, что хитроумный способ получения материала, которого он сам уже не мог придумать, себя не оправдал. Растущее сознание своего бессилия превраща-

лось в болезнь, которую он скрывал от других и от самого себя» [1:110]. Письма Гоголя тоже становятся странными. «Язык этих посланий Гоголя, – замечает Набоков, – почти пародия по своей ханжеской интонации... Благочестивые деяния, которые он замышлял для своих друзей, излагаются попутно с более или менее нудными поучениями... Откиньте все свои дела и займитесь моими – вот лейтмотив его писем» [1:113]. «Выбранные места из переписки с друзьями» вызывают у Набокова большое раздражение, что выражается и в стиле соответствующих страниц книги. «Основное содержание «Выбранных мест», – пишет он, – состоит из назиданий Гоголя русским помещикам, провинциальным чиновникам и вообще христианам. Поместные дворяне рассматриваются как посредники Божьи, которые трудятся в поте лица, имеют свой пай в райских куцах и получают более или менее значительный доход в земной валюте» [1:114]. Набоков – союзник Белинского против Гоголя. Он пишет: «Знаменитое письмо Белинского, вскрывающее суть «Выбранных мест» («эту надутую и неопрятную шумиху слов и фраз»), – благородный документ. В нем есть и горячие нападки на царизм» [1:116].

Вот некоторые высказывания Набокова о Гоголе, которые подтверждают тезис о том, что в интерпретации Набокова Гоголь больше верил в дьявола, чем в Бога.

«Призыв к провидению или, вернее, странная склонность (разделяемая его матерью) объяснять Божьим промыслом любой свой каприз или случайное событие, в которых лишь он (или она) ощущает дух святости, также очень характерны и показывают, какой насыщенной творческой фантазией (а потому метафизически ограниченной) была религиозность Гоголя и как мало он замечал столь страшившего его дьявола, когда тот подталкивал его руку со строчившим без усталости пером» [1:37].

«В мягком, набожном, медоточивом Жуковском ему встретился тот духовный темперамент, который можно

счесть пародией на его собственный, если оставить в стороне яростную, почти средневековую страсть, какую Гоголь вкладывал в свою метафизику» [1:42].

Гоголя огорчило то, что его не признали пророком, учителем, и, пытаясь объяснить в печати те места своей пьесы, которые критики неправильно истолковали, он предлагал публике поверить, что ее страсти символизируются уродливыми продажными провинциальными чиновниками, а высшая совесть – государством.

«Пьесы Гоголя – это поэзия в действии, а под поэзией я понимаю тайны иррационального, познаваемые при помощи рациональной речи [1:60].

Набоков о II томе «Мертвых душ»: «В считанных главах второй части, которые сохранились, магический кристалл Гоголя помутнел» [2, I:501]. «Потусторонний мир, который словно прорывается сквозь фон пьесы, и есть подлинное царство Гоголя» при этом гоголевские отрицательные персонажи Набоков прямо называет бесами или чертями [1:58].

Относительно роли духовника Гоголя отца Матфея Константиновского у Набокова нет и желания вникнуть в сущность отношений священника и писателя, он просто не любит Гоголя, а еще более – отца Матфея, которого называет «фанатичным русским священником... обладавшим красноречием Иоанна Златоуста при самом темном средневековом изуверстве [2:121]. В заключение автор пишет о Гоголе: «Его произведения, как и всякая великая литература, – это феномен языка, а не идей» [2:131]. В последней главе книги, названной «Комментарий», Набоков указывает, что все факты брал из книги Вересаева, что «русские критики» числили его, Набокова, в последователях Гоголя, но, наконец, поняли, что это не так. Набоков убедил их в этом.

Набоков – не единственный представитель русского зарубежья, интерпретирующий творчество Гоголя.

Один из первых рецензентов книги Г.П. Федотов отмечал, что особенно интересны в ней заметки на полях трех величайших созданий Гоголя: «Ревизора», «Мертвых душ» и «Шинели», – а также заметки, посвященные анализу творческого воображения Гоголя и его стиля». Но при всем том, считает Федотов, «основное в поэтике Гоголя остается по-прежнему нераскрытым и загадочным» [3: 368, 369]. В рецензии содержится упрек автору книги: «Попытка Набокова отрицать наравне с реализмом человечески-нравственное содержание Гоголя обесмысливает и его искусство и его судьбу» [3: 369]. Другой упрек состоит в том, что, сводя личную драму и гибель Гоголя к «иссяканию творческих сил», Набоков отказывается от ее объяснения» [3: 370]. Указывает рецензент и на некоторое противоречие в позиции автора: «Когда Набоков подходит к интерпретации «Мертвых душ», он не может избавиться от внешнеэстетических, а именно религиозных категорий. Для него, – а не для Гоголя только – Чичиков есть выходец из ада, воплощение злого духа. Автор повторяет это чуть не на каждой странице. Не знаю, верит ли Набоков в чорта, как верил Гоголь, но не означает ли это, что вне религиозных, хотя бы отрицательных, категорий, мы не можем дать адекватного описания гоголевского искусства?» [3: 370].

Отвергая мысль о душевной болезни писателя, известный русский философ И.А. Ильин замечает, что Гоголь «чувствовал и знал неискоренимое зло в человеческой натуре, знал доподлинно и глубоко». В этом заключался источник его особых мучений. «При этом Гоголь был чистой, нравственно-благочестивой, склонной к идеализации и мечтательности мистико-религиозной натурой» [4: 262]. Творческий путь его – путь «очищения». Называя почти все художественные произведения Гоголя, Ильин видит в них «отражение злободневности тогдашней России». «Мертвые души», по его словам, значительно глубже, чем это кажется на первый взгляд. «Главная идея поэмы имеет глубокий религиозный

смысл». Ее герои «утратили Божественное измерение вещей и жизни и превратились в мертвые души» [4: 270]. Книга Гоголя должна была «положить начало развенчиванию пустоты и очищению во всерусском масштабе». Этим объясняется то обстоятельство, что Гоголь стал печальным, когда прочитал отдельные главы поэмы своим друзьям и увидел, что они смеются [4:271].

Если под метафизическим опытом понимать опыт религиозный, то он не может быть выражен в литературном творчестве «безыдейно». Гоголь имел идеал России и русской словесности, сопрягая его с категориями Воскресения Христа, «нашей России» в отличие от России исковерканной. Он был устремлен ко Христу до конца своих дней. Набоков видит в Гоголе творца художественной реальности, метафизически безразличной к добру и злу, категориям апостасийности – Пасхальности и спасения, относится к «проповедничеству» (то есть потребности в подвижничестве) Гоголя отстраненно – снобистски.

Библиографический список

1. В.В. Набоков. Лекции по русской литературе. Москва: Независимая газета, 1996.
2. Набоков В. Николай Гоголь // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 1997-1999. Т. 1.
3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 13.
4. Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1997. Т. 6. Кн. 3.

Солоницын А.А.

«ГЛАГОЛОМ ЖГИ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ»
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ

Россия, г. Самара, Самарское отделение
Союза писателей России

20 марта (1 апреля по новому стилю) 1809 года в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии родился великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь. О гении нашей литературы написано немало книг, в том числе и видными нашими писателями, такими как В. Вересаев, Д. Мережковский, В. Набоков. И, наверное, не стоило бы писать эти строки, если бы вокруг имени Гоголя не ходило бы так много устойчивых заблуждений, нелепиц, а то и прямой клеветы. Все дело не столько в самих произведениях писателя, а в его вере, столь сильной и возвышенной, диктовавшей такие поступки, которые вызывали недоумение даже самых близких его друзей, а атеисты и «прогрессисты» даже называли Гоголя сумасшедшим.

Особенно сильный удар Николаю Васильевичу нанес В. Белинский, письмо которого к Гоголю заставляли изучать в школе все советское время. А «выбранные места из переписки с друзьями», итоговое произведение писателя, которое оплевал «неистовый Виссарион», считалось в советское время отступничеством, упадком таланта писателя,

Тогда как именно эта книга великого писателя явственно говорит о глубине и несокрушимости его веры, о парении его духа, осветившего Божественным светом и его произведения и дающего ключ к пониманию всей его жизни.

Вот об этом прежде всего поведем разговор и остановимся на некоторых художественных особенностях его произведений.

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ – ЗАЩИТНИК НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ

Но сначала надо сказать об истоках веры писателя, той «воды живой», которая в него влилась в детстве и отрочестве.

Вы, конечно же, обращали внимание, что Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского, в России любят так сильно, что почти в каждом доме у верующих и сейчас вы обязательно найдете его икону в красном углу. Вот и мать Гоголя, Мария Ивановна, молилась особо усердно именно этому Святителю. И дала обет, молясь перед чудотворным образом святого, называемого Диканьским, наречь сына, если такова будет воля Божья, именно Николаем. Молила святого сберечь ребенка и защитить его в жизни. Усердная молитва Марии Ивановны вызвана была тем, что перед третьими родами два ребенка ее умерли, как только появились на свет. Молитва матери была услышана. Сын, где бы он не находился – в Нежине, где учился в гимназии, в Петербурге, где начиналась его служба, в Италии или других странах, всюду ощущал молитвенное присутствие матери, которое особенно усилилось после внезапной кончины Василия Афанасьевича, отца писателя.

И образ Николая Чудотворца сопровождал его всю жизнь, где бы он не находился – образок Святителя, присланный ему матерью из церкви в Диканьке, он носил на груди как ладанку. Мария Ивановна после смерти мужа всю жизнь соблюдала траур. Она носила черное платье из грубой шерсти и походила, как свидетельствуют современники, на игуменью. Ранняя религиозность мальчика сочеталась с увлечением поэзией, театром. Как вспоминает один из воспитанников Нежинской гимназии, Николай так хорошо играл госпожу Простакову в фонвизиновском «Недоросле», что все думали, что Гоголь обязательно поступит на сцену.

Смерть отца сильно потрясла юношу. Мысли о конце земной жизни он носил в себе постоянно, считая, что это неперемнное условие для всякого христианина. «Он часто читал молитву Ва-

силія Великого: «Господи, даждь ми слезы умиления и память смертную», – пишет первый биограф Гоголя П. Кулиш. – Эти слезы умиления текли из его глаз во время торжественного последнего обряда миропомазания».

ТВОРЧЕСТВО КАК СЛУЖЕНИЕ

Вот почему «Выбранные места из переписки с друзьями» открываются «Завещанием». И уже с «Предисловия» оно настраивает нас на возвышенный, христианский лад: «Сердце мое говорит, что книга моя нужна и что она может быть полезна ...что никогда еще доселе не питал такого сильного желанья быть полезным».

Как писатель Николай Гоголь сформировался очень рано и сразу. За неудачной драмой «Ганс Кюхельгартен», следуют «Вечера на хуторе близ Диканьки» – то есть после отвлеченного романтизирования приходит понимание того, что писать надо о своем, народном, овеянном преданиями и сопряженного с самой жизнью, которую автор прекрасно знает. Причем этого Гоголю никто не подсказывал – он сам понял все, к чему другие писатели идут долгим путем, а многие и вообще не приходят.

«Вечера» встретили восторженно – и в литературном Петербурге, и в Москве. Самый известный издатель того времени Петр Плетнев знакомит Гоголя с Пушкиным – то есть Гоголь сразу же входит в самые высшие литературные круги. Вслед идет сборник «Арабески», куда входят и первые из «Петербургских повестей», которые говорят о Гоголе не только как о знатке народной жизни Малороссии, где сочный юмор так естественно сочетается с преданиями, весельем и победой добра над всякой нечистью, но и уже знанием чиновничьей городской жизни. У молодого автора прекрасная наблюдательность, великолепные художественные детали, которые сразу же отличают настоящего писателя. Служба в «Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий», а затем в «Департаменте уделов» дает ему такой богатейший материал для художественных произведений, которые

открывают то главное направление во всей дальнейшей истории русской литературы, которое дало основание Достоевскому верно и точно сказать: «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя». И ведь что удивительно – служит в департаментах Гоголь совсем недолго. Но «зрит» не только «в корень», но еще глубже.

Николай Васильевич не был бы гением, если бы остался на уровне бытописательства. Происходит самое главное, самое важное – все выходящее из-под его пера окрашено чувством глубоко религиозным, христианским, как бы зло он не высмеивал нелепости жизни людей. У него проза страдающего за униженность и бесправие одних людей, тупость и самодовольство других. У него знаменитый «смех сквозь слезы» – высказывание о литературе, которое появилось вместе с творениями Гоголя.

Николай Васильевич следует заповедям ветхозаветных пророков – пользуется теми дарами, которые даны ему от Бога. Средствами художественной литературы он делает то, к чему призывает его любимейший поэт Александр Пушкин: «Глаголом жги сердца людей». Глагол можно понимать и как часть речи, и как синоним понятия «слово». Палитра писателя столь многокрасочна, так богата художественной выразительностью, что об этих особенностях можно говорить и говорить, цитировать и цитировать творения писателя. Так что в этих заметках скажу лишь о том, что особенно отличает прозу Николая Васильевича, что является наиболее характерным для его художественных приемов.

Сатирическим приемом, наиболее ярким, у Гоголя является соединение несоединимого: возвышенное он ставит рядом с бытовым, нарочито приземленным. И это соединение неизменно дает великолепный эффект. Вот глава из «Мертвых душ», где Чичиков приезжает в усадьбу Собакевича. Вот входит в гостиную помещика. Вот видит портреты, которые висят на стене: «На картинах все были молодцы, все греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Миаули, Каврари. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами,

что дрожь проходила по телу. Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и самых узеньких рамках. Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные. Хозяин, будучи сам человек здоровый и крепкий, казалось, хотел, чтобы и комнату его украшали тоже люди крепкие и здоровые. Возле Бобелины, у самого окна, висела клетка, из которой глядел дрозд темного цвета с белыми крапинками, очень тоже похожий на Собакевича».

Так рождается комический эффект. Но он дан, прежде всего, для характеристики героя, использован не как самоцель, как в «монологих» наших острословов, называющих себя «писателями-сатириками». Многомерность художественного образа дает и комический эффект, и эффект бытовой, и психологический, и социальный. Эта многомерность образов Гоголя видна и в прямой речи героев.

«Почти в течение целых пяти минут все хранили молчание; раздавался только стук, производимый носом дрозда о дерево деревянной клетки, на дне которой он удил хлебные зернышки», – читаем далее. Жену Собакевича зовут Феодулия Ивановна – имена персонажей Гоголя тоже несут на себе комическую окраску, и где нужно – драматическую, и даже трагическую.

Вспомним, как зовут сыновей Манилова: Фемистоклос и Алкид. Это же имена прославленных спартанцев, но в уездной Маниловке как смешно и нелепо они звучат!

А вот и один из героев «Женитьбы» – Яичница, экзекутор. Вот он представился сопернику-жениху Жевакину, моряку.

«*Жевакин (недослышав)*: Да, я тоже перекусил. Дороги-то, знаете, впереди будет довольно, а время холодновато: селедочку съел с хлебцем.

Иван Павлович: Нет, кажется, вы не так поняли: это фамилия моя такая -Яичница.

Жевакин: Ах, извините. Я немножко туговат на ухо. Я, право, думал, что вы покушали яичницу.

Иван Павлович: Да что делать? Я хотел было уже просить генерала, чтобы позволил мне называться Яичницын, да свои отговорили: говорят, будет похоже на «собачий сын».

Жевакин: А это, однако, бывает. У нас вся третья эскадра, все офицеры и матросы – все были с престранными фамилиями: Помойкин, Ярыжкин, Перепрев, лейтенант. А один мичман, и даже хороший мичман, был по фамилии просто Дырка».

Обратим внимание, какая сочная, в высшей степени характеризующая героев речь! Какой естественный, ненатужный юмор! Но уже не добродушный смех, а горький сарказм слышится в «Мертвых душах» писателя. Еще всего лишь один пример – в главе о Собакевиче. Начинает Чичиков, когда молчание «длилось минут пять», как пишет Гоголь. Он говорит, что председатель палаты, где Чичиков был и где вспоминали о Собакевиче, «прекрасный человек». «Кто такой?» – сказал Собакевич, глядя на угол печи. «Председатель». «Ну, это вам только так показалось; он только что масон, а такой дурак, какого свет не производил».

Чичиков немного озадачился таким отчасти резким определением, но потом, поправившись, продолжил: «Конечно, всякий человек не без слабостей, но зато губернатор какой превосходный человек!» «Губернатор превосходный человек?» «Да, не правда ли?» «Первый разбойник в мире!»

Чичиков пытается хоть как-то выгородить губернатора, приводит в доказательство кошельки, вышитые руками губернатора. Но Собакевич неумолим: «И лицо разбойничье! Дайте ему только нож да выпустите на большую дорогу – зарежет, за копейку зарежет! Он да еще вице-губернатор -это Гога и Магога!»

Чтобы загладить неловкость, Чичиков заговаривает о лицмейстере, но Собакевич заявляет хладнокровно: «Мошенник! Продаст, обманет, еще и пообедает с вами! Я знаю их

всех, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы».

И далее следует знаменитая фраза, ставшая крылатой: «Один там и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья».

«После таких похвальных, хотя несколько кратких биографий, Чичиков увидел, что о других чиновниках нечего упомянуть».

Эту, даже избыточную художественность текстов Гоголя, можно продолжать и продолжать. Гиперболы даны столь уместно, что их даже не замечаешь – так естественно пишет автор, когда дает и портретные характеристики персонажей, и в особенности их речь, и всю обстановку их быта – соединяя высокое и обыденное – для того, чтобы подчеркнуть нелепость и жизненного уклада, и мертвые души в живых телесных оболочках.

Теперь обратим внимание на глаголы как части речи, которые мастерски использует писатель. Глаголом он действительно жжет сердца людей. Вспомните, дятел ведь не достает со дна клетки зерна, а «удит». Собакевич на приеме у губернатора не ест, а «доезжает судака».

А как рисуются портреты! У Плюшкина лицо «деревянное». Подбородок так выдвинут вперед, что слюна постоянно попадает на него. Губами он постоянно «жует, точно ест». Заканчивая повествовать о Плюшкине, он говорит бессмертное, называя Плюшкина «прорехой человечества».

А какие поразительные по проникновенности его знаменитые лирические отступления! Тут и школьнику становится понятно, почему «Мертвые души» названы поэмой – достаточно вспомнить хрестоматийную «птицу-тройку», которая дает выход после душной, казалось бы, безысходной мертвечины провинциальной Руси. И как органичны эти переходы у Гоголя! Пишет он совершенно в ином стиле, совсем иные берет глаголы, а они «работают», давая поразительный по художественной силе эффект.

В лирических отступлениях возникает простор Родины, ее сила, удаль, красота – все то, что дано лишь писателю, глубоко, всем сердцем любящим Россию, видящим ее красоту вместе с язвами и несчастием отступления от Христовых заповедей. Приведу пример из пятой главы «Мертвых душ» о русском слове – для сегодняшнего дня пример очень показательный, особенно в связи с обязательным, нормативным употреблением слов, к которому обязывает нас всех Министерство образования. Стоит напомнить нашим мудрым чиновникам слова Гоголя о русском языке:

«Выражается сильно русский народ! И если наградит кого словцом, то пойдет оно в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и не облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубается топором. А уж куцы бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все сам – самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вылепливает сразу, как пашпорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы, – одной чертой обрисован ты с ног до головы!» И в самом деле, куда теперь деваться от сегодняшних авторов девизов, вроде: «делиться надо», «хотели, как лучше, а получилось, как всегда», «понимаешь», и так далее.

Вот концовка лирического отступления Гоголя о русском слове: «Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».

Так что не будем бояться всех новых «сайтов», «блогов», «ин-

новаций», «кастингов», «баннеров» и прочих чужеродных слов – поглотит их время, поглотит и поправит живой русский язык, живая русская речь. Министры образования придут и уйдут – их тоже поглотит время, а холодный снег забвенья завалит их вместе с авторами детективов и женских романов, которые сейчас процветают.

Народ сохранит лишь те произведения, где есть живая жизнь, где есть Христова правда, от века врученная русскому народу.

ЖАЖДА ДОБРА

«Пушкинское» время в литературе было временем, когда на писателя смотрели как на учителя жизни, человека в высшей степени благородного и мудрого. И потому каждое новое произведение писателя, в особенности знаменитого, становилось также широко известно среди образованной публики, как сейчас становится известной телевизионная сводка новостей.

От Николая Гоголя ждали второй том «Мертвых душ», им обещанный. И вдруг вместо Чичикова и галереи персонажей, которые уже стали нарицательными, появляется не художественное произведение, а «Выбранные места из переписки с друзьями», то есть письма писателя. Да не простые, а назидательные, где речь в первую очередь ведется о вере, о царе, России, нравственных вопросах. То есть уже не литературное произведение встретил читатель, а совсем иное, исповедальное, очень личное слово писателя, обращенное не только к современникам, но и к потомкам. Но современники-то ждали гоголевского литературного блеска, а тут нечто спокойно-рассудительное, даже дидактическое, которое трудно читать человеку, привыкшему к сюжету, событиям, несущимся страница за страницей, желательно с приключениями.

Разочарование полное! Хотя ты и писатель, но знай же меру в своем назидании! И не забывай все же, что ты не священник, а тем более не пророк, чтобы общество учить. Не просто недоумение, а уже и откровенная брань раздастся с журнальных страниц. Уже пишут о Гоголе как о гордце, лицемере, желающем

угодить царю, пролезть в воспитатели царских детей, припоминают и личные прегрешения. А их у кого же нет, тем более у такого человека, как Николай Васильевич, за которым и раньше замечали странности.

Общее недоумение объясняет В. Белинский: он сумасшедший! Уже объявляли сумасшедшими философа Петра Чаадаева, публициста Владимира Печорина, теперь к ним добавлен и Гоголь...

«Желание и жажда добра, а не гордость, подтолкнули меня издать мою книгу», – защищается Гоголь, но его не слышат. Обычное дело – вспомним, как мы с вами сами рукоплещем «новенькому», стремимся обязательно угнаться за «передовым», «прогрессивным». И забываем, что прогресс в технике, науке – совсем иное, чем «прогресс» в вопросах нравственности, миропонимании, религии. Тут надо держаться традиции, веры отцов, всего того, на чем «стоит и стоять будет земля Русская».

Об этом и пишет Николай Васильевич, начиная с понимания смерти как конца жизни земной и начала жизни вечной («Завещание»), переходя к вопросу о понимании назначения Церкви в нашей повседневной жизни. И веры, которая есть основа жизни.

Затем размышляет о любви к царю – на примерах од Державина и стихов Пушкина, которые для него высшие авторитеты. Эта любовь, соединенная с любовью к Родине, России и есть «национальные особенности русского характера».

И только после этого он пишет о тех вопросах, которые обсуждались современниками – славянофильстве и западничестве, литературных спорах, театре, просвещении, своих «Мертвых душах».

И по каждому выбранному вопросу Гоголь дает такие ответы, что они остаются современными и сейчас.

Вот всего лишь один пример:

«Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду. Жизнью нашей мы должны защитить нашу Церковь, которая вся есть жизнь».

КЛЮЧИ РАЗУМЕНИЯ

Непонимание того, что на самом деле есть личность Гоголя и одна из его главных книг, начались, как видим, еще при жизни писателя. А что уж говорить про советское время, когда Гоголь воспринимался как «обличитель», «сатирик», к концу жизни впавший по определению Белинского, «в религиозный дурман».

Вспоминаю, как в Пензе ходил вокруг памятника Белинскому, установленному перед драмтеатром. Ораторски вскинутая рука над головой критика-революционера так изображена скульптором, что если смотреть на памятник с правой стороны, то получается, что пальцы образуют над головой... рога! Конечно же, скульптор этого не хотел, но получился рогатый помимо его воли!

Долго рассматривал в Москве и знаменитый памятник Николаю Васильевичу скульптора Андреева. Я знал, что если обходить памятник медленно, то увидишь разного Гоголя – от задумчивого до скорбного. Но и это не весь Гоголь!

Думается, что его душевная боль перерастала в тот светлый миг, когда, умирая, он воскликнул уже в забвении: «Лестницу мне, лестницу!» А потом: «Ах, как сладко умирать!» Верующие люди знают, что такое «Лествица», или «Лестница» Святителя Иоанна, так и названного по своему труду. Он писал о лестнице в Небо.

И Николай Васильевич хотел написать то же самое. Второй том задумывался как очищение от греха, создание положительного образа России. Но художественному таланту Гоголя не дано было написать такие образы, которые полностью бы устроили писателя. Потому он и сжег рукопись второго тома.

Думается, что тут была такая же мера высокого, о которой написал Лермонтов в своем знаменитом стихотворении «По небу полночи». Помните, там ангел несет младую душу и поет гимн Богу, и отзвук той песни остается в душе того, кому ангел несет душу. И что же? Только услышанный «звук песни остался в душе молодой, остался – без слов, но живой».

И долго на свете томилась она
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Душа Гоголя жаждала идеальных, небесных звуков. Как и любви. Известно, что любил он Александру Осиповну Смирнову-Россет. Она отличалась красотой, умом, была близка Гоголю и по тому, что родилась в Малороссии, называла Гоголя «хохликом», а он ее «хохлячкой». Она стала женой калужского губернатора, и к ней обращены многие письма гения, включенные в «Выбранные места». Именно ей он читал отрывок из второго тома о любви Платона к женщине, и как вспоминала Александра Осиповна, это были поразительные по красоте и художественной силе страницы. Но и они не устроили Гоголя. И тогда он решил: вторым томом «Мертвых душ» будут его отрывки из писем, где он выскажет все, что хотел сказать в художественных образах. Так будет лучше и полезней – по его мнению. Ведь художественные его произведения не поняли. «Ревизор» – это же о том ревизоре, который ждет каждого из нас; «Мертвые души» всем говорят, «что будьте живые, а не мертвые души».

У произведений Николая Васильевича, по меткому определению одного критика – четырехмерное измерение: бытовое, социальное, нравственное и высшее, Небесное. Но где же каждому читателю дойти до этой четырехмерности?

И Гоголь пишет кратко и ясно о своем понимании самых главных проблем жизни и смерти в форме писем. Пишет гениальную книгу, которую мы, увы, знаем плохо или совсем не знаем. А ведь именно в ней и лежат ключи к пониманию всей жизни и творчества великого писателя. Он слышал «звуки небес» и потому написал и современникам, и нам, его потомкам: «Одни думают, что преобразованиями и реформами, обращениями на такой и другой лад можно поправить мир; другие думают, что посредством какой-то особенной литературы можно подействовать на воспитание общества. Но благосостояние общества не приведут

в лучшее состояние ни беспорядки, ни пылкие головы. Брожение внутри не исправить никакими конституциями. Общество образуется само собою, общество слагается из единиц. Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою. Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, а высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство».

В.Н. Крылов

ЮБИЛЕЙ Н.В. ГОГОЛЯ 1909 Г. В РИТОРИЧЕСКИХ ЖАНРАХ (АКАДЕМИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ РЕЧИ)

*Россия, Казань, Казанский государственный университет,
krylov77@list.ru*

Устроенные повсеместно в России 20 марта 1909 г. гоголевские торжества сопровождались огромным потоком *юбилейных речей*, которые произносились в Москве, Киеве, Одессе, Тифлисе, Варшаве, Самаре, Симбирске, Казани и многих других городах: в Обществе любителей российской словесности, университетах, гимназиях, кадетских корпусах и т.д.

Ко времени юбилея, благодаря Розанову и символистам, была во многом сломана прежняя парадигма его истолкования и оценки: начался пересмотр взгляда на гоголевское наследие и его отношение к русской литературе XIX в., акцентировался трагизм мироощущения писателя, признавалось его языковое своеобразие, давалась переоценка и идеологических аспектов его творчества. Наследие Гоголя в эпоху серебряного века оказалось связано с тенденциями переоценки ценностей на рубеже веков, это был «процесс порождения новых образов Гоголя, процесс поисков нового Гоголя» [7:21]. В это время много писалось о недостаточности и даже неверности понимания Гого-

ля как сатирика в XIX в., о том, как он необходим новому поколению и как, в сущности, оно не знает Гоголя. Показательны слова Л.Я. Гуревич из статьи «Воскресение Гоголя» (К столетию со дня его рождения): «Признанный лучшими из современников, как писатель-реалист, как бесподобный сатирик, он был не понят, отвергнут, почти заплеван ими как раз в том, что составляло святая святых его души... Мы еще не знаем, как следует, Гоголя, или знаем его, как школьники, изучившие по указке скучного учителя некоторые его комедии, «Мертвые души» да «Шинель». Неисчерпаемых сокровищ его мыслей, литературных суждений и характеристик, разбросанных в его статьях и отрывках, в его «Переписке с друзьями», мы не изучили» [5:2].

Юбилейная речь как ораторский жанр связана с традицией похвального слова, похвальной речи. По своей жанровой прагматике юбилейная речь, как правило, включает изложение позитивного вклада личности в культуру, подчеркивает современное значение данного события. Применительно к жизни литературы юбилейные речи представляют собой обычно популяризацию результатов достигнутого историей литературы и критикой в изучении писателя, хотя были и речи переломные в истории понимания (речь Достоевского и др.). В жанрово-стилистической основе юбилейные выступления сближаются с т.н. эпидейктической речью – торжественной, произносимой в особо торжественных ситуациях, для нее характерны двойственность оценочного суждения (в контексте истории и современности), острая публицистичность, обращенность к адресату-слушателю. Как отмечают исследователи русского литературного языка, в первой половине XIX века в России духовное красноречие имело огромное преимущество перед светским, с 60-х годов XIX века стало доминировать светское красноречие, однако влияние духовной прививки церковной проповеди было еще велико [4:106].

Уже *заглавия* юбилейных речей, наряду со спокойно-академическими («Эволюция художественного творчества Гоголя», «О комизме Гоголя», «Гоголь и Московский университет»

и др.), подчеркивали значимость для современности, притягательность его личности («Гоголь и Россия», «Творческие муки Гоголя», «Знаем ли мы Гоголя?», «Испепеленный», «Значение творчества Гоголя для общественного самосознания» и др.).

Сформулированные в рамках модернистской критики новые интерпретации Гоголя, тем не менее, не стали доминирующими, особенно в массовой публике. Поэтому подавляющее число юбилейных выступлений продолжало позитивистские традиции культурно-исторической и психологической школ, причудливо соединенных с новыми веяниями. Для ораторов типичны ссылки на В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Котляревского, А.Н. Пыпина, С.А. Венгерова и других, вплоть до парафраза на мотивы их работ. Как, например, в Симбирске, где учащиеся кадетского корпуса выступали с сочинениями (этой чести были удостоены лучшие). Сочинение-речь «Гоголь как писатель-реалист», прочитанное кадетом 7 класса Кастрицыным, содержит большой «кусочек» о «Старосветских помещиках»: «Возьмите его «Старосветских помещиков». Здесь не более, как две пародии на человеческое существо; забота их жизни, это – забота о пище. Но как сама по себе ни ничтожна картина повседневной жизни этой мирной четы, как ни отталкивает нас пошлостью и уродливостью своей животной жизни, мы невольно чувствуем симпатию к этим людям...» [9: 9]. Трудно не узнать в этом рассуждении почти буквальное воспроизведение известной статьи Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя». «Но почему? Да потому, что Гоголь, со свойственной всем великим писателям пронизательностью, подметил человеческую черту в жизни старосветских помещиков: их взаимная любовь и привязанность основана на привычке...» (из сочинения кадета). «Отчего это? Оттого, что это очень просто и, следовательно, очень верно, оттого, что автор нашел поэзию и в этой пошлой и нелепой жизни, нашел человеческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героев: это чувство – привычка» [2:147].

Авторы некоторых выступлений вступают в полемику с «новой» критикой. Директор одной из гимназий Варшавско-

го учебного округа защищает имя Гоголя: «В день юбилейного торжества 20 марта сего года в авторитетной русской газете... появилась статья под заглавием «Гений формы», в которой автор, небезызвестный критик, литератор, и философ, проводит мысль, что в произведениях Гоголя нет глубокого, серьезного содержания, что слава его как гения покоится исключительно на форме, – на необычайно увлекательном, захватывающем рассказе... Другой публицист той же газеты в статье «Драма Гоголя» самоуверенно заявляет: «Теперь для всех давно бесспорно, что Гоголь в своем творчестве искажил Россию и, любя ее, оклеветал». Ложные, досадные суждения» [8:51] (речь шла о статьях В.В. Розанова и М.О. Меньшикова).

Однако и в юбилейные речи проникали элементы новых психологизированных и мифопоэтических истолкований. В сборнике «Три юбилейные речи», изданном в Казани, находим речь, произнесенную в 3-й казанской гимназии В. Брюхановым, где, хотя и без розановского парадоксализма, утверждается, что настоящее время мы можем принять наименование «гоголевского периода» «лишь со значительными оговорками» [6:21]. Говоря о международном и вневременном значении Гоголя, автор цитирует из «Вечных спутников» Мережковского рассуждение о произведениях, которые «служат для человечества как бы просветами, громадными окнами в бесконечное звездное небо». К аргументам из концепции Мережковского прибегает и автор еще одной варшавской речи: «Гоголь испугался... тьмы и очутился, по удачному сопоставлению современного критика Мережковского, в положении, до некоторой степени напоминающем положение Ивана Федоровича Карамазова, ведущего борьбу с чертом, в котором олицетворена отрицающая идеал человеческая пошлость» [6:96]. Но все же это не меняло общей направленности трактовок Гоголя.

Торжественные речи произносились не только светскими людьми, но и духовенством. Как известно, гоголевские дни были организованы так, что, к примеру, сначала в университетской

церкви происходила торжественная панихида, где перед служением панихиды духовным лицом произносилось «слово», а после панихиды происходило заседание Совета университета и продолжались речи. В слове духовных лиц тоже звучала *полемика* по отношению к голосам людей, которые, как говорил в своей речи в Одессе профессор богословия А.М. Клитин, «хотели отнять у него и душу, и сердце, и божественное пламя таланта»: «Мы не дадим ему Иудиного лобзания, ласково целуя его именами: мистик, психопат, нервнобольной человек и проч... Мы почтим и прославим своего писателя как литературного гения, как писателя народного, как горячего патриота, как воспитателя юношества, как глубоко верующего и преданного сына Православной Церкви» [10:8].

В «духовных» речах, безусловно, подчеркивалась заслуги Гоголя не столько как писателя, сколько обращалось внимание на черты его жизни как христианина. В этой связи осмыслился и поздний этап его жизни. В речи перед служением панихиды по Гоголю в Симбирске говорилось, что «благодаря обстоятельствам последних лет жизни, его коренные религиозные убеждения обнаружилось непринужденнее, полнее, во всей своей силе, при иных условиях мы, может быть, и не узнали бы о том, насколько позволительно считать Николая Васильевича носителем христианских идей» [9:3].

Иногда выступавшие духовные лица вынуждены были, тем не менее, объяснять свою высокую оценку «отрицания» в творчестве Гоголя. В слове, произнесенном в церкви 1-й самарской гимназии, акцентировалось, что «благородные мотивы отрицательного направления творчества Гоголя стоят в тесной связи с его возвышенными религиозно-нравственными идеалами», что особенно важно «в наши нерадостные дни, дни уныния, апатии и пессимистического настроения». [6:3;6]

В юбилейных выступлениях на первый план выходит соотношение идейного содержания наследия Гоголя с современной общественной ситуацией, наступившей после первой русской

революцией, появления сборника «Вехи». В творчестве Гоголя находятся ответы на волнующие общество вопросы.

Одной из наиболее ярких речей московских дней стало выступление религиозного философа Е.Н. Трубецкого «Гоголь и Россия». Юбилейная речь Трубецкого выражена в стилистике религиозно-философского дискурса начала XX века, характеризующимся в современной антропоцентрической лингвистике всесторонностью тематики и синкретизмом стиля, цель которого – рассмотрение философских вопросов всемирной и русской истории и культуры на мировоззренческой основе православия. [1]. Важной особенностью религиозно-философского дискурса являются интертекстуальные текстовые включения, когда авторы используют имена авторитетных для русского общественного сознания писателей, подчеркивая роль культуры в отражении и формировании национального менталитета. В Гоголе, по Трубецкому, выразились «не те или другие преходящие черты эпохи, а сверхвременная сущность нашего народного характера», «потому в них до сих пор мы можем читать печальную повесть не только о нашем прошлом, но и о настоящем России. В них все полно неумирающего значения» [3:116]. В представлении Трубецкого, Гоголь – «по существу писатель-странник и богоискатель», его «странствования теснейшим образом связаны с самой сущностью его творчества, с основным делом его жизни», эти странствования были для него одновременно исканием Бога и исканием России. Интересно обыгрывание образа тройки в новом историческом контексте, когда жизнь вносит дополнения в гоголевский текст: «Три года тому назад пророчество как будто бы сбылось. Тогда действительно тройка закусила удила, подхватила экипаж, сбивала с ног прохожих и наводила ужас на соседей своим молниеносным движением...Верные национальному инстинкту кони мчались без возницы, не зная ни дисциплины, ни удерж... Беспорядочная скачка кого потоптала, кого утратила. Тут, к великой радости испуганных обывателей, тройку поймала твердая, но грубая рука. С тех пор она покорно возит казенную корреспонденцию» [3:117-118,124].

Но следует отметить, что оценки общественного значения Гоголя полны и общих речевых клише: «учитель земли русской», «идеал учителя горькой жизненной правды», «учитель-гуманист», «поэт жизненной правды» и т.д. Крайности подобных «общественных» интерпретаций были иронически высмеяны в ряде фельетонов (В. Воровский «После юбилея», А. Амфитеатров «Гоголевы дни»). Риторика демократической поэзии весьма характерна и для такого феномена юбилейных торжеств, как массовые любительские стихи памяти Гоголя.

Сквозной мотив речей – оценка *мирового* значения Гоголя. Если в XIX веке эта тема отчасти звучала у К.С. Аксакова, то в юбилейные торжества закрепляется во многом статус Гоголя как мирового художника. Это признание звучит как в отечественных речах, так и приглашенных европейских гостей (М. де Вогюэ, Л. Леже, Г. Брандес и др.). Мельхиор де Вогюэ, автор исследования «Русский роман», высказал мысль об универсализме гоголевского гения, преодолевающего национальные границы. Гоголь явился «родоначальником той великой литературной школы, которая своим глубоко правдивым изображением всего отличительно русского дала возможность Западной Европе понять русскую жизнь и оценить русскую душу» [3:147].

Взгляд на гоголевские торжества сквозь призму устного публичного слова позволяет уточнить представления о новых гранях восприятия писателя в начале XX века в контексте общественной проблематики, литературного самосознания, процессов закрепления статуса классиков русской литературы и т.д.

Библиографический список

1. Анистратенко И.В. Русский религиозно-философский дискурс начала XX в.: лингвориторические параметры групповой языковой личности (на материале сборника статей «Из глубины», 1918). Автореф. дис. ...к. ф. н. Нальчик, 2009. 22 с.
2. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1988. 653 с.

3. Гоголевские дни в Москве. М., 1910. 336 с.
4. Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. М., 2005. 448 с.
5. Гуревич А.Я. Литература и эстетика. М., 1912.
6. Н.В. Гоголь. Три юбилейные речи. Казань, 1909. 51 с.
7. Паперный В.М. В поисках нового Гоголя // Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX – нач. XX. М., 1992. С. 21-47.
8. Памяти Гоголя. Празднование столетней годовщины со дня рождения Н.В. Гоголя в учебных заведениях Варшавского учебного округа. Варшава, 1909. 410 с.
9. Празднование столетия со дня рождения Н.В. Гоголя в Симбирском кадетском корпусе 20 марта 1909 г. Симбирск, 1909. 33 с.
10. Сборник, изданный Императорским Новороссийским университетом по случаю столетия со дня рождения Н.В. Гоголя. Одесса, 1909. 126 с.

И.Д. Таумов

КОМЕДИЯ ГОГОЛЯ КАК ЖАНР

Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский государственный областной университет [Наяновой таумов@yandex.ru](mailto:Наяновой.таумов@yandex.ru)

Жанр как феномен, являемый в произведении, – это «один из сложившихся художественных языков, тип устойчивой структуры, порождающей *целостный образ бытия*, выражающий определенную *концепцию действительности* в художественной деятельности» [17:138)]. Следовательно, через жанр автор являет себя миру.

С точки зрения «жанрового мышления», комедия Гоголя – уникальное художественное образование, вобравшее в себя черты разновременных и разностилевых форм творчества

и сохранившее при этом «статус комедии». «Концептированный автор» и жанр комедии, своими корнями уходящий в глубокую древность, вступили в диалог, порождением которого стал уникальный по форме и содержанию мир.

Вполне объяснима разногласия исследователей, пытавшихся определить природу жанра гоголевских пьес. К примеру, в «Ревизоре» литературоведы находили черты «полицейской комедии с участием хора» (В. Иванов, Н.И. Ищук-Фадеева), «древней эллинской трагедии» (К. Локс), «трагедии возмездия» (В.В. Гиппиус), «политической комедии» (Т.Г. Винокур), «философской драмы или трагедии» (А. Терц), «комедии характеров с гротескным «отсветом»» (Ю.В. Манн), «психологической драмы» (А. Ковач), «трагикомедии» (Н.И. Ищук-Фадеева), «притчи о разрушении души» (В.Н. Турбин), «лубочного театра» (Н.В. Лесогор), «радикально-сатирического гротеска с роem трагических масок» (М.Я. Поляков) и даже «комического Апокалипсиса» (Мильтон Эре). «Женитьбе» присущи элементы «фантазмагии», «психологической сатиры» (И.А. Вишневская), «драмы абсурда» (Кан Ён Кен), «антикомедии» (Н.И. Ищук-Фадеева), «средневекового театра» (С.А. Шульц).

Подобное разнообразие жанровых определений продиктовано прежде всего индивидуальностью Гоголя-драматурга. В его пьесах авторское начало проявилось «ярче и откровеннее всего именно в нарушениях классического жанрового канона» [8:147]. Не случайно В. Набоков даже «отказывал» пьесам Н. Гоголя в «статусе комедии»: «На самом деле пьеса вовсе не комедия, так же как сновидческие пьесы Шекспира «Гамлет» или «Лир» не стоит называть трагедиями. Плохая пьеса скорее может быть хорошей комедией или хорошей трагедией, чем невероятно сложные произведения таких писателей, как Шекспир или Гоголь» [11:68].

В статье подвергнем анализу не жанр комедии, обращение к которому позволило Гоголю вписать свое имя в историю миро-

вой литературы, а индивидуальные особенности жанровой природы его пьес. Именно в них заключена уникальность «комедии Гоголя» как жанра.

В самой задаче творчества и ее решении у Гоголя было заложено «изначальное противоречивое стремление соединить себя с миром, объять целое оборачивалось новой дробностью и распадением связей» [3:13]. Это противоречие объясняет и природу комического у Гоголя, стремящуюся к карнавальному началу и одновременно отрицающую его.

Физический контакт, контакт тел – необходимый момент фамильярности. По М.М. Бахтину, «это вступление в зону господства тела, где можно тронуть руками и губами, можно взять, ударить, обнять, растерзать, съесть, приобщить к своему телу или быть тронутым, обнятым, растерзанным, съеденным другим телом. В этой зоне раскрываются все стороны предмета (и лицо, и зад), но только внешность, но и его нутро, глубина» [12:6]. Значимыми представляются имена комедийных персонажей. «Съедобные» Земляника, Ячница и потенциально их «поедающий» Жевакин («жевать»). «Как рефинат», – рекламирует Фёкла Подколёсину прелести невесты.

В VIII явлении II действия комедии «Ревизор» Хлестаков в разговоре с Городничим использует два сравнения: «говядина, как бревно» и «отец упрям и глуп, как бревно». Хотя здесь реализуются разные семы «бревна» (реальная и потенциальная), персонаж как бы приводит к одному статусу, приравнивает родителя и мясо животного, открывая возможность «поедания отца». При этом отрицание носит амбивалентный характер.

Народно-смеховая основа комедийного мира Гоголя не вызывает сомнений. Возникает закономерный вопрос: совместимы ли мертвые души и омертвление вообще с карнавалом? Безапелляционного ответа на этот вопрос нет в силу неоднозначности смеховой природы творчества Гоголя. Писатель, глубоко чувствовавший универсальность и силу своего смеха, в то же время «не мог найти ни подобающего места, ни теоретического

обоснования и освещения для такого смеха в условиях «серьёзной» культуры XIX века» [4:531], – считает М.М. Бахтин.

Стихия карнавала, проникая в отдельные тексты, удивительным образом распространялась на общелитературный процесс. Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» и комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» составляют своеобразную карнавальную пару жанров. Два драматических шедевра представляют собой «два полюса амбивалентного «карнавального» художественного мышления, видимо легковесно-шутливого, а на самом деле неизменно обращенного к «последним вопросам» бытия» [7:14]. Русская литература, писал Л.В. Пумпянский, повторила в лице Пушкина и Гоголя «вечную соотносительность», «парность трагического и комического», свойственную великим культурам: древним грекам, испанской литературе времен Сервантеса, английской литературе времен Шекспира и др.» [16:125].

В трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» Н.В. Гоголь видел «кроме яркого поэтического создания, высокое поэтическое искусство» [13:43]. В письмах к друзьям он часто использовал цитаты из этой пьесы. «Жизнь политическая ... не может не понравиться таким счастливым праздным, как мы с тобою» (Гоголь – Н.Я. Прокоповичу). «Мои приятели, как нарочно, единого прекрасного жрецы...» (Гоголь – А.С. Данилевскому). Это свидетельствует о том, что трагедии А.С. Пушкина стали активной составляющей частью читательского сознания Гоголя, что не могло не сказаться на его творчестве.

Несмотря на разную жанровую природу, в драматических произведениях двух авторов обнаруживается общность мотивно-образных структур. Пушкин и Гоголь даже в малых драматических жанрах (маленьких трагедиях и драматических отрывках) выражают большое и глубокое содержание. «Как в «Пире во время чумы» в одном эпизоде вмещается трагедия целого города, так в «Утре делового человека» показано утро целого бюрократического Петербурга» [6:170]. Драматические отрывки Гоголя принято называть «маленькими комедиями» (по аналогии с пушкинскими

«маленькими трагедиями» [5:64]. И это утверждение справедливо. Данная аналогия возникает не только в связи с небольшим объёмом и локальным тематическим охватом (одна страсть – один порок) драматических произведений двух классиков. Она прослеживается на мотивном уровне.

Внутреннее единство комического и трагического было отмечено ещё Платоном, а в XIX веке – Белинским. Нестыковка жанровой природы пьес Пушкина и Гоголя не препятствует их сопоставительному анализу. Тем более что Гоголь не просто занимает некоторые ситуации и мотивы, но творчески переосмысливает их, наполняя иным содержанием при решении своих творческих задач.

Чувство зависти, ставшее конфликтообразующим началом в пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери», присуще многим гоголевским персонажам. Оно становится устоявшейся категорией, способствуя возникновению схожих ситуаций, т. е. приобретает черты мотива, который прослеживается как на фабульном уровне, так и на примере отдельных образов.

Ихарев, герой «Игроков», осознав себя жертвой более искусственных мошенников, восклицает: «Черт возьми! Такая уж надувательская земля! Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего не смыслит, ни о чем не думает...» (III/IV, 380). Данная фраза представляет собой своеобразную пародию на финал монолога Сальери:

О Небо !

Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений – не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан, –
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного [2:280].

Антиномия ЗЕМЛЯ–НЕБО, наблюдаемая в этих экспрессивных монологах персонажей, отражает соотношение высокого искусства музыки, жрецом которой представлен Сальери, и

«низкого» искусства карточного шулерства, в коем преуспел Ихарев. Далее в голосах каждого из героев слышится упрек за несправедливость в распределении «вознаграждений», в том, что «счастье» и «бессмертный гений» выпадают на долю тех, «кто глуп, как бревно» или озаряют «голову безумца»

Травестийное звучание пушкинского текста в обозначенном фрагменте «Игроков» усиливается явным снижением используемой Гоголем лексики:

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

О Небо!

Священный дар

Гений послан

Безумец, гуляка праздный

ИГРОКИ

Надувательская земля

Черт побери!

Счастье лезет

Кто глуп, как бревно

Перед нами своеобразный «перевертыш», трансформация трагедийного текста в комедийный.

Гоголевский Ихарев многое наследует у пушкинского Сальери. Искусство игрока оттачивается им в кропотливых изнурительных занятиях: «Почти полгода трудов. Я две недели после этого не мог на солнечный свет смотреть» (III/IV, 357). «Усиленным, напряженным постоянством» достигает успехов в музыке и Сальери:

...Ремесло

Поставил я подножием искусству;

Я сделался ремесленник: перстам

Придал послушную, сухую беглость

И верность уху [2:279].

В целях достижения результата один персонаж тренирует зрение, другой – слух, ловкость рук необходима обоим. Таким образом, авторы акцентируют внимание на то, что их герои находятся

в сходной ситуации ожидания заслуженного успеха, поощрения. Драматизм их положения заключается в том, что появляется более талантливый претендент (Моцарт – Утешительный и компания) на обладание чаемого (бессмертного гения, славы – денег, счастья). Но здесь Гоголь обыгрывает традиционную комическую ситуацию «обманутого обманщика», а Пушкин вводит и психологически тонко обрабатывает мотив «высокой зависти».

Кроме Ихарева, последователем «ремесленничества» Сальери можно считать и Городничего из «Ревизора». Многолетний опыт службы, расчетливость, хитрость позволяли ему править городом, руководствуясь лишь своеволием и корыстью. «Тридцать лет служу на службе; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду» (III/IV, 381), – признается в сердцах Городничий. Его фраза «Трех губернаторов обманул!» соотносится со словами Сальери: «Я наконец в искусстве безграничном Достигнул степени высокой» [2:281].

И Сальери, и Сквозник-Дмухановский – таланты каждый в своем искусстве. Но согласно авторскому замыслу, на их пути встречаются гении: Моцарт и Хлестаков. Последнего, конечно, следует считать «лжегением» в области никчемства, пустозвонства, вранья. Он глуп, непосредствен. Непосредственностью и душевной простотой отличается и отмеченный истинным гением Моцарт. Моцарт вдохновенно пишет музыку и играет, Хлестаков не менее вдохновенно врет. Ему присуща «легкость необыкновенная в мыслях». Его ложь – «самая поэтическая минута жизни, – почти род вдохновения... ложь для лжи, искусство для искусства» [10:218].

Интересно, что оба героя испытывают чувство голода. «Божество мое проголодалось», – с самоиронией отзывается композитор в ответ на восклицание Сальери: «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь» [2:283]. Тем самым Пушкин подчеркивает гармоническое равновесие божественного и человеческого, высокого и приземленного, духовного и телесного начал в образе Мо-

царта. Находящийся весь во власти плотских желаний Хлестаков выражает чувство голода иначе: «Тьфу! (плюет) даже тошнит, так есть хочется» (III/IV, 224).

Пушкинский Моцарт – композитор от Бога, но ничто человеческое ему не чуждо. «Священный дар» не мешает герою быть заботливым отцом (...На третий день играл я на полу с моим мальчишкой), внимательным мужем и экономным хозяином (...Но дай схожу домой сказать Жене, чтобы меня к обеду не дожидалась, [2:283]). Практичность Моцарта в образе городничего обрачивается расчетливостью и корыстью. Он тоже предупреждает жену: «...к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богугодном заведении у Артемия Филипповича» (III/IV, 235).

Ю.Н. Тынянов в статье «Достоевский и Гоголь» показал, что «пародией трагедии будет комедия» [18:201]. В исследованиях по русской драматургии часто отмечается впервые замеченная С. Эйзенштейном мысль о том, что «Ревизор» Н.В. Гоголя – «глубоко спрятанная пародия» [15:253] на «Бориса Годунова» А.С. Пушкина. Сюжеты обоих произведений восходят к общему инварианту сюжета о самозванце. «Борис Годунов» и «Ревизор» в своей соотнесенности как «трагическое» и «комическое», «верх» и «низ» включаются в ряд текстов, начинающих новый культурный цикл [14:465]. Комическое Гоголя в сочетании с трагическим Пушкина порождает трагикомическое, во многом объясняющее эсхатологический подтекст финальных сцен гоголевских драматических произведений, раскрывающее смысл гоголевской формулы «смех сквозь слезы». Обращение Гоголя-драматурга к жанру комедии приводит к определенному «сдвигу» жанровых границ, происходит «смещение» жанра (Ю. Тынянов). «Смещаемость» жанра связана с тем, что жанр относится к ряду «специальных продуктов искусства»: «это как приставки к нам, через которые мы воспроизводим в себе человека», считает М. Мамардашвили [9:88].

Однако, несмотря на разнообразие жанровых смещений, «память жанра» «удерживает» автора-драматурга в границах комедии.

В.В. Федоров настоящим ревизором в одноименной комедии Гоголя справедливо считает комедию как целое, «в котором актуальными являются законы прекрасного, под действием которого происходит окаменение неистинного, безобразного» [19:154]. В роли судьбы выступает жанр и – шире – литература, Слово. Действующими лицами этого культурного события выступают уже автор и читатель.

Библиографический список

1. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 1994. Ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами.
2. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1975. Т. 4.
3. Акимова Н.Н. Булгарин и Гоголь // Русская литература. 1996. № 3.
4. Бахтин М.М. Рабле и Гоголь// Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
5. Вишневецкая И.Л. Гоголь и его комедии. М., 1976.
6. Дурьлин С.Н. От «Владимира 3-ей степени» до «Ревизора». (Из истории драматургии Н.В. Гоголя) // Ежегодник института истории искусств. Театр. М., 1953.
7. Злочевская А.В. Два самозванца в русской литературе, или Еще один пушкинский сюжет в «Ревизоре» // Русская словесность. 2003. № 4.
8. Ищук-Фадеева Н.И. «Ревизор» Гоголя: между прошлым и будущим // Н.В. Гоголь и театр: Третьи гоголевские чтения. М., 2004.
9. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.
10. Мережковский Д.С. Гоголь и черт // Мережковский Д.С. В тихом омуте. М., 1991.
11. Набоков В.В. Николая Гоголь. Лекции по русской литературе. М., 1996.

12. Нечипоренко Ю. Космогония Гоголя // Первое сентября: Литература, 2002. №1.
13. Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т. 1.
14. Попова И.Л. Немая сцена у Пушкина и Гоголя («Борис Годунов» и «Ревизор») // Известия АН СССР. Сер. литер. и языка. Т. 50. 1991. № 5.
15. Последний разговор с С.М. Эйзенштейном // Вопросы литературы. 1969. № 5.
16. Пумпянский Л.В. Гоголь // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 664. Тарту, 1984.
17. Рымарь Н.Т., Скобелев В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности. Воронеж, 1994.
18. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
19. Федоров В.В. Поэтический мир Гоголя // Гоголь: История и современность. М., 1985.

Н.П. Маштакова

ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ СЛОВО Н.В. ГОГОЛЯ

*Россия, Самарская область, г. Тольятти,
Православная классическая гимназия*

Гоголь самим фактом своего существования, своим творчеством подчеркнул, утвердил духовную общность, духовный союз русских и украинцев. Гоголь – это писатель, который очень ревностно относился к русскому языку, считал, что русский язык спасает во многом и выводит в мировое пространство общеславянские языки. В историческом пространстве равно как украинский и русский народы принадлежат к большому славянскому миру. Естественно, у нас общие православные корни и общая церковь православная.

Жизнь и творчество Гоголя позволяет восстановить не только Великороссию в глазах малороссов, но и Малороссию в глазах

великороссов. «Сложное переплетение двух культур в одном человеке всегда делало фигуру Гоголя центром межнациональных споров, но самому Гоголю не нужно было выяснять, украинец он или русский – в споры об этом его втянули друзья. До сих пор не известно ни одного сочинения Гоголя, написанного по-украински, а вклад, сделанный писателем в развитие русского языка, поистине бесценен. Привязанность Гоголя к своей родине была очень сильна, особенно в первые годы его литературной деятельности и вплоть до завершения второй редакции «Тараса Бульбы». Несомненно, однако, что и во всем творчестве писателя сказались украинские черты. Такими считают особенности его юмора, который остался единственным образцом в своем роде в русской литературе. Украинское и русское начала счастливо слились в этом даровании в одно, в высшей степени замечательное явление.

Длительное пребывание за границей уравнивало украинскую и русскую составляющие его мировоззрения, сделало оригинальным и самобытным его взгляд на природу русско-украинских отношений, что нашло отражение в его известном споре с О. М. Бодянским по отношению к русскому языку и творчеству Тараса Шевченко, передаваемым писателем Григорием Данилевским. «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племён. Нам, украинцам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная, нетленная поэзия правды, добра и красоты. Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной в ущерб другой, невозможно». Из писем и произведений Гоголя ясно, почему он любит Россию, что является для него главным в России. Незадолго до смерти в 1851 году он писал своему приятелю, дипломату, духовному писателю, Александру Скарлатовичу Стурдзу, что не хочется ему покидать России, даже на три месяца, что помимо свойства Родины, есть в ней еще что-то большее, чем просто Ро-

дина, ближе к «Родина небесная». Вот эта духовная привязанность, привязанность к православной вере, и составляет само существо отношения Гоголя к России и к Украине.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь выступает как сторонник самобытных начал Святой Руси и призывает соотечественников осознать свою неповторимую национальную сущность, историческое призвание России, уникальность ее культуры и литературы. Как и славянофилы, Гоголь был убежден в особой миссии России, которая, по его словам, чувствует Божию руку на всем, что сбывается в ней, и чует приближение иного царства. Эта особая миссия России связывалась в представлении Гоголя с Православием как истинным, неискаженным христианством. Размышляя об основах русской цивилизации, Гоголь особое внимание уделяет роли Православной церкви в жизни России, утверждая, что Церковь не должна существовать отдельно от государства. Православная церковь, монарх и народ – это, по Гоголю, неразрывное целое, соединенное соборным духом христианской любви. Но как полюбить ближнего своего, если он так несовершенен, если в нем так мало прекрасного, – задает вопрос Гоголь и сам отвечает: «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви ведет теперь Сам Бог... А не полюбивши России, не полюбить нам братьев своих, а не полюбивши своих братьев, не возгореться нам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам». В одном из последних писем «Переписки с друзьями» Гоголь задается вопросом «Почему только в одной России так радостно и торжественно празднуется Пасха? Почему мы верим, что свет грядущей Пасхи разольется из России по всему миру?» И, отвечая на вопрос, Гоголь утверждает, что именно в русской душе есть «начало братства Христова, ощущение личной греховности, жажды покаяния и любви, устремленность к братскому единению всех сословий».

Дело не в патриотических возгласах и пасхальных поцелуях, поясняет Гоголь, но в том, чтобы «взглянуть в этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, – так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата, так ему обрадоваться, как бы своему наилучшему другу, с которым несколько лет не видались и который вдруг неожиданно к нам приехал».

Эту соборную идею всечеловеческого единения и братства впоследствии будет развивать Достоевский на страницах «Дневника писателя» и особенно в Пушкинской речи. «Христианское начало братского единения», по словам Гоголя, кроется в самой славянской природе нашей: «Побратание людей было у нас родней даже кровного братства... нет у нас непримиримой ненависти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие к соединению людей и братской любви между ними». Именно это дремлющее в душе русского человека чувство братства пробуждается в решающую минуту, как это было в 1812, и помогает сплотиться для одоления враждебной напасти: «В такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды – все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия – один человек... И твердо говорит мне это душа моя: и это не мысль, выдуманная в голове. Такие мысли не выдумываются».

С горечью пишет Гоголь о разобщенности в народе. Один из источников подобной разобщенности и вражды – это, по словам Гоголя, роскошь, к искоренению которой необходимо стремиться каждому: «Гоните эту гадкую, скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и мерзостей, какие у нас есть. Если нам одно это удастся сделать, то вы уже более принесете существенной пользы, чем сама княгиня О. А это, как вы сами видите, даже не требует никаких пожертвований, даже и времени не отнимает».

В сентябре 1848 Гоголь приезжает в Москву. Он напуган политическими событиями (революционные брожения в Европе) и переносит свое личное уныние на все человечество. Кажется ему, что весь мир охвачен безумием, что все гибнет и распадается. Дани-

левскому (24 сентября 1848 г.) он пишет: «Никто не в силах вынести страшной тоски этого рокового переходного времени, и почти у всякого ночь и тьма вокруг. А между тем слово «молитва» до сих пор еще не раздалось ни на чьих устах». Та же мысль развивается в письме к отцу Матвею, его духовному наставнику: «А между тем в теперешнее время, когда отовсюду грозят беды человеку, может быть, только и нужно делать, что молиться... Слышишь одну необходимость повторять: «Господи, не введи меня во искушение и избави от лукавого».

Тревожное состояние Европы, эпидемии и голод в Малороссии, собственная черствость и страх за свою душу – все это питало в Гоголе предчувствие конца света. В письмах его попадаются такие выражения, как: «отовсюду грозят беды», «всеобщее разрушение», «потрясающая бестолковщина времени», «время опасное», «время беспутное и сумасшедшее», «время содомное» и т. д.

Вместе с тем Гоголь призывает не отчаиваться и не приходить в смущение от внешних беспорядков, но стараться навести порядок в собственной душе: «Недурно заглянуть всякому из нас в свою собственную душу. Загляните также и вы в свою. Бог вещь, может быть, там увидите такой же беспорядок, за который браните других... Не бежать на корабле из земли своей, спасая свое презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства». Свои надежды на спасение души писатель связывает с природой русского человека, который, по его словам, так умеет быть благодарным за всякое добро и который, как только заметит, что другой проявляет в нем участие, сам уже готов чуть не просить прощения. Русскому человеку, по словам Гоголя, присущ особый такт ума, позволяющий ему «выразить истинное существо всякого дела... выразить его так, что никого не оскорбит выраженьем и не восстановит ни против себя, ни против мысли своей даже несходных с ним людей». Этот «верный такт ума» проявляется даже в простом крестьянине, который способен говорить со всеми, даже с царем, с такой свободой и с таким достоинством, какие трудно найти у образованных и

светских людей. Глубоко чувствуя сам дух Православия, Гоголь не был сторонником индивидуального спасения души и понимал, как и Хомяков, что спастись должно всем миром со всеми братьями. Говоря об этом, К. Мочульский подчеркивал: «Религия Гоголя – соборная. Люди – братья, живущие друг для друга, связанные общей виной перед Господом, круговой порукой и ответственностью. Всякий индивидуализм и эгоистическая обособленность – от дьявола. В духовной области нет частной собственности: все Божье, все дары посылаются для всех». «Кто приобрел крупицу мудрости, тот уже не имеет права скрывать ее в себе от других: она не твоя, а Божие достояние. Бог ее выработал в тебе; все же дары Божии даются нам затем, чтобы мы служили собратьям нашим».

Все беды и неустройства России, по мнению Гоголя, происходят от того, что отечественная интеллигенция, увлеченная копированием и заимствованием западных форм жизни и не замечавшая самобытных духовных основ отечественной цивилизации, перестала ценить (скорее всего она и не могла оценить) духовные ценности Православия, которыми на протяжении веков руководствовался простой народ. Любопытен в этом смысле образ генерала Бетрищева во 2-м томе «Мертвых душ», который считал, что стоит только одеть русских мужиков в немецкие штаны, так сразу «науки высятся, торговля подымется и золотой век настанет в России». Прозападно ориентированная русская интеллигенция, по Гоголю, принадлежит к числу тех доморощенных умников, о которых Костанжогло иронически замечал, что они, «не узнавши прежде своего, набираются дури вчуже».

Необходимо, подчеркивал Гоголь, не только, чтобы русский гражданин знал дела Европы, но прежде всего не упускал из вида русские начала, в противном случае «похвальная жадность знать чужеземное» не принесет добра: «И прежде, и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит».

**«ЖИТИЕ НИКОНА, СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО» И СТИЛЬ «ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС»**

*Россия, г. Саранск, ГОУ ВПО Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва, Lijaorl@rambler.ru*

Стиль «плетения словес» возник в русской агиографии в XIV – начале XV вв. Он продолжил традиции античных риторик в византийский период развития литературы. Многие исследователи связывают возникновение стиля «плетение словес» со вторым южнославянским влиянием, часто определяют его как риторический и панегирический.

Житийный канон изменялся, подвергаясь влиянию «речевого этикета». Агиографические произведения, созданные во время господства стиля «плетение словес», такие как «Житие Стефана Пермского», «Житие Сергия Радонежского», обладают рядом характерных черт. Эти выдающиеся памятники словесности оказывали влияние на развитие литературного языка вплоть до конца XVIII века. Сравнение текста «Жития Никона...», памятника XVII века, с произведениями Епифания Премудрого позволит сделать вывод о том, ориентировался ли автор на образцы житий стиля «плетение словес» или эта тенденция не отразилась в языке исследуемого памятника.

Одной из характерных черт стиля «плетения словес» является ритмизация текста, которая достигается использованием приемов гомеотелевтона (созвучия окончаний) и гомеоптотона (равнопадежья). Многократное использование разных форм одного и того же слова, а также однокоренных слов, близких по значению, в пределах небольшого отрезка текста также является приемом ритмизации. «И наречено бысть имя его въ мнишеском чину Сергий: тако бо тогда нарицаху сплеха имена, не съ имени, но вън же день, аще котораго святого память прилучашеся, в то имя прорицаху постригающемуся имя» [3:328] В житиях, созданных Епифанием

Премудрым, основные приемы ритмизации используются достаточно широко. В «Житии Никона» признаков ритмизации не отмечено.

В текстах стиля «плетение словес» часто используются «парные синтагмы – близкие, сопрягаемые в значении слова, соединенные попарно» (4:198): «възвышение высящесея», «единому единьствовавшу», «управление управити». Этот прием используется в различных функциях, может служить для усиления действия, иметь единое значение либо представлять собой кальки с греческих слов и выражений. Для «Жития Никона...» использование парных синтагм нехарактерно.

Епифаний Премудрый активно использует сложные слова, образованные по подобию греческих: «благопокоренье», «идолоуслужитель». Многие из них не закрепились в языке, оставшись окказионализмами: «потребословье», «страстолюбец», «санолобие».

В тексте «Жития Никона» тенденция сложного словообразования не прослеживается.

Для стиля «плетение словес» были характерны полиномические конструкции. При перечислении характеристик предмета или субъекта каждый синоним нес дополнительный оттенок значения: «Им же цари и человеци удивльшесе к ним приристаху, болящеи различными недугы исцѣльваху, и въ бѣдах теплии избавители, и от смерти скории заступници, на путех и на мори нетруднии шественици, недостатствующим обилнии предстатели, нищим крѣмители, въдовам и сиротам неистоощаемое съкровище» [3: 368]. Эта черта также не нашла отражения в «Житии Никона...».

Оценочные эпитеты, которые призваны раскрыть основную суть предмета или объекта, применяются в памятниках стиля «плетение словес» достаточно широко. В «Житии Никона...» наблюдаем эпизодическое употребление оценочных эпитетов. Если речь идет о Никоне, он «преосвященный митрополит», «святѣйший патриарх», государь для агио-

графа «великий царь», «благочестивый царь». И даже эти сочетания слов скорее не эпитеты, а устойчивые сочетания, применимые по отношению к лицам, занимающим вполне конкретное общественное положение. Прочие действующие лица и предметы с помощью эпитетов не характеризуются.

Стиль «плетение словес» отличается обильным использованием тропов. Метафорические ряды придают повествованию образность, патетичность, привычные слова с их помощью приобретают новое значение. В «Житии Никона...» тропы используются крайне редко, общий тон повествования предельно историчен. Автор не употребляет развернутые метафоры, красочные абстрагированные сравнения.

В тексте «Жития...» не наблюдается обилия книжных слов с суффиксами отвлеченной семантики.

В памятниках стиля «плетение словес» используются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения с последовательным и параллельным подчинением, причастные конструкции. Такое разнообразие конструкций объясняется развитием синтаксического строя языка, это не столько характерная черта стиля «плетение словес», сколько признак эпохи. Типичным для «плетения словес» стало ритмическое построение текста, при котором последовательно нанизывающиеся однотипные предложения создают эффект монотонности. «Елма же о рѣченѣм Симонѣ въмалѣ помянухом, и не лѣнюся паки повѣдати о нем пространнѣе, его же память не утаися, и бесѣда яже о нем явѣ его творит, и добродѣтели его мало пошедше напреду явьствуются» – [З: 334].

Синтаксис текста «Жития Никона...» характеризуется тем же набором синтаксических средств, что и стиль «плетение словес», но количественные параметры их употребления разнятся. Сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные конструкции, причастные и деепричастные обороты широко используются автором. Судя по всему, автор не стремился намеренно использовать прием синтаксического параллелизма.

Структурно-семантическая организация текста «Жития Никона...» отличается от классических схем организации агиографических произведений. О детстве будущего святого и его жизни до ухода в монастырь рассказывается бегло, первые годы монашества Никона описываются кратко, основная нарративная часть жития посвящена описанию взаимоотношений царя и патриарха. В «Предисловии к читателю» автор, согласно традиции, вкратце излагает содержание произведения, но строгого соответствия «предложение-сигнализатор – большой структурно-семантический блок в повествовании» нет. Чаще всего в тексте встречается цепочечная связь между структурно-семантическими блоками, повествование развивается последовательно, экскурсы в прошлое и будущее даются только в качестве примечаний автора: «И зело возлюбил то место и озеро и возжелал на оном озере на Вышнем острове устроити монастырь // {еже и збысться, яко же о сем впреди изъявится}» [2: 32]. Характерных для стиля «плетения словес» случаев построения развёрнутого, пространного высказывания в тексте «Жития» не отмечено.

Анализ структуры простых предложений-высказываний «Жития Никона...» показал, что и в этом аспекте между исследуемым текстом и агиографическими произведениями, созданными Епифанием Премудрым, есть сходства, однако существует и ряд отличий. Оборот «дательный самостоятельный» широко употребляемый в стиле «плетения словес», также частотен в тексте «Жития Никона», причём в 36 % случаев (53 примера из 147) он выполняет функцию придаточного предложения времени: «*Преосвященному же митрополиту Никону правящу престол Новгородския митрополии не точию не изменившу своего благонравия, но наипаче тщаешся о всяком на славу божию благотворении...*» [2: 35]; «*по времени же некоем приспевшу недели сырной, присла царь...*» [2: 108]. Однако в тексте также широко представлены придаточные предложения времени, присоединенные с помощью различных союзов.

Так же, как и в агиографии Епифания, в тексте «Жития Никона» двусоставные предложения преобладают над односоставными, а среди односоставных чаще встречаются определенно-личные конструкции.

Степень осложненности простых предложений-высказываний в агиографии стиля «плетение словес» и в «Житии Никона...» отличается достаточно резко. Если для первых характерно использование сравнительных оборотов и уточняющих конструкций разной семантики, причем уточнение чаще всего делается «иерархически», то в «Житии Никона...» цепочек уточняющих конструкций не наблюдается. Обилие однородных членов, характерное для стиля «плетение словес», в тексте «Жития Никона...» встречается редко. Чаще всего однородными являются сказуемые, но они настолько распространены и семантически насыщены, что имеет смысл рассматривать эти структуры как цепочки двусоставных неполных предложений: «По вся же посты во отхожую свою пустыню отхождаше и тамо жесточайшее житие живяше, вящшие молитвы и пост и поклоны прилагаше, сна же всегда мало требоваше, яко точию в ношеиденствие три часа спаше» [2: 72].

Для стиля «плетение словес» характерна «рамочная» конструкция предложений, в которых подлежащее находится в первой позиции, а сказуемое в последней. В «Житии Никона» таких конструкций очень мало, чаще всего они встречаются в прямой речи: «Всемиловитый же Бог молитв ради твоих и таких дея трудов дом мой весь сохранил» [2: 89]. Гораздо чаще встречаются конструкции с инверсией, когда предикат находится на первом месте в предложении. Судя по всему, это обусловлено стремлением автора подчеркнуть важность совершаемых действий: «Послаша же с собору его проводити в дом...» [2: 95]; «Приложи же святейший патриарх Никон и сие...» [2: 94]; «Бе же на том соборе муж честен, именем Лазарь...» [2: 88].

Очевидно, для автора «Жития Никона» Иоанна Шушери-на первоочередной задачей было изложить происходившие с

патриархом события. Об этом речь идет уже во вступительном слове к читателю: «Сего ради судися ми у некоего благочестива мужа христианина таковую о житии сего блаженного историю списати, да последующим родом память о нем не заглодитя, неистинную де глаголющая да обличатся, трезвятся» [2: 23].

Таким образом, эстетическая функция текста не является для агиографа важной. Можно предположить, что жития, созданные Елифанием Премудрым, не являлись для Иоанна Шушерина образцом агиографических произведений. Дальнейшее исследование поможет определить, на эталон каких житий опирался автор.

Библиографический список

1. Абрамова И.Ю. Синтагматика грамматической структуры простого предложения-высказывания в житийных текстах «плетения словес» // Русский язык: история и современность: Мат. науч. конф., посвящ. 80-летию проф. Н.Д. Рушинова. Н. Новгород, 2004. С. 21-24.
2. Житие Никона, святейшего патриарха Московского / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2005. 192 с.
3. Житие Сергия Радонежского / Подготовка текста Д.М. Буланина, перевод М.Ф. Антоновой и Д. М. Буланина, комментарии Д.М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 324-397.
4. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 296 с.

**ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА И ЦЕРКОВНОЕ
КРАСНОРЕЧИЕ ЕГО ВРЕМЕНИ**

Россия, Москва, Государственный музей А.С. Пушкина

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слёз неожиданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт [3,1].

Это стихотворение было написано Пушкиным в 1830 г. Оно явилось откликом на адресованное поэту стихотворение Святителя Филарета «Не напрасно, не случайно/ Жизнь от Бога мне дана», которое, как известно, было ответом на исполненные тоски и отчаяния пушкинские стихи «Дар напрасный, дар случайный,/ Жизнь, зачем ты мне дана?» В

стихотворении «В час забав иль праздной скуки» запечатлен литературный портрет Святителя Филарета – духовного наставника, врачующего уязвленную совесть, своим словом пробуждающего душу поэта. И этот портрет исторически достоверен. Современники называли московского митрополита Филарета «Российским Златоустом». Его речи, проповеди, пастырские наставления и надгробные слова исторгали слезы и вызывали восторг. Их стремились услышать, их читали и переписывали, выучивали наизусть. «А сколько в этих речах, при движении пламенного чувства любви к Богу, при глубине вероисповедальных мыслей, сколько высокой, достойной бессмертного псалмопевца поэзии, какая в них стройность, ясность, сила, статность, благозвучность, величавость» [12:99], – вспоминал один из слушателей Святителя. «Твой голос величавый/Меня внезапно поражал», «Твоих речей благоуханных / Отраден чистый был елей» – в этих стихах Пушкина отразились чувства многих слушателей митрополита Филарета. И если бы в пушкинском наследии было только одно стихотворение «В часы забав иль праздной скуки», запечатлевшее образ выдающегося церковного проповедника, первого проповедника его эпохи, то уже это было бы достаточным обоснованием избранной нами темы «Творчество Пушкина и церковное красноречие его времени». Но, разумеется, названная тема выходит за пределы одного стихотворения. Она весьма обширна, глубока, многоаспектна.

Церковное красноречие занимало ведущее место в ораторской культуре пушкинской эпохи. Проповедь христианской религии, вечных истин добра, справедливости, самоотвержения, любви, милосердия – в этом прежде всего заключалось его содержание. Слово церковного оратора звучало во дни торжеств и народных бедствий, отзывалось на многие события современности – войны, политические перевороты, эпидемии. Церковные проповедники произносили и речи, относящиеся к широкой сфере быта; например увещания «о

прививании предохранительной коровьей оспы», поучения «О средствах начальнических, как соблюдать в целости своих подчиненных», «О должности родителей в рассуждении попечения о детях». При этом многие речи духовных ораторов воспринимались современниками и как литературные произведения. Не случайно памятники церковного красноречия были включены в «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе», изданных в пяти томах в Санкт-Петербурге в 1815 г. Обществом любителей отечественной словесности. Наряду с учебниками красноречия, предназначенных для лицеев, гимназий, кадетских корпусов, риториками, изданными «в пользу любящего российский слог юношества», риториками для девиц, издавались риторика для духовных семинарий. Так, в 1833 г. в Москве вышло в свет «Руководство к церковному красноречию, с примерами из Священного Писания, Святых Отец и славнейших ораторов Христианских. Сочинение, полезное для духовных училищ и для молодых Священнослужителей, посвятивших себя проповедованию Слова Божия».

Пушкин, чуткий ко всем явлениям бытия, откликающийся на все, что его окружало, откликнулся и на церковное красноречие, значительное явление духовной культуры его эпохи. Об этом свидетельствуют стихи и проза Пушкина, многие его произведения, в которых дают о себе знать традиции церковного красноречия. Это сказывается в цитатах и реминисценциях из речей церковных ораторов. Это сказывается на уровне жанровых и стилевых особенностей пушкинских сочинений. Укажем в данном случае на мотивы и образы из «Речи Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу пред Высочайшим вшествием в Большой Успенский собор в 29 день сентября 1830 года, говоренной Синодальным Членом Филаретом, Митрополитом Московским» в стихотворении «Герой» слава, превышающей человеческую славу подвиг государя, посетившего холерную Москву, разделившего

смертельную опасность со своим народом, сердце государя, на это его подвигнувшее, воздаяние неба за содеянное, утешение страждущим). В стихотворении «Перед гробницей святой» образ «В твоём гробу восторг живет!/Он русский глас нам издает», возможно, восходит к «Слову, говоренному при гробе князя Смоленского Архимандритом Филаретом в день погребения 13 июня 1813 г. в Казанском соборе», где сказано, что и после смерти Кутузова отзывается в сердцах россиян его глас. Строфа в черновиках «Евгения Онегина», где говорится о гибели сына графа П.А. Строгонова в сражении 1814 г., перекликается с надгробной речью на похоронах графа П.А. Строгонова, произнесенной архимандритом Филаретом 5 июля 1817 г. в Благовещенской церкви Святотроицкой Александроневской Лавры – по предположению Ю.Н. Тынянова, Пушкин мог быть на похоронах П.А. Строгонова, а следовательно, слышать слово Святителя Филарета и запомнить его. Особого внимания заслуживает лирика Пушкина конца 1820-1830-х гг. Обращаясь к коренным вопросам бытия, к размышлениям о жизни и смерти, о временном и вечном, к таким нравственным ценностям, как чистота совести, внутренняя свобода, Пушкин обращается к Библии, Евангелию, Псалтири, молитвенным текстам. Назовем стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны» – поэтическое переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина, другие стихотворения т.н. «Каменно-островского» цикла – «Подражание итальянскому», «Мирская власть», тяготеющие к этому циклу стихотворения 1836 г. – «Напрасно я бегу к Сионским высотам», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Любопытно обратить внимание на то, что в «Пиковой даме» надгробное слово молодого проповедника становится объектом изображения – приведенная Пушкиным цитата из слова в контексте повести придает повествованию иронический смысл; старая графиня, тиранящая бедную воспитанницу, отнюдь не является праведницей (как названа она

в надгробном слове), одержимый мечтой об обогащении с помощью карточного выигрыша Германн – отнюдь не жених полудночный, а сцена Германна и графини, когда Германн, желая узнать ее карточную тайну, угрожает ей пистолетом, далека от благостной картины мирного успения старой дамы.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет то, как Пушкин «Осваивает» выразительные возможности церковного ораторского искусства, использует их в своем творчестве. Приведем два возможных примера.

Первый литературный триумф Пушкина связан со стихотворением «Воспоминания в Царском селе» – он читал его на переводном экзамене по словесности 8 января 1815 г. в присутствии Г.Р. Державина. Оно посвящено 1812 году. Это своего рода ораторская речь юного лицеиста о недавних, всем памятных событиях нашествия Наполеоновских войск на Россию, о героической борьбе русского народа с завоевателями, о славной победе русского оружия. И в этой речи звучат интонации многих ораторских произведений 1812 года, дают о себе знать их мотивы и образы. Для того чтобы убедиться в этом, следует прочесть «Воспоминания в Царском Селе», привлекая для сопоставления с пушкинским текстом манифесты, воззвания, приказы, речи, проповеди 1812-1814 гг. Обратимся к текстам пушкинского стихотворения и проповедей Преосвященного Августина, епископа Дмитровского, викария Московского.

Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич – и вскоре новой брани
Зарделась грозная заря [3, I: 80].

«Гордый ненасытимый завоеватель кровавый меч внес уже во внутренность Отечества нашего» [5: 3-4].

У Пушкина, как и у церковного проповедника, тирану Наполеону, неистовому, гордому и кровожадному, противопоставлен Александр I, герой, который «с улыбкой примиренья

грядет с оливою златой», «несет врагу не гибель, но спасение и благотворный мир земле».

«Наполеон есть тот человек, который в гордыне своей мечтал быть равен Всевышнему – который опустошал, разрушал все и проливал реки крови. Александр, подобно ноевой голубице, несет к народам масленичную ветвь в знамение общего мира – в знак того, что кровавый потоп должен прекратиться на лице земли, что исчезнут тучи браней и всюду возсияет тишина и спокойствие» [10: 187].

Особенно выразительна у Пушкина и у Преосвященного Августина картина Москвы: она строится на контрасте – первопрестольная столица России до и после разрушения.

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь Русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Всё пламень истребил. Венцы затмились башен.
Чертоги пали богачей.
И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал, и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах [3, I: 81-82].

«Что я вижу? Первопрестольная древняя Столица Российской державы в пламени! Огромные и величественные здания, жилища исполинов колеблются, разрушаются, превращаются в пепел. Стогны, вместо ликов празднующих, наполнены стенаниями и воплями. Несчастные обитатели, одетые прежде серебром и золотом облечены в ретищем и ужем препоясаны» [9: 11].

«Первопрестольная Столица России! Отри слезы, отрини прах и пепел, покрывающий тебя – утешься! – восклицал Преосвященный Августин [8: 6].

Утешься, мать градов России, / Воззри на гибель пришлеца, [3, I:82] – вторил ему поэт-лицеист.

Восклицания, риторические вопросы, обращения, пронызывающие стихотворение Пушкина, характерны для ораторской прозы 1812 года. И лексический строй пушкинского стихотворения, его стилистика также сближаются с ораторскими текстами. «Рать иноплеменных», «крававый меч», «вселенный бич», «надменный галл» и «сыны России», «воитель», «мать городов России», «десница мстящая Творца» – эти словесные ряды имеют аналоги в ораторских текстах 1812 года.

На наш взгляд, приведенные сопоставления (число которых, впрочем, можно умножить) свидетельствуют о зависимости «Воспоминаний в Царском Селе» от церковного красноречия 1812-1814 гг., и дело здесь, разумеется, не столько в отдельных текстовых соответствиях и параллелях, сколько в общности идейной концепции, образной системы, поэтики. Возможно, ориентация на ораторское искусство была у Пушкина сознательной: ведь стихотворение писалось для публичного выступления на экзамене, изначально было рассчитано на устную речь. Использованные в «Воспоминаниях в Царском селе» ораторские приемы, знакомые слушателям мотивы и образы ораторских текстов 1812 года позволили Пушкину и создать яркую динамическую картину недавних исторических событий Отечественной войны, и вызвать у аудитории чувства сопереживания, высокого патриотического подъема. Об этом свидетельствует присутствовавший на экзамене И.И. Пущин: «В этих великолепных стихах затронуто все живое для русского сердца. Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегает у меня» [4: 60].

И еще один пример использования Пушкиным выразительных возможностей церковного красноречия. Речь пойдет о романе «Евгений Онегин», в котором дают о себе знать ри-

торические традиции и русской, и европейской ораторской прозы, в частности – традиции русского церковного красноречия. Не случайно Пушкин, рассказав об отповеди Онегина Татьяне, пишет: «Так проповедовал Евгений», и потом Татьяна вспоминает не только «взгляд холодный», но «и эту проповедь». Рассказ о смерти Ленского ориентирован на надгробное слово, жанр церковного красноречия. Авторское повествование о смерти героя включает в себя мотивы и образы надгробной речи, отмечено ее стилистикой, характерной риторической организацией. Риторические восклицания, вопросы, обращения к читателям-слушателям создают взволнованную интонацию, позволяют выразить скорбные чувства автора, заставить читателей сопереживать трагическое событие, ощутить горечь утраты.

Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..

В надгробных речах жизнь человека метафорически уподобляется тени, ветру, дыму, и особенно часто – увядшему цветку. «Что дне наши, вопиет Пророк, цвет – завтра увядающий, пара, при дуновении ветра исчезающая, тень преходящая...» [7:3].

«Что есть жизнь наша! Иов уподобляет ее цвету процветающему и отпадающему и сени отбегающей и непостоящей; Давид ветру не возвращающемуся, дыму развеваемому...» [11:34]. (У Пушкина: «Поэта память пронеслась / Как дым по небу голубому» VI, 144).

Когда Пушкин сравнивает убитого Ленского с опустевшим домом, то это сравнение – не что иное, как поэтически развернутая метафора из надгробных речей, где тело усопшего называлось гостиницей духа, храминой духа, оставленным домом.

«... муж сей, заснув приятнейшим сном, на крыльях веры, любви и надежды Евангельския, воспарил к престолу Вечного: а здесь долу, отложив токмо труды, заботы, болезни, досаду, огорчения, оставил тем самым дом старый, исполненный тления и гнилости; оставил дом, от подкопов плоти и крови разсевшийся...» [6:6].

Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь:
Теперь, как в доме опустелом,
Всё в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, Бог весть. Пропал и след.

Пушкин обращается к традиционному образу, прозаически снижает его, но с помощью именно прозаических деталей создает эмоционально-выразительную поэтическую метафору. Это почувствовал П.А. Вяземский. «Поэтическая живость и прозаическая верность соединяются в одном ярком свете, в поразительной истине, – писал он 6 января 1827 г. А.И. Тургеневу. – Убитого Ленского сравнивает он с домом опустевшим: окна забелены, ставни закрыты – хозяйки нет, а где она, никто не знает. Как это все сказано, как просто и сильно, с каким чувством» [2:55].

В шестой главе, в рассказе о смерти Ленского Пушкин преобразовал жанр надгробной речи в чрезвычайно эмоциональный поэтический текст. Мотивы и образы церковного красноречия, его стилистика, риторические приемы переплавились в живое слово поэзии, были подчинены творческой задаче передать трагедию происшедшего, вызвать у читателей чувство скорби и сострадания. И это вполне удалось Пушкину. Неслучайно много лет спустя, в 1873 г., П.А. Вяземский

писал: «Смерть Ленского, все, что поэт говорит при этом, может быть в своем роде лучшие и трогательнейшие стихи Пушкина» [1].

И последнее.

Слово Пушкина сохраняет генетическую культурную память о церковном красноречии его времени. Поколения людей, живших в годы советской власти, отлученные от культуры церковного ораторского искусства, все же воспринимали его, читая роман «Евгений Онегин», другие пушкинские произведения, в которых сказалась церковная ораторская традиция. Когда Пушкин писал о сокровищах родного слова, то для него несомненно они заключались и в том наследии, которое оставили церковные ораторы его времени. Сегодня это наследие несомненно требует научного изучения и публикации, введения не только в научный, но и в культурный оборот нашей эпохи.

Библиографический список

1. Вяземский П.А. Мицкевич о Пушкине.// Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984.
2. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Пг., 1921. Т. I. С. 55.
3. Пушкин. А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.-Л., 1948. Т. III. В последующем произведения Пушкина цитируются по этому изданию с указанием в тексте в скобках тома – римской, страницы – арабской цифрами.
4. Пуцин И.И. Записка о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 60.
5. Слово при совершении годовичного поминовения по воинам, за веру и Отечество на брани живот свой положивших, говоренное Преосвященным Августинном, Епископом Дмитровским, викарием Московским и Орденов Св. Александра Невского и Св. Анны I класса Кавалером, 1815 года, августа 26 дня в Московском Сретенском монастыре. М., 1813. С. 3-4.

6. Слово на погребение Его Превосходительства, Г. Гражданского Воронежского губернатора, Тайного советника и разных орденов Кавалера, Александра Борисовича Сонцова, говоренное в Кафедральном Архангельском Соборе Преосвященным Антонием, Епископом Воронежским и Черкасским и Кавалером, 1811 года, февраля 23 дня. М., 1811. С. 6.

7. Слово на кончину госпожи статской советницы Елизаветы Семеновны Смольянской, последовавшую 20 июня 1821 года, сочиненное студентом Академии Иваном Боголеповым. М., 1821. С. 3.

8. Слово по случаю знаменитой победы, одержанной при Лейпциге Российскими и союзными войсками над французской армию, перед начатием благодарственного Господу Богу молебствия, произнесенное Преосвященным Августином «.....» в Московском большом Успенском Соборе, 1813 года, ноября 29 дня. М., 1813. С. 6.

9. Слово в Высочайший День Высочайшего Теозоименитства Его императорского Величества Государя Императора и Самодержца Всероссийского Александра I и по освящении большого Успенского Собора, говоренное Преосвященным Августином «...» в означенном Успенском Соборе 1812 года, августа 30 дня, М., 1813. С. 11.

10. Слово перед начатием благодарственного Господу Богу молебствия по случаю покорения французской столицы победоносными Российскими и союзными войсками, произнесенное Преосвященным Августином «...» в Московском большом Успенском Соборе, апреля 23 дня 1814 года. // Сын Отечества. 1814. Ч. 14, XXIV. С. 187.

11. Собрание поучительных слов, в разное время проповеданных Амвросием, митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским. 2-е изд. М., 1816. Ч. III. С. 34.

12. Сушков Н.В. Записки о жизни и времени Святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868. С. 99.

Г.Ю. Карпенко

**МОТИВ ПРЕОБРАЖЕНИЯ В РОМАНЕ
Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»**

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский государственный
университет karpenko@ssu.samara.ru*

*О, чудо молитвы,
единым действием
объемлющей небо и землю,
и самое Божество!*

Святитель Филарет (Дроздов)

Давно замечено, что «воздушная громада» Л.Н. Толстого – роман-эпопея «Война и мир» – композиционно держится на духовных прозрениях героев. Но почему-то не обращается внимание на то, что в своих наивысших сюжетных точках роман архетипически восходит к Православной традиции, к Евангельскому сюжету Преображения, к трем синоптическим Евангелиям, где запечатлевается Преображение Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа.

В духовной традиции Преображение Господне рассматривается в аспекте христологии, христианской антропологии, экклезиологии, эсхатологии, пасхальности. Наиболее авторитетными для XIX века были святоотеческие толкования и комментарии Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Григория Паламы и, конечно же, святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского.

Чаще всего в культурном сознании девятнадцатый век ассоциируется именами с А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Однако Русская Православная Церковь девятнадцатое столетие называет вском Филарета, филаретовской эпохой, а самого Филарета величает «российским Златоустом и Богословом»,

«ангелом Церкви, парившим над умами умнейших». Достаточно сказать: в 1823-1827 годах Филаретом пишется «Пространный христианский катихизис Православной Кафалической Восточной Церкви (Наставления в Православной вере, необходимые всякому христианину)», и по сей день «филаретовский катихизис» остается обязательным источником в духовных учебных заведениях.

Святитель Филарет (1782 – 1867) в «Слове на Преображение Господне», размышляя над тайной Фаворского света, говорит о Преображении как о величайшем Событии и намечает его четырехчастную структуру: 1) молитва Иисуса Христа; 2) Его внутреннее приготовление к страданию и крестной смерти; 3) явление Его в сиянии Божественной славы; 4) и путь преобразования, открытый Христом всему человечеству. Опираясь на высказывания святителя Филарета, выделим структурные компоненты События Преображения. Архиепископ, обращаясь к Евангелию от Луки, пишет: «Всмотримся еще раз прилежно в изображение преобразования Господня у Евангелиста: *Взыде на гору помолитися. И бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино...* Кажется, по пути к Фавору в прямом и непосредственном намерении Его было не преобразование, но просто молитва: *Взыде на гору помолитися...* Размышляющему не покажется невероятной и та догадка, что предмет сей молитвы Спасительской долженствовало быть приготовление Себя и учеников к приближающемуся Своему страданию и крестной смерти, о чем Он незадолго открылся ученикам» [3: 156].

Как видим, святитель Филарет указывает на то, что Преображение Господне случилось «внутри» приготовления Иисуса Христа к страданию и крестной смерти. Преобразование было явлено в «духе молитвы», «единым действием объемлющей небо и землю, и самое Божество!» [3: 156]: «Как же среди молитвы о страдании открылась слава?... Дух молитвы, сливаясь с Духом Божиим, исполнил светом душу Иисусову;

преизбыток сего света, не удерживаясь в душе, пролился на тело – и просиял в лице; не вмещаясь и здесь, осиял и преобразил самую одежду; расширяясь еще далее, объял душу апостолов – и отразился в восклицании Петровом: *Добро есть нам zde быти*, – прошел в область внутреннего мира – и привлек оттоле Моисея и Илию; достиг самых недр Отца Небесного – и подвиг любовь Его к торжественному свидетельству о Возлюбленном: *Сей есть Сын Мой возлюбленный*» [3: 156].

Рассмотрев ситуацию Преображения Господня, архипастырь соотносит ее с жизнью человека, с его возможностью и внутренней готовностью последовать «путем Христа» (по свидетельству Иоанна Богослова: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин 14: 6)). Последний структурный компонент События преобразования связан с человеком: «Да не скажет кто, что сей пример молитвы до нас не относится, как дело Богочеловека. Он относится и до нас, христиане, ибо в нас то же, хотя не в той степени, должно совершаться, что и во Христе. *Сие да мудрствуется в вас*, – учит Апостол, – *еже и во Христе Иисусе* (Фил. 2:5)». [3: 156]. В связи с последним обстоятельством можно вспомнить и слова апостола Павла: «Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор. 3: 18).

Необходимо подчеркнуть: святитель Филарет говорит о Событии преобразования как об онтологическом событии, пронизывающем всю структуру бытия (от одежды до Божества). Оно, случившееся однажды, пребывает в мире как особая изначальная и неубывающая реальность, как энергия преобразования, как Благодать, как Дары Святого Духа.

Вот с таким евангельским архетипом, с такой же структурой события преобразования, которую описывает святитель Филарет, мы встречаемся в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Более того, именно евангельский принцип «онтологического преобразования» становится жанровообразующим

принципом, возводящим роман Л.Н. Толстого в эпопею. Если в центре романа жизнь частного человека, то содержанием эпопеи (если отвлечься от формализованных и количественных определений) является изображение жизни человека, народа и государства в такой переломный период истории, когда совершенно принципиально меняются привычные официально закрепленные социально-иерархические (сословные) отношения подчинения на отношения исторического торжества онтологических (исконно теоантропных, богочеловеческих) ценностей, когда государство идет на поклон к народу, а человек ищет (и находит) в народной почве и в духе основания своего бытия. Другими словами, эпопея запечатлевает уникальную историческую ситуацию, – ситуацию всеобщего «преображения», когда к исторической жизни пробивается не правда одного, не правда сильного, а правда всех (сверхличная правда), – правда-свет «не от мира сего».

Причем евангельский принцип «онтологического преобразования» содержится в названии романа «Война и мир». Уже отмечалось, что слово «мир» и в девятнадцатом веке и Л.Н. Толстым писалось и через «и»-восьмеричное и через «і»-десятеричное. «Міръ» – это материальная протяженность и Вселенной и людского сообщества, «жизненная каша», выражаясь языком Л.Н. Толстого. «Міръ» – это собрание (скопище) людей с разнородными интересами. Другой «миръ» связан с общинным смыслом, – это соединение людей в духе и братской любви по принципу «неслиянности-нераздельности». Эту разницу написания и смыслов отражает сохранившееся выражение «міру мир» («міру миръ»): пожелание плотскому состоянию духовного согласия.

Название романа «Война и мир» и соотносимое с ним содержание актуализируют несколько уровней символического понимания заглавия:

1. Антиномичный характер названия: война противопоставлена всякому миру (міру и миру).

2. Порождающий характер названия: Мирь порождает войну, так как люди с разными интересами, желая достичь своих целей, неизбежно приходят в столкновение с другими. В романе символом-событием такого войны-столкновения является «мирное» нашествие Наполеона (ибо сам Наполеон считал, что он несет «варварам», «азиатскому народу» свет и блага цивилизации). Не случайно роман начинается с рифмующийся ситуации: в салоне Анны Павловны Шерер, в месте, где улаживаются дела и плетутся интриги, по большей части на французском языке обсуждают Наполеона.

3. Онтологический характер названия: война преобразует Мирь в Мирь, в событие встречи людей, смиряющих свои страсти, согласующих свои интересы друг с другом. Произведение Л.Н. Толстого событийно завершается состоянием Мира: «Как в каждой настоящей семье, в лысогорском доме жило вместе несколько совершенно различных миров, которые, каждый удерживая свою особенность и делая уступки один другому, сливались в одно гармоническое целое» [2: 7, 286].

Евангельский принцип «онтологического преображения» находит свое воплощение в каждой узловой клеточке романа. Можно сказать, что Л.Н. Толстой строит свой роман центрированно, ориентируясь на «онтологические пороги», подводя к ним своих героев. На этом пути они обретают «живое знание», преобразуются. Если говорить о романном компоненте – о жизни частного человека, то с ним преобразование случается именно в страдании, в душе как «пространстве» страдания. Причем у Л.Н. Толстого сюжетным сигналом событиям духовного просветления героя становится его внутреннее движение «выйти из себя», из замкнутого «Я», из круга своих переживаний. Характерный пример – ситуация просветления Наташи Ростовской после ее «трехопадения». От Марьи Дмитриевны за свой проступок она слышит гневные уничтожающие ее слова: «Мер-

завка, бесстыдница... В моем доме любовникам свидания назначать!.. Ты себя осрамила, как девка самая последняя» (5, 371). Сюжетным сигналом душевного просветления Наташи становится событие «вовне» – война 1812 года, когда стали говорить, что «Смоленск сдан, что у Наполеона миллион войска и что только чудо может спасти Россию (6, 78). А непосредственным местом духовного преображения Наташи становится церковь.

Вначале Наташа ухватилась за мысль говеть во время Петровского поста, но не так, как это делали Ростовы, «на дому», а в церкви, «не пропуская ни одной вечерни, обедни или заутрени» (6, 77). Обманутая Анатодем Курагиным, она находится в состоянии близком к физической и духовной смерти, но Благодать не оставляет ее. После говения в конце Петровского поста и молитв в церкви перед иконой Божьей матери Наташа переживает «блаженное воскресенье», она возвращается к жизни не только с новыми физическими силами, но и с новым знанием: «Новое для Наташи чувство смирения перед великим, непостижимым охватывало ее... когда она не понимала, ей еще сладостнее было думать, что желание понимать все есть гордость, что понимать всего нельзя, что надо только верить и отдаваться Богу, который в эти минуты – она чувствовала – управлял ее душою» (6, 77).

Наташа еще продолжает находиться в состоянии «жизни без жизни» (6, 79) и в таком состоянии присутствует на службе Великой ектении, – и с ней происходит чудо преображения, когда она слышит слова дьякона «Миром Господу помолимся. О свышнем мире и о спасении душ наших... Сами себя и живот наш Христу Богу предадим. «Сами себя Богу предадим, – повторяла в своей душе Наташа. – Боже мой, предаю себя твоей воле... научи меня, что мне делать, куда употребить свою волю!..» – с умиленным нетерпением в душе говорила Наташа... как будто ожидая, что вот-вот невидимая сила возьмет ее и избавит от себя, от своих сожалений,

желаний, укоров, надежд и пороков... И ей казалось, что Бог слышит ее молитву» (6, 80-81, 83). Как в Евангелии от Луки, где говорится, что, «когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою» (Лк 9: 29), так и в романе Л.Н. Толстого «вид лица» и одежда Наташи меняются: «умиленное, с блестящими глазами, лицо»; «Наташа... в белом кисейном платье вернулась от причастия» (6, 81, 78).

Но если в обычном течении жизни в судьбе героев случаются события, изменяющие их миропредставления, или возникают ситуации «эпопейного наполнения» (сцена охоты), то в войне 1812 года, в Бородинском сражении «онтологически преобразенными» оказываются все, русский народ, «от мала до велика», от солдата до Кутузова. В романе такое единство русского мира находит выражение в словах «Всем народом навалиться хотят» (6, 198) и в изображении вдруг происходящего изменения «внутреннего статуса» личности и всего народа накануне Бородинского сражения. Впечатляет сцена с иконой Смоленской Божьей Матери, становящейся живым духовным началом, энергичной силой «отологического преобразования». «Взойдя на гору, икона остановилась» (6, 203), – пишет Л.Н. Толстой о духовном царствовании животворящей иконы в пространстве русского мира («Взыде на гору помолиться»; «Взошел Он на гору помолиться» – Лк 9: 28). К «Смоленской матушке» «без шапок бежали... солдаты и ополченцы», перед ней склонились «чиновные люди» и иноверцы (6, 203). «Спаси от бед рабы твоя, Богородце... Яко вси по Бозе к Тебе прибегаем, яко нерушимой стене и предстательству» (6, 203-204) – эти слова молебна стали внутренним кодом поведения каждого: Кутузов «перекрестился привычным жестом, достал рукой до земли и, тяжело вздохнув, опустил свою седую голову» (6, 204). Примечательно, что в присутствии Смоленской иконы Божьей матери солдатами и ополченцами не соблюдается принцип воинской субординации: «Несмотря на присутствие главнокомандующего, об-

ратившего на себя внимание всех высших чинов, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться» (6, 204). В состоянии «предстояния» оказались и те герои, от которых такого духовного жеста ожидать было нельзя. Борис Друбецкой, как пишет Л.Н. Толстой, вероятно, приложился к иконе, а Долохов попросил прощения у Пьера: «Долохов со слезами, выступившими ему на глаза, обнял и поцеловал Пьера» (6, 208).

Как видим, в романе «Война и мир» действует евангельский принцип «онтологического преображения»: сверхличное начало, по мысли Л.Н. Толстого, Провидение правит чутким человеком и русским миром, и Оно в трагический момент человеческой судьбы и истории меняет внутреннюю неустроенность души, социально знаковые координаты общественного устройства, – всё преобразуется, являя историческую возможность иного личностного и национального бытия.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1993. В тексте в соответствии с общепринятым обозначением приводятся сокращения библейских источников.
2. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Художественная литература, 1978-1984. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием тома и страницы.
3. Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. М., 1994.

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ О РУССКОМ РЕЛИГИОЗНОМ
ТИПЕ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»
(1873, 1876, 1877)**

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский государственный
университет, Кауа.88@mail.ru*

Объектом исследования является «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского (1873, 1876, 1877). Рассматривая и характеризуя в публицистической форме основные явления современной ему действительности, Достоевский прибегает к особым методам описания и оценки, которые позволяют говорить о неких особенностях «Дневника писателя» как художественно-публицистического издания. Одной из таких особенностей является типизация как способ осмысления и подачи материала в целостном и системном виде. Данная особенность представляет интерес в качестве одного из средств, с помощью которого писателю удастся сконструировать и представить на страницах «Дневника писателя» определенную картину мира с присущими ей критериями и ценностями. Другими словами, выделяя определенные социально-психологические типы, Достоевский стремится к целостной подаче окружающей его действительности, к системному изображению основных процессов, в ней происходящих, а также к выражению своей позиции по некоторому кругу вопросов.

Описывая такие социально-психологические типы, как тип общественного человека, символа культуры эпохи, тип государственного служащего, чиновника, русский религиозный тип, Достоевский выделяет как особый тип последний из перечисленных – религиозный. Учитывая социальные признаки, Достоевский считает определяющим критерием в представлении природы человека нравственно-этический, духовный критерий. Таким образом, он строит не социально-

плоскостную, а духовно-вертикальную картину мира. Человек мыслится в его соотношении с Высшим началом, некоей вертикалью и через это соотношение определяется. Тем самым Достоевский противопоставляет свое видение человека социологическим и позитивистским видениям. Позитивизм как ведущее направление философии XIX века подчеркивал ценность положительного научного знания, то есть такого знания, которое будет опираться на опыт. Главным постулатом позитивизма стал отказ от умозрительных рассуждений и утверждение в качестве ведущей науки такой науки, которая была бы основана на наблюдении и эксперименте. Основатель позитивизма Огюст Конт предложил рассматривать общество, а также и человека с помощью естественно-научного подхода – как организм, живущий по природным, биологическим законам. С точки зрения своей духовной сущности человек в позитивизме не рассматривался. Достоевский подходит к человеку именно с точки зрения его нравственно-этической, духовной стороны. Важнейшими для него становятся именно нравственные качества личности.

Можно заметить, что Достоевский выводит разные образы или типы религиозных людей. Условно их можно представить следующим образом:

- 1) тип общественного человека, выразителя культуры и общественной мысли эпохи;
- 2) преображенный (пасхальный) тип;
- 3) «почвенный» тип;
- 4) жертвенный (иконический) тип.

Выразителем типа общественного человека выступает В.Г. Белинский (статья «Старые люди»). Преображенный тип представлен образом крестьянского мужика Власа (очерк «Влас»). «Почвенный» тип представляет мужик Марей (рассказ «Мужик Марей»). Представителем жертвенного типа является Фома Данилов (статья «Фома Данилов, замученный русский герой»).

Можно выделить следующие критерии, в соответствии с которыми рассматриваются представленные типы: социальный статус (общественное положение; роль в обществе); Высшее начало (Бог) (проблема веры и неверия); внутренние ценности, установки (вопрос, в какой ценностной системе находится и реализует себя тип).

Примечательно, что Достоевский рассматривает преобразенный тип по духовно-содержательному основанию (то есть основанием, определяющим этот тип, становится православная вера), а тип общественного человека – по структурно-формальному признаку (тип определяется готовностью постоять за идею). Позже так же будет рассматривать общественных деятелей и революционеров Бердяев, относя их к религиозному типу по структуре.

В очерке «Среда» Достоевский говорит о Белинском как об одном из выразителей типа общественного человека. Белинский был представителем слоя интеллигенции русского общества. Н.А. Бердяев так характеризовал это явление: «Во второй половине XIX века слой, который

именуется просто культурным, переходит в новый тип, получающий наименование интеллигенции» [1:17]. Для русской интеллигенции было характерно: критика окружающей действительности, усвоение западных идей и теорий и перенесение их на русскую почву. Говоря о Белинском, Достоевский характеризует его как темпераментную, личность, способную всецело служить какой-либо идее и верить в нее безусловно. «В этом много для меня знаменательного, – именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшим образом проникаться идеей» [2:10] – писал Достоевский. Н.А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» дает такую характеристику Белинскому: «<...> он был нестерпимым фанатиком, беззаветно увлечен идеями, постоянно вырабатывал себе мировоззрение <...> для обоснования своих стремлений к лучшему, более спра-

ведливому социальному строю» [1:31]. Белинский был выразителем так называемого восторженного типа личности – личности, которая ради своих идеалов готова отдать жизнь. Это личность, горячо и подчас даже слепо уверовавшая в идею. Именно эта преданность своим идеалам, это безусловное служение выдвинутым принципам делало личность Белинского цельной, истинно русской личностью. Неудержимость в стремлении к осуществлению своих идеалов, вера, основанная не на рациональном обосновании идеи, а на страстном чувстве, характерна для личности Белинского и всего типа, выразителем которого он является.

По соотношенности данного типа с выявленными критериями его можно охарактеризовать следующим образом: *социальный статус*: общественный деятель, выразитель культуры эпохи, человек, имеющий влияние в обществе; *Высшая ценность (Бог)*: отрицание Бога как Высшей ценности, отождествление выдвинутых социальных ценностей с Высшим началом, атеистический взгляд; непризнание вертикали, на вершине которой находится Бог; подмена Высшей ценности какими-либо другими ценностями; *внутренние установки*: реализация выдвинутых ценностей через отрицание существующих ценностей; разрыв с традицией.

Белинский, отстаивая атеистические идеи, тем не менее не отрицает образ Христа. В своем письме к Гоголю, являвшемся ответом на «Выбранные места из переписки с друзьями», Белинский говорит о Христе как о проповеднике идей свободы, справедливости и равенства. Вполне очевидно то, что Белинский не отрицает Христа, а испытывает противоречивые чувства к Его образу. Поэтому можно сделать вывод, что отношение Белинского к вере довольно сложное, и поэтому не стоит трактовать его однозначно.

В очерке «Влас» Достоевским представлен преображенный религиозный тип. Это обыкновенный человек из народа – крестьянин Влас. Очерк начинается с цитирования

отрывков из стихотворения Некрасова «Влас» о крестьянине, раскаявшемся в своем грехе и решившим искупить его, скитаясь по свету и собирая подаяния на построение храма. Достоевский приводит одну историю, «удивительно фантастический рассказ про другого Власа». Крестьянский мужик, вступивший в спор с одним из деревенских мужиков «кто кого дерзостнее сделает?», соглашается исполнить все, что тот ему скажет. Условием спора оказывается выстрел из ружья в причастие. В последний момент перед тем, как выстрелить, Власу предстает крест, а на нем распятый Христос. Стрелявший падает в бесчувствии, а после, раскаявшись в совершенном действии, идет с покаянием к старцу. Приводя эту историю, Достоевский явно сравнивает некрасовского Власа и стрелявшего мужика и показывает их сходства и принадлежность к одному – возрожденному религиозному – типу.

«В последний момент вся ложь выйдет из народного сердца и станет перед ним с невероятной силой обличения. Очнется Влас и возьмется за дело Божие» [2:41]. Здесь особенно ярко выступает мотив преображения, которому Достоевский уделял особое внимание. Стремление совершить «дерзость», выйти за рамки дозволенного, характерное для поведения мужика из народа, доводит человека до грани, где открывается ему вся ложь и греховность совершенного поступка. Для поступка характерна ступенчатая структура: от безудержности в проявлении своих желаний, стремлений через страдание, раскаяние от совершенных деяний до исцеления, преображения личности.

По соотносительности данного типа с представленными критериями его можно охарактеризовать следующим образом: *социальный статус*: социально обезличен, не представляет собой общественно значимого типа, является представителем народа; *Высшая ценность (Бог)*: через раскаяние приходит к преображению личности, открывая для себя истинную,

Высшую ценность; признание вертикали, нахождение своего места в ее структуре, где на вершине находится Высшее начало; *внутренние установки*: реализация себя в соответствии с высшими ценностями, опора на религиозное чувство.

Личность Власа противоречива: неперемное желание пойти на «дерзость», совершить тяжкий грех, заявить о своем своеволии и в то же время следующее за этим осознание своего греха – все это делает внутренний мир человека сложным. Стремление заявить о себе, пойти на дерзостный поступок Достоевский связывает с такой особенностью русского народа, по его мнению, как желание непременно во всем дойти до грани, до последней черты.

Русский человек, по Достоевскому, заявляет своеволие, утверждает себя. Но, заявив своеволие, он тотчас же раскаивается; через страдание с ним происходит чудо преображения, открывающее ему существование чего-то большего, чем он сам. Владимир Соловьев так характеризовал это совершенное своеволие: «<...> это внутренний грех самообоготворения может быть искуплен только внутренним, нравственным подвигом самоотречения. Беспредельная самоуверенность должна исчезнуть перед верой в то, что больше *себя*, и самодельное оправдание должно смириться перед высшей правдой Божией <...>» [3:299].

Влас – именно такой преображенный, пасхальный тип. Через совершение греха и покаяние в этом грехе он приходит к истинной вере в Христа, обретает душевную гармонию, преображается в истинно религиозный народный тип. По мысли Достоевского, в образе Власа раскрываются все основные черты русского народа, его характер, его противоречивая, сложная душа. Достоевский подчеркнул, что Влас – человек преображения, русский человек в его сути.

В рассказе «Мужик Марей» Достоевским представлен другой тип – «почвенный». Этот краткий рассказ-воспоминание из детства повествует о встрече Достоевского

с обыкновенным крестьянином, мужиком Мареем, на поляне. Это воспоминание внезапно изменило взгляд Достоевского на каторжников. Крестьянский мужик Марей символизирует природное, сросшееся с землей христианство. Это почвенный православный тип, неразрывно связанный с землей. Достоевский подчеркивает эту неразрывную связь: «Он протянул тихонько свой толстый, с черным ногтем, запачканный в земле палец <...>» [4:150]. Важным оказывается и то, как Достоевский повествует о заключенном поляке и противопоставляет ему Марея. Поляк, испытывая ненависть к каторжникам, оказывается неспособным быть чутким к их душе, неспособным к состраданию. По мысли Достоевского, у него и не могло быть никакого другого взгляда на каторжников, так как не было этого просветляющего воспоминания о заботливом по-матерински Марее. «Ну и ступай, а я те вослед посмотрю. Уж я тебя волку не дам! – прибавил он, все так же матерински мне улыбаясь <...>» [4:150] – пишет Достоевский.

Потрясшее Достоевского глубокое чувство, которым «может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика» [4:151], именуется им высоким нравственным качеством русского народа. В цельном образе мужика Марея раскрывается символ русского народа как носителя морально-этических ценностей. Марей выражает глубинные народные качества русского народа: неразрывная связь с родной землей, почвой, глубокое религиозное чувство, забота о ближнем человеке.

На основе выдвинутых критериев можно характеризовать данный тип следующим образом: *социальный статус*: социально обезличен, представитель крестьянства, человек из народа; *Высшая ценность (Бог)*: глубокое религиозное чувство, вера в Христа; *внутренние установки*: носитель высоких морально-этических и христианских ценностей.

В статье «Фома Данилов, замученный русский герой» представлен исповедально-жертвенный тип. Достоевский рас-

сказывает о русском солдате, захваченном в плен азиатами и замученном до смерти за то, что он не согласился отречься от христианской веры и перейти в ислам. Достоевский приводит концепцию народной личности, готовой ради веры принести себя в жертву. Важным здесь является то, что речь идет не просто о вере, а об исповедании веры, о более глубоком – духовно-органическом свидетельствовании Истины. В Катехизисе так сказано об этом: «Ближайшим и неперемнным действием сердечной веры в Бога должно быть исповедание самой веры. Исповедовать веру – значит открыто признавать, что мы держимся Православной веры, и притом с такой искренностью и твердостью, чтобы ни прельщения, ни угрозы, ни мучения, ни сама смерть не могли заставить нас отречься от веры в Истинного Бога и в Господа нашего Иисуса Христа» [5:18]. Путь Данилова – это голгофный путь Христа, поэтому для Достоевского Данилов – это «эмблема России», портрет всего русского народа, духовное чувство в котором заложено первоначально, а ценности являются не формальными категориями, выведенными из логических размышлений, а данными, изначально заложенными в самом корне русской народной личности.

В соответствии с выдвинутыми критериями можно охарактеризовать данный тип следующим образом: социальный статус: обыкновенный человек из народа; Высшая ценность: глубокое религиозное чувство, вера, ради которой тип способен принести себя в жертву; внутренние установки: носитель глубоких морально-этических и религиозных ценностей.

При рассмотрении данного типа важно заметить, что Достоевский с языка типизации переходит на язык символизации (эмблема, портрет), к иконическому принципу изображения, в котором тип укоренен уже не в структурно-социальном и деятельном (как у социально-религиозного типа) и даже не в почве (земля у Марья), а в духовно-онтологическом, восходящем и возводящем к Христу.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя (1873г.) // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1980. Т. 21.
3. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // В.С. Соловьев. Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 2.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М., 1989.
5. Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. Рязань, 1992.

Г.О. Портнов

ЯЗЫКОВОЕ ПОЛЕ «ЗАМКНУТОГО ПРОСТРАНСТВА» И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Россия, Самара, ГОУ ВПО Самарский государственный университет, georgii_portnov@mail.ru

В научном мире неоднократно говорилось об апространственности, точнее, о пространственной абстрактности художественного мира Достоевского. Еще Н.А. Бердяев справедливо заметил, что хотя в произведениях писателя присутствуют грязные трущобы, трактиры, город – все это «есть лишь атмосфера человека, лишь момент трагической судьбы человека, город пронизан человеком, но не имеет самостоятельного существования» [1:30]. Чуть позже А.П. Чудаков, говоря об особенностях предметного мира Достоевского, выделил топографический характер его интерьеров, пейзажей, портретов: «Описание, несомненно, достаточно конкретно, но конкретность эта скорее топографического характера: схема, но не рисунок» [5:97].

Вместе с тем ряд ученых и тот же А.П. Чудаков подчеркивают определенную сегментацию пространства в произведениях Достоевского. Ряд исследований позволяет даже говорить об иерархии пространства в текстах писателя. Так, В.Н. Топоров, сближая роман «Преступление и наказание» с архаическим текстом, в котором реализуется мифопоэтическое содержание, выделял, несмотря на всю схематичность художественного мира Достоевского, пространственный центр и периферию как тесно взаимосвязанные локусы, на которых происходит интенсификация сюжетных событий и актуализация художественного смысла [4:193-258]. Таким образом, с одной стороны, ученые говорят о пространственной размытости художественного мира Достоевского, с другой – о его многосложности и иерархичности. В чем же здесь парадокс? Думается, что можно согласиться с мнением В.К. Кантора о том, что проблема заключается в художественном слове писателя. В нем, по словам исследователя, максимально ослаблена категория предметности. Достоевский моделирует перед читателем отчетливый облик героя, не забывая и об окружающей того обстановке художественного мира, но эту обстановку он с помощью собственного слова предельно деконкретизирует. Таким образом, автор расподобляет и персонажа, и его окружение, лишает их вещности. При этом читатель представляет себе отчетливый облик героя, который Достоевский создает в импрессионистической технике. Пространство же художественного мира не изображается, а напряженно переживается, созерцается живущими в нем героями и вовлекается в происходящую вокруг них идейно-эмоциональную борьбу. Но такое «антивещное» бытование художественного слова, помимо своей включенности в ткань произведения, еще и преобразует ее, участвуя в трансценденции смысла текста. Мы рассмотрим, как работает этот механизм в аспекте пространственности у Достоевского.

Исследователь В.Н. Топоров рассмотрел феномен «замкнутого пространства», создаваемый в поле текста «Престу-

пленения и наказание» однокоренными лексемами «теснота»/ «тоска»/ «тошнота» и «узость»/ «ужас». По мысли ученого, сюжетное развитие романа построено на архаичной бинарной оппозиции «теснота»/ «простор». Духовные и физические скитания Раскольникова происходят как раз между этими двумя полюсами. Более того, статистические лингвистические данные, приведенные исследователем на материале других произведений автора, говорят о возможности рассматривать «Преступление и наказание» лишь в качестве одного из вариантов единого текстового инварианта, под которым подразумевается все творчество писателя. Соответственно, оппозиция «теснота»/ «простор» может быть прослежена и на материале других текстов. Мы остановимся на наиболее загадочном для современной науки произведении автора – романе «Подросток». На наш взгляд, его текст не просто строится на указанной оппозиции, восходящей к мифопоэтической традиции. С помощью рассмотренного выше особого бытования слова в художественном мире Достоевского происходит также и ее преодоление.

Главный герой романа, Аркадий Долгорукий, с самого начала признается, что ведет записи в силу своего духовного импульса: «Если я вдруг вздумал записать слово в слово все, что случилось со мной с прошлого года, то вздумал это вследствие внутренней потребности» [2:139]. С одной стороны, герой жаждет «мысль разрешить» и разгадать тайну своего отца – Версилова, с другой – его гложет обида на весь мир за равнодушные (как считает Аркадий) собственного родителя, результатом чего становится желание героя «уйти в идею» стать Ротшильдом. При этом, описывая происходящее, герой всячески подчеркивает собственное «небрежение словом». Как бы то ни было, записанное слово Аркадия становится и попыткой разгадки тайны, и формой рефлексии, поиском собственной аутентичности в призрачном петербургском мире. Утверждение себя герой мыслит через осмысление окружающих и

своих отношений с ними. Ключом к пониманию других героев, которые представляют для Аркадия не меньшую загадку, чем Версилов, становится топологический код. Еще в Главе восьмой первой части романа во время посещения комнаты Васина герой замечает, что о человеке многое можно узнать, достаточно ознакомиться с его жилищем: «Покажи мне свою комнату, и я узнаю твой характер» [2:275]. По этой-то схеме герой вводит в текст своих записок большинство героев, Версилова и себя в том числе. Здесь наблюдается следующая закономерность: сначала героям дается портретная зарисовка (в ней прямо или косвенно с помощью соответствующей лексики задается оценка, впечатление от героя), которая потом соотносится с их местом обитания. При этом о жилище некоторых персонажей, роль которых в сюжете произведения не столь значительна (например, о няньке Татьяне Павловне) или о тех, кто для Аркадия не представляет интереса (Ефим Зверев, Стебельков), автор или не сообщает, или ограничивается лаконичными замечаниями в их адрес. Так, Ефима Зверева Аркадий характеризует как безыдейного человека: «Он был очень бел волосами, с полным, слишком белым лицом, даже неприлично белым, до детскости, а ростом даже выше меня, но принять его можно было не иначе как за семнадцатилетнего. Говорить с ним было не о чем» [2:183]. В описании внешности этого героя рассказчик использует ту же схему, что и в описании внешности других. Рассказчик дает скорее не сам портрет (во внешности не выделены конкретные черты – лоб, нос, рот), а общее эмоциональное впечатление от него. В сочетании с высоким ростом прилагательное «белый», употребленное в одном ряду с прилагательным «детский», вступает с ним в синонимичные отношения и наделяется негативной коннотацией «детскости», что в контексте всей характеристики придает Звереву сходство с недорослем, безыдейным человеком, в котором нет тайны, как в других героях. Семантика белого повторяется в портретах Васина и Ламберта, но получа-

ет дополнительную коннотацию в одном случае – неясности, в другом – маски. Эти два смысла объединяются общей семейной вещностью. Характеристика героев вполне исчерпывается их портретом и обликом жилья, которое они занимают. Например, в обстановке комнаты Васина Аркадий легко угадывает сущность ее хозяина: «мягкий диван с Толкучего рынка, который опасно двигать, рукомоЙник и ширмами огороженная железная кровать», «книги, бумаги, чернильница» «в отвратительном порядке» – во всей этой «затхлой чистоте» герой узнает портрет самонадеянного Васина и уже догадывается, что же тот ответит на предложение быть секундантом на дуэли. «Вещное» слово Аркадия в данном случае эквивалентно своему денотату: человек исчерпывается своим предметным окружением, а это, по мысли автора, тождественно смерти. То же самое можно сказать и о молодом князе Сергее Сокольском. Его просторная, пышно обустроенная комната – неодушевленный двойник хозяина. Она буквально повторяет его стремление к жизни «с размахом»: «...я удивился великолепию его квартиры... квартира эта была как у самых «порядочных людей»: высокие большие, светлые комнаты... и мебель... мягкая, комфортная, обильная» [2:324]. А описание апартаментов Анны Андреевны, по которым Аркадий заключает, что она «была сама вроде графини» [2:368], говорит само за себя. Схематичная характеристика жилища героев только усиливает впечатление неодушевленности окружающих Аркадия персонажей. Таким образом, эти персонажи становятся узниками замкнутого пространства вещного мира романа.

Другие, наоборот, не исчерпываются вещностью окружающего их мира, в обстановке их комнаты и в их внешности содержится тайна, которую читатель разгадывает вместе с Аркадием. Например, Крафт. «Он жил в маленькой квартире, в две комнаты, совершенным особняком, а в настоящую минуту... был даже и без прислуги. Чемодан был хоть и раскрыт, но не убран, вещи валялись на стульях, а на столе, перед диваном,

разложены были: саквояж, дорожная шкатулка, револьвер и проч.» [2:196]. Предотъездный беспорядок точно передает хаос, царящий в душе героя, который рвет свои связи с родной землей. А пистолет, словно ружье, которое обязательно должно выстрелить, предвещает грядущее самоубийство Крафта. Но на эти детали читатель обратит внимание только потом, узнав о трагической гибели героя.

Пожалуй, единственные персонажи, которые в романе минимально привязаны к вещности предметного мира – Аркадий и Версилов. Достоевский их принципиально расподобляет. Так, у Аркадия постоянно подчеркивается небрежность и равнодушие к собственной одежде. Своего автопортрета, по которому читатель мог бы его идентифицировать, герой не дает, замечая только, что его лицо «пошло». Наконец, и к собственному жилищу герой не привязан. Он находится в напряженном поиске своего предназначения в жизни, а также пытается разгадать тайну личности своего отца, что коррелирует с постоянными пространственными перемещениями Аркадия. Поначалу он живет вместе с матерью и Лизой в одной квартире, в тесной «светелке», которую сравнивает с гробом. Это аналог «гроба» Раскольникова и совпадение здесь не случайно: как и герой «Преступления и наказания», Аркадий в тесноте «светелке» лелеет свою безумную идею. Позже он переезжает к Васину, откуда направляется в «каморку» близ Вознесенского моста. Но пространственная замкнутость – лишь отражение «узости» его идеи стать Ротшильдом, и Аркадий постоянно пытается преодолеть ее, что отличает его от косных окружающих. То же относится и к Версильову. Показательно, что, хотя он и снимает для Лизы и Софьи Андреевны комнаты в Петербурге, и часто бывает у них, постоянного жилья у него нет. Это герой-искатель у которого нет дома: он либо бродит по улице, либо посещает «клоак на канаве» (так он называет харчевню), либо встречается с Аркадием. В описании кабинета Версильова читатель

узнает портрет «истертого» жизнью хозяина, мота и кутилы: «комната Версилова, тесная и узкая, в одно окно; в ней стоял жалкий письменный стол, на котором валялось несколько неупотребляемых книг и забытых бумаг, а перед столом не менее жалкое мягкое кресло, со сломанной и поднявшейся вверх углом пружиной, от которой часто стонал Версилов и бранился» [2:232]. Примечательно, что в такой же комнатке живут и Софья Андреевна с Лизой, жертвы его праздного и развратного образа жизни. Но Версилов не исчерпывается «портретом» своего жилья, да и своего конкретного портрета у него нет. В большей степени, чем Аркадий, он при всей спорности его образа «распредмечен». Неслучайно Достоевский вкладывает в его уста мысль о нравственном дворянстве как высшей стадии развития человечества. Автор делает героя носителем идеала, которого тот еще не достиг, но верит в него и именно поэтому освобождает Версилова от оков предметности. Ведь развещественный мир, лишенный предметности и масок, был для Достоевского идеалом» [3:4], а Версилов, несмотря на все свои противоречия, знал о нем.

Таким образом, бинарная оппозиция «теснота»/ «простор», составляющая мифопоэтическую основу многих текстов Достоевского, осмысливается в сюжете романа «Подросток» как проблема соотношения и тождественности-нетождественности человека своему вещному миру. Равенство героя и вещи Достоевский трактует как духовную смерть, в то время как их несовпадение и предельная свобода от предметности рассматриваются автором как идеал.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: «АСТ», 2006. 254 с.
2. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1990. Т. 8. 816 с.

3. Кантор В.К. Платки, интерьеры, шляпы. «Вещный мир» в поэтике Достоевского // Новая газета – Ex Libris. 2008. 20 ноября.

4. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 193-258.

5. Чудаков А.П. Предметный мир Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: «Наука», 1980. Т. 4. С. 96-105.

Е.Е. Бирюкова

ДАР МАТЕРИНСТВА В НРАВСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский государственный университет, alionabir@mail.ru

Основа бытующего в школьной практике прочтения романа «Обломов» заложена ещё современной И.А. Гончарову демократической критикой. Действительно, общественные ожидания середины XIX века формируют особый – функциональный, социально-просветительский – подход к произведению. Иной взгляд на творчество И.А. Гончарова выражает В.И. Мельник, когда говорит о том, что « всю свою жизнь романист думал и писал о главном в человеческой жизни – в православном значении: о духовной смерти, очищении и воскресении человека, о приближении к идеалам Евангелия. С уверенностью можно сказать, что все остальные без исключения вопросы были (и не могли не быть) для Гончарова второстепенными» [3: 143]. Общая динамика творчества приводит автора к созданию романа «Обрыв», в котором темы греха и раскаяния формируют сердцевину сюжетной ткани. Воплощение напряженного духовного поиска в романе «Обломов» не столь очевидно, однако,

как будет показано дальше, общий религиозный фон творчества И.А. Гончарова неизменно проявляется в этом произведении. Изображение «материнской сферы» (Е. Краснова) заключено в контекст духовного искания автора.

Традиции русского реализма предполагают изображение главных персонажей в их заданности воспитанием. Герой русской классической литературы (как Чацкий, Онегин, Печорин) часто пребывает вне своей преемственности с «отцами», в нем индивидуальное замутняет чувство общего единства. И.А. Гончаров актуализирует проблему «сиротства» своих персонажей. Тоскует по утраченному детству и материнскому теплу Илья Ильич Обломов, а «прогрессивные», «динамичные» персонажи наделены страшным единством, обычно остающимся незамеченным, – они находятся вне «материнской сферы»: Андрей Штольц потерял мать в раннем детстве, а Ольга Ильинская воспитана теткой. Свобода мысли персонажей, их вызов устойчивому жизненному порядку рождены в утрате материнской любви. Замечу, что это отсутствие преемственности отзывается в традиции именования персонажей: Ольга Ильинская и Андрей Штольц как бы лишены отчества, в то время как Илья Ильич Обломов и Агафья Матвеевна Пшеницына, напротив, обладая отчеством, укоренены во времени, включены во взаимосвязь отцов и детей.

Таким образом, Обломов в своем жизненном опыте противопоставит и Ольге, и Штольцу: увидев давно умершую мать, пишет И.А. Гончаров, он «и во сне затрепетал от радости, от жаркой любви к ней: у него, у сонного, медленно выплыли из-под ресниц и стали неподвижно две теплые слезы» (ч. 1, гл. IX). Глубокая связь их изображена в совместной молитве: мать Ильича, «став на колени и обняв его одной рукой, подсказывала... ему слова молитвы. Мальчик рассеянно повторял их, глядя в окно... но мать влагала в них всю свою душу» (ч. 1, гл. IX). В воспитательной концепции И.А. Гончарова качества его персонажей созидаются в воспитании родителями. И он, выросший

в материнской молитве, отличается «чистым сердцем» («Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Матф., гл. 5, ст. 8)) и «кротостью» – добродетелями христианскими. На месте матери у Обломова – воспоминание о ней и о её мире – тепла, покоя и заботы. Всё движение героя задается его поиском материнского начала и дома. Интересно, что до появления в сюжете романа госпожи Пшеницыной речь идет только о «квартире»: «Обломов отправился на Выборгскую сторону, на новую свою *квартиру* (курсив здесь и далее мой – Е.Б.). Долго он ездил между длинными заборами по переулкам. Наконец отыскали будочника; тот сказал, что это в другом квартале, рядом, вот по этой улице – и он показал ещё улицу *без домов*, с заборами, с травой и с засохшими колеями из грязи... Наконец будочник указал на старый *домик* во дворе, прибавив: «Вот тот самый». «*Дом* вдовы коллежского секретаря Пшеницына», прочитал Обломов на воротах и велел въехать во двор» (ч. 3, гл. II). Развитие дальнейшего действия в романе внешним образом совпадает с традиционным в литературе сороковых годов XIX в. мотивом о дворянине, опустившемся под влиянием привлекательной мещанки, попавшем в её власть и утратившем себя. Но разработка этого сюжетного пассажа в романе «Обломов» глубоко своеобразна именно потому, что Обломов обретает не «домовитую мещанку», а уже давно искомую «хозяйку *дома*» и мать. Ап. Григорьев пишет: «Уж если между женскими лицами г. Гончарова придется выбирать непременно героиню, – беспристрастный и непотемненный теориями ум выберет, как выбрал Обломов, Агафью Матвеевну, – не потому только, что у неё локти соблазнительны и что она хорошо готовит пироги, – а потому, что она более женщина, чем Ольга» [1: 200-201]. Именно дар материнского чувства отмечает образ Пшеницыной среди женских персонажей романа. И.А. Гончаров подчеркивает материнский, христианский характер её любви: «Чувство Пшеницыной... оставалось тайною для Обломова, для окружающих ее и для нее самой. Оно было в самом деле бескорыстно, потому что она ставила свечку

в церкви, поминала Обломова за здоровье затем только, чтоб он выздоровел, и он ни когда не узнал об этом» (ч. 3, гл. I). Материнское начало Агафьи Матвеевны переплавляется в отношении к Илье Ильичу и к дому.

Теплота материнской любви, обращенной в мир, создает особое, духовное в своей глубине, пространство: «Все в доме Пшеницыной дышало таким обилием и полнотой хозяйства, какой не бывало и прежде, когда Агафья Матвеевна жила одним домом с братцем. <...> Подушки белели, как снег <...> одеяла шелковые, стеганные. Целые недели комната хозяйки была загромождена несколькими раскинутыми <...> ломберными столами, на которых расстилались эти одеяла и халат Ильи Ильича. Агафья Матвеевна <...> трудилась с любовью, с неутомимым прилежанием, скромно награждая себя мыслью, что халат и одеяла будут облекать, греть, нежить и покоить великолепного Илью Ильича. <...> – Полноте работать, устанете! – унимал он ее. – Бог труда любит! – отвечала она, не отводя глаз и рук от работы» (ч. 4, гл. X). Повседневный неустанный труд, деятельная любовь её к ближнему вызывают в памяти образы житийной литературы, прежде всего – Юлиании Лазаревской.

Стилистика описаний труда Агафьи Матвеевны и Анисьи заставляют вспомнить работу матросов «Фрегата «Паллада»»: быстрота движений, цепкость рук, неустанность, что отзывается в читателе образом *дома-ковчег*. И добровольное заточение в нем Обломова будет изображено особым образом: «С годами волнения и раскаяние являлись реже, и он тихо и постепенно укладывался в простой и широкий гроб остального своего существования, сделанный собственными руками, как старцы пустынные, которые отворотятся от жизни, – копают себе могилу» (ч. 4, гл. IX). В.И. Мельник пишет: «Образ могилы в «Обломове» по своей смысловой наполненности близок образу пустынножительской пещеры, как она осмысливалась в аскетической ветви христианской традиции: это не только «место спасения», «инобытия», «инога мира», но и «место погребения»,

«гроб»... В сущности, Гончаров в судьбе Ильи Обломова возвращает читателя к евангельской притче о человеке, закопавшем таланты в землю» [3:145].

Собственно религиозность Агафьи Матвеевны отмечена в таком редуцированном виде, который совпадает с неосознанностью всего значительного для неё. Например, краток диалог Агафьи Матвеевны и Обломова:

- Под праздник ко всенощной ходим.
- Это хорошо, – похвалил Обломов. – В какую же церковь?
- К Рождеству: это наш приход... (ч. 3, гл. IV).

Или Гончаров изображает молитвенное предстояние Агафьи Матвеевны, просящей о «продлении веку Илье Ильичу», об «избавлении его от всякой скорби, гнева и нужды» (ч. 4, гл. IX). Очевидно, что эти молитвы в сюжетном пространстве романа рифмуются с молитвой матери Ильи Ильича.

Пшеницына появляется в романе уже как мать Манечки и Ванечки, но присутствие её детей в романе несколько декоративно. Ряд исследователей, очевидно, априори предполагая реалистический метод Гончарова последовательно воплощенным, с некоторым даже упреком констатируют, что Пшеницына только изредка вспоминает о собственных детях. Логичней предположить, что Маша и Ваня – скорее образы символические, и их имена служат доказательством этой мысли. Присутствие детей носит в «Обломове» знаковый характер: Маша и Ваня зримым образом являют талант материнства, дарованный Пшеницыной.

Обладая этим даром, именно она становится матерью сына Ильи Ильича. Представление, пусть даже и сознательно спровоцированное автором, о синтезе начал «штольцевского» и «обломовского» в образе Андрея Обломова, на уровне художественной целостности жестко опровергается. Очевидно, что в логике художественного мира Гончарова, как было показано, укоренена идея преемственности отцов и детей, и потому Андрей Обломов является продолжением своего отца.

В мире общего равновесия детство рифмуется с угасанием и упокоением старшего поколения. Так, рождение Андрея «отпускает» Обломова, дает реализоваться ходу времени, утверждающему свою закономерность и самим ходом романного сюжета: от весны – к осени, от юношества – к зрелости, от фантазий – к реальности. Можно сказать, что на фоне этого закономерного движения жизни тоска Ольги в заключительной части романа представляется тоской персонажа-марионетки по невоплощенному сюжетному движению.

В отличие от наполненной материнской заботой жизни Агафьи Матвеевны жизнь Ольги Ильинской лишена центра притяжения. Н.А. Добролюбов восторженно пишет о том, что Ольга «стремится к своему чему-то, хотя еще не знает его хорошенько» [8:67]. Что это, утраченное в динамике её жизни, как не сокровенный смысл, отзывающийся в повседневной самоотверженности материнства? Стремление Ольги к «чему-то» повторяет в сюжете романа тоску Обломова по своему детству и материнской любви. В романе «Обломов» героине, действительно, не дано быть Дочерью и (потому?) не дано стать Матерью. На это оставшееся пустым место приходит состояние, названное самим автором как «обольщение призраком отдаленного, никому не видимого будущего» [2:43]. В.Н. Криволапов подчеркивает, что «обольщение» – понятие, вошедшее в светский обиход из аскетических наставлений, и, действительно, идеалистическое томление обрело характер религиозной веры, которая, по апостолу Павлу, и «есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» [2:24].

Обе возможности диалога с действительностью – традиция напряженного требования смысла и традиция притяния, молитвы и трудничества, доведены в романе «Обломов» до логической кульминации: Ольга томится в своих вопросах, и напротив – Агафья Матвеевна Пшеницына знает только свой дом, бережет его и в этой трудной и безотчетной заботе становится собой. Она «себя, детей своих и весь дом предавала на волю Бо-

жью» (ч. 4, гл. IX), – пишет Гончаров, – она «жила не напрасно», «она так полно и много любила» (ч. 4, гл. X) Это явление неочевидной в начале силы духа героини, по словам В.Н. Криволапова, «сообщает этой судьбе достоинство жития» [5:36].

Таким образом, материнство в романе «Обломов» воплощено как животворная почва, дающая герою возможность отцовства и завершения жизненного пути. Важно, что изображенный мир в финале романа приводит персонажей к истоку их судьбы – сиротству и потерянности Ольги, покою Обломова. Ещё Д.С. Мережковский отметил, что «...религия, как она представляется Гончарову, – религия, которая не мучит человека неутолимой жаждой Бога, а ласкает и согревает сердце, как тихое воспоминание детства» [7:129]. Мир детства и материнства в изображении Гончарова отзывается в глубине своей идеей Отцовства, тварности мира и его осмысленности.

Библиографический список

1. Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М., 1986.
2. Мельник В.И. Гончаров и православие. Духовный мир писателя. М.: Белый город, 2008.
3. Мельник В.И. «Обломов» как православный роман // И.А. Гончаров. Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 1998.
4. Краснощекова Е.А. Вступ. статья // И.А. Гончаров-критик. М., 1981.
5. Криволапов В.Н. Еще раз об «обломовщине» // Русская литература. 1994. № 2.
6. Криволапов В.Н. Оптина Пустынь: ее герои и тысячелетие традиции // Писатель и время. М.: Сов. писатель, 1991.
7. Мережковский Д. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М., 1991.
8. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике. Л., 1991.

**«БЛАГОРОДНЫЕ СТРАСТИ» В СТИЛИСТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ОЧЕРКОВ А.Ф. ПИСЕМСКОГО
«РУССКИЕ ЛГУНЫ»**

Россия, г. Самара, ГОУ ДПО Самарский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Цель литературного образования в средней школе – не только научить молодого человека писать сочинение, распознавать стихотворные размеры и языковые средства, но и передать картину мира как наследство молодым на жизнь, поскольку искусство есть отражение жизни.

Содержание литературного образования определялось после Октябрьской революции и в основе своей не претерпело больших изменений, хотя политические условия преобразились коренным образом, другими стали ценности и ориентиры. Несмотря на это, когнитивная стратегия направлена на достижение совершенного устройства в социальном мире и воспитание воли на установление справедливости с гуманистической точки зрения. В современном мире это выглядит как откровенный миф. Следует заметить, что подобный плоскостной подход к изучению литературных текстов предстал во всей своей ограниченности, так как картина мира программных текстов представляется в усеченном виде: анализ, комментарий сюжетов и образов не обращают взгляд читателя к горнему, не ориентируют его внимание на вертикаль в духовной системе координат. Школьникам остаются недоступными тексты духовного содержания таких замечательных писателей, как Игнатий Брянчанинов (а с какой пользой для души могли бы старшеклассники прочитать его повесть об Иосифе!), Варсонофий Оптинский, святитель Тихон Задонский. А если и названы произведения, как Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона, то упоминаются они

как памятники древности, значение их для современника не актуализируется.

Не изучаются произведения, не признанные в свое время «зеркалом русской революции». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» допущен к изучению только в 60-е годы. Герой повести Н.С. Лескова Левша рассматривался как комедийный образ с его постом и молитвой перед тем, как английскую блоху подковать. Не упоминалось и творчество А.Ф. Писемского, который хорошо понимал грех человека «словом, делом, помышлением». В школьном курсе литературы преобладают имена писателей и поэтов, получивших образование за границей или тесно связавших свою личную жизнь и творчество с культурой Запада. Многие из них в определенный период своей жизни Православие считали религией «казенной». Безусловно, они наделены были огромным талантом, и русский дух присутствует в их творчестве, но впечатления юности творили формы, позволяющие двусмысленно их воспринимать. Руководителям юношеского чтения, учителям литературы необходимо рассматривать достоинства и опасности внутреннего мира художника и гипертекста произведения любого литературного рода и жанра. При решении задачи духовно-нравственного воспитания молодежи возникает необходимость усложнения схемы искусствоведческого дискурса с целью более полного его прочтения. Это значит не подчинять читательский взгляд доказательству основной идеи, определенной критикой соцреализма, а читать символику деталей и образов в духовной системе координат, открывать искренно подросткам и юношам, каким образом и почему перемещались акценты внимания и оценки в различных политических условиях и как неверность критического ока не могла погасить света Истины.

Когда говорят о писателе XIX века: он последователь гоголевской школы, – это значит, что писатель не принадлежит ни к лагерю чистого искусства, ни к революционерам, ни к сентименталистам, ни к романтикам... а, главным образом, принимает во

внимание в творчестве своем природу человека и его отношение к Истине. В письме к А. Краевскому от 25 августа 1864 г. Алексей Фиофилактович Писемский сообщает: «Пишутся у меня очерки под названием «Русские лгуны» – выведен будет целый ряд типов... Теперь окончена мною первая серия: Невинные вральи – то есть которые лгали насчет охоты, силы, близости к царской фамилии, насчет чудес, испытываемых во время путешествий; далее будут: Сентименталы и сентименталки, порожденные Карамзиным и Жуковским. Далее: Марлинщина. Далее: Байронисты российские. Далее: Тонкие эстетика. Далее: Народолюбцы. Далее: Герценисты, и в заключение: Катковисты». Содержание письма, его стиль и даже синтаксические конструкции свидетельствуют о том, во-первых, насколько сложным, несогласным было культурное пространство секулярного мира России XIX века. Во-вторых, отражает неприятие писателем этой разногласности. Так же, как Гоголь, он убежден – «верховная инстанция всего есть Церковь и разрешение вопросов жизни – в ней». Всё, что за оградой церковной, – ложь. По порядку перечисления первыми автор называет «невинных вралей», то есть для него существует степень виновности, что подтверждается повторами с нарастающей экспрессией «далее, далее».

По мнению святого Иоанна Лествичника, нет греха страшнее лжи, потому что первым лжецом был диавол. Ложь есть начало любого греха. Она противоположность Истине. Что касается определения «русские», то, разумеется, автор не хотел сказать, будто этот грех укоренился в России, а указал на эпидемиологический характер этого заболевания. Кто такие «байронисты», «сентименталы»? Это заразившиеся культурой, созревшей на западной почве, точнее, протестантско-католической и модифицированной в русском сознании: «Нет, я не Байрон, я другой» (Лермонтов), или «москвич в гарольдовом плаще» (Пушкин). Болезнь лжи, по мнению писателя, поражает равно как «дикие народы», так и образованные народы высокопросвещенной Европы. Почему заражение

оказалось возможным? По слабости духовного иммунитета, по склонности к подражанию, идущей от пленников Вавилона и ранее.

Вся Европа и Россия ужасались последствиям французских революций 1830, 1848 годов, подготовленных «романтиками» и «сентиментами». Однако ни одной стране не удалось закрыть двери перед их ложными идеями о свободе, равенстве и братстве. Их называли благородными, примеряли в соответствии с возрастом и разумением, они стали орудием семейных трагедий и политических спекуляций. Сословная спесь и претензии на социальное равенство сходились на баррикадах, в дворцовых переворотах, уничтожали людей поодиночке и массами. Ложь, имея в недрах своих большую разрушительную силу, всегда заканчивается падением агуна от мала до велика. Если ложь накапливается в пределах государства, то и пределы разрушает, ввергает в войны. В формах ложь накапливается усилиями каждого и усердием и поспешанием врага спасения.

В очерках А.Ф. Писемского мы не встречаем положительного героя, может быть, за исключением образа рассказчика, введенного в текст с целью полнее представить картину мира автора, как, например, старик Шамаев в «Истории о петухе». «Русские агуны» – это осмысление российских бед. Многие произведения Писемского могли быть так названы. Это и «Мещане», «Масоны», «Люди сороковых годов» и т.д. Очерки являются в некотором роде обобщением. В своей статье 1855 года «Сочинения Н.В. Гоголя, найденные после его смерти» он пишет: «Ноздрев, Подколёсин, Плюшкин, Манилов и другие страдают не отсутствием образования, не предрассудочными понятиями, кое-чем посерьезнее, и для исправления их мало школы и цивилизации». В авторской картине мира много света, проникающего во все закоулки человеческих душ, одержимых болезнями духа. Текст очерков строится прозрачно, без двусмысленности, сопровождается комментариями автора: «Во лжи, как и во всяком другом творчестве, есть своего рода опьянение, нега, сладо-

страсти; а то откуда же она берет этот огонь, который зажигает у человека глаза, щеки, поднимает его грудь, делает голос более звучным?» («Блестящий лгун»). В очерке «Конкурент» – невинная будто бы ложь Антона Федотыча Ступицына о паркете с изображением Бородинского сражения, однако в ней сочинитель дважды упоминает Бога (ей-Богу, начинай с Богом). А поскольку соседствовать они не могут, а только противостоять, то начинается война. Ступицын побуждает ко лжи Петрушу Коробова. Слепые участники поединка не видят, против Кого они поднимаются и кто подыгрывает им. Писемский указывает на скрытую агрессию соревнующихся: «Петруша Коробов, закинув голову назад, и вообще в отчаянной позе... совершенно развязно. Антон Федотыч, находя в нем удобную для себя жертву, начинает к нему приближаться, но не вдруг, а исподволь, как обходят обыкновенно охотники дрофу». Антон Федотыч прощался: молодой и еще более дерзкий враль «доколотил» его. В страсти своей Антон Федотыч доходит «до полного падения, когда никто его уже не слушал, а он всё не мог остановиться». В каждой истории лживого творчества выступает образ, деталь-доминанта, указывающая на то, что враль лжет перед Богом: храм, молитва, икона, свеча и т.д. Образ как антиномия лжи может стать и непосредственно предметом речи:

«Другой раз заговорили о храме Петра в Риме. «Что за важность этот храм! – воскликнул Брыкин.

– Говорят, велик он очень! Вздор! Велик сравнительно потому, что вся-то Италия с нашу губернию. Ну а как наша матушка Россия раскинулась, так что ни построй, всё мало. Вот у нас приход или, лучше сказать, приходишко; выстроили церковь – так псаломщик за всенощной с клироса на клирос на жеребенке верхом ездил».

Художество лжи захватывает всех: и рассказчиков и слушателей, которые не верят, но или подыгрывают богатому лжецу или злорадно ведут рассказчика «как обреченного на казнь», совершая преступление. Писемский прямо указывает на того, кто

завладел в этот недобрый час волей человека, склонного ко лжи, и жестоко насмеялся над ним.

– И я заторможу колесо, – отозвался вдруг черт знает с чего и для чего Вакорин...

Глаза хозяина загорелись бешенством.

– Остановишь? Люди! – Саврасов хлопнул в ладоши. Вбежали люди.

– Сейчас заложить Серого в беговые дрожки. Останавливай! – обратился он к Вакорину.

...Лошадь бросилась, колеса завертелись...

Вакорин лежал под дрожками.

– Вставайте! – сказал подъехавший к нему верховой.

– Немного, проклятая, наскочила – остановил же! – сказал Вакорин и хотел было подняться, но не мог: у него переломлена была нога.

Русских лгунов отличает страсть до самопожертвования. Польризованное сознание может возвести к святости, потому так много на Руси святых, а может ввергнуть в падение, из которого иногда спасается человек смирением. Очерки – жанр публицистический, в нем нет места вымыслу; все фигуранты – знакомцы А.Ф. Писемского. «Лет десять тому назад я встретил его (Вакорина) в В... совсем уже стариком, хромым и почти нищим. Он сидел на тротуаре и, макая в пустую воду сухую корку хлеба, ел ее».

Слово лжи маскируется, извивается, имеет определенную цель: извлечь выгоду, унижить, чтобы возвысить себя, погубить... Как метко высказался по поводу такого слова М.М. Бахтин: «Корчащееся слово с робкой стыдящейся оглядкой и с приглушенным вызовом». На каждый случай оно prepares человеку новую маску, личину, принуждает его играть новые роли, «делать лицемерство». Таких автор называет комедиантами и актерами в худшем смысле.

Господин Карпенко («История о петухе») «...тихим голосом подзывает к себе церковного старосту. «В какую, говорит, икону народ больше веры имеет?»»

– Феодоровской престол-то, – отвечает ему мужик.

Он сейчас помолился перед этой иконой и первый ей свечку поставил. После обедни зашел в другое наше собрание – в кабак; пьяных там, как поленьев, по углам валяется. Вместо того, велеть их подобрать, еще одобрил: «Пейте, говорит, православные: рабочему человеку выпить надо!»

Труд различения добра и зла, то есть Истины и лжи – пожизненный труд, требующий острой христианской зоркости и духовного трезвения. А поскольку «мир во зле лежит», мы все расставляем сети и попадаем в них. Лгун одновременно и хищник и жертва. Автор очерков от частного случая переносит внимание читателя к убедительным обобщениям:

«Чем человек может лгать?.. Тем же, чем и согрешать: словом, делом, помышлением – да, помышлением!.. Человек может думать, чувствовать не так, как свойственно его натуре. Карамзин, например, был прекрасный писатель, но привил к русскому человеку совершенно несродный ему элемент – сентиментальность! – таким суждением А.Ф. Писемский начинает очерк «Сентименталы». «Фальшивое» чувство, совершенно не свойственное русскому народу, поразило прежде всего читающую публику, внесло в ее жизнь: быт, манеры, характер общения – болезненные симптомы. Склонность к мистицизму, «духовному» унынию, разочарование жизнью в результате любовной трагедии занесли в сознание русской интеллигенции немецкие и английские романтики, французские сентименталисты. Через это прошли Пушкин и Гоголь, как признается автор очерков, «и в моих мечтаниях была значительная доля «буколического». Верность Истине и мощь таланта вывели их на тропу реализма. Писемский и Гоголь показали нравственно немощных людей, несостоявшихся граждан, промотавшихся отцов, лукавых жен, подобных Манилову и Доминике Николаевне, особе из очерка Писемского. Их картина мира несет черты тления: «храм уединенного размышления» в разоренной усадьбе Манилова и «крашеное дерево с жестянными крашеными листьями, по вет-

кам которого было посажено огромное количество чучелок колибри. Дерево, как нарочно, стояло перед открытым окном, из которого виднелись настоящие деревья и светило летнее солнце. Сопоставление этой поддельной Австралии с живой природой меня неприятно поразило; так и хотелось это мертвое дерево с его мертвыми птичками вышвырнуть куда-нибудь».

Последователи гоголевской школы понимали меру ответственности за духовное здоровье читателя-гражданина, юноши, ищущего свой идеал. Поэтому в характеристиках Доминики Николаевны столько иронии и сожаления о бессмысленности ее жизни. Изломанность, разыгрывание благородных страстей прикрывают пошлость и изощренную тиранию. Человеку простому, живущему трудом и хлебом насущным, подобный образ жизни кажется странным и путаным, а точнее, беспутным. Когда через несколько лет автор встретил тамошнего исправника, то на вопрос об отношениях Дмитрия Дмитриевича и Доминики Николаевны он ответил:

– Он помер, а она еще жива.

– Что ж страсть их всё продолжалась?

– Как же-с, до самой смерти его всё путались, ссорились и мирились, видались и не видались... Из-за денег больше, надо полагать, говорил и делал ей эти разные комплименты... Какие комедианты и притворщики, Боже упаси.

Концепт *пути-беспутства* явно присутствует в очерках. «Экземпляры», принятые Писемским для рассмотрения, обречены на гибель. Страсти графов, дворян, интеллигентов-разночинцев благородными не назовешь. Автор определяет их как «страстишки». Несмотря на уничижительную форму, «страстишки» расползаются по миру, поражают молодое неокрепшее поколение впечатлением формы без содержания. Образованные и титулованные лжецы, утратившие чувство Родины, искажают лицо нации, глумятся над традицией и верой. Милин Дмитрий Дмитриевич, сын важного генерал-аншефа, воспитанный французским графом-эмигрантом, передавшим

мальчику «добродетели и пороки», – изменник, картежник и растленный тип, превращается в комедианта при богатой полубезумной барыне. Евграф Петрович Хариков, мужчина, «с лицом не умным, но выразительным», кавалер ордена Пурлемерит – беспутный лгун и честолюбец. Алексей Иванович Имшин, офицер-красавец, «говорил мало, а больше своею наружностью и позами, к нему идущими, старался себя запечатлеть в душе каждого»; за преступную ложь своей жизни завершает свой путь на каторге как убийца.

В контексте очерков понятия «благородные страсти», титулы и награды упоминаются как упрек миру лжецов и как антиномия благочестию. Современники не простили писателям-реалистам их верность Истине. Автора «Повестей Белкина» назвали исписавшимся, вокруг имени Гоголя организовали скандал, сочли его больным; неистовый Виссарион написал Гоголю ругательное письмо; Писемского же А. Григорьев назвал безыдейным. Критика советского периода писала: «Писемский не верил в самую возможность борьбы против засилья мещанина. Ему казалось, что владычество капитала – это какая-то неотвратимая историческая беда... Он ненавидит торжествующего денежного человека... сравнивает власть денег с властью жестокого бога Ваала». И Писемский был прав. Мы сегодня это хорошо понимаем.

Вторая половина XIX века в культуре России может характеризоваться как вероотступническая. Церковные люди считались отсталыми. «Призрак коммунизма» надвигался на Россию. В современной литературной жизни делаются попытки замолчать классику, навести на нее тень архаики, отказать ей в родстве с Православной Церковью, тем самым лишит молодежь ее благотворного влияния на духовное становление юного поколения. Задача современного образования состоит в том, чтобы помочь молодым людям освоить богатое духовное наследие Святой Руси.

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

*Россия, Самара, МОУ Лопатинская СОШ ОЦ,
prosvetlenie2007@yandex.ru*

Феномен русской культуры конца XIX – начала XX веков, именуемый Серебряным веком, основан на незримом глубинном единении всех его творцов. Серебряный век – не просто набор поэтических имён, это особое явление, представленное во всех областях духовной жизни России. В первую очередь – это поэзия русского модернизма, состоящая главным образом из трёх крупнейших поэтических направлений – символизма, акмеизма и футуризма.

Откуда появилось это название – Серебряный век? До сих пор в среде критиков и учёных нет единого мнения о первоначальном смысле данного понятия. Можно предположить, что «родителями» термина «серебряный» могли бы быть поэты-модернисты, активно использовавшие это прилагательное в своём творчестве. Сюда относится и А.А. Ахматова: /И серебряный месяц ярко/ Над серебряным веком стыл...

Можно вспомнить М. Цветаеву: /Разлетелось в серебряные дребезги/Зеркало, и в нём – взгляд.../...Я сегодня во сне рассыпала/Мелкое серебро...

Или стихотворение В.Я. Брюсова: «Первый снег»:

Воплощение мечтаний,/Жизни с грёзой игра,/Этот мир очарований,/Этот мир из серебра!

Или строки А.А. Блока:

...Звезда, ушедшая от мира,/Ты над равниной – вдалеке.../
Дрожит серебряная лира/В твоей протянутой руке...

Многие исследователи связывают авторство названия «Серебряный век» с именем философа Н. Бердяева, который только в 1949 году впервые в книге «Самопознание» применил опреде-

ление Серебряный век для характеристики конкретного временного периода. Однако ещё раньше, в 1933 году это название для обозначения поэзии русского модернизма дал поэт Н. Оцуп в своей статье «Серебряный век» русской поэзии». Термин окончательно закрепился в качестве определения русской культуры конца XIX – начала XX веков после выхода в свет книги С. Маковского «На Парнасе Серебряного века», в которой автором делалась попытка осмыслить «намечавшийся в России ренессанс духовной культуры».

Серебряный век – это эпоха, отмеченная необычайным творческим подъёмом не только в поэзии, но и в живописи, музыке, театральном искусстве, в гуманитарных и естественных науках. Принципиально изменились способы воспроизведения действительности в произведениях художников. В изобразительном искусстве возникали целые художественные школы, направления, и среди них – «Мир искусства» во главе с живописцем А. Бенуа.

Феноменальный культурный подъём в конце XIX – начале XX веков справедливо называют «русским ренессансом». Вот как характеризует это культурное явление философ Н. Бердяев в книге «Самопознание»: «Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувственности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму... Изначально в этот русский ренессанс вошли элементы упадочности... Культурный ренессанс явился у нас в предреволюционную эпоху и сопровождался острым чувством приближающейся гибели старой России...»

Поэзия как наиболее чувствительный элемент культуры улавливала эти тревожные противоречия кризисной эпохи – всплеск духовности, с одной стороны, и предощущение близкой катастрофы – с другой, что не могло не сказаться на её дальнейшем развитии. В поэзии, как, впрочем, и в других областях культуры начала XX века, получило распространение декадентство.

Декадентское настроение – это отношение человека к окружающему миру в кризисную эпоху, чувство тревоги, страх перед жизнью, неверие в возможность изменить мир.

Три крупнейшие поэтические направления – символизм, акмеизм и футуризм – ярко отражали отношение человека к миру начала XX века.

Что характерно для поэтики символизма? Какие сюжеты и образы подарили миру поэты-символисты? Вот лишь несколько поэтических средств, обогативших не только русскую, но и мировую литературу:

- 1) передача тончайших движений души;
- 2) изысканная образность, музыкальность и лёгкость слога;
- 3) поэтика намёка и иносказания, знаковое наполнение обыденных слов;

4) эстетизация смерти как бытийного начала;

5) элитарность, ориентация на читателя-соавтора, творца.

Для акмеизма были характерны крайняя аполитичность, полное равнодушие к проблемам современности. Основные принципы акмеизма:

1) отказ от мистической туманности, принятие земного мира в его многообразии, зримой конкретности, звучности, красочности;

2) предметность и чёткость образов, отточенность деталей;

3) обращение к человеку, к «подлинности» его чувств;

4) поэтизация мира первозданных эмоций, первобытно-биологического природного начала.

В сравнении с другими поэтическими направлениями русского серебряного века акмеизм оказался явлением беспрецедентным, так как в других европейских литературах аналогов ему нет в отличие от символизма и футуризма! Именно акмеизм оказался чрезвычайно плодотворным для русской литературы. Ахматовой и Мандельштаму удалось оставить после себя «вечные слова». Гумилёв предстаёт в своих стихах одной из ярчайших личностей жестокого времени революций и мировых

войн. И сегодня, почти столетие спустя, интерес к акмеизму сохранился в основном потому, что с ним связано творчество этих выдающихся поэтов, оказавших значительное влияние на судьбу русской поэзии XX века.

Несмотря на то, что футуризм как течение возник отнюдь не в России, очень в скором времени слова «футурист» и «хулиган» для современной русской публики стали синонимами. Пресса с восторгом следила за «подвигами» творцов нового искусства, что способствовало их известности.

Основные признаки футуризма:

- 1) бунтарство, анархичность мировоззрения;
- 2) отрицание культурных традиций, попытка создать искусство, устремлённое в будущее;
- 3) бунт против привычных норм стихотворной речи, эксперименты в области рифмы, ориентация на произносимый лозунг, плакат;
- 4) эксперименты по созданию «заумного» языка;
- 5) культ техники, индустриальных городов;
- 6) пафос эпатажа.

Несмотря на значительные внешние и внутренние противоречия основных поэтических направлений, каждое из них дало миру немало великих имён и превосходных стихотворений, которые навсегда останутся в сокровищнице русской поэзии и найдут своих почитателей среди последующих поколений.

Вопрос о хронологических границах Серебряного века является довольно спорным. Его началом принято считать 1890-е годы, когда стали пробиваться на свет первые ростки символизма. Своего расцвета поэзия символистов достигла в годы первой русской революции (1905-1907), когда к вступившим в пору наивысшей поэтической зрелости основателям направления К. Бальмонту, Д. Мережковскому, З. Гиппиус, Ф. Сологубу добавляются имена А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова.

К концу первого десятилетия XX века символизм как школа утрачивает ведущую роль, возникают новые литературные тече-

ния: позиции символистов активно оспаривают их фактические наследники – акмеисты, и прямые оппоненты – футуристы.

В эти годы на поэтическом небосклоне загораются новые звезды – А. Ахматова, Н. Гумилёв, О. Мандельштам, С. Городецкий, И. Северянин, М. Цветаева, В. Хлебников, В. Маяковский, С. Есенин, Б. Пастернак и многие – многие другие.

Словом, начало и расцвет Серебряного века точно определён, а вот вопрос о его окончании до сих пор является предметом дискуссий.

И всё-таки основным рубежом принято считать октябрьские потрясения 1917 года, трагически отразившиеся не только на поэзии, но и на всей русской культуре в целом. Первые годы после этих событий если и продолжались какие-либо искания в области поэтического искусства, то с созданием Рапа (Российской ассоциации пролетарских писателей) и с принятием в 1925 году постановления «О политике партии в области литературы» все они были приостановлены. На долгие десятилетия в советском искусстве в качестве единственно возможных утвердились пролетарская литература и метод соцреализма.

Поэтам Серебряного века пришлось испить до дна чашу страданий. Вскоре после революции ушли из жизни Блок, Хлебников, Брюсов. Многие эмигрировали, не в силах вынести жизни на неприветливой родине, ставшей им «мачехой»: Бунин, Вяч. Иванов, Бальмонт, Бурлюк, Саша Чёрный, Северянин, Тэффи, Цветаева и многие другие. Большинство из них прожили остаток жизни за границей, мечтая вернуться в Россию. Те, кто остался, были уничтожены тоталитарным режимом: расстреляны по ложному обвинению (Н. Гумилёв), сгинули в сталинских лагерях (Клюев, Мандельштам, Хармс, Клычков). Те же, кто до последних дней своей жизни оставаясь на родной земле, как Ахматова и Пастернак, были практически обречены на безмолвие. Поэтов, решившихся сотрудничать с новой властью, тоже ждала незавидная судьба, Маяковский, Зенкевич, Городецкий в итоге утратили свою творческую индивидуальность, а самоубийство первого до

сих пор остаётся делом весьма сомнительным, полным недосказанности.

Серебряный век – явление на редкость сложное, противоречивое, кризисное. Но «кризис» в данном случае не «упадок», «провал», а свидетельство интенсивных поисков новых путей.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Москва, 1989.
2. Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. Москва, 1999.
3. Русская поэзия «серебряного века». Москва: Наука, 1993.
4. Русские символисты: В 3 кн. Москва, 1995.
5. Поэзия серебряного века. Москва: Издательский дом Родионова: Литература, 2005.
6. Предисловие к сборнику «Воспоминания о Серебряном веке». Москва: Республика, 1993.

Н.Н. Кислова

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ 1920-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Ю.Н. ТЫНЯНОВА «СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА»)

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия,
kislova_nn@mail.ru*

Революция и послереволюционное время в художественной культуре 1920-х годов воспринимались как начало нового времени, своеобразное «перво время», которое требовало исторического осмысления. С другой стороны, осознание

масштабности происходивших и происходящих событий вызывало интерес к истории в плане поиска в ней аналогов тех исторических процессов, которые происходили здесь и сейчас. Начало 1920-х годов, например, характеризуется таким театральным явлением, как инсценировки массовых празднеств. Подобные массовые инсценировки возникали стихийно, происходили на улицах, служивших естественными декорациями, и носили, как правило, характер исторических пьес. Как заметила Л. Гинзбург, «историзм был воздухом 20-х годов» [3]. Все это вместе и стало причиной обращения многих писателей к истории как предмету эпического осмысления. Одни исследовали предысторию революции (А. Чапыгин «Разин Степан», О. Форш «Одеги камнем»), другие обратились к нравственно-философским вопросам и проблеме взаимосвязи истории и современности (Ю. Тынянов «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара»), третьи – к теме народной борьбы за национальную независимость России и укрепление государственности (А. Толстой «Петр Первый»).

Историческая проза Ю. Тынянова занимает в этом ряду особое место: на сломе эпох его интересуют проявления парадоксальности исторического мышления; ситуации, которые можно обозначить как «свой среди чужих» и «чужой среди своих». Такое конструирование системы персонажей имеет свои истоки, вероятно, в мироощущении самого писателя, который не входил в «передовой отряд» литературы и воспринимался многими как «попутчик».

Начало писательской судьбе Ю. Тынянова положил роман «Кюхля» о поэте-декабристе В. Кюхельбекере. Именно в этом романе был заложен тыняновский способ творческого проникновения в историю: «Там, где кончается документ, там я начинаю» [6]. В художественном произведении удивительным образом соединились Тынянов-ученый и Тынянов-писатель.

С наибольшей полнотой художественные принципы Ю. Тынянова, его взгляд на историю и современность отразились

в романе об А. Грибоедове «Смерть Вазир-Мухтара» (1927). Некоторые литературоведы (Т.Г. Симонова[5]) относят этот роман к жанру литературной биографии, но история Вазир-Мухтара отнюдь не является «биографией» Грибоедова. Еще в романе «Кюхля» Тынянов, как заметил Б.Эйхенбаум, хотел «не столько описывать жизнь, сколько раскрывать «судьбу». Традиционный жанр биографии не годился для этой задачи; можно было воспользоваться популярным в эти годы (особенно на Западе) жанром «*biographie romanesque*»; однако этот жанр, как указывает Б. Эйхенбаум, «в основе своей противоречил принципиальным установкам Тынянова – как «легкое чтение» для людей, уставших от истории или изверившихся в ней, как жанр, образовавшийся на развалинах исторической науки и беллетристики. Задачам Тынянова скорее соответствовал исторический роман, но замкнутый на одном герое и, главное, переведенный из плана эпического повествования в план лирического рассказа, поскольку дело было не в изложении событий и не в фавуле, а в создании интимного образа» [9]. Действительно, в романе писатель часто прибегает к художественной трансформации фактов, строит чисто творческие версии событий (например, описывая любовную интригу Грибоедова с женой Ф. Булгарина). Хотя все же некоторые беллетристические догадки автора нашли впоследствии документальное подтверждение (например участие русских дезертиров во главе с Самсон-Ханом в битвах с русскими войсками на стороне персов, подстрекательская роль английских дипломатов в разгроме русской миссии).

Однако главное в «Смерти Вазир-Мухтара» – это последовательно развернутое художественное сравнение «века нынешнего» с «веком минувшим», раскрытие вечной ситуации «горя от ума», в которую с неизбежностью попадает в России мыслящий человек. В романе писатель обратился к теме исторической необходимости, подчиняющей себе свободную волю человека. По справедливому замечанию А. Белинкова,

«в романе Тынянова нет свободы воли, нет выбора, все в нем предрешено и предназначено, и поэтому, независимо от своих природных качеств, человек становится таким, каким его делает время» [1].

Грибоедов в изображении Тынянова являет собой трагедию выдающегося человека эпохи декабризма, вынужденного жить в последекабристское время, среди людей другой эпохи; пытающегося иными методами осуществить преобразования в стране, служить Отечеству, а не власть предержащим; стремящегося приспособить свой гений к реальной жизни, подняться над ней, сохранить себя как писателя (читает А. Пушкину и И. Крылову трагедию на приеме у Булгарина, пишет стихи, желает опубликовать «Горе от ума»). Грибоедов ассоциирует себя с Чацким, но постепенно осознает парадоксальность своего положения: «Они скажут: Молчалин, они скажут: вот куда он метил, они его сделают смешным»; «Ну что ж, дело ясное, дело простое: он играл Молчалина» [7].

На всем протяжении романа Тынянов показывает бессилие Грибоедова перед ходом истории, проведя его через переживания поражения декабристов, победы Николая, невозможности напечатания «Горя от ума», необходимости служить одному государству против другого. Его проект экономического преобразования Кавказа отвергается и правительственными чиновниками, и прежними единомышленниками (ссылным декабристом И. Бурцевым). Власти видят в Грибоедове опасного вольнодумца, прогрессисты – благополучного дипломата в «позлащенном мундире». Таким образом, перед читателем разыгрывается трагедия одиночества («свой среди чужих», «чужой среди своих»), вынужденного молчания, попыток мучительного анализа сути происшедшего и происходящего. Эта драматическая ситуация, безусловно, проецировалась на судьбу самого Тынянова и его единомышленников: разочарование в революционных идеалах, распад опоязовского научного круга и невозможность дальнейшего продолжения коллек-

тивной работы в условиях идеологического контроля. В 1927 году Тынянов писал В. Шкловскому: «Горе от ума у нас уже имеется. Смее это сказать о нас, о трех-четырех людях. Не хватает только кавычек, и в них все дело. Я, кажется, обойдусь без кавычек и поеду прямо в Персию» [11].

«Смерть Вазир-Мухтара» – произведение, построенное преимущественно на парадоксальности изображаемых характеров и ситуаций. Главный герой после приезда в Персию становится Вазир-Мухтаром, а после смерти «опять превратился в Грибоедова, в Александра Сергеевича, в Александра». Роман же заканчивается встречей Пушкина с людьми, которые везут тело Грибоедова – но не Грибоедова, а «Грибоеда» (последнее слово романа, последнее превращение героя). Момент смерти Грибоедова – это не более чем момент смерти, переход в иную реальность Тынянов не описывает вовсе: «Смерти не было. Был простой дощатый гроб, который [Пушкин] принял за ящик с плодами» [7]. Основным приемом в изображении не только героя, но и реальности Тынянов избирает двусмысленность, отказ от окончательного вывода: «Двоеверие, двоеречие, двоемыслие, – и между ними на тонком мостике человек» [7]. Двусмысленность, зыбкость пронизывают роман от первой до последней страницы – от многозначного эпиграфа («Взгляни на лик холодный сей, / Взгляни: в нем жизни нет / Но как на нем былых страстей / Еще заметен след! / Так яркий ток, оледенев, / Над бездною висит, / Утратив прежний грозный рев. / Храня движенья вид) до финальных мыслей Пушкина: «Но власть... но судьба... но обновление...» [7].

Композиция романа Ю. Тынянова построена по принципу стремительного концентрического сжатия: мир во все более и более жестоких ситуациях испытывает героя на его идейно-нравственную стойкость: Грибоедов «проходит» через смертельное озлобление врагов, глухое непонимание бывших единомышленников, колебание веры в собственную

идею. Жизненное пространство постепенно смыкается вокруг него, что создает трагическое мироощущение. Анализ этапов жизненных испытаний героя позволил некоторым исследователям провести параллели с образом Иисуса Христа. «В час распятия обезумевшей толпой завершается прорыв образа тридцатитрехлетнего Грибоедова к образу Христа – и вместе с тем завершается восстановление истинных очертаний личности. ...из недр финала получает прочтение скрытая в глубинах текста тема Христа – и жизнь баловня и удачника, холодного рационалиста и тщеславного лицедея предстает восхождением на Голгофу» [2], – пишет И.Г. Волович.

Глубокий философский трагизм «Смерти Вазир-Мухтара» обусловил довольно прохладную реакцию критики. «В романе зазвучали ноты, для советской литературы неожиданные. Роман разошелся с одним из важнейших устоев советской литературы: с ее категорическим требованием исторического оптимизма» [1], – пишет А. Белинков. По мнению И.Г. Воловича, роман «Смерть Вазир-Мухтара» оказался «романом пророческим, откликнувшимся мучительным философско-этическим поиском на только еще набирающие на рубеже 20-30-х годов силы тенденции к насильственному отчуждению личности от истории и к той своеобразной мифологизации истории, когда общество приучалось «роющих котлован называть штурмующими небо» [2].

Непривычным для советского литературного канона было и стилистическое решение романа, его экспрессивная гротескность и метафоричность, ритмизованность авторской речи, порой напоминающей свободный стих (таково, в частности, открывающее роман вступление). Композиция и синтаксис «Смерти Вазир-Мухтара» отчетливо «кинематографичны»: здесь несомненную роль сыграла работа Тынянова как теоретика кино (написанные в 1926-1927 статьи «О сценарии», «О сюжете и фабуле в кино», «Об основах кино» и др.) и как киносценариста (сценарии кинофильма

«Шинель» по Н. Гоголю, 1926; фильма о декабристах «С. В. Д.» («Союз великого дела»), 1927, в соавторстве с Ю. Оксманом).

Роман Ю. Тынянова отличается многосубъектная организация повествования. Как верно заметил Б. Эйхенбаум, «повествовательный, объективно-эпический тон здесь вовсе отсутствует: вместо него либо внутренние монологи, либо диалог, либо лирический комментарий автора. Все усилия Тынянова направлены на то, чтобы преодолеть традиционную систему «повествования», традиционный «плотный и тесный язык литературы», смешать «высокий строй и домашние подробности», дать вещь в ее соотносительности с миром, дать человека и явление в процессе, в протекании».

К особым повествовательным приемам можно отнести использование внутренней косвенной речи, выполняющей функции скрытого комментария, поясняющего развитие диалога.

Ю. Тынянов умело использует прием коротких абзацев:

«Но.

Но нужна дружба с русским.

И.

И нужно действовать» [10].

Важное место в поэтике романа занимает приём небольших подглавок-интерлюдий, обычно это – переходные, от эпизода к эпизоду, мысли Грибоедова. Иногда в этих подглавках звучит полумузыкальное оформление (глава 6, подглавки 1-4; глава 10, подглавка 1 о дремоте), иногда в романе следует черед кратчайших подглавочек, доходящих до фрагментов (глава 11, подглавки 6-8). Писатель вводит в повествование форму дневника (дневник доктора Абелунга, глава 5, подглава 2), лекции (об истории кавказской политики (глава 4, подглава 11)), жанр портрета (в главе 1 подглава 3 описан непреклонный генерал Ермолов, в подглаве 5 – многогранный и спорящий Чаадаев, в главе 2 подглавах 8 и 9 – Сенковский), активно использует словесную карикатуру (о тифлисских чиновниках (глава 3,

подглава 11), бал после эриванской победы (глава 4, подглава 15), бал для персидского принца (глава 13, подглава 15), аудиенция с Николаем I (глава 2, подглава 25)).

Роман перенасыщен скрытыми ассоциациями и цитатами из писем, мемуаров, художественных произведений, побуждающими вдумчивого читателя к пониманию не только прямого, но и подразумеваемого смысла и значения слов, сравнений, описаний. Многие факты истолкованы Тыняновым по-своему: «Все соотносится друг с другом как мысли внутреннего монолога Грибоедова. Все связано круговоротом ассоциаций» [8].

Ю. Тынянов, одновременно с О. Форш, А. Виноградовым, встал у истоков традиции исторического романа, замкнутого на конкретной личности. При создании образа Вазир-Мухтара писатель впервые использовал органическое вплетение в ткань повествования элементов художественного вымысла. Ряд отступлений от засвидетельствованных фактов жизни Грибоедова, сдвиги в хронологии, составе и функциях персонажей, допущенные Тыняновым при создании образа Вазир-Мухтара, позволили М.А. Гаспарову назвать роман беллетристикой, подменяющей науку. Однако на традиции исторической беллетристики Ю. Тынянов оказал огромное воздействие [4].

Библиографический список

1. Белинков А.В. Юрий Тынянов. 2-е изд. М., 1965. С. 303
2. Волович И.Г. Историческая проза Ю. Тынянова / Серия литературы и языка. Т. 48. № 6. 1989. С. 519. // <http://feb-web.ru/feb/izvest/1989/06/896-517.htm>
3. Гинзбург Л. Тынянов-ученый // <http://tynyanov.gatchina3000>
4. Николаев Д.Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М., 2006.
5. Русская художественно-документальная проза XX века. Программа спецкурса. Гродно, 2003// http://phf.grsu.by/Kafedry/008/academic_process/umo/36/01

6. Тынянов Ю. Как мы пишем // <http://tunyanov.gatchina3000.ru/index.htm>
7. Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара // http://az.lib.ru/t/tunjanow_j_n/text_0020.shtml
8. Хмельницкая Т. Емкость слова // <http://tunyanov.gatchina3000.ru/memories/hmelnickaya.htm>
9. Эйхенбаум Б.М. Творчество Ю. Тынянова // <http://tunyanov.gatchina3000.ru/memories/eyhenbaum.htm>
10. Ю. Смерть Вазир-Мухтара // http://az.lib.ru/t/tunjanow_j_n/text_0020.shtml
11. http://www.belousenko.com/wr_Tunyanov.htm

Л.Н. Паращак, Р.Г. Сафонова

РУССКИЙ ЯЗЫК – ЯВЛЕНИЕ САКРАЛЬНОЕ

*Россия, Самарская область, Елховский район,
МОУ Елховская СОШ*

Для России русский язык сегодня – арена идеологической борьбы, борьбы за будущее нашей Родины. С колыбельного возраста человек, осваивая родной язык, получает бытовые и нравственные знания, усваивает жизненный опыт народа. Все самое лучшее и возвышенное, красивое и многозначное, что создано целыми веками поколений и выражено словом, является духовно-нравственным богатством нации.

Будничная речь привычна для нас, как дыхание, но в то же время она либо исполнена Божественным отсветом, либо искалена лукавой лексикой. Апостол Иаков напрямую связывал речь с духовной жизнью, со спасением: «*Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело*» (Иак. 3, 2). Язык – это и великая заповедь творчества: человек получил от Господа возможность творить посредством своего слова.

Уходят люди. Это – аксиома. Дань скорбную свою берут года.

Уйдем и мы. И облик наш сотрется со временем. Но в суете мирской,

Быть может, наше слово отзовется в людских сердцах любовью и тоской...

Уйдем и мы. Но слово остается, – не зря Господь сподобил нас творить...

(Николай Рубцов).

Как велика ответственность человека перед Богом за слово! Об этом предупреждают нас евангельские строки: «*За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день Суда*» (Мф. 12, 36). Поразительно, но наше слово станет главным свидетелем о нас на Суде Божиим: «*От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься*» (Мф. 12, 37).

Язык каждого народа обязательно содержит в себе информацию о Боге. Так, в лексике некоторых тюркских языков мы встречаем интересные параллели со Священным Писанием. В азербайджанском языке слово *человек* звучит как *адам*, что сразу же возводит нас к самым истокам ветхозаветной истории. Слово *предатель* произносится как *хаин* – и нам становится понятно, о ком идет речь: это тот самый Каин, совершивший первое и тяжкое предательство – убийство единокровного брата. Значение «чуждый, нездешний, несведущий, не наш человек» – это *хам*, что также не нуждается в особых комментариях. Такая вот причудливая ветхозаветная матрица.

Русский язык – это явление сакральное. Он повествует нам об Иисусе Христе, содержит сокровенное знание о Нем.

Например, слово *человек*. Что оно значит в русском языке?

Замечательное объяснение дается в «Славянорусском корнеслове», составленном Александром Семеновичем Шишковым. Адмирал, министр просвещения и президент Российской Академии наук Александр Семенович был ярост-

ным поборником чистоты родного языка, ратовал за удаление из него вошедших в моду многочисленных иноязычных заимствований, связанных с тогдашним засильем французского.

Так что же все-таки означает слово *человек*? А.С. Шишков возводит его этимологию непосредственно к понятию «слово»: *слово – словек – цловек – чловек – человек*. И дело не только в том, что таким образом подчеркивается главное отличие людей, как существ словесных, мыслящих словами, от всего живого, сотворенного Богом, но и в том, что *Слово* – это прежде всего имя Самого Бога!

«И сказал Бог: Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт. 1: 26). Священное Писание призывает нас к Небесному достоинству. «*Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*», – читаем в Евангелии от Матфея (Мф. 5,48).

Николай Васильевич Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» подчеркивает необходимость осознать смысл выше сказанных слов из Евангелия: «Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданства, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство».

Восприятие какого-либо предмета или явления во многом зависит от того, с каких позиций мы их рассматриваем. Меняется ракурс – и тогда слова, привычные слуху, приобретают совершенно иной смысл.

Так, в слове *образование* содержится очень важная для всех нас информация. Ведь исторический корень этого слова – *образ*, то есть *икона*. Сам язык наш подсказывает, что главное – не передача суммы неких знаний, а восстановление в человеке образа Божия. Русский язык напоминает нам об этом, зовет к постижению этого совершенства. А потому и *безобразие* – есть именно *потеря образа Божия*. Всякий человек есть образ Божий. А как же убийцы, террористы, воры? Парадокс за-

ключается именно в том, что и они тоже созданы по образу и подобию Божию, только образ этот поврежден до неузнаваемости.

Приняв православную веру всем сердцем, наши предки, соблюдая Божьи заповеди, поражали иноземных путешественников своим строгим образом жизни, строгостью поста, почитанием икон, молитвенностью, богобоязненностью, чрезвычайной скромностью, смирением, высокой нравственностью. Сотни церквей, монастырей были поставлены на Руси. Москва называлась златоглавой от множества золотых куполов. Церковный звон стоял над русской землей: звонили к службе. Звон колоколов передавался от одного храма к другому, создавая мощный звуковой купол, очищающий вокруг воздух от разной земной скверны. Духовным идеалом людей того времени был монах-подвижник, всецело посвятивший себя служению Богу. Поэтому монастырский устав и определял всю жизнь русских людей.

Так формировалась единственная в мире страна, где народ сам называл свою Родину святою – Святая Русь (не существует понятия Святая Англия, Святая Германия, Святая Франция или Святая Италия). Люди грешили, но идеалом русского народа было стремление к святости. Среди большинства народа укоренялась целомудренная нравственность. Это выразилось и в языке, ибо язык есть хранилище не только практического, но и духовного опыта народа. Именно нашему народу Творец Вселенной дал язык редкой красоты, богатства и выразительности

Россия живет тяжело, но она живет в Вере, в Надежде, в Любви и в жажде созидания. Давайте же созидать ее вместе – под знаком великого Русского Слова.

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДРАМЫ

Россия, г. Самара, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, НаумоваOS@mail.ru

«Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. ... Для художника нравственная жизнь человека – лишь одна из тем его творчества. ... Не приписывайте художнику нездоровых тенденций: ему дозволено изображать все. Мысль и Слово для художника – средства Искусства. Порок и Добродетель – материал для его творчества», – писал еще в конце XIX века О. Уайльд [10: 13]. Как ни в одном другом литературном роде, в драме речь персонажа имеет решающее значение. Именно через высказывания персонажей в драматургическом произведении развивается действие, раскрываются характеры героев и обнажается идея автора. Таким образом, голос и речь являются материальным выражением героя в художественном произведении, а также авторским способом моделирования изображаемого им художественного мира.

Одной из тенденций новейшей российской драматургии рубежа XX-XXI вв. явилась языковая деконструкция, в результате которой произошел отказ от классических канонов литературной речи, упрощение синтаксиса и замена литературной лексики на повседневную. Ярким примером указанной приметы новейшей драматургии служит творчество Николая Коляды и Евгения Гришковца, ярких представителей современного литературного процесса.

Н. Коляда с первых своих пьес продемонстрировал «пиршество языковой игры» [6: 275], мастерское владение драматургическим словом, сочетающим в себе литературную речь, ненормативную лексику, брань и словотворчество. Язык драматургии Коляды определил не только стилистическое богатство

его пьес, но и явился фактором возникновения драматургического напряжения. В речевых портретах раскрываются характеры персонажей. Изысканное слово одних героев демонстрирует их образованность, указывает на принадлежность к определенной социальной среде. О примитивном уровне мыслей и жизни в целом других героев пьес Коляды свидетельствует их грубая, площадная, бранная речь. Принцип речевого контраста используется драматургом во многих пьесах.

Например, поэтичная выразительная речь Татьяны из «Полонеза Огинского» контрастирует с грубым, но от этого не менее выразительным языком Людмилы и Сергея. Экспрессивность, образность языка, владение сложными метафорами характеризуют артистический склад натуры Татьяны. «Коляда создает для нее особый язык – он уже не литературный и не разговорный, не русский и не американский, с не нашими и не западными интонациями, красивый и нескладный, – такие особенности слова Тани из «Полонеза Огинского» замечает Е. Сальникова. – Такова речь человека, у которого ничего не осталось, кроме самого себя. Героиня живет в агонии и прострации, замкнутости и легкомысленности, свойственных тем, кто давно не чувствует земли под ногами, опоры» [7:209].

Брань, ругань, являющиеся закономерной реакцией человека «порогового сознания» на свое нелепое и безумное существование в таком же нелепом и безумном, как ему кажется, мире, вполне оправданы у Коляды. Подобная языковая раскрепощенность говорит об экзистенциальности мироощущения героев Коляды. Но в то же время автор испытывает дискомфорт, и, например, после выяснения отношений героев пьесы «Черепаша Маня» в ремарке-обращении к читателю драматург как бы извиняется за своих героев и за себя («отвел я душу»), на некоторое время прерывая этот «обмен любезностями». «Обычная бытовая речь обладает способностью осваивать и присваивать явления культуры и эмпирической действительности, возвращая им связь с внутренним миром человека» [3: 458].

Язык драм Н. Коляды представляет собой «лирическую» речь, поскольку «ехидная наивность, ерническое косноязычие, скороговорки нахальных метафор и беззастенчивая недоговоренность через голову книжно-газетного языка аукаются с поэтическим словом, с бессмертными стихами» [9:396], демонстрируя не столько прозу жизни, сколько поэзию языка. Самобытный язык, словесная игра в пьесах Коляды позволяет говорить о независимом от интриги действии. Еще пример: в пьесе «Рогатка» сигналом очищения души героя становится очищение речи (при первой встрече с Антоном Илья говорит: «На кухне кран *текёт*»). Антон его поправляет, и позже, после поворотной в развитии сюжета сцене, в которой герои ругаются и спорят о «красоте» самоубийства, Илья в разговоре с Людмилой поправляет ее: «Не “текёт”, а “течет”»).

Нельзя не сказать и еще об одной особенности драматургической манеры Коляды – «кричащих» персонажах его пьес, что роднит поэтику уральского автора с эстетикой авангардного театра. С помощью истерики, а не истинного драматизма Коляда нагнетает внешнее напряжение. Беспросветное отчаяние, которое обычно прячут внутри, не договаривают, стыдясь, как душевной слабости, герои произносят во весь голос, выкрикивают. Разговор на повышенных тонах, истерики часты в пьесах Коляды. Например, истошно кричит Валентин из пьесы «Уйди-Уйди»: «Не хочу умирать!!!! Не хочу умирать!!!! Не хочу!!!!». Громко истерично кричит старуха в «Кликуше» (второй монолог «Бенефиса»): «А! Э! Ы! Йу! И! Мя! Мю! Ту! Ио!.. А ну, пустите меня на волю! Вольному человеку – волю, во-лю, во-лю!!!.. А ну, пустите меня – моя остановка, ну? Библия у меня в рюкзаке, не помять бы ее! Где церковь, где мне помолиться, где мой Бог?! (*Пауза*). Где мой Бог?! Где Бог?! Есть Он еще или нет?!» [5:92-93]. «Визжат что-то непонятное» герои пьесы «Бином Ньютона» [4; 271]. Кричащие герои Коляды – это своего рода авторский прием: говорить им не о чем и не с кем, а хочется. А кричат лишь по-

тому, что хотят быть услышанными. «Чем человек ниже в умственном или образовательном цензе, тем в большинстве случаев громче, крикливее. Это какая-то страсть – производить в воздухе шум. Некоторые, даже рассказывая, надрыдают горло, вопят, точно хотят перекричать кого-то. Шумовой фон, вероятно, создает иллюзию жизни, полной смысла, событий. Или эта способность заговаривать пустоту, гложущую изнутри, как болезнь попавшего в беду человека? В тишине он сошел бы с ума...» [8; 263].

В современных драматургических текстах наблюдается ослабленность синтаксических связей: предложения прерывисты, отличаются незаконченностью, что создает впечатление непоследовательности речи. Принцип незавершенности в структурном оформлении, прерывистость фраз свидетельствуют о близости к повседневной реальной речи. Если же появляются сложные предложения, то их отличает обилие повторов, инверсии. Приоритет, который отдан разговорному стилю, обусловлен стремлением к созданию эффекта непринужденности, непосредственности, импровизации. Особенности языка драматургии Е. Гришковца максимально приближают его к сказовому стилю, характеризующегося двухголосым повествованием, соотносящим автора и рассказчика. Об ориентации сказа на разговорную речь говорил еще В.В. Виноградов, понимая под сказом своеобразную литературно-художественную «ориентацию на устный монолог повествующего типа», художественную имитацию «монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения» [1:49]. Как известно, художественная система сказа широко использовалась писателями в 20-е годы XX века (М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров, Ю. Олеша, Н. Эрдман, М. Булгаков и др.), когда произошло переосмысление роли слова в литературе, в результате которого автор посредством языковой стихии стал осваивать мир и пытался запечатлеть его образ в произведении.

Косноязычие, сумбур и комканность высказывания рассказчика, в чем Гришковца часто упрекает критика, очевидно, послужили драматургу единственно верным способом запечатлеть жизнь «как она есть на самом деле» в сознании большинства его современников. «Магнитофонная правда» Гришковца стала собственно авторским стилем драматурга. Так, стилизация под разговорную речь достигается Гришковцом посредством многочисленных лексических повторов («и березы... много... много... много берез», «чего мне знать не хочется, чего я боюсь, чего я очень боюсь»), огромного количества междометий типа «о-о-о-х», «да-а-а», «мм-м», «э-э...э» и глаголов, грубой, сниженной, разговорной лексики («Здравствуйте, мля, товарищи матросы, мля» [2:178]), разорванных многоточиями фраз («Родина предала... Но мы Родину не предали... мы ее защищали... постоянно...» [2:185]), пояснений и уточнений банальных фраз («У нас на корабле был Коля И. Кореец. Фамилия И» [2:193] и т.д. Подобное обращение драматурга со словом спровоцировало разрушение его номинативной функции, утверждающей человека в мире, в результате чего доминировать начинают чувства, ощущения, ответственные за коммуникацию человека с миром. В связи с этим можно говорить о том, что смысл акта «говорения» у Гришковца оправдывается только чувственным контактом человека с миром.

Актуальной по отношению к языковой манере Гришковца кажется мысль И. Шкунаевой, исследовавшей творчество бельгийских драматургов, и в частности М. Метерлинка, о том, что «словесное выражение становится самым выражаемым состоянием – однако не столько с помощью лексической семантики, то есть содержания языка, сколько с помощью семантики синтаксической, то есть языковой формулы», а растерянность героя перед жизнью выражается в «безличных конструкциях», «вопросительных предложениях», «в предложениях эллиптических, “рваных”, в бормотании» [11:37].

Вместе с тем язык Гришковца очень музыкальный – и в этом заметна переключка творчества современного автора с поэтикой «новой драмы» начала XX в. Музыкальность, значение которой Л. Андреев видел в «договаривании» недосказанного, помогает рассказчику вести монолог, а зрителю/читателю – воображать именно ту картину, которую задумал автор, вызвать конкретные эмоции. Например: «В голове все время звучало: “Хочудомой, хочудомой, хочудомой”. “Хочу есть” и “хочудомой”, “хочу спать и “хочудомой”, все время, все время, как стук колес в поезде» [2:190]. Звук у Гришковца кроме смысловой нагрузки играет огромную роль в создании настроения: «Катер шел тихо, в смысле не шумел, и все сидели молча, все молчали, и даже те, кто сопровождал нас, – тоже молчали. Так – шш-шш-шш – шелестела вода. Никто не вертел головами, не смотрел по сторонам, все как бы замерли... Страшнооо» [2:176]). По своей структуре монолог рассказчика многопланов, и это придает ему драматичность.

Таким образом, деконструктивный язык современной драмы, рассмотренный на примере творчества Н. Коляды и Е. Гришковца, используется авторами в качестве приема, который обеспечивает эффект искренности публичной речевой культуры. Как видно из приведенных примеров, в речи героев пьес Н. Коляды и Е. Гришковца для «пущей выразительности» часто используется лексика бранная, сниженная. Современная драматургия насыщена и жаргонной лексикой. В этой связи сегодня можно констатировать факт выхода жаргона за рамки породивших его профессиональных или социальных групп и говорить о вытеснении «маргинальным» языком респектабельной речи, происходящем не без помощи литературы, а также средств массовой информации, которые накладывают отпечаток на язык всей нации.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Проблемы сказа в стилистике / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980.
2. Гришковец Е. Зима. Все пьесы / Е. Гришковец. М.: Изд-во Эксмо, 2005.
3. Казарина Т.В. Три эпохи русского литературного авангарда (Эволюция эстетических принципов) / Т.В. Казарина. Самара, 2004.
4. Коляда Н. «Персидская сирень» и другие пьесы» / Николай Коляда. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997.
5. Коляда Н.В. Носферату: Пьесы и киносценарии / Н.В. Коляда. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2003.
6. Малыгина Н.М. Николай Владимирович Коляда / Н.М. Малыгина // История русской литературы XX века: В 3 кн. М., 2005. Кн. 3.
7. Сальникова Е.В. В отсутствии несвободы и свободы: О драматургии Н. Коляды / Е.В. Сальникова // Современная драматургия. 1995. №1-2.
8. Синявский А. (А. Терц). Хор / А. Синявский // Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1990.
9. Тименчик, Р. Ты – что? Или Введение в театр Петрушевской / Р. Тименчик // Петрушевская Л. Три девушки в голубом. М., 1989.
10. Уайльд Оскар. Портрет Дориана Грея // Уайльд О. Портрет Дориана Грея. Сказки. Пьесы. Баллада Рэдингской тюрьмы. De profundis / Пер. с англ. М.: Пушкинская библиотека, 2003.
11. Шкунаева И. Бельгийская драма от Метерлинка до наших дней / И. Шкунаева. М., 1973.

**АПОКАЛИПСИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
Т. ГУЭРРЫ И ИХ МЕСТО
В АПОКАЛИПТИКЕ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО**

*Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский государственный
университет, mperepelkin@mail.ru*

В данной статье предпринят анализ одной из составляющих апокалипсического сюжета «Ностальгии» Андрея Тарковского, а именно – выявлено место в этой картине апокалиптики Тонино Гуэрры, короткое стихотворение которого («Воздух») звучит в одной из финальных сцен этого фильма. Кроме этого, Т. Гуэрра был, как известно, соавтором сценария «Ностальгии» (вместе с А. Тарковским), и, таким образом, он сам и его творчество оказали непосредственное влияние на концепцию картины в целом и, в частности, на характер ее главной (мета) сюжетной линии – апокалипсической.

Тонино Гуэрра – итальянский поэт, прозаик, сценарист, художник. Его знакомство с Тарковским состоялось в самом начале 1976 года, а в начале 1980-х Т. Гуэрра и А. Тарковский написали сценарии двух фильмов – «Ностальгии» и «Времени путешествий». Что касается поэтического творчества Т. Гуэрры, А. Тарковский не только был с ним довольно подробно знаком, но даже написал небольшое предисловие к первой, опубликованной на русском языке, подборке стихов Т. Гуэрры в журнале «Иностранная литература» [1].

В стихотворениях Т. Гуэрры отчетливо просматриваются две сюжетно-смысловые линии, взаимосвязанные, но тем не менее – самостоятельные.

Первая из этих линий – реконструкция мира детских тревог и надежд, наблюдений и эмоций. Субъект лирического сознания, удерживающий в памяти образ мироощущения ребенка, возвращается в этот мир, состоящий из гусей, которые

«топорщат крылья и шипят все злей», помоек за углом, стены с «каракулями, написанными мной, когда я был мальчишкой». Т. Гуэрра не воспроизводит утраченные мгновения детства так, как будто детство не кончалось, и все, что будет за ним, – впереди. Его интересует не детство, не само детство, а возможность возвращения в него из другого времени. Эти возвращения, или погружения, в детское и составляют содержание текстов, относящихся к первой смысловой линии.

Вторая сюжетно-смысловая линия поэтического творчества Т. Гуэрры связана с изображением мира взрослого человека, не только безвозвратно утратившего детство, но и изменившего своей первоначальной подлинности, подлинности мироощущения, своей «детскости». Этот мир не имеет ничего общего с «прекрасным миром», благодать которого хвалил «наш детский лепет». Мысли живущего в нем человека заняты смертью («Меня пугает смерть: / настанет час...» и т.д.), страхом старости («Десяток лет подряд подрайшь окна, / потом в прислугах двадцать проживешь / и замечаешь вдруг – настала старость, / и в зеркале себя не узнаешь»), тщетой и желанием извлечь пользу даже из «сходства» с Христом, приобретенного благодаря ранам, полученным в результате падения с велосипеда («Вопрос»).

Если реконструкция детского взгляда на мир доставляла лирическому субъекту радость, приобщая его к подлинному, то ощущения вынужденного присутствия в «мире полднемном» – другие. На этот раз носитель сознания, хоть и пытается иронизировать над собой и своим прагматизмом, корыстолюбием, но сквозь его иронию, тем не менее, просвечивает отчаяние и стыд за состоявшееся предательство детской непосредственности. Так, стыдится и иронизирует над собой и своей respectable щедростью герой «Пирожного с кремом», который «повел в кафе свою слепую мать» и за все, что она дала ему в жизни («...если я учился в школе, / то ради мамы (...) если я увидел мир полднемный, / чужие города, / то только ради мамы...»), отбла-

годарил ее «широким жестом», сводящимся к заказу дорогой сладости («...я готов / для вас сегодня сделать невозможное: / просите – все дадут без лишних слов – / и даже с кремом принесут пирожное»).

Таким образом, лирическое «я» Т. Гуэрры живет, с одной стороны, возвращениями к времени собственной подлинности – к детству; с другой – констатациями нынешней псевдореальности, убогого и ущербного существования. Вместе с тем, как было сказано выше, ни одна из этих линий не исключает другую. Напротив, именно их взаимодействие придает детским воспоминаниям статус не случайных и необязательных зарисовок, а обладающих особой ценностью мгновений подлинного. И это же взаимодействие двух линий открывает в убогом – Божье.

Но, прежде чем мы поставим вопрос об апокалипсических интуициях Т. Гуэрры, обратим внимание еще на один момент в стихотворениях рассмотренной подборки. Этот момент – светотеневая композиция данного цикла.

Игра теней и света, иногда еле уловимая, иногда – подчеркнутая, пронизывает почти все стихотворения, составившие опубликованный в «Иностранной литературе» цикл. Скажем несколько слов о ее структуре.

Что касается «детских» стихотворений, то их светотеневая гамма связана, в основном, либо с утром, то есть – с рассветом, либо – с вечерними сумерками, либо – с темнотой. Гамма «взрослых» стихотворений, напротив, – «полдневная». Что лежит в основе всех этих переходов света и тени? Принимая во внимание выше приведенные наблюдения, можно констатировать, что «детское» у Т. Гуэрры маркируется, как правило, концом/началом света или его отсутствием, тогда как «теперешняя», или взрослая, жизнь – полдневная, светлая. Случаются и контаминации из «дня» и «ночи» человеческой жизни и мира в целом: «...мгла: темно и светло». Полдневный мир кончается там же, где он и начинается, в вечерне-утренних

сумерках и в ночной темноте, в детских снах и в воспоминаниях об утре-вечере человека и мира.

Апокалипсическое у Т. Гуэрры, таким образом, имеет два значения и должно рассматриваться в двух планах – антропологическом и онтологическом. Другими словами, это и Апокалипсис для одного человека (причем, означающий не смерть, а выход, – не «пустоту», а «иное»), и Апокалипсис для мира. Человек и мир соотносятся друг с другом как микрокосм с макрокосмом, постигая через это соотнесение законы организации друг друга, важнейший из которых – возможность открыться в пространство Творения, то есть, собственно, принцип апокалипсичности, от к р о в е н н о с т и.

Переходим к разговору о месте апокалипсических мотивов Т. Гуэрры в художественном мире А. Тарковского. Как уже было сказано, Т. Гуэрра был соавтором сценария «Ностальгии», в которую также вошло его стихотворение «Воздух».

Данное стихотворение состоит из двух стихов: «Воздух – это легкая вещь вокруг твоей головы, / он становится более светлым, когда ты улыбаешься».

Стихотворение звучит в финале фильма, им завершается «проповедь» Доменико накануне его самосожжения. Доменико произносит эту «проповедь», стоя на постаменте возле конной фигуры всадника, посреди довольно большой площади в Риме. Перед ним стоит немногочисленная публика, среди которой находится Эуджения. Произнося последние слова (от «О мать!..»), Доменико уже держит в руках канистру с бензином, которую выливает на себя, едва заканчивает говорить.

Не надо даже прилагать специальных усилий, чтобы увидеть в этой «проповеди» текст, прямо восходящий к Апокалипсису. Это, собственно, и есть последнее слово о последних мгновениях мира, в котором «сумасшедший кричит, что вы (то есть не сумасшедшие – М.П.) должны стыдиться самих себя». И вместе с тем это слово о начале, о необходимости «вернуться к истокам жизни». Таким образом, конец, и в самом деле, оказывается на-

чалом, той точкой вне времени, которой является Апокалипсис и проповедником которой выступает Доменико.

Промежуточным звеном между текстом Откровения и «проповедью» героя «Ностальгии» выступает, на наш взгляд, поэтическое творчество Т. Гуэрры. Обратим внимание только на одну мысль, высказанную «проповедующим» Доменико, заблудившимся между «реальностью» и «воображением» и не знающим, как назвать это, новое, пространство («Где я, если не в реальности и не в своем воображении?»). Именно эта – мысль? ощущение? состояние? – была, как мы видели, константой мироощущения лирического субъекта стихотворений Т. Гуэрры, ищущего себя между реальностью сегодняшнего дня и воображаемым детством, выступающего точкой их взаимодействия и взаимного проникновения. Декларация этого взаимодействия, знакомого читателю по стихотворениям итальянского поэта, составляет основу «нового договора», который намеревается заключить герой с миром. Внешними признаками, сопровождающими заключение этого договора, являются признаки контаминации («Да воссияет солнце ночью и падет снег в августе»), означающей смещение осей мироустройства, нарушение обычной, «законной», протяженности суточного и годового циклов, и являющейся, в конечном счете, прецедентным условием открывающегося мира, то есть – о т к р о в е н и я.

Встреча, обещающая Откровение и выступающая его прецедентом, является, с нашей точки зрения, предметом изображения в стихотворении «Воздух». Человек и мир устремляются навстречу друг другу – первый улыбается, второй становится прозрачней, – все теперь готово к тому, чтобы Врата Небес открылись.

Завершающаяся стихами Т. Гуэрры апокалипсическая «проповедь» Доменико – один из вариантов развития сюжета Апокалипсиса в «Ностальгии», но не единственный. Другой вариант представлен своеобразной «проповедью» другого героя, Горчакова, выходящего из протяженности физического мира,

читая при этом апокалипсические же стихи Арсения Тарковского «Я в детстве заболел...».

В чем смысл совмещения в рамках одной картины этих двух Апокалипсисов? Как они соотносятся друг с другом и каково их место в апокалипсическом сюжете А. Тарковского, не ограничиваемся только лишь «Ностальгией»? Попробуем коротко ответить на каждый из этих вопросов.

Как мы уже тоже отмечали выше, поэтическое творчество Т. Гуэрры знакомо и с той сюжетной линией апокалипсического, которая представлена в картине «проповедью» Горчакова и стихотворением Арсения Тарковского. Это – личный, антропологический, Апокалипсис погружений в воспоминания о детстве. Есть основания думать, что именно причастность Т. Гуэрры к этим «апокалипсическим воспоминаниям-погружениям» легло в основу творческого содружества и духовной близости А. Тарковского и Т. Гуэрры. Однако, выстраивая апокалипсический сюжет, А. Тарковский выделил в творчестве Т. Гуэрры не эту, близкую ему, родственную и практически свою собственную, внутреннюю, линию, обозначив ее стихами отца. Он выделил то, что ему самому было пока недоступно, но уже оказалось намечено у Т. Гуэрры, – речь идет об Апокалипсисе онтологическом, всеобщем.

Интересна структура взаимоотношений «личного» и «всеобщего» апокалипсических сюжетов в «Ностальгии». Центральной фигурой первого является Горчаков, второго – Доменико. Определенный рисунок взаимоотношений двух линий складывается на протяжении всей картины, но особенно напряженными они становятся в финале фильма, после посещения Доменико Горчаковым, отъезда первого в Рим и т.д.

Кульминацией апокалипсического сюжета становится вход Горчакова в разрушенный храм, происходящее в храме и путь со свечой через бассейн. До и во время этого пути место действия дважды переносится в Рим, где на одной из площадей «проповедует» Доменико.

Две апокалипсические линии соотнесены таким образом, что «онтологическое» вторгается в «индивидуальное», но, в конечном счете, поглощается им, оказывается уже воплотившейся мечты Горчакова о возвращении в прадетство. Продолевающий этот путь к истоку, Горчаков остается верен ему, даже услышав от Доменико покаянное признание в том, что он был неправ, спасая свою семью, в то время как «спасать надо всех, весь мир». Таким образом, стремясь к общей цели, Горчаков и Доменико идут к ней разными дорогами: первый – путем поиска своего, «личного», Откровения и истока, второй – путем «всеобщего» спасения и Апокалипсиса. И если быть до конца последовательным, то надо признать, что автору «Ностальгии» ближе все-таки первый путь, совершенно естественно вытекающий из всех его предыдущих поисков и раздумий.

Однако, чтобы картина была полной, необходимо принять во внимание еще один поворот апокалипсического сюжета у А. Тарковского. Как известно, следующей картиной после «Ностальгии» стало «Жертвоприношение» с Э. Йозефсоном в главной роли, сыгравшим в «Ностальгии» Доменико. Учитывая это, а также то, что Апокалипсис, причем не «личный», а «всеобщий», стал в этом фильме центральным сюжетобразующим событием, можно предположить, что, подводя определенный итог поискам личного спасения в «Ностальгии», в следующем фильме Тарковский обратился к той апокалипсической линии, которая уже заявила о себе образом Доменико и его предсмертной «проповедью», но принуждена была находиться на втором плане, пока не завершил свой путь Горчаков, ностальгирующий по утраченному детству и по личной гармонии. Теперь, поднявшись до понимания всей глубины «проповеди» безумного Доменико, Тарковский принес в жертву, в том числе, и эту горчаковскую ностальгию по личному счастью.

Таким образом, особое место в апокалиптике Тарковского принадлежит апокалипсическому сюжету Т. Гуэрры, в поэтическом творчестве которого не один, а два варианта

апокалипсического. Во-первых, это погружение из «теперь» в «тогда», то есть – возвращение в детское мироощущение, которое рассматривается как аналог Откровения. Во-вторых, это Откровение другого рода, сопровождающееся «отверзшимися небесами» и т.п. Хорошо знакомый с первым, Тарковский актуализировал в «Ностальгии» второй, подкрепив эту актуализацию прямой цитатой из поэтического творчества Гуэрры.

О.А. Пороль

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ТЕКСТОВ, СОДЕРЖАЩИХ БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ

*Россия, г. Оренбург, ГОУ ВПО Оренбургский
государственный университет*

Известно, что художественный мир произведений, в которых царит библейская стихия, требует определённой дешифровки. Сложность проникновения в смысл библейских элементов объясняется несколькими причинами. Во-первых, сосуществование в одном произведении лексики разной тематической и временной сфер. Вторая причина состоит в том, что для библейского текста (а также для его какой-либо части, например, мотива) характерна суггестия – насыщенность лексикой, отражающей онтологические смыслы.

Рассмотрим специфику функционирования библейских мотивов в стихотворении И. Бунина, применяя концептуальный анализ.

*Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами
На вьюжный двор, на снег, прилипший к раме,
На метлы гулких, дымных тополей.*

*Вздыхая, ты свернулась потеплей
У ног моих – и думаешь... Мы сами
Томим себя – тоской иных полей,
Иных пустынь... за пермскими горами.*

*Ты вспоминаешь то, что чуждо мне:
Седое небо, тундра, льды и чумы
В твоей студеной дикой стороне.*

*Но я всегда делю с тобой думы:
Я человек: как Бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.
4.VIII.09.*

Стихотворение отличается сложной организацией: неоднородностью в лексике, «присутствием текста в тексте» (по выражению М.Ю. Лотмана).

Лексический уровень в этом произведении представлен как восхождение к высшему миру от вещей конкретных, обыденных: *глаза, двор, снег, рама, метлы тополей, ноги*, и вдруг неожиданно возникают слова другого мира: *поля, пустыни, горы, небо, тундры, льды, чумы, сторона, думы... Бог, тоска, страны, времена*.

Неоднородность лексики свидетельствует о наличии нескольких пространственно-временных миров: духовного и реального, где физически в настоящее время находятся два живых существа: человек и собака. Это мир уюта и сохранности. Он тесен и хорош тем, что способен защитить от внешнего мира, мира без границ. Однако уже в первых строчках присутствует горький пессимизм перед неотвратимым приближающимся концом:

*Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами...*

Во второй строфе мир обыденной действительности сменяется изображением бескрайних географических пространств, объединенных словом *тоска*, сопровождающихся словом *то-мим*. Происходит соединение двух миров:

*Вздыхая, ты свернулась потеплей
У ног моих – и думаешь... Мы сами
Томим себя – тоской иных полей,
Иных пустынь... за пермскими горами.*

В конце стихотворения слово *человек* качественно изменяется: объясняется его назначение, величие и его трагедия предопределения быть человеком:

*Я человек: как Бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.*

Несовместимое вынуждено совместиться. Маленький, тесный физический мир должен вместить необъятную величину духовной смуты, «тоску всех стран и всех времен».

На такое движение души способен человек, обладающий всемирной отзывчивостью, по своим духовным устремлениям равный самому Богу.

В данном контексте слово *Бог* связано со всеохватывающей «географической» и временной тоской, что, конечно, требует развернутого комментария, потому что данные строчки не что иное, как перифраза библейского текста.

Стихотворение Бунина	Библейский текст (Мф., 26; 38)
Я человек: как Бог, я обречен Познать тоску всех стран и всех времен.	Тогда говорит им Иисус: душа моя скорбит смертельно.

Конечно, при интерпретации этого стихотворения необходимо уточнить, о каком Боге говорит автор. Известно, что слово *Бог* в античной и христианской традиции вовсе не тождественны. Крест и есть Христос. Следование Ему – это трудный путь Крестоношения. Именно о таком Боге говорит Бунин.

Несомненно, последняя строфа имеет большую смысловую нагрузку, чем все остальные, но «поспорить» с ней может и строфа вторая.

Необычную семантическую наполняемость получает слово *томим*. Несмотря на его сочетание со словом *тоска*, оно в этой строфе не несет негативного значения.

Бунинская фраза «томим себя – тоской иных полей, иных пустынь за пермскими горами...» перекликается с пушкинской «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился» («Пророк»). Таким образом, «томим тоской иных... пустынь» означает не что иное, как «испытывать духовную жажду». Интересно, что слово *томим* сохранило способность являться в подобном контексте и в наши дни:

Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.

(Н. Заболоцкий. Некрасивая девочка)

Важно также отметить, что в стихотворении Бунина под *пустынями* подразумевается, скорее всего, некий географический локус – святое место духовного уединения. Эту мысль в тексте подтверждает словосочетание *пермские горы*.

Немного исторического экскурса.

Известно, что слово *Пермь* изначально окружено неким сакральным фоном. Мысль о святости этого локуса символично разрешается в геральдическом выражении духовной идеи города. Герб Перми представляет собой красное поле, на котором изображён медведь. На спине медведя – Евангелие в золотом окладе и серебряный крест.

Не исключено также, что на воспоминание Бунина о Перми как о сакральном месте повлияли события, предшествующие написанию стихотворения. Последние десятилетия XIX и начало XX века – время духовного самоопределения Перми, празднование ряда знаменательных дат её церковной истории:

- 1879 – 500-летие начала проповеди Стефана Пермского,
- 1896 – 500-летие его преставления,
- 1899 – 100-летие создания Пермской епархии,
- 1904 – 200-летие перенесения мощей св. Симеона в Верхотурский монастырь,
- 1907 – 300-летие канонизации Великопермских епископов Герасима, Питирима и Ионы.

Несомненно, эти события вызвали резонанс в русской культуре, способствовали размышлению о месте пермской земли в религиозно-духовной истории России. Остаётся заметить, что образованный русский человек начала XX века, безусловно, ассоциировал с именами Стефана Пермского, Герасима, Питирима и Ионы сведения, которые были приведены выше. Так, со словом *пустыня* в памяти читающего невольно возникал образ пустынножительства.

Известно, что один смысл раскрывает свои глубины, встретившись с другим, чужим смыслом (по выражению М.М. Бахтина). Вступить в диалог с текстом Бунина и, следовательно, со всей полнотой раскрыть мысль о необратимости человеческого предопределения способен текст Б. Пастернака «Гамлет»:

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый

И играть согласен эту роль.

Но сейчас идет другая драма,

И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,

И неотвратим конец пути.

Я один, все тонет в фарисействе.

Жизнь прожить – не поле перейти.

Как ни странно, слово *один* является связующим во всех трех текстах одновременно: в Библии, в стихотворениях Пастернака и Бунина.

У Пастернака об этом сказано высоко:

Я один, всё тонет в фарисействе.

Жизнь прожить – не поле перейти.

У Бунина, во-первых, это задано в названии его стихотворения «Собака». Во-вторых, дуализмом, разрывом представлен уникам человека: одновременно понимая, что он «создан по образу и подобию Божьему», понимая, что назначение человека быть как Бог, *вмещать тоску всех стран и всех времен*, почти физически страдать от несовершенства человеческого мира.

Хочется добавить, что образ собаки в творчестве Бунина нередко символизирует одиночество:

Мне крикнуть хотелось вслед:

«Воротись, я сроднился с тобой!»

Но для женщины прошлого нет:

Разлюбила – и стал ей чужой.

Что ж! Камин затоплю, буду пить...

Хорошо бы *собаку* купить.

(Одиночество)

Так, слово *собака* в стихотворении Бунина является «чужим» (по выражению Бахтина, Лотмана). В данном контексте оно своеобразно воздействует на читателя, так как вся последующая организация текста является неожиданной, наделенной иным высоким смыслом.

В поэтических текстах прорыв в область бессознательного слышнее, меньше рационального, материального восприятия мира, присутствие духовного начала значительнее. Известно, что язык поэтического произведения много теряет в результате интерпретации в прозе, поэтому для расширения смысла при анализе текстов с библейскими мотивами необходимо «стихами говорить о том, для чего у нестихов нет средств выражения». Верность данного высказывания обусловлена древней традицией. Сама Библия написана стихами, которые имеют большую смысловую ёмкость. Известно, что многие из них явились основаниями для создания сюжетов в русской литературе.

Произведения, содержащие библейские мотивы, представляют собой тексты, в которых присутствует попытка разрешить вечные вопросы. Эта заданность предполагает некую сложность, глубину анализа, рассмотрения слова как концепта национальной культуры.

В.П. Тарсуков

**«О МУЗА, Я – ПИСЬМО ОТ БОГА»
(ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ЛИРИКИ
ЛЕОНИДА ГУБАНОВА: КНИГА СТИХОВ
«ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ»)**

Россия, г. Самара, ГОУ ВПО Самарский государственный областной университет Няяновой, tarsukov@mail.ru

Творчество Леонида Губанова в пространстве отечественной поэзии 1960-1970 годов уникально. В книге стихов «Волчьи ягоды» Губанов символически точно определяет свое присутствие в

мире: он – Поэт, обремененный священным долженствованием и обреченный «*жить впопыхах, как свеча в передней*» [1: 317]. Ведущим мотивом книги является мотив судьбы поэта. И авторские рефлексии, касающиеся темы поэта и назначения поэзии, включаются в тексты, где данная тема вовсе не обязательна. Мотив судьбы становится конструктивным элементом высказывания поэта, организующим смысловое пространство стихотворения, конкретного сборника или творчества в целом. Поэт, по версии Губанова, – это *эпицентр всего сущего, последняя надежда Бога на земле.*

Мы дети без сумы.

Мы – дети без надежд,
О, Господи, за зов
Калитки нам нарежь
И подари засов (с. 320).

Печальники, упрямыцы... чьи мы?
Кто нас хранить заставил свет?
Когда и вечность выше чином,
и звезды – выслугою лет.
От этой роли замираю,
суфлер убит, а плакать лень.
У свечки тихо занимаю
Шекспира сгорбленную тень (с. 312).

Трагический опыт русской поэзии XX века (конечно, речь идет о поэзии постреволюционного периода), когда все истинно великое было благополучно властью выкошено и раздавлено, уничтожено и предано забвению, толкал к историческому опыту, а Губанова выводил за рамки исторического факта и трансформировался в метафизическое содержание жизни поэта. Для власти Леонид Губанов совершенно невозможное, нездоровое, незапланированное явление, потому что политическая власть совершенно исключила из культуры все то, что связано с вдохновением, откровением, провиденциальностью творчества, стихией бессознательного, философскими озарениями

мирового искусства, религиозным видением и пониманием миссии художника. Торжествующая идеология за десятилетия «формовки советского читателя и писателя» (термин Е. Добренко) допускала смелость, гражданскую и поэтическую, только в «*шутовском колмаке*» (с. 315). Поэзия конца 50 – начала 60-х манифестировала свои гуманистические установки в пространстве дозволенной свободы: «мы не фишки, мы – великие» – это лишь поэтическая декларация проснувшихся на время современников, доверившихся обещаниям власти и уповающих на ее разумную волю. В этих условиях всеобщей надежды («оттепель», но, точнее, на наш взгляд, «глоток свободы») зазвучал трагический голос Поэта. Когда за спиной, в прошлом, бесконечная череда убиенных, лучших («*О, Русь, обклеенная узниками*», с. 337), то мысль, что «*мы – дети без надежды*», становится определяющей, единственно верной. Не случайно губановские колокола «гудят» смертью:

И гудят колокола – Кар... Кар,

И опричники поют – скор... скор (с. 354).

Более того, в ситуации всеобщей надежды и «кухонной» гласности Л. Губанов прозревал другое, обратное: человеческая надежда, связанная с социальными упованиями, на самом деле находилась вне Надежды, потому что человек обращен к социальному миру, а не к горнему (духовному).

Мир для Губанова изначально религиозно-метафизически соотнесен с надвременными координатами, он вне и поверх системы социальных и нравственных ценностей сего времени. Он, пророк, а не человечество, – испытание, жертва Бога. И это – трагическая истина для поэта, еще со времен Пушкина и Лермонтова. Не случайно в одном из стихотворений Господь плачет над своим ангелом (с. 472). Ныне и отныне поэт и есть те единственные скрижали, на которых Бог начертал слова истины («*О муза, я – письмо от Бога*»), но, как и всегда, от них все отвернулись, ибо

грустью, варварством идут крещеные
за сиренями сердца созерцать.

С мордой матовой, опухшей, ухают,
кроют матом богородиц кухонных
и с разбитыми очами-окнами
над святою рассветают водкою.

Темному до палача – шаг,
телкою мычит душа,
трижды битой тишиной,
ногами – молока ей!

Я, старуха с рваным ухом, надою,
я пощечин ранним утром надаю.

Бо-го-ро-ди-ца!

Пусть не родится (с. 301).

Обращение в 60-70-е годы XX века Л. Губанова к Богу не есть поэтический прием, а понимание своей «ведомости», как сказал бы В. Розанов. А это значит, что Губанов осознанно и изначально выбирает скорбный путь. Или – путь скорби («**Я бо-сиком пришел терпеть людских грехов людские гвозди**» – с. 472). Он включает в себя современность, реалии жизни, трагическое прошлое, но в нем обязательно присутствует «**взвывшая душа**», которую постоянно к «**небу прибивают**» (с.300).

А в это же время А. Вознесенский пишет поэму «Лонжюмо» (1962-1963). Его храм – Мавзолей, а в нем «на все вопросы отвечает Ленин». И лирический герой поэмы остается в плену идей, но не истин, мертворожденных или ложных политических мифологем, которые исключают всякую возможность «**сосредоточенного образа мира**» [3, 1: 148] и всегда рискуют быть исчерпанными в обозримом историческом будущем³. У

³ Не погружаясь в фундаментальные основы христианского сознания и его аксиологию, которым был явно привержен Л. Губанов, все же считаем целесообразным привести суждения великого русского богослова, ученого и философа свящ. Павла Флоренского, размышляющего по поводу понятия культуры и той системы ценностей, которая, безусловно, во многом определяет или влияет на светскую культуру и к которой со всей очевидностью причастен (или причащен, ибо поэзия – это «**промысел высокий и святой**», как еще юношей высказался А. Пушкин) в своем творчестве Л. Губанов: «...самое понятие культуры предполагает и ценность воплощаемую, а следовательно – и сущую в себе, неслянно с жизнью, и воплощаемость ее

Губанова, как мы уже говорили, другой масштаб видения мира, другая скрепленность с ним, другие спутники, «ведущие».

М. Лермонтов становится одним из принципиальных и смыслообразующих знаков-символов его лирики. Незадолго до смерти он напишет: «*Я зачитал тебя до дыр*» (с. 550). *Верховность* фигуры Лермонтова над всеми другими русскими поэтами для Губанова в теургических откровениях далекого предшественника, его безусловной близости к Богу, в богосыновности, как бы сказал Д. Мережковский (см. его работу «Лермонтов – Поэт сверхчеловечества»), а не в гражданской публицистичности, как когда-то утверждал Б. Эйхенбаум. «Странная любовь» поэта к России не в гражданской оппозиции, несмотря на многочисленные поэтические свидетельства самого Лермонтова, а в метафизической сущности и притягательности страны, в которой пришлось не только родиться, но скорее самим рождением причаститься к высшему смыслу человеческого существования. Для Губанова Лермонтов – это «счастливый первенец творенья» [2, II:504] в силу его трагической открытости и гениальной наивности и «*интуиции совести*» (термин А. Ухтомского). Поэт, как отрок, становится последней надеждой для культуры на возрождение человечности в двух ипостасях: бунтарской, но христиански ориентированной.

Сквозной мотив творчества и художественного мира рассматриваемого сборника в частности – трагический *мотив крови* как знака эпохи, знака жизни, в потоке которой оказался с момента рождения лирический герой книги «Волчьи ягоды»:

И род людской, себя продавший трижды,
освобожденный только в облаках,
благословит виновника сей тризны
И *собственную кровь* нальет в бокал (с. 287).

в жизни, так сказать, пластичность жизни, тоже ценной в своем ожидании ценности... И *если нет абсолютной ценности, то нечего воплощать*, и, следовательно, невозможно само понятие культуры; если жизнь, как среда, насквозь чужда божественности, то она не способна принять в себя, воплотить в себе творческую форму. и, следовательно, – снова останется сама по себе, вне культуры» [4, II: 357].

Жизнь – это *красная прорубь* (с. 288), *хроника крови* (с. 315).

Богу по душе с каким-нибудь малым
по голубым распятиям моих вен,
где, словно Пушкин, *кровь ругается матом*
сквозь белое мясо всех моих белых поэм (с. 289).

Все нами пройдено и понято,
мораль сей басни такова –
пока тебя ласкает родина,
ты можешь петь и токовать.
Но лишь придет пора охоты,
лети и крыльев не жалея –
плюс кровь объявлена погода,
в капканах плачет соловей (с. 313-314).

Для Губанова религиозно-метафизической точкой отсчета первой крови является кровь распятого Христа, а национально-историческим откровением становится первый *кровавый след*, запечатленный на трагически белом снегу близ Черной речки – пушкинский след. Он перестает быть просто фактом жизни Пушкина, он становится знаком судьбы каждого великого художника. «*Дуэль с родиной*», «*хроника крови*» продолжалась в России в течение двух столетий, происходило ее закрепление всякий раз, когда поэт начинал воспринимать себя, как мы уже говорили, скрижалями Бога и оказывался обреченным на трагическое одиночество, на смертную тропу, дорогу в вечность, на «точку пули в конце пути» (В. Маяковский), на предсмертный крик: «Попробуйте меня от века оторвать, ручаюсь вам себе свернете шею» (О. Мандельштам). Трагический сюжет жизни поэтов (от Пушкина, Лермонтова до Гумилева, Есенина, Маяковского, Мандельштама, Пастернака) неизбежно выводил Губанова за пределы во многом публицистического сознания современников и заставлял чувствовать себя кровавыми «переводными картинками» (с. 315) истории и ожидать прихода своего «часа» («*Наш час приходил*

в шутовском колтаке» с. 315). Именно он оказывался моментом истины для лирического героя Л. Губанова. Не случайно в финале стихотворения «Из переводных картинок» поэт вопрошает:

Столбы да гробы –
Судьбы ли грибы?

Бесстрашие, с которым лирический герой вопрошает свою судьбу, есть некий знак его онтологического восприятия мира, где *здесь-бытие* его сознания соизмеряет свои социальные возможности для духовной реформации соплеменников. И не только. Ведь «*род людской, себя продавший трижды*», не захочет прогуляться «*по голубым распятиям... вен*» поэта. Это лишь под силу самому Богу! И в этом мире абсолютной безысходности, где кухонная расхристанность (растерзанность) души сродни сталинскому палачеству, в мире без надежды возникает чудо и таинство, остается надежда за пределами Надежды – сооткрытость Бога и Поэта. Люди оставили Бога, но Он не оставил человека с открытой душой.

Оппозиция: «*род людской*» и лирический герой, воспринимающий себя как «*голубое распятие вен*», – естественно, закономерно разрешается только кровью, трагедией поэта. В стихотворении «Петербург» Губанов, явно споря с И. Бродским, утверждал, что «*поэзия – всегда Морозова до плахи и монастыря*» (с. 319). Может быть, не случайно однажды поэт в отчаянии воскликнет: «*а может, человечество переплыть вброд?*» Но роль «хранителя света», исходящего от Бога, обязывает, если не приковывает.

Библиографический список

1. Губанов Л. «Я сослан к Музе на галеры...». М., 2003. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.
2. Лермонтов М. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1979.
3. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990.
4. Флоренский П. Сочинения: В 4 т. М., 1996.

УЧЕНИЕ О ГРЕХЕ (АМАРТОЛОГИЯ) Н.В. ГОГОЛЯ ПО ПОВЕСТИ «ПОРТРЕТ»

*Россия, Самарская область, г. Тольятти,
Православная классическая гимназия*

В своей книге о религиозно – философских мотивах русской литературы «Арфа Давида» В.Н.Ильин заметил: «Гоголю пришлось вкусить ужасы Гефсиманской ночи в такой мере, в какой вряд ли кто на земле когда-либо вкушал – если не считать самого Христа, что, конечно, не полежит ни сравнению, ни учету. В этом смысле Гоголя придется назвать не только самым загадочным из всех гениев, когда-либо явившихся на земле, но и самым несчастным».

Писатель очень страдал от того, что не может видеть прекрасное, а созерцает лишь уродливые рожи и «хари». В этом удивительном раздирании между красотой и безобразием Гоголя можно сравнить только с мастером живописи – Франсиско Гойя. Они оба не писали карикатур, шаржей, а были зачарованны подлинником с маской на лице, за которой прятались люди, живущие в уродливом, злом, разлагающемся, распадающемся грешном и припустившем к себе Сатану мире.

Гоголь и Гойя хотели показать своим творчеством, противопоставляя цитате Ф.М. Достоевского: «Красота спасет мир», свою: «Уродство его губит». В своем творчестве эти два великих человека показывали что же бывает с человеком после его отпадения от Бога. У Гойя в амартологическом музее «масок-харь» существует много демонизированных образов. Гоголь создал очень яркий образ богомерзкой, бесовской старости... «...нынешний пламенный юноша отскочил бы в ужасе, если бы ему показали его портрет в старости». Гоголь и Гойя особенно акцентировали свое внимание на старости, так как старость есть итог жизни и ее

амартологический результат. То есть старость – это не только сумма грехов и непотребств человека за всю жизнь, но так же то, что старость есть воплощение первородного греха. Это и была основная мысль творчества Гоголя.

Наиболее ярко, видимые разрушительные силы греха отражены в повести «Портрет». В «Портрете» выделяется две темы: служение искусству и разрушение грехом человеческой души. Гоголь смотрел на искусство, как на своего рода священнослужение Богу. И даже писал Аксакову: «...труд мой велик, мой подвиг спасителен, я умер теперь для всего мелочного». В своих письмах Гоголь часто называет искусство «святыней». Писателю казалось, что он не должен был связываться никакими узами на земле, кроме служения искусству.

Повесть «Портрет» является центральной для аристократического творчества Гоголя. В первой части писатель излагает трагедию гениального художника Черткова, который невольно связался с нечистой силой, даровавшей золото из-за которого герой не только теряет свой гениальный дар, превращаясь в жалкую бездарность с набитыми карманами золотом, но и погибает довольно-таки страшным образом. Гоголь сопоставляет косвенно Черткова с образом падшего Денницы. Так же писатель начинает свой рассказ с обыкновенной пошловатой истории, которая позже развивается в невыносимо страшный, метапсихический мир потусторонних видений и ужасов, используя один из любимых приемов немецкого писателя Гофмана.

Во второй части мы узнаем, что ростовщик-дьявол, чувствуя приближение конца, хочет остаться в мире, чтобы совершать свои злодеяния через реалистически написанный свой портрет. Художник, нанятый ростовщиком, очень увлекся написанием портрета, писал он его с легкостью и живостью, но позже у него появляется чувство тошнотворного отвращения, тоска, смертная скука и в конце концов зависть

и злорада. Ему удалось изобразить глаза ростовщика живыми, в следствие чего, после смерти часть его души переселяется в портрет. Он принимает первый удар от этого портрета, став завистливым, строящим пакости своему любимому ученику, принимая участие в конкурсе и чуть ли не одерживая победу, но лишь благодаря указанием случайно подвернувшейся «духовной особы», вдруг все замечают, что все лики на иконе художника имеют глаза того самого ростовщика. «В картине художника точно есть много таланта, но нет святости в лицах, есть даже, напротив того, что-то демонское в глазах, как будто бы рукою художника водило нечистое чувство». Этот позор чуть не погубил художника, но он послужил толчком для очищения, спасительным толчком. Художник ушел в монастырь и благодаря подвижничеству к нему вернулся дар гения.

Однако портрет остался путешествовать по миру, ходить по рукам, сеять везде грех, искушая людей, и совершенно случайно, за ничтожную плату он попадает к главному герою повести – Черткову, необычайно одаренному художнику. И тут то он превращается, мучимый всяческими ведениями от портрета, из бедного и трудолюбивого ученика в модного художника, пишущего пошлые и буржуазные портреты. Особое внимание Гоголь уделяет описанию заказчиков Черткова, используя при этом иронию и сарказм, изображая их по-гойевски. Особенно досталось дамам: «...садясь писаться, они принимали иногда такие выражения, которые приводили в изумление художника...и, несмотря на все это, требовали от него сходства и непринужденной естественности». От художника требовали быстрого написания картины, что поначалу очень напрягало его, но он быстро «набил» руку и стал рисовать вместо гениальных произведений шаблоны. А писавшиеся, само собою разумеется, были в восторге и провозглашали его гением».

В один прекрасный день Чертков все-таки осознает, что он уже не гений, что он погиб и назад дороги нет. С мучительной последовательностью Гоголь рисует этот ужас (смерть

художника), который показывает, что сделалось с душой человека, которая по началу своему гениальна, как образ Божий. Гоголь здесь показывает, что не болезнь тела и души приводит к духовной катастрофе, но наоборот «духовное падение» привело к душевной и телесной болезни.

Чертков, из порывов корысти и свободолюбия, поспешил приобрести поверхностную технику, над которой смеялся в молодости. Характерная черта опошлившегося и потерявшего дар Черткова – издевательство, над классиками. Но рано или поздно наступает время «частного суда» и мытарств, что и коснулось художника. Здесь можно увидеть бесповоротный ход событий – падение Черткова в адскую бездну.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОРЖЕСТВА НА САМАРСКОЙ ЗЕМЛЕ.....	3
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО	
Артяков Владимир Владимирович Губернатор Самарской области	6
Сычев Сергей Александрович Главный Федеральный инспектор по Самарской области	7
Митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей.....	10
Архиепископ Самарский и Сызранский Сергей.....	11
Овчинников Дмитрий Евгеньевич Министр образования и науки Самарской области	15
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	
Протоиерей Димитрий Лескин Наследие Н.В. Гоголя в сокровищнице мировой культуры.....	17
Архимандрит Платон (Игумнов) Язык морали и этики	30
Протоиерей Артемий Владимиров Как обрести слово живое и ясное, простое и прекрасное (О творческом владении русским литературным языком).....	41
А.Б. Карпенко Церковнославянский язык как онтологическое основание русского литературного языка.....	45
Ирзабеков Василий (Фазиль) Русский язык о семье как Малой Церкви.....	52
И.П. Цыбулько Новые подходы к оценке учебных достижений школьников по русскому языку	59

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

ПРАВОСЛАВНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В.И. Супрун

Слияние церковнославянского и русского языков в языковом сознании православного человека69

Э.Н. Акимова

Проблема типологии древнерусских жанров.....71

О.Г. Каменская, Э.К. Мустафина

Языковая картина мира как результат духовной активности народа (на материале древнерусских памятников деловой письменности) .79

И.В. Бугаева

Стилистическая синонимия как способ катехизации в религиозном дискурсе85

Н.Е. Воскресенская

Способы передачи чужой речи как показатель цельности славянского текста Евангелия91

Л.Б. Карпенко, К.П. Малуха

Концепт «дар» в Ветхозаветных и Новозаветных текстах Библии95

О.И. Ануфриева

Образ пути как одна из форм выражения концепта «Праведность» в Библии 100

Л.Б. Карпенко, Н.С. Григорьева

Влияние старославянского языка на развитие религиозной лексики с корнем *-вер-* в истории русского языка..... 105

Н.А. Стародубцева

Языковые средства выражения *смирномудрия* в Старорусских Житиях* 110

Д.Ю. Гатин	
Церковнославянский язык как источник духовной энергии и чистоты современного русского языка.....	115
Е.П. Аринина	
Своеобразие структурных типов русских экклезионимов в сравнении со структурными типами иноязычных экклезионимов	123
Л.И. Шевченко	
Потенциал русского языка и некоторые проблемы перевода художественных текстов	129
В.П. Киржаева	
Реформа орфографии 1917-1918 годов в восприятии русского зарубежья	137
Ю.В. Сложеникина	
«Речь о чистоте российского языка» В.К. Третьяковского: Imitatio Apostoli.....	147
А.С. Лукащук	
Языковые средства выражения религиозного самосознания в проповедях Феофана Прокоповича*	156
Иеромонах Антоний (Подоровский)	
Апология человека как прецедент в православной духовной среде (на материале творчества Святителя Нектария Эгинского и Н.В. Гоголя)	162
Н.А. Тупикова, И.В. Рогожкина	
Отражение в речевом дипломатическом этикете языковой картины мира (на материале статейных списков русских послов и современной мемуарной литературы)*	173
А.В. Растягаев	
Поэтика чудес.....	180
Г.П. Захарова	
Отражение сознания и культуры русского народа в речевом акте психологической поддержки.....	188

О.А. Мирошниченко

«Полный церковно-славянский словарь» как отражение изменений в языковой картине мира (на примере слова «дом») 193

В.И. Супрун

Русско-чешские соответствия в диалектной лексике: русское *сану-ха* и чешское *sorouch*..... 201

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

И.П. Цыбулько, В.В. Маслов

Повышение профессиональной компетентности экспертов по русскому языку в области проверки заданий с развернутым ответом ЕГЭ как основа объективной оценки умений выпускников 203

Е.П. Пронина, Д.И. Шарипова

Работа со словарем фразеологических синонимов русского языка как прием формирования ценностного отношения учащихся к родному языку 208

М.В. Захарова

Языковая игра как элемент коммуникативной состоятельности носителей русского языка..... 213

А.В. Синицкая

Категория жанра в школьно-методической практике (Чехов и Кржижановский) 220

Р.Н. Горячева

Возможности урока литературыв формировании позитивных жизненных установок школьника 231

Н.В. Мартянова

Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках русского языка и литературы 236

Т.А. Каясова

Значение интегрированных уроков по русскому языку и литературному чтению в начальной школе 240

И.А. Горшенёва	
Стимулирование речетворческой деятельности школьников	246
Г.И. Соколова	
О технологических подходах, обеспечивающих активное учение	249
Е.А. Решетникова	
Коммуникативный аспект в изучении русского языка из опыта работы над текстом стихотворения М.Ю. Лермонтова «Родина» на уроках русской словесности	253
М.С. Костылева	
Формирование у школьников бережного отношения к слову	260
Л.А. Курганова	
Орфоэпическая работа в начальной школе	263
О.И. Князева	
Развитие речевой памяти и ее влияние на совершенствование речи младшего школьника	266
И.Б. Ирлицына	
Детская речь: сложноподчиненные предложения с придаточными разных типов	269
Е.А. Соколова	
Анализ ценностного отношения к письменной речи у младших школьников, имеющих трудности усвоения навыков чтения и письма, и их социального окружения	274
М.Е. Старостина	
Использование краеведческих материалов при изучении фольклорной сказки в 5 классе	280
Н.В. Гильман	
Особенности использования мультимедийных средств на уроках русского языка	284
Р.Х. Махмадназаров	
Преподавание имен собственных в курсе «Современный русский литературный язык»	287

Л.М. Зубкова	
Изучение профессионально значимых речевых этикетных формул на занятиях по курсу «Культура речи» в педагогическом ВУЗе.	292
Г.Н. Тулузакова	
Об организации стилистической работы в подготовке будущего учителя-филолога.....	296
НАЦИОНАЛЬНОЕ И МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА	
Т.С. Карпачева	
Свт. Тихон Задонский и его духовное влияние на творчество Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского.....	304
О.Н. Бурдонова	
Личность и творчество Н.В. Гоголя в интерпретации В.В. Набокова.....	311
Солоницын А.А.	
«Глаголом жги сердца людей» о некоторых особенностях художественного творчества Н.В. Гоголя.....	319
В.Н. Крылов	
Юбилей Н.В. Гоголя 1909 Г. в риторических жанрах (академические и духовные речи).....	331
И.Д. Таумов	
Комедия Гоголя как жанр.....	338
Н.П. Маштакова	
Объединяющее слово Н.В. Гоголя.....	347
Н.В. Тарасова	
«Житие Никона, Святейшего Патриарха Московского» и стиль «плетение словес».....	353
Н.И. Михайлова	
Творчество А.С. Пушкина и церковное красноречие его времени .	359
Г.Ю. Карпенко	
Мотив преображения в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» .	370

Л.А. Артамонова Ф.М. Достоевский о русском религиозном типе в «Дневнике писателя» (1873, 1876, 1877)	378
Г.О. Портнов Языковое поле «замкнутого пространства» и его интерпретация в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»	386
Е.Е. Бирюкова Дар материнства в нравственной системе романа И.А. Гончарова «Обломов»	393
Т.М. Сливкина «Благородные страсти» в стилистическом поле очерков А.Ф. Писемского «Русские лгуны»	400
Н.М. Анищенко Мировое значение поэзии серебряного века	409
Н.Н. Кислова Художественное своеобразие исторической прозы 1920-х годов (на примере романа Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара») ...	414
Л.Н. Парашак, Р.Г. Сафонова Русский язык – явление сакральное.....	422
О.С. Наумова Язык современной российской драмы.....	426
М.А. Перепелкин Апокалипсические мотивы в творчестве Т. Гуэрры и их место в апокалиптике Андрея Тарковского.....	433
О.А. Пороль Концептуальный анализ при рассмотрении текстов, содержащих библейские мотивы	440
В.П. Тарсуков «О муза, я – письмо от Бога» (истоки художественного мира лирики Леонида Губанова: книга стихов «Волчьи ягоды»).....	446
Горьева Д., Лескина Ю.Г. Учение о грехе (амартология) Н.В. Гоголя по повести «Портрет»	453

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ДУХОВНЫЙ
И КУЛЬТУРНЫЙ
СОБИРАТЕЛЬ НАЦИИ**

**Сборник трудов межрегиональной научно-практической
конференции, посвященной 200-летию
со дня рождения Н.В. Гоголя**

Том 1

Корректор – В. Г. Глебова
Ответственный за выпуск – В.А. Бархоткин
Компьютерная верстка, дизайн обложки – А. А. Касатикова

Подписано в печать 13.01.2010
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Garamond». Объем 29 печ.л.
Тираж 1000 экз. Заказ №. 266

ООО «Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-83,
e-mail: slovo@samaramail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82